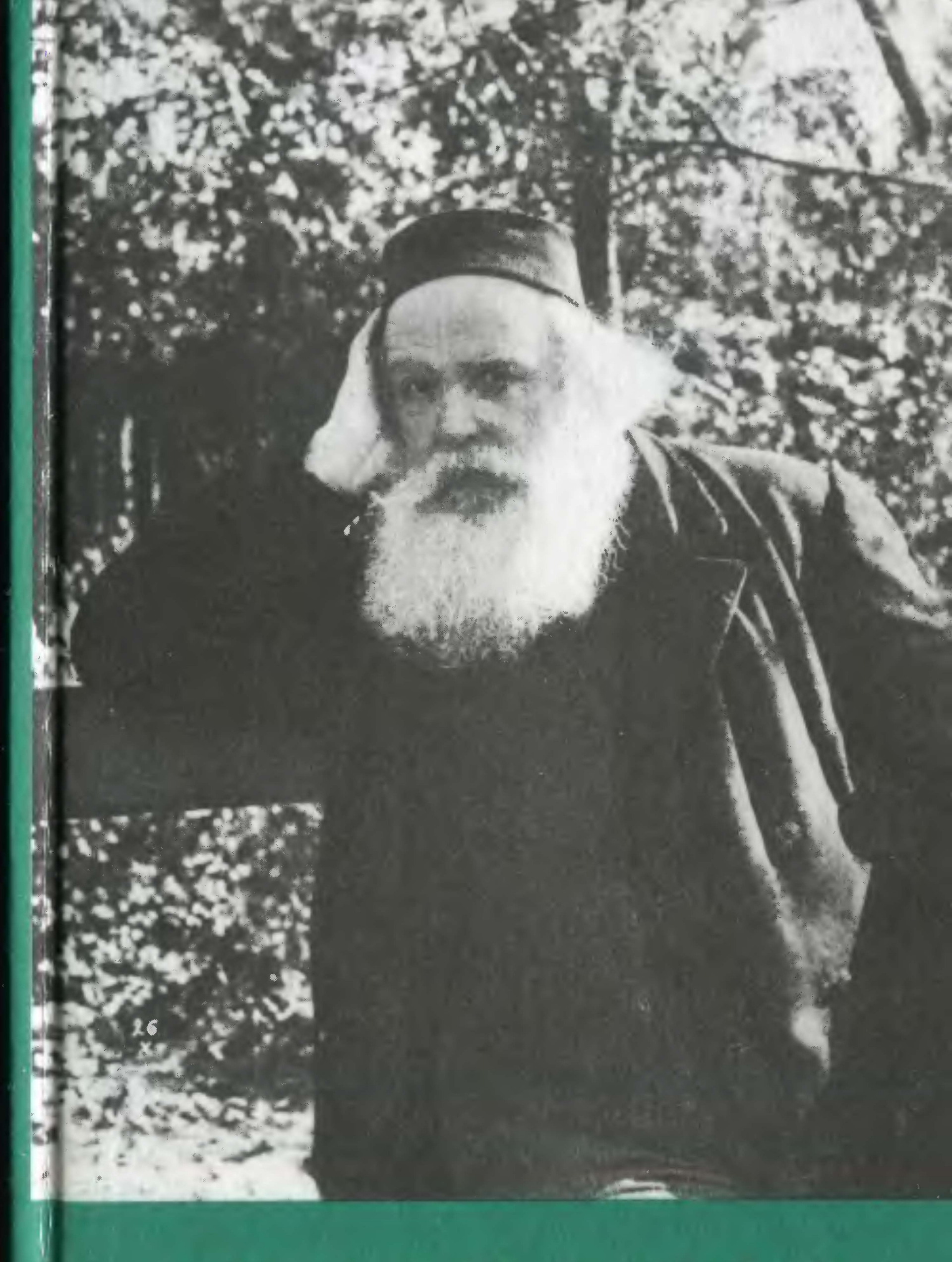


С. А. НИЛУС

Сергей Александрович НИЛУС

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ШЕСТИ ТОМАХ

Сергей Александрович НИЛУС

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ

Записки православного

Составление и общая редакция
А. Н. СТРИЖЕВА

Полное собрание сочинений выдающегося духовного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862–1929) в шести томах включает все его произведения, как выходившие отдельными изданиями, так и те, что рассыпаны в периодике. В приложениях к томам собраны материалы, дополняющие излагаемое автором, и наиболее важные толкования текстов. Заключительный шестой том будет содержать публикации биографического характера, раскрывающие уникальный жизненный путь С. А. Нилуса, а также характеристики людей из его окружения. Завершит том подробная библиография произведений писателя и литературы о нем. Все книги этого издания снабжены редкими снимками. Подобного собрания сочинений С. А. Нилуса еще не предпринималось, и наше начинание закладывает основание для всестороннего освоения наследия талантливого представителя отечественной духовной литературы.

ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ

Записки православного

Отцу
Иоанну Кронштадтскому
с чувством благоговейной признательности
посвящает автор

Отцу Иоанну Кронштадтскому
с чувством благоговейной признательности
посвящает автор

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

В наше время, ознаменовавшееся необыкновенными открытиями и изобретениями, — всеми так называемыми «чудесами» техники, которыми, как блестящими побрякушками, забавляется легкомысленное человечество, проигрывая в эту опасную игру, по выражению святителя Игнатия (Брянчанинова), Царство Небесное, особенно благовременно и полезно для всякого верующего православного противопоставлять всем этим «чудесам и знамениям ложным» — знамения и чудеса истинные, творимые Святым Духом при посредстве избранных Им сосудов благодати — святых угодников Божиих.

Вера в чудеса, искание чудесного, выходящего из рамок обыденной серенькой жизни, возвышающегося над сферой познаваемого пятью несовершенными нашими чувствами, присуще всему роду человеческому без различия степеней его духовного развития. Полудикий самоед ищет удовлетворения этой своей вере в

шаманстве, образованный теософ — в брамаизме или в иогизме, обезверенный интеллигент набрасывается на чудеса спиритизма, гипнотизма... Человеческий род с незапамятных времен «знамений и чудес ищет». Падшая природа человечества уже восьмую тысячу лет своего существования доискивается того, что утратила через свое падение, и... найти не может. Утраченное находит только истинная вера, и только ею и подаются знамения и чудеса истинные тем ищущим, которые умели при помощи Божией благодати сохранить в чистоте веру свою и которые к делу веры не примешали горделивых измышлений непостоянного и ограниченного разума человеческого.

Так было во все времена. Таково теперь особенное духовное состояние большей части человечества, когда для него настали времена тяжкие, предсказанные апостолом. Неверием, или — правильнее — отступлением от веры закрылись у людей их духовные очи, так что и «слухом слышат и оком видят и не разумеют».

Каждый человек, мало-мальски внимательно относящийся к своей духовной жизни, на всем протяжении своего земного странствования поставлен лицом к лицу перед незримым, но в той или другой мере предчувствуемым и действующим міром таинственного и чудесного. Строго говоря, вся жизнь человека, начиная с таинства зарождения души человеческой и кончая таинством смерти, есть одно сплошное, великое и, без помощи Божественного откровения, неизъяснимое чудо. В равной мере и все

моменты жизни человеческой поставлены в зависимость от того же чудесного и неизъяснимого. Или явно, или таинственно-прикровенно чудеса и знамения руководят всею нашею жизнью, не без участия, конечно, нашей воли, принимающей или отвергающей это незримое, но всегда внятное руководительство.

Вера это вмешательство в человеческую жизнь таинственной, могущественной силы называет Промышлением Божиим, неверие — слепым случаем.

Нетрудно судить, какое из этих двух объяснений наиболее соответствует человеческому достоинству. Но без чудес человеческое существование прямо немыслимо. С утратой веры в Бога от человека отступает благодать Божия, проявляющаяся в знамениях и чудесах, и неверующему человечеству, волей-неволей, приходится отвергнуть даже самое их существование, взамен измышляя или изобретая иные чудеса, перед которыми оно могло бы преклониться. И вот, оно, отнеся к области случайного истинные чудеса Божьего водительства, которого лишилось, преклонилось перед ложными чудесами своей техники, своей науки.

Блеск и пышность современных чудес и знамений для ума неглубокого затмевают духовную святость и неземную красоту чудес и знамений истинных. Все истинно великое совершается без шумного блеска и целью своею имеет одно только истинное благо. Свойство его — быть в момент его проявления отверженным міром, тем міром, который, отвергая, в то же самое время

насыщается бессознательно плодами этого отвергаемого великого.

Главнейшее благо человека на земле, и едва ли притом не единственное, — это вера в Господа нашего Иисуса Христа, в Троице славимого Бога. Без веры этой наша земная жизнь не жизнь, а бессмысленное прозябание. Этой-то вере, как высшему благу всех человеков, способствуют и всемерно служат все чудеса и знамения истинные, в чем бы они ни выражались: в исцелениях ли немощствующего тела, в ограждении ли от неизбежной опасности, в спасении ли от руки торжествующего врага или в обращении заблуждающегося грешника в лоно целительницы всех душевных недугов Матери Святой Православной Церкви — во всем главная и конечная цель — высшее благо: укрепление веры в Бога.

В этом главнейшее отличие истинных знамений и чудес от чудес и знамений ложных.

Издаваемая мною книжка составлена из описаний нескольких моментов моей и чужой жизни, имеющих признаки знамений и чудес истинных и определивших помимо, может быть, моей человеческой воли, но не без ее участия, весь строй моего существования. Этих моментов я не приписал случайности, не назвал их в душе своей «известным стечением обстоятельств», не прошел мимо них с горделивым пренебрежением, не давая себе труда вникнуть поглубже в их происхождение, и, как мог, но строго держась одной только истины, я и рассказал о них моему читателю. Не богу случая поклонился я, но Единому, открывшему Себя в Слове Своем.

Не встретит ли слово моего немудрого повествования родной ему души, стоящей, как и я стоял, на распутьи, и не остановит ли оно ее на полупоклоне этому случайному богу?!

Дай Бог!

Еще одно слово: помещенный в этой книжке рассказ идет об одном необыкновенном священнике нашей Орловской епархии, Георгие Алексеевиче Коссове. Простые люди из православного народа его давно уже знают и благоговеют перед его именем. Да простят мне его смирение и скромность, если рассказом моим о нем я некоторым образом служу прославлению его дорогого для меня имени в ином, более образованном, міре!

«Тайну Цареву добро хранити, дела же Божии открывати и проповедати славно».

Золоторево, 3 июня 1903 года

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Неожиданный для меня успех моих очерков, собранных в один сборник под заглавием «Великое в малом», исчерпал в течение одного года все издание и вселил в меня радостную уверенность в том, что вечные запросы духа не только не остались чужды нашему времени, но что, напротив, при явном усилении торжествующего мирового зла, возрастает и крепнет в силе и духе неизменное и вечное благо великих христианских упований... Приступая теперь ко второму изданию моей книги, я решил дополнить ее новыми очерками, разновременно появившимися за этот год в печати, а также и такими, которые впервые увидят свет только в этом издании.

К первым должны быть отнесены: «Служка Божией Матери и Серафимов», «Одна из тайн Божьяго домостроительства», «Что ждет Россию»; ко вторым: «Небесные обители» и «Антихрист как близкая политическая возможность».

Останавливаю внимание моего читателя на этом последнем: в нем он найдет разгадку великой мировой тайны, сокрытой до времен последнего ее исполнения. Тайна теперь исполнилась, ключ к ней найден: наступает близкое торжество всех оправданных христианских надежд, торжество всей христианской веры. Но близкое торжество веры приблизило и страшное время антихристова гонения на веру, и не без воли Божией дается в «Антихристе» моей книги предуказание на то, к чему должен готовиться христианский міръ, чтобы встретить во всеоружии своего смирения и терпения грозный искус соблазна, имеющего прельстить даже избранных.

«Претерпевый до конца, той спасется».

И если немощному слову дано будет коснуться сердца моего читателя, то, завершая мой малый труд, прошу его об одном — помянуть молитвенно имя его автора на истинную пользу его и своей душе перед Грозным и Нелицеприятным Судией, близ грядущим в міръ со славою и силою многою.

С.-Петербург, 1905 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Выпуская в свет, с Божьею помощью, уже 3-е издание книги моей «Великое в малом», встречаю надобность и по его поводу сказать несколько слов моему боголюбивому читателю.

Не себе, не своему дарованию приписываю я успех труда моего, в сравнительно короткое время исчерпавший два издания книги, а воле Господина моего, которому я служил и служу в мерах любви моей и разумения. Современной литературе я — совершенно чужой человек: ни знакомств в ее царстве, ни связей, ни общения в духе с кем бы то ни было из пишущей братии у меня не было, нет и теперь, — за немногими исключениями, как и я, в мирской литературе малоизвестными, — не будет, полагаю, и в будущем. Отсюда — полное отсутствие того, что на книжном рынке творит успех книге. А между тем книга моя, как малый родник, проточила толщу коры неизвестности и равнодушия и потекла тихо звенящим ручейком в необозримое и

бурно клокочущее житейское море, не теряясь, однако, в волнах его, а прокладывая на них небольшой, но все же заметный след, по вкусу и цвету струи своей отличный от вкуса и цвета накипи и пены взбаламученного моря человеческой жизни.

Великий молитвенник Русской земли, отец Иоанн Кронштадтский, которому посвящена была при жизни эта книга, которому ее я и теперь, как живому, посвящаю, сказал мне 14 июля 1906 года в Николо-Бабаевском монастыре:

— Пиши: я люблю все, что ты пишешь.

— Для кого же писать? — возразил было я. — Кому теперь читать такие писания?

— Бог благословит, — ответил отец Иоанн, — и читать и покупать будут.

Этим благословением великого Кронштадтского пастыря я и объясняю себе совершенно неожиданное для меня распространение моих очерков, собранных в книге, названной «Великое в малом».

Мал мой труд, но велико почило на нем благословение.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Велика и милость Божия.

В новом 3-м издании моей книги мне пришлось сделать некоторые существенные изменения и дополнения, которые коснулись очерков — 9-го, 10-го, 11-го и 12-го. В 9-й очерк, озаглавленный во 2-м издании «Одна из тайн Божьяго домостроительства», я включил новую свою статью — «Святая Русь. Искатель града

невидимого. Иеромонах Скита Оптиной Пустыни отец Даниил (Болотов)». Сделано это мною потому, что именно этого-то иеромонаха и касалась та тайна Божьяго домостроительства, которая под этим заглавием служила предметом 9-го очерка 2-го издания моей книги. Отец Даниил скончался 25 ноября 1907 года, и потому о нем теперь сказать можно более подробно, открыв читателю и его имя, чего при его жизни сделать было нельзя, по причинам читателю понятным.

10-го очерка — «Небесные обители» — изменения коснулись только в смысле некоторых сокращений, которые мне пришлось сделать при ближайшем моем знакомстве с людьми, выведенными в этой статье со слов третьего, хотя и достоверного, лица, а не по личным моим наблюдениям. Да не посетуют на меня за это изменение те, у кого на руках имеется моя книга 2-го издания, тем более, что и коснулось-то изменение это не главного, а третьестепенного, не упований веры нашей, а одного человека, неосторожно и без достаточной проверки призванного к участию в этом очерке.

Наибольшей же переработке подвергнуты мною очерки 11-й и 12-й — «Что ждет Россию» и «Антихрист как близкая политическая возможность». События современной мировой и русской жизни, а также общение мое с людьми, посвятившими всю жизнь свою, все делание свое на служение в духе и истине, в преподобии и правде деятельному христианству, открыли мне нечто новое, великое и страшное, что еще было

скрыто от меня в 1905 году, когда выходило в свет 2-е издание этой книги. Откровение это, выведенное из наблюдений над текущею духовной и политическою жизнию христианских народов и изучения тайн религиозных сект Востока, в частности же масонства, дало мне материал такой огромной важности, что я почел бы себя изменником и предателем Христа Бога моего, если не поделился бы материалом этим с читателем-боголюбцем.

Велика и страшна «глубина сатанинская», открываемая 11-м и 12-м очерками, соединенными в 3-м издании в один под общим заглавием — «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле!». Господу Сердцеведцу угодно было для издания этого очерка отдельной брошюрой послать на пути моем одного верного раба Своего, которым брошюра эта выпускается для бесплатного обращения среди православных в достаточном числе экземпляров.

В заключение вновь прошу всякого православного, кому придется по сердцу моя книга, поминать имя грешного ее составителя пока — о здравии и спасении, а по времени — и за упокой души его в Обителях Небесных Триипостасного Единого Бога за бесценные заслуги Единого Господа Иисуса Христа, Ему же честь и поклонение и слава во веки.

Сергей Нилус

29 января 1911 г.

1.

О ТОМ,
КАК ПРАВОСЛАВНЫЙ
БЫЛ ОБРАЩЕН
В ПРАВОСЛАВНУЮ
ВЕРУ

Иже бо аще постыдится Мене и Моих словес, сего Сын Человеческий постыдится, егда приидет во славе Своей и Отчей, и святых Ангел.

(Лк. 9, 26)

I.

Родился я в 1862 году, в семье, которая со стороны родных матери моей считала в своей среде немало людей передовых, в том духе, каким вообще отличались шестидесятые годы теперь уже прошлого столетия. Прирожденные дворяне-землевладельцы, и притом крупные, они, быть может, благодаря своей связи с землей и крестьянином, избегли крайнего проявления увлечений годов семидесятых, но общего, так сказать, платонически-революционного духа избежать не могли, — так велико было тогда обаяние идей охватившего всех эгалитаризма, свободы мысли, свободы слова, свободы... да, пожалуй, свободы и действий. Не было, кажется, в то время ни одного дворянского дома в обеих столицах, где бы на свой образец, по силе разумения и по последней прочитанной книжке сперва «Современника», а затем «Отечественных Записок» или «Вестника

Европы» не перекраивался государственный строй Российской Империи.

Тогда было время великого дворянского переселения из родовых гнезд в разные Большие и Малые Конюшенные, на Сивцев Вражек, к Николе на Песках и в иные тихие уголки Первопрестольной, куда устремлялись дворянские колонисты, разрывая свою вековечную связь с деревней. Москвичам-старожилам должны быть еще памятны эти теперь уже дряхлые дома-особняки, куда в те времена переселился доживать свой век старый деревенский помещичий быт. Мало их теперь сохранила Москва.

Одним из таких домов в Москве и был дом, в котором я начал себя помнить и привыкать к сознательной жизни.

Конечно, твердая пища разговоров политической окраски мало способствовала развитию во мне религиозных, как тогда говорили, мечтаний, и я рос в совершенном отчуждении от Церкви, соединяя ее в своем детском представлении только со старушкой-няней своею, которую я любил до самозабвения, да с величавым звоном московских «сорока сороков», когда, особенно с первой выставленной рамой, в мягком жизнерадостном весеннем воздухе он вливался широкой, могучей волной в освеженные после долгой зимы тесные городские комнаты и манил за собой на простор деревни, полей, шумливых ручейков среди зеленеющей травки — словом, на мiр Божий из каменных стен современной городской лжи и условности.

Отчего я так любил деревню, которую терпеть не могла моя мать, езжавшая туда, — и то, как она говорила, «с отвращением», — на два летних месяца; отчего я так любил свою немудрую старушку-няню, которая и живала-то при мне неподолгу, оставляемая обыкновенно в деревне на зиму для караула господских кладовых и деревенского дома? — Бог ведает; но любил я их обеих до слез; и любовь моя к ним была какая-то особенная, чисто русская: я почему-то их «жалел», именно — «жалел», — другого выражения нельзя подобрать тому больному и вместе до слез сладкому чувству, которое я к ним испытывал.

Когда, бывало, после десятимесячной разлуки, проводимой в Москве, я приезжал в родную деревню, первым моим движением, первым порывом было бежать к няне, обнять ее, выплакаться у нее на груди за всю горечь и обиды разлуки с нею и с милой моему сердцу деревней и вслед за тем мчаться в какой-нибудь уединенный уголок родимой нивы и там горячо, горько и вместе радостно плакать, припадая и целуя ее пахучую, ядреную землю.

Москве, с ее незнаемою в то время для меня, но инстинктивно воспринимаемою святыней, деревне, с ее безбрежным простором черноземных полей, в котором так ясно чувствуется бесконечность Самого Бога, с ее еще мало в то время тронутым «цивилизацией» мужиком, да няне-старушке, так горячо любимой, я и приписываю, что не утратил в детстве способности отдавать свою душу тому на-

строению, которое неразрывно соединяется с молитвой.

Тем не менее молитв я не знал, в церковь заходил случайно; Закону Божьему у учителей равнодушных, а то и прямо враждебно настроенных к Слову Божьему, я обучался как неизбежности неумолимой программы гимназии, и во весь гимназический курс изучал его скверно: ведь и предметом-то он был «не главным». Стыдно да и грешно теперь вспоминать, к каким уловкам и надувательствам прибегал я, чтобы обойти законоучителя! Правда, редко мне это удавалось, и, помнится, особенно в третьем классе, у строгого и многоопытного батюшки я почти и не выходил из единиц со многими минусами. Так в Богопознании шел я, православный по имени юноша, до университета, где уж, конечно, было не до такого «пустяка», как Православие.

У покойного профессора, отца Сергиевского, в университете я ни разу на лекциях не был и экзамен держал по сплошь надписанной программе. Да и лекций его в мое время не существовало: весь многочисленный 1-й курс довольствовался двумя десятками затрепанных, засаленных книжек «Курса Богословия», сдаваемых университетскими сторожами за полтинники в арендное содержание экзаменующимся многих поколений.

II.

До чего, до какой мерзости духовного запустения доходил я, предоставленный самому себе в жизни веры, представить себе может только

тот, кто жил в этом духовном смраде и кто потом, на пути своего падения, был удержан невидимой рукой Благостного Творца.

Помню, чуть ли не в VI классе гимназии, отбывая повинность (так большинство из нас смотрело) обязательного говенья на Страстной седмице, я к исповеди у «раннего батюшки» (москвичи должны знать этот термин) явился в полупьяном виде, до того «полупьяном», что перед исповедью, должно быть, по инстинкту чувствуя, что творю что-то неладное, собирался выкупаться в полой воде Москвы-реки, по которой еще плыли отдельные льдины вешнего половодья. И что это была за исповедь! Истинно долготерпелив и многомилостив Господь, благоволивший уже много лет спустя дать мне испытать сладость обращения.

Но под всей духовной мерзостью, накопившеюся годами свободы религиозного воспитания в жизни домашней, школьной и, наконец, общественной, — молчаливые, но любвеобильные уроки Москвы, деревни и няни, христианская, до известной степени приближения к истинному христианству, бесконечная доброта моей матери, непрестанно творившей благое ближнему со скромностью, свойственною только христианам, — все это не давало погаснуть в моей душе искре, правда, еле мерцавшей в душевной моей темноте, искре неясно сознаваемой любви к Богу и Его **Православию**.

Я намеренно подчеркиваю слово Православие, потому что в редкие минуты молитвенного подъема я только к нему одному и стремился

своею душой. Ни величественность католического богослужения с величавой мощью знаменитых органов, красотой голосов оперных певцов, со всею театральностью обстановки кардинальского служения, уже не говоря о жалких намеках на богослужение в церквах протестантских, — ничто не влекло к себе так моего молитвенного внимания, как дивная красота православного Богослужения.

И тянуло меня иногда в бедную сельскую церковь нашего черноземного захолустья, с ее немудрствующим лукаво, простым батюшкой-земледельцем, с таким же, если еще не более простым, дьячком-хозяином. Чудилось мне как-то невольно, именно против воли всегда склонного к гордости разума, что в их-то иной раз и «немощи» сила Божия совершается. Но редки бывали у меня эти смутно-радостные минуты, скорее, мгновения духовного покаянного общения падшего сына с вечно Сущим Отцем, пока не совершилось дивного...

III.

Когда я еще был в IV кл[ассе] московской 1-й прогимназии (теперь 7-я гимназия), перед наступлением выпускных экзаменов (тогда V класса при ней еще не было и мы считались выпускными, чем немало гордились), в тревоге за успех их окончания, я дал обет в присутствии товарища, с которым тогда был особенно дружен, пойти, как я выражался, к «Троице-Сергию» «перекреститься обеими руками и ногами». Конечно, условием для выполнения этого обе-

щания я ставил успех на экзаменах. Экзамены сошли чуть что не блистательно, прошли и другие, и третьи, и гимназия наконец была окончена, и университет был пройден, а об обете я не только ни разу не подумал, но, кажется, в глаза бы рассмеялся тому, кто бы мне о нем напомнил.

Так прошло времени немало. Как оно прошло или, лучше сказать, проведено было, — сказать страшно! Конечно, страшно христианину. Жилось, словом, весело. Не случись тут со мной истории, проведшей глубокую, на всю жизнь неизгладимую борозду в моей черствевшей душе и заставившей меня соблюсти в себе «человека», я бы, конечно, погиб безвозвратно.

По окончании курса в Московском университете я был заброшен, — добровольно, правда, но все-таки заброшен, — в качестве кандидата на судебные должности при прокуроре Эриванского окружного суда, в местечко Баш-Норашен Шаруро-Даралагезского уезда.

Эриванский суд командировал меня в это неудобопроизносимое место в помощь к двум местным помощникам мировых судей для самостоятельного производства следствий.

На мою долю было дано 150 дел, состоящих большею частью из одних обложек с заголовком: «дело о...» (конечно, разбои, грабежи, убийства). Все производство по этим делам было ограничено вшитой в обложку описью документов, а документы — одним номером дознания сельского старшины. Кто знает криминальную жизнь Закавказья, тому должно быть отлично извест-

но, что все наше уголовное судопроизводство по уставам Императора Александра II за редкими исключениями — одна сплошная насмешка над местным правосудием. Незнакомых с местными бытовыми особенностями наших инородцев, особенно армян, прошу верить мне на слово. На так называемых «следственных» делах, где свидетельским показаниям существует определенная такса в размере от одного «абаза» (двугривенный) и выше, не один русский следователь или сходил с ума, или спивался с кругу на дешевом армянском вине и на омерзительной их неочищенной виноградной водке.

Был я тогда очень молод, энергии — хоть отбавляй, и со всем избытком молодых сил, с идеями цивилизаторскими (святая простота), я ринулся в бой за честь и славу русского гуманного, как мне тогда воображалось, суда.

Доро́г в том краю, где мне пришлось действовать, даже в нашем «земском» смысле проездных, было так мало, что мне пришлось волей-неволей обратиться в лихого кавалериста, а где и просто пехотинца.

Раз как-то на какую-то спешную выемку или обыск мне пришлось мчаться чуть не марш-маршем.

Дорога, или подобие дороги, шла по каменистому берегу Арпачая, сплошь усеянному острыми камнями всевозможных форм и величин.

За мной скакал конвой: переводчик, два казака, два или три чапара-туземца (земская стража, кунаки — приятели всем разбойникам) и сельский старшина. Захотелось ли мне помоло-

дечествовать, или уж такая «вышла линия», только я приударил нагайкой своего Карабаха, гикнул и пригнувшись помчался с такой быстротой, что сразу на несколько десятков сажен бросил назади свою команду.

И тут случилось нечто невообразимое... Помню только, да и то смутно, что я куда-то взлетел вверх, помню не то лошадиные ноги над своей головой, не то что-то бесформенное, но ужасное; пыль... опять словно лечу куда-то в пропасть... Когда я опомнился, огляделся, — я ничего не мог сообразить.

Вижу, весь мой конвой вокруг меня спешился: армянин-переводчик стонет, точно раненый; лошадь, на которой я ехал, стоит около меня с изуродованным седлом, но стоит как вкопанная, никем не удерживаемая. Сельский старшина, татарин, сидит на корточках, бьет себя ладонями по коленкам и с ужасом, в такт, преглупо раскачивая головой в мохнатой папахе, что-то причитывает, должно быть жалостное. Глядя на него, я едва не расхохотался, — так мне показалась комична его фигура.

Тут только я понял, что на всем скаку я каким-то образом вылетел из седла и, конечно, со всего размаху ударился о дорожные камни. Ощупываю себя — ничего... Нигде не больно, только едва заметно ноет ладонь правой руки... Встал, прошелся — тоже ничего. Слава Богу, отделался даже без царапины.

Оказалось, что на всем бешеном скаку лошадь моя споткнулась и перевернулась, как заяц, через голову. То же сделал и я, пролетев через

голову под лошадь. Казаки уже потом мне говорили, что только чудо могло меня спасти: «по закону и от барина, и от лошади должно было только мокренько остаться». Как бы то ни было, но после всей этой головоломки у меня поныла два-три дня правая рука и тем бы все и ограничилось, если б... я тут же вскоре не вспомнил о невыполненном обете.

IV.

Почему я не вспомнил о необходимости быть более осторожным, почему мне пришел на память давно забытый ребяческий обет, — предоставляю догадываться людям, изучающим человеческую душу с точки зрения современной науки. Найдутся, конечно, охотники и скажут: сотрясение мозга от падения, — и человек из нормального стал ненормальным; но найдутся и такие, кому дано и кто задумается.

Опять прошли года, и опять как бы в доказательство моей «нормальности», нимало не изменившейся от падения, я по-прежнему все не исполнял обещанного угоднику Божию; но сердце уже не было по-прежнему покойно. Все чаще и чаще, словно огненными буквами, внезапно загорающимися на темноте моей души, стало вырисовываться страшное слово: **клятвопреступник**.

Со службы я уже давно ушел и засел хозяйничать в деревне.

На одной из страстных седмиц я, лет семь или более не говевший, не без чувства ложного стыда перед моей «интеллигентностью», боль-

ше, пожалуй, из снисхождения к «предрассудкам» меньшей братии — крестьян, избравших меня в церковные старосты нашей сельской церкви, поговел, что называется, через пень колоду, причастился не без некоторого, впрочем, странного в то время для меня, непонятного тайного трепета, в котором я долго, долго не хотел сам себе признаться, и после причастия почувствовал себя точно обновленным, каким-то более жизнерадостным: душа что-то испытала давно знакомое, родное; более того — что-то такое необъяснимо сладкое и вместе торжественное...

Мне кажется: так сокол, затомившийся в долговременной неволе, сперва лениво, нехотя расправляет свои отяжелевшие крылья. Один неуверенный взмах, другой, третий... и вдруг! дивная радость полузабытого, свободного полета и в глубь и в ширь лазурного поднебесья, в бесконечной волне эфирного моря!..

Тогда мне был дарован только первый, неуверенный взмах моих духовных крыльев. Но тайная, неведомая сила, раз данная крылу, уже не могла остаться инертной. Что-то зрело в моей душе: чаще стала посещать жажда молитвы, неясно сознаваемая, даже иной раз насильственно заглушаемая повседневными заботами, собственным недоверием к своему душевному настроению, отчасти даже какою-то глухой злобою, откуда-то, точно извне, прокрадывавшеюся в мою мятущуюся душу.

Но неисполненный обет все неотступнее восставал передо мной, скорбный, негодующий.

V.

И я его исполнил.

Никогда не забыть мне того священного трепета, той духовной жажды, с которою я подъезжал из Москвы с поездом Ярославской дороги к духовному оплоту Престола и родины. Вся многострадальная, смиренномудрая история Русской земли, казалось, невидимою рукой развертывала свои пожелтевшие, ветхие деньми страницы.

Благоговейно преклонял я свой слух к их тихому, но вещему шелесту, и что-то новое, неизведанное и вместе необыкновенно сладостное зарождалось, росло и охватывало с необычайною силой любви мою душу. Душа рождалась вновь. И что это было за благодатное рождение!

Сколько лет уже прошло с того времени! Но до сих пор я вижу и чувствую на себе силу влияния той таинственной Православной Руси, которая открылась мне во мгновение душевного моего возрождения, открылась и на всю жизнь запечатлела свой девственный образ в моем благодарном воспоминании. Да! видение отрока Варфоломея, давшее России Преподобного Сергия, сплотившее во имя Божие в дремучем лесу вокруг убогого храма, под державой великого князя — князей, бояр и смердов, создало и прославило, во славу Божию, великое Русское царство, обнявшее своей Москвой полміра. Тут весь «закон и пророки» земли Русской.

По святыням Лавры водил меня монашек из нестарых и из простеньких, — первый, встреченный мной у врат обители, благоговейный, ти-

хий и смиренный; он же привел меня и к раке, где покоятся нетленные мощи Преподобного Сергия. Молящихся было довольно много. Служил очередной иеромонах общий для всех молебен.

Я стал на колени и в первый раз в своей жизни отдался дивному чувству молитвы без мудрствования лукавого. Я просил Преподобного простить мою духовную слабость, мое неверие, мое отступничество. Невольные благодатные слезы закипели где-то глубоко в сердце: я почувствовал, как будто я ушел куда-то из себя. И вдруг, подняв голову и взглянув сквозь туман набежавших слез по направлению к раке Преподобного, я увидел на стене, за стеклом, охраняющим его схиму, под схимой лик старца с грозно устремленным на меня суровым, гневным взглядом. Не веря своим глазам, я отвел их в сторону, продолжая еще усерднее молиться, но точно какая-то незримая сила опять заставила меня взглянуть на то же место — и вновь, но уже яснее и как будто суровее, блеснули на меня суровые очи схимника.

Меня объял ужас, но я стоял перед этим строгим ликом, уже не отводя от него глаз и не переставая еще усиленнее молиться. Это уже не была молитва, как мы ее привыкли обыкновенно понимать, — в ней не было слов, не было даже самого представления о слове, — это был какой-то взлет необычайной продолжительности из самых тайников глубины душевной. Продлись он долее, разорвались бы союзы души и тела. И я видел, — я утверждаю, что не галлюцинировал, а видел, именно видел, — как посте-

пенно смягчался суровый взор, как благостнее становился лик дивного Старца, как все легче и отраднее делалось моей потрясенной душе и как постепенно под схимой туманилось, исчезало и наконец исчезло чудесное изображение...

Я далек от утверждения, что грешными своими глазами я удостоился в то время видеть святыню, видеть самого Божьего угодника, хотя самый факт видения был для меня слишком очевиден, чтобы его можно было принять за галлюцинацию. Призрак, вызванный экзальтированной фантазией, не мог бы принести тех плодов, которые впоследствии получила моя душа — я, как блудный сын, после того вернулся в лоно любящей Матери-Церкви. Духовное возрождение было прямым следствием испытанного и виденного у раки Преподобного Сергия.

Когда кончился молебен, все пошли прикладываться к мощам чудотворца; пошел и я, уже спокойный и радостный и как-то по-особенному легкий. Я никогда такой легкости не только душевной, но и физической до этих пор не испытывал. Точно тяжелый давнишний гнет, долго, долго давивший мне плечи, был снят с меня сильной и власть имеющей рукой. С особенным благоговением поцеловал я св. мощи, поцеловал стекло, оберегающее схиму... Мой монашек-проводник уже стоял около меня и приглашал идти в ризницу — величайшую достопримечательность Лавры.

Был я и в ризнице, пил воду из св. колодезя, видел охраняемое мрачными вековыми сводами под церковью место, где, по преданию, явля-

лась св. Сергию Сама Владычица Небесная; но ходил я по всем этим священным и дорогим русскому сердцу местам точно в каком-то тумане, весь исполненный великим таинством испытанного.

Смутно помню, как при прощальном выходе из Лавры у святых ее ворот купил я кипарисовый складень и житие Преподобного, как простился с милым моим проводником... Даю ему на прощанье не то три рубля, не то пять. Не взял: «Помилуйте, за что же-с?» Так и не взял, как я ни настаивал. Простая, милая душа!

Эти несколько часов, проведенных под кровом св. обители, этот исполненный наконец обет дней зеленой юности, это дивное молитвенное настроение, свыше ниспосланное, по молитве, верую, Преподобного, — все это совершило во мне такой перелом в моей духовной жизни, что уже сам по себе, перелом этот не что иное, как чудо, въяве надо мной совершившееся.

Я уверовал.

VI.

Да, я уверовал, и, видит Бог, чувство, с которым я возвращался из Троице-Сергиевской Лавры, было исполнено такой неземной теплоты, такого полного душевного смирения, такой любви к постигнутому Богу, такой покорности Его святой воле, так я познавал в те минуты Христа, моего Искупителя, что дивное это настроение не могло быть ничем другим, — это была вера глубокая, бесповоротная, в которой Творец и тварь невидимо соединяются во еди-

ное, в которой благоговейная благодарность твари возносит ее до Самого Сотворившего.

Казалось, моя земная душа стала небожительницей. Сладость неизъяснимая! Я жаждал подвига. Я сам был весь один порыв и подвиг!

Но Господь судил другое. И, Боже мой! как было жалко и как недостойно было это другое! И как быстро оно совершилось! Как оно, это другое, чуждо и прямо враждебно было уносимому из Лавры великому чувству!

До неба вознесшийся, я прямо был низринут в преисподнюю.

Как это случилось? Ответ на это может быть дан только один: я был отдан в руки лукавого. Бес овладел моей душой по Божьему попущению.

«Но кто может такие слова слушать?!»... Когда такие речи произносят убежденные уста монаха-подвижника, воочию испытавшего на себе действие человеконенавистнической силы исконного врага человеческого рода, и то тогда нет, кажется, достаточной злобы и насмешки, на которую только не было бы способно «интеллигентное» слово современных «христиан» и которая не была бы излита на голову исповедника.

Тем не менее я спокойно, сознательно готов вынести на себе всю тяжесть мнимого позора, довлеющего мне, бывшему студенту Московского университета, за непоколебимое исповедание, здесь произносимое. Отрицать сатану — значит отвергнуть все Слово Божие, значит отвергнуть Самого Христа Спасителя, бесов изгонявшего и давшего власть их изгнания Своим верным.

Мощен враг, неизведанная сила которого пренебрежительно отвергается; но тот враг, действительное существование которого «убежденно» не признается, тот враг поистине всесилен. Все великие люди, истинные подвижники Божии, честность и искренность которых даже и противниками их не подвергается сомнению, все они говорят о нем, все боролись с ним и все его одолевали с помощью благодати Божией как врага не только мысленного, но и очевидного их просветленному зрению.

Неужели же в самом деле обыкновенные люди эти, достигшие недоступной обыкновенным смертным и никем не отвергаемой высоты духовной, люди, на св. Евангелии создавшие величайшее дело утверждения на земле Христовой Церкви, исповедуемой теперь чуть не всеми языками земными, неужели эти Отцы Церкви, существующей почти две тысячи лет, были галлюцинаторами, сумасшедшими?! Их многовековое, до конца міра незыблемое дело говорит за них.

Таковы ли дела и теории современных отрицателей, даже таких из них, которых суемудрое человечество признало гениальными?..

И с какой ужасной силой отозвалось в моей душе это нападение вражье!

VII.

Из Лавры мне надо было ехать в Петербург. Приехал я туда полный той же дивной настроенности. Пока все финансовые операции, загнавшие меня в этот город всевозможных провинци-

альных терзаний, проходили по финансовым мытарствам, досугу для фланирования у меня оставалось более чем достаточно. Не прошло нескольких дней, как я уже был в руках лукавого.

В городе малознакомом нашлась малознакомая, но интимная компания людей не менее моего в то время досужих... И что тут произошло!.. За всю мою жизнь я не видал и не предавался такому мрачному разгулу. Именно мрачному, потому что даже в самый разгар неудержимых оргий, в редкие минуты, когда оставался наедине сам с собой, я буквально купался в собственных слезах.

Я видел бездну, раскрытую под моими ногами, видел зловещий мрак ее бездонной пасти и ни секунды не терял сознания, что, подчиняясь какой-то грозной, зловещей силе, я неудержимым полетом лечу стремглав вниз головой туда, откуда не бывает возврата.

Такого ужаса нравственной смерти, охватившей мою душу, я не испытывал никогда во всю мою жизнь. Часто доводилось мне в былое время увеселять себя с присными, и был я моложе, и меньше жизнь меня учила, но, повторяю, того, что я тут испытал, я не испытывал ни прежде и, Бог поможет, не испытаю и после.

Бог был забыт; более того — я чувствовал, как во мне против моей воли зарождалось и росло с неудержимой силой святотатственное желание уничтожить в своей душе всякий, даже самый затаенный, уголок, где бы еще могло сохраниться Его святое изображение. Меня душила непонятная злоба. Но — странно! — к ней

примешивалась такая невыносимая горечь, такая мука сердечной утраты, что бедное мое сердце, казалось, разрывалось на части. Что же это было за сверхчеловеческое страдание!

Одну минуту я хотел было броситься под поезд.

К счастью, искушение продолжалось недолго. Не прошло недели, я вновь получил дар молитвы, с ним вернулось ко мне, хотя далеко не в прежней, испытанной в Лавре глубине, чувство веры и христианского счастья общения с Господом. Надо было много еще пережить, много перечувствовать, надо было вынести еще не одну житейскую и духовную борьбу, чтобы получить вожделенное.

Теперь, сравнительно спокойно вспоминая пережитое, вспоминая страшное искушение, посланное моим слабым духовным силам, я не могу до сих пор без трепета и смущения, без чувства робости восстановить в своей памяти все обстоятельства того невероятного по внезапной силе превращения визионера лаврского в того одержимого, каким я стал тогда буквально во мгновение ока.

Психология сумасшедшего — скажут, и кстати, найдут тому неоспоримое доказательство в исповедуемых мною верованиях. О мір духовный человека! Кто тебя постигнет, кроме верующего в откровение? Современные Гамлеты и «друзья Горацио» недаром наполняют и переполняют без надежды на исцеление психиатрические больницы, растущие как грибы. Ни им, ни их мудрецам не снятся причины, отчего это

происходит на свете. Болезнь века, нашего нервного века! Откуда она? Неужели от того счастья, которое дает хваленая цивилизация и которым она предательски заманивает жаждущее призрачного счастья легковерное человечество?!

Случайность, известное стечение обстоятельств, психическая реакция, нервы, дряблость разнузданного барича, атавизм и много другого, одинаково мало объясняющего, приведут мудрецы века сего в объяснение психологии данного момента. Но они даже и не дадут себе труда объяснять его: им дорога не истина, а усвоенная ими их псевдонаучная точка зрения. Отказаться от нее — значит признать свою несостоятельность, — а у кого из них на это хватит мужества? В жизни аристократизма мысли, в которой они узурпировали себе первое место, им дела нет до погибающего в созданных ими заблуждениях человечества, — сохранено было бы за ними их первенство, их руководящее влияние над легкомысленной толпой. Внезапную болезнь здорового организма они умеют объяснять заразным началом, находящимся вне организма и извне в него проникающим, но микроба духовной заразы, — открытого давно и известного врачам духовным, великим молитвенникам Церкви, единственным духовным врачевателям мятущейся человеческой души, — не дано открыть вновь современным лжецелителям: закрыты отступничеством и неверием их духовные очи — и «видя не видят, и слыша не разумеют».

Как бы то ни было, налетевшая на меня гроза, прогремев над моей головой, и умчалась

так же внезапно, как и появилась. Небо моей духовной жизни прояснилось, но солнце, так было ярко засиявшее, хотя и стало вновь светить мне, но уже без прежней яркости, — как бы сквозь тонкие, прозрачные облака, отставшие от промчавшейся грозовой тучи.

Душевное мое состояние было как точно после тяжкой смертельной болезни: болезнь прошла, осталась слабость, гнетущая, удручающая. Я не был уже прежним человеком, но и новым не сделался. Мір и его утехи потеряли для меня значение, — я как-то отстал от людей, но пустота, оставленная ими в моей душе, не находила себе восполнения.

Посещало меня изредка и молитвенное настроение: больше, чем прежде, стал любить я чтение Св. Писания, чаще и глубже останавливал я на нем свое внимательное размышление, но сказать себе с полной искренностью, что сердце мое нашло себе удовлетворение, я все-таки не мог. Стал я и в церковь ходить чаще, но и в церкви не находил желанного.

В моем старом прошлом я ясно, правда, видел зло и с трепетом вспоминал, что был этому злу причастен, но настоящим моим я, пожалуй, был еще более недоволен.

Вся моя внутренняя жизнь как бы двоилась. У меня было такое чувство, точно я перед собою лицемерю, что я стараюсь внушить себе какое-то убеждение, которого у меня нет в действительности, и, что еще хуже, что я это убеждение, которого нет, хочу выставить напоказ людям. В моем старом заквасе я видел ложь

и отстал от этой лжи, но она как-то сама, помимо моей воли, еще продолжала прорываться и в действиях моих, и в моих мыслях. Странное было это время. Я и сам был какой-то странный: и не свой, и не чужой.

Все во мне и мною делалось полуавтоматически, полусознательно; даже порывов в ту или другую сторону — в сторону ли сознанной лжи или в сторону еще неопределившегося добра — у меня не было. Не было ни горячности, ни любви — была теплохладность какая-то. Старый мiр рушился, а на его обломках нового не создавалось; создать же его сам, я чувствовал, — не мог. Послеболезненная слабость томила меня; душе нужно было питание, которое дать ей не было в моей власти, а извне оно не приходило.

VIII.

Такое душевное состояние продолжалось около года.

Опять обстоятельства финансовой стороны моей хозяйственной жизни, против моей воли, потянули меня в Петербург: надо было представиться министру путей сообщения и просить его покровительства одному затеянному сельскохозяйственному и вместе торговому делу, которое, мечталось, должно было открыть мне новые средства для борьбы и защиты моей, да и многих других мне подобных, современной деревенской Шипки, прежде носившей название «дворянского гнезда».

Стояли февральские дни, и февраль был в том году лютый, с морозами и метелями. Наступила вторая или третья неделя Великого поста.

За несколько дней до своего отъезда я почувствовал какую-то странную, никогда прежде мною не испытанную сухость в горле. Помню, еще в вечер отъезда я жаловался на это своему товарищу-доктору. Он поглядел горло, сказал, что в горле ничего нет, и я с легким сердцем отправился в Петербург.

В Москве я задержался на один день до вечера, и так как после одного делового свидания времени у меня оставалось достаточно, то я и воспользовался им, чтобы съездить в Третьяковскую галерею.

Особенно меня тянули туда Васнецов и две картины Крамского — «Христос в пустыне» и «Неутешное горе». Часа три в полном безмолвии провел я, созерцая дивные творения русского гения, и уже перед самым закрытием галереи, уходя одеваться, спросил что-то у одного из сторожей и... сконфузился от хрипящего, сиплого звука собственного голоса.

Сухость в горле, которую я чувствовал еще дома, знаменовала, таким образом, простуду и потерю голоса. Так как раньше я никогда голоса не терял, то и не придал особого значения своей сипоте. Вечером, до отхода курьерского поезда в Петербург, я был со знакомыми в одном из московских клубов, жаловался на хриплость горла, но после выпитого горячего чая почувствовал себя лучше и забыл об этом думать.

Скверно сплю я на железных дорогах, но, чтобы как-нибудь выспаться, всегда беру спальное место. Народу в этот вечер с курьерским поездом в Петербург ехало множество. В моем купе были заняты все четыре места чьими-то вещами.

Кондуктор объяснил мне, что со мной едет какой-то батюшка и еще два иностранца. Признаюсь, я совсем не был доволен таким обилием спутников в тесном и всегда душном вагонном стойле.

После второго звонка вошел в купе кондуктор, забрал у нас куда-то вещи двух иностранных пассажиров, а вслед за ним пришел батюшка и занял свое место.

Невольно я поклонился вошедшему — такое славное впечатление произвело на меня его открытое, моложавое и милое лицо. Поклон ли мой, столь необычный в наше время для духовного лица от мирского, взаимная ли внезапная симпатия, — только мы очень скоро разговорились с моим спутником по-хорошему, точно давно знакомые.

Батюшка оказался монахом-казначеем одного из монастырей центральной России. В Петербург он ехал как строитель и настоятель или старший брат недавно им выстроенного в Лесном монастырского подворья.

Монастырь его был во время царствования Государя Александра III настолько бедным, что в Св. Синоде был возбужден вопрос об его упразднении. Но покойный Государь, узнав о древности обители, видевшей еще монгольское иго,

повелел сохранить его святыню и поддержать монастырь средствами из казны.

Где только не соблюдал Православия и русской старины этот могучий Страж и Богатырь, Повелитель Русской земли!

На помощь скудным средствам монастыря явился посмертный дар двух петербургских благотворительниц, состоящий в нескольких десятинах земли в Лесном. Теплая вера в Промысл Божий, давший по вере энергию отцу казначею, — и на этой завещанной земле, без копейки из монастырских средств, в короткое время выстроился и храм Божий и подворье.

— Тысяч сорок нам все это стало, — рассказывал мне отец казначей, — а денег было только, что дал на дорогу игумен, да 25 рублей от батюшки отца Иоанна Кронштадтского, которые я от него получил с благословением на начатие постройки. И долгу нет ведь ни копейки!

Откуда сила такая у монаха захолустного, едва за нищетой не упраздненного монастыря?

Откуда сила эта, что помогает каким-нибудь 25 рублям отца Иоанна творить дела на десятки тысяч?..

Отец Иоанн! Великое имя для русского человека! Но сколько уже слышал я на это имя злоречия!.. Неужели это злоречие — клевета одна?.. Как бы мне приобщиться этой вере, дающей такую силу, как бы мне одолеть ту душевную слабость, заполнить ту пустоту, которые томят мое сердце?.. Что мне может дать человек, чего бы я сам не мог добиться? Ведь от человека только и можно ждать, что человеческого!.. Что может мне

дать отец Иоанн, если бы я и вздумал к нему поехать?.. Да и как до него добраться, когда его окружают и теснят тысячи, быть может, еще более моей скорбных душ, ищущих от него слова утешения, нравственной поддержки?..

IX.

Совсем плохо провел я эту ночь пути от Москвы до Петербурга. Эти и много других вопросов, все один другого тревожнее и неотвязнее, подымались и роились в душе моей: точно как зароненная когда-то и непотухшая искра, в ней что-то затлевало и разгоралось все сильнее, все ярче и ярче.

Еще за несколько станций до Любани прерванный сном разговор наш вновь возобновился. Что-то не давало спать и моему благодатному спутнику.

Мой батюшка поведал мне кое-что из своего прошлого. Последние пять лет жизни отца Амвросия Оптинского он был его келейником. Полились несмолкаемые рассказы о житии этого дивного светоча русского Православия. От отца Амвросия разговор перешел опять к отцу Иоанну; и все неутолимее становилась моя жажда его видеть. Уже под самым Петербургом, когда вся моя душа точно растворилась в любви к моему собеседнику, я высказал ему свое желание съездить в Кронштадт, но вместе и выразил сомнение в возможности видеть великого Кронштадтского пастыря.

— Если желание ваше исходит от сердца, если есть в вас сколько-нибудь веры, если вы не

движимы простым только праздным любопытством, вы отца Иоанна, ручаюсь вам, увидите так же легко, как и своего приходского священника, — так сказал мне мой спутник. — Когда я ехал в первый раз просить благословения батюшки на постройку нашего подворья, я был в непоколебимой уверенности и в том, что я его беспрепятственно увижу, и в том, что получу от него все, что, по его благословению, впоследствии совершилось. Так оно и вышло. А вот со мной приехал к батюшке один студент Духовной академии, и приехал-то он ради любопытства да неблагоговейно, так ведь батюшка-то ко мне в номер зашел, а к нему нет, хоть мы и стояли с академиком в смежных комнатах. Ведь все номера обошел батюшка, в каждый заходил, а к этому студенту так и не вошел. Поезжайте, голубчик, поезжайте, милый! Получите вы от батюшки все, что на пользу душе вашей. Не случайна наша с вами встреча: сам угодник ваш, преподобный Сергий, вас к нему направляет. Смотрите, у меня в кармане билет в Троице-Сергиевскую Лавру. Я в вечер нашего выезда с вами из Москвы собрался было в Лавру, билет уже взял, а как пришлось на поезд садиться, так меня точно что толкнуло: не езди в Лавру, поезжай в Петербург! Так с билетом и остался, и вот с вами еду да радуюсь тому дивному, что в нашей беседе совершается. Вижу я — стоит ваша душа на распутье, и чудесно преподобный Сергий на этом распутье устроил нашу встречу. Молю и прошу вас, мой дорогой, поезжайте к отцу Иоанну — не мне, немощному монаху, служить душе вашей, —

отец Иоанн власть имеет от Бога уврачевать ее раны. Остановитесь в его Доме Трудолюбия, скажите псаломщику батюшки, который заведует этим домом, что вас прислал к нему отец Амвросий из Лютикова монастыря. Он меня знает и, наверно, будет вам полезен. Поезжайте, поезжайте, не медлите!

Тут поезд наш подошел к платформе петербургского вокзала, и мы почти со слезами обнялись и простились.

С тех пор я уже более не встречал отца казначея*.

Да будет благословенна наша встреча!

---

* Нет, я встретил его, но уже по ту сторону жизни. Это было так: в самый разгар бунтов 1905 года я жил в Оптиной Пустыни на монастырской гостинице. В утреннее и вечернее молитвенное мое правильце входит прочитывать помянник живых и усопших, так или иначе оставивших в моем сердце по себе память. Почему-то имя иеромонаха Амвросия в помянник мой записано не было. И вот, став в первый вечер по приезде в Оптину на правило, я неожиданно вспомнил о том, что в числе поминаемых мною усопших нет Лютиковского Амвросия (я уже слышал, что он умер). Хотел после правила вписать его имя — забыл. На следующий вечер повторилось то же самое. На третий я уже не забыл записать это дорогое имя в поминанье и с того часа стал о нем каждый вечер молиться... Прошло месяца два со дня временного моего водворения в Оптиной. Ко мне зашел по делу помощник ризничего, брат Евфимий. Из беседы с ним выяснилось, что он читал этот мой очерк и лично знал о. Амвросия Лютиковского.

— А знаете ли? — спросил меня брат Евфимий. — Ведь о. Амвросий-то у нас в Оптиной умер.

— Когда же?

Он мне назвал год и месяц его смерти.

— И умер-то он как раз в этом же номере, где вы теперь живете, и на той самой постели, на которой вы спите.

Так с того света потребовал от меня благодарной и молитвенной памяти мой первый проводник к о. Иоанну Крондштадтскому.

X.

День моего приезда в Петербург, пятница, был вместе и приемным днем министра. От двенадцати часов дня до часа приема, то есть до четырех часов, у меня было времени ровно столько, сколько нужно для того, чтобы найти себе помещение в гостинице, умыться, привести себя в надлежащий порядок и быть готовым ехать по делу. К великому моему ужасу, чем ближе подходил час приема, тем все хуже и хуже становился мой голос.

Хрипота, только отчасти заметная при разговоре с отцом Амвросием, становилась прямо неприличной: голос мой с каждой минутой падал. Легкий озноб начал предательски пробегать по моей спине, голова стала дурна, — чувствовалось недомоганье, неуклонно все усиливавшееся. К четырем часам я уже себя чувствовал настолько скверно, что с великим трудом, еле перемогаясь, сел на извозчика и поехал в министерство. В пять часов министр, обходя просителей, подошел ко мне, и я с ним говорил таким зловещим полушепотом, что пришлось извиниться, прежде чем начать докладывать свое дело.

Домой я вернулся уже совсем больной, с потрясающим ознобом и жаром, от которого голова, казалось, кололась надвое. По самой заурядной человеческой логике, надо было лечь в таком состоянии в постель и послать за доктором, что, вероятно, я бы и сделал, но какая-то сила выше недуга, выше всякой логики, в лютый мороз увлекла меня в тот же вечер в Кронштадт.

Не успел я переодеться, захватить и рассовать по карманам несколько носовых платков, как уже мчался на Балтийский вокзал, в легоньком городском пальто, в котором один только меховой воротник и напоминал о февральских морозах. Я сознавал, что поступаю неразумно, может быть даже гублю себя, и тем не менее пригрози мне в то время кто-нибудь смертью за мое неразумие, я бы, кажется, пошел и на самую смерть.

В вагоне ораниенбаумского поезда, сидя у раскаленной чуть не докрасна печки, я дрожал в своем пальто с поднятым воротником, точно на лютом морозе, на сквозном ветру; но уверенность, откуда-то взявшаяся, что со мной не приключится ничего дурного, что я, вопреки кажущемуся безумию моего путешествия, буду здоров, не покидала меня ни на минуту.

Однако мне становилось все хуже и хуже.

Кое-как, скорее при помощи мимики, чем слов, нанял я на ораниенбаумском вокзале кибитку в одну лошадь и, как был в легком пальто, пустился в двенадцативерстный путь, в восемнадцатиградусный мороз, по открытому всем ветрам ледяному взморью в Кронштадт, мигавший вдали в ночной темноте ярким электрическим светом своего маяка. Везти я себя велел в Дом Трудолюбия.

XI.

Пустынны были улицы Кронштадта, когда по их ухабам колотилось мое больное, бедное тело; но чем ближе я подъезжал к Андреевско-

му собору, тем оживленнее становился город, а уже у самого собора меня встретила людская волна не в одну тысячу человек, молчаливо и торжественно разливавшаяся по всем смежным собору улицам и переулкам.

— От исповеди, от батюшки все идут! — проговорил мой возница, снимая шапку и истово троекратно крестясь на открытые двери храма.

В Доме Трудолюбия мне пришлось подняться на четвертый этаж в квартиру рекомендованного мне отцом Амвросием псаломщика. Взошел я на лестницу через силу, постучался в дверь; отворила мне, как оказалось, сама жена псаломщика.

— Что вам угодно?

— Нельзя ли нумерок?

— Все нумера заняты говельщиками!

— Как же быть мне? Я дальний, да еще больной; город мне незнакомый, время позднее — куда я теперь денусь? — чуть слышно прошептал я.

— Погодите, впрочем, — вот придет сейчас муж, с ним поговорите. Войдите, пожалуйста!

Пришел через несколько времени и сам псаломщик. Я едва мог ему объяснить, зачем приехал.

— Эх, да как это вы неудачно к нам приехали: нумера-то у нас все до единого позаняты, и сами-то вы еле на ногах держитесь, да и батюшка-то наш что-то тоже расхворался — нарыв у него на руке, вся рука опухла, знобит его, едва служил... Как же вам говорить-то с батюшкой, если бы вам и удалось, паче чаяния,

его увидеть? Я еле вас слышу и понимаю, а батюшка и подавно не разберет — он ведь тугонек на ухо.

— Что хотите со мной делайте — от вас мне в таком состоянии ехать некуда!

На мое счастье, с тем поездом, с каким я приехал, должен был приехать какой-то важный «генерал» из штатских, заказавший себе заблаговременно нумер, но почему-то не приехал.

Добрый псаломщик сжалился надо мной и отвел мне приготовленную для «генерала» комнату с надписью на дверях: «Для почетных посетителей», велел мне подать самовар и чаю и, пожелав здоровья, оставил меня одного.

Я попросил женщину, принесшую мне самовар, разбудить меня к заутрени не позже трех часов утра, заперся на ключ и стал молиться.

Откуда снизошло на меня это молитвенное настроение? Беспомощность ли моего больного одиночества в чужом городе, в незнакомой среде? Боязнь ли темного грядущего, исполненного зловещих предзнаменований? Вернее, — Бог послал мне эти молитвенные минуты. Казалось, вся долго, долго скрываемая и сдерживаемая сила покаяния вырвалась наружу и пролилась в бессвязных словах горячей, прямо жгучей молитвы, в потоке невыплаканных, накопившихся, накипевших слез старого, наболевшего, неизжитого горя. Каялся я, исповедовался, чудилось мне, Самому Вездесущему, невидимо, но как бы осязаемо предстоящему в уединении еле освещенной просторной комнаты.

Все забыл я в эти мгновения: время, пространство, сломивший меня недуг... Весь я пылал тою любовью, тем горьким и вместе сладостным покаянием, которое никакие духовные силы человека дать сами по себе не могут и которое может быть послано свыше путем незримым и для неверующего непонятным...

Болезнь, как бы отступившая от меня во время молитвы, напала на меня с особенною яростью, когда часов в двенадцать ночи я прилег отдохнуть до заутрени. Точно неведомая, враждебная сила рвала все мои члены и метала меня по кровати, опаляя невыносимым жаром, леденя душу пронизывающим ознобом. Я чувствовал, что у меня начинается бред, как у тяжко больного.

Так я прометался до утра. В полузабытьи я услыхал, как ко мне постучали в дверь:

— Три часа! Почти все ушли к заутрени — вставайте!

XII.

Я встал, надел пальто и вышел. В белом морозном сумраке зимней ночи клубами порывисто вилась заметь начинающейся февральской метели; ветер метался, крутил и резкими порывами срывал с крыш и из-под ног целые облака снежной пыли. Метель разыгрывалась не на шутку. Утопая в нанесенных за ночь сугробах, я еле доплелся до собора.

Народу уже стояло у запертых дверей много. Стал и я в толпе и стоял долго, а народ все подходил и подходил, все росла и росла скорбная человеческая волна жаждущих Христова уте-

шения. Простоял я так до половины пятого и... не достоял до открытия собора.

В полуобморочном состоянии я нанял до Дома Трудолюбия случайного извозчика; еле добрался до своего нумера — он оказался запертым. Ни прислуги, ни квартирантов — весь дом точно вымер. В изнеможении я лег на каменную лестницу и лежал так довольно долго, пока чья-то милосердная душа, проходившая мимо меня, не свела меня в незапертую общую комнату, где я и забылся тяжелым, болезненным сном на чьей-то неубранной кровати.

Проснулся я, когда уже было совсем светло. Было часов около девяти. Вскоре стали подходить и богомольцы из собора. Кратковременный сон подбодрил меня настолько, что я без посторонней помощи добрался до квартиры псаломщика. Милая его жена с участием приняла меня, обласкала, напоила чаем и все соболезновала о моих недугах:

— И как же это вы, такой больной, решились ехать, да еще по такой погоде, в чужой город? И с батюшкой-то вам побеседовать не придется. Ну и горький вы, право!

Пришел часов в десять псаломщик и огорошил меня сообщением, что батюшка так себя плохо чувствует, так разболелась у него рука, что на вопрос, приедет ли он в Дом Трудолюбия, он ответил:

— Когда приеду, тогда увидишь!

— Уж видно, вам или пожить здесь придется, — сказал мне псаломщик, — или в дру-

гой, что ли, раз приехать?! Плоха вам надежда видеться с батюшкой!

Итак, все, точно сговорившись, восстало против моего пламенного желания видеться с отцом Иоанном. Даже если б я и увиделся с ним, что мог я вынести от этого свидания? Того, что мне так нужно было, чего я так страстно желал — беседы с ним, покаянного моего слова, я и того лишился. Лишился, стало быть, и его слова наставления и утешения. В лучшем случае я мог только его видеть, да и на то, казалось, пропадала последняя надежда...

Но в душе моей, как ни странно, не было сомнений. Измученный болезнью, я не боялся ее исхода; утратив, по-видимому, всякую надежду видеться с о. Иоанном, я верил, что получу от него все, чего жаждала моя душа.

XIII.

Не прошло и часа с прихода из собора псаломщика, как снизу прибежала запыхавшись одна из служащих:

— Батюшка приехал!

Откуда только взялись силы? Мы с псаломщиком в один миг уже были в нижнем этаже. Как меня устроили в нумере, соседнем с тем, куда вошел батюшка, я не помню. Какая-то бедно одетая девушка робко проскользнула из коридора в мою дверь.

— Не позволите ли мне у вас дождаться батюшки?

— Пожалуйста!

Из другого соседнего нумера отворилась ко мне дверь. Несколько любопытных голов тревожно и нервно просунулось в мой нумер, заглядывая на дверь, ведущую из моей комнаты в ту, где слышался уже голос батюшки, беседующий с кем-то.

Мимолетное неприятное чувство шевельнулось у меня в душе: не дадут мне поговорить с батюшкой! Шевельнулось и исчезло. Девушка в моей комнате тихо плакала. Я весь обратился в напряженное ожидание, что вот-вот должно совершиться со мной что-то великое, что сделает меня другим человеком...

В нумере, где был батюшка, послышалось движение, задвигали стульями, голоса стали раздаваться громче... Прощаются...

Головы из другого нумера тревожно шепчут:

— Дверь-то, дверь велите отворить — она замкнута: батюшка ни за что не пойдет, если дверь не отворена... да что ж вы стоите! Вот увидите — не войдет к вам!

«Да будет воля Божия!» — подумал я и не тронулся с места.

Послышались шаги по направлению к моей двери... Кто-то дернул за ручку.

— Отчего дверь не отперта? Отпирай скорее! — раздался властный голос... и быстрой, энергичной походкой вошел в мой нумер батюшка. За ним шел псаломщик. Одним взглядом отец Иоанн окинул меня... и что это был за взгляд! Пронзительный, прозревший, пронизавший, как молния, и все мое прошедшее, и язвы моего настоящего, проникавший, казалось, даже в самое

мое будущее! Таким я себе показался обнаженным, так мне стало за себя, за свою наготу стыдно...

Вошедшая ко мне девушка упала с плачем в ноги к батюшке и что-то ему с судорожными рыданиями говорила; он ей отвечал, затем начал служить молебен. Молебен кончился; я подошел ко кресту. Псаломщик наклонился к отцу Иоанну и громко сказал:

— Вот, батюшка, господин из Орловской губернии (тут он назвал мою фамилию) приехал к вам посоветоваться, да захворал и потерял голос.

— Знакомая фамилия! Как же это ты голос потерял? Простудился, что ли?

Я не мог в ответ издать ни звука — горло совсем перехватило. Беспомощный, растерянный, я только взглянул на батюшку с отчаянием. Отец Иоанн дал мне поцеловать крест, положил его на аналой, а сам двумя пальцами правой руки провел три раза за воротом рубашки по горлу... Меня вмиг оставила лихорадка, и мой голос вернулся ко мне сразу свежее и чище обыкновенного... Трудно словами передать, что совершилось тут в моей душе!..

Более получаса, стоя на коленях, я, припав к ногам желанного утешителя, говорил ему о своих скорбях, открывал ему всю свою грешную душу и приносил покаяние во всем, что тяжелым камнем лежало на моем сердце.

Это было за всю мою жизнь первое истинное покаяние. Впервые я всем существом своим постиг значение духовника, как свидетеля этого великого Таинства, свидетеля, сокрушающего

благодатью Божьей в корне зло гордости греха и гордости человеческого самолюбия. Раскрывать язвы души перед одним Всевидящим и Невидимым Богом не так трудно для человеческой гордости: горделивое сознание не унижает в тайной исповеди перед Всемогущим того, что человеческое ничтожество называет своим «достоинством». Трудно обнаружить себя перед Богом при свидетеле, и преодолеть эту трудность, отказаться от своей гордости — это и есть вся суть, вся таинственная, врачующая с помощью Божественной благодати сила исповеди. Впервые я воспринял всей своей душой сладость этого покаяния, впервые всем сердцем почувствовал, что Бог, именно Сам Бог, устами пастыря, Им облагодатствованного, ниспослал мне Свое прощение, когда мне сказал отец Иоанн:

— У Бога милости много — Бог простит.

Какая это была несказанная радость, каким священным трепетом исполнилась душа моя при этих любвеобильных, всепрощающих словах! Не умом я понял совершившееся, а принял его всем существом своим, всем своим таинственным духовным обновлением. Та вера, которая так упорно не давалась моей душе, несмотря на видимое мое обращение у мощей преподобного Сергия, только после этой моей сердечной исповеди у отца Иоанна занялась во мне ярким пламенем.

Я осознал себя и верующим и православным.

XIV.

В тот же день, по страшной метели, несмотря на настояния моего покровителя, пса-

ломщика, опасавшегося меня отпускать в такую непогодь, я уехал из Кронштадта. Погода была такая, что нашелся только один смельчак извозчик, который за утроенную плату согласился меня отвезти на паре до Ораниенбаума. Двенадцать верст мы ехали четыре часа, ежеминутно сбиваясь с дороги и рискуя вместо Ораниенбаума попасть в открытое море и безвозвратно погибнуть. К нашему счастью, нам удалось догнать несколько саней с паломниками, выехавшими раньше нас, и только общими усилиями и благодаря привычным к дороге коням, мы добрались, полузамерзшие, до железной дороги.

Так исполнилось мое пламенное желание, так оправдалось предсказание моего спутника, отца Амвросия: к отцу Иоанну, несмотря на все затруднения, казавшиеся неодолимыми, я проник с большою легкостью — ни многодневных ожиданий, ни денежных трат выше средств, которыми меня пугали тайные недоброжелатели Кронштадтского батюшки. Все мое путешествие продолжалось сутки и обошлось дешевле пятнадцати рублей. За комнату ничего с меня не взяли, так как комнаты «для почетных посетителей», в число которых я попал совершенно неожиданно и не по чину, не таксируются. За самовар и чай с меня взяли что-то копеек пятнадцать или двадцать. Батюшкин псаломщик, несмотря на мои энергичные протесты, из чувства гостеприимства взял все расходы по моему питанию на свой счет, угостив меня в кругу своей радушной семьи простым, но чудесным домашним обедом.

Это ли недоступность отца Иоанна?! Такова ли корысть его окружающих?! Прямой путь к вере — ближайший и всем доступный путь!

Прямым ли путем и для каких целей ездили к отцу Иоанну клеветавшие на его светлую личность и на окружающие его порядки?..

Чудо, совершенное надо мной отцом Иоанном, дало мне возможность исповедовать ему мою душу. По возвращении в Петербург я опять почувствовал себя так же плохо. Голос вновь пропал; измерив температуру, я увидел, что дело мое выходит совсем плохо: термометр показал 40,2°. Послал за доктором. Он нашел у меня какой-то распространяющийся внутрь ларингит или что-то в этом роде, деликатно намекнул на возможное воспаление легких... на серьезность моей болезни, на упорное и продолжительное лечение... Я не лечился и, слава Богу, очень быстро поправился, хотя голос еще месяца три никак не мог восстановиться...

Да он мне на ту пору и не был нужен. Внезапно осенившая меня благодать Божия, «немощная врачующая», подала мне здоровья ровно настолько, сколько моей душе в тот момент было и нужно и полезно.

Со времени моей поездки в Кронштадт я сознал себя сердечно обращенным в Православие из того душевного язычества, которым в наши времена так глубоко, почти с пеленок, заражен так называемый «интеллигентный» слой русского общества, и только с этого времени я понял, что вне Церкви, благодати ее иерархии и установленных по завету Христову таинств,

нет православного христианства, нет и спасения. Жизнь, такая смешная и жалкая, такая бесцельная, как труд белки в колесе, получила для меня и смысл, и глубочайшее значение.

Общение с Церковью, по возможности непрестанное, дивное Таинство исповеди, принимаемое с верой и душой обращенной, сочетание со Христом в страшном и вместе таком благодатном Таинстве Причащения — все это стало такой потребностью, без которой и сама жизнь кажется не в жизнь. Я так же далек от доступного на земле совершенства, как, быть может, далек был и прежде, но путь лежит передо мной такой открытый, такой ясный, так определенна надежда, порой разрастающаяся в непреложную уверенность, что — куда девалась моя теплохладность!

И чем ближе ко мне становится всеочищающая Святая Церковь Христова, чем чаще припадаю я к ее безгрешному лону, тем ярче горит во мне неугасимое, ею зажженное пламя беспредельной веры в ее обетования. Христос Господь и Его Православная Церковь — вот одна истина, делающая нас свободными, вот единственный источник всякого земного блага, всякого доступного на земле и выше земли — в глубине нескончаемых веков, в высоте бесконечных небес — истинного, ненарушимого счастья. Кто постигнет, по милости Божией, эту истину, кто отдаст всего себя на служение ей беззаветно, тому станет ясна жизнь и горько тому станет за неустроенного современного человека, безумно и бессознательно отстраняющего

от себя благодать Божию, без которой он — прах и пепел!..

Тягота, томящим гнетом лежащая над современным отступническим міром, — не страшная ли и грозная действительность?!

Что скрывает в себе угроза будущего, и будущего не так отдаленного?..

Февраль. 1900 год

2.

ОДНО ИЗ СОВРЕМЕННЫХ ЧУДЕС ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ

Проповедуй слово, настой во время и не во время.

(2 Тим. 4, 2)

В тех местах, в которых мне последние пятнадцать лет довелось жить и действовать, я познакомился с одним высокопоставленным лицом польского происхождения, занимавшим видное административное положение в управлении обширным правительственным учреждением губернии. Лицо это, теперь уже в отставке, и поныне благополучно здравствует, но я не имею разрешения открывать его имени, да и не в имени тут дело. Так как сообщение, сделанное мне этим лицом, носит на себе печать полной и искренней достоверности свидетельского показания, и притом в деле необыкновенной важности, то я и постараюсь передать его в форме и по возможности в выражениях самого повествователя.

Ему было известно мое обращение из тьмы неверия у раки преподобного Сергия. Как-то разговорились мы с ним о вопросах веры, о вере в чудеса святых угодников, которые так упорно

стали отвергаться последнее время. К удивлению моему, мой собеседник, иноверец по исповеданию, высказал такое благоговейное отношение к памяти преподобного Сергия, что я не мог не заинтересоваться происхождением у него этого чувства к такому святому, который ему, как поляку, не мог быть особенно приятен даже по историческим воспоминаниям.

⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄⋄

— Если это вас интересует, — сказал он мне, — извольте, расскажу. Я не скрывал никогда и не скрываю даже от своих единоверцев и единоплеменников моей веры в этого великого вашего православного Святого. Хотя происхождением своим я — поляк, а по вере и умру католиком, но чту обряды и верования вашего Православия, как своего католичества. Признаться, я не вижу в наших вероисповеданиях той существенной разницы, которая бы эти два лагеря верующих могла бы разделить на два враждующих стана. Если и есть вражда, то она, по-моему, — не столько дело веры, сколько политики. Скажу вам больше: обряды Православной Церкви мне даже как будто более по духу, чем наши, и особенно я люблю вашу Пасхальную заутреню. Это не мешает, однако, быть мне верным сыном своей церкви. Соединение наших великих Церквей — дело неизбежного будущего, и притом будущего довольно близкого, но, как всякое будущее, оно — в руках Божиих, и человечество, думается мне, напрасно изыскивает свои средства для осуществления этого со-

единения. Как разошлись когда-то, так и сойдемся, а пока, видимо, времена еще не созрели; будем стараться в простоте сердца веровать в Господа нашего Иисуса Христа, перед лицом Которого «несть ни эллин, ни иудей»...

Я не беру на себя смелости в этих моих словах отражать взгляды и мысли всего католичества. Легко может статься, что эти мои умеренность и терпимость во многом зависят от среды, в которой воспитался мой дух: среда эта была чисто русская, сперва офицерская, а затем коренная помещичья, православная, из которой родом была моя первая жена. Женился я, когда уже был на службе по старым судебным учреждениям; в той местности и женился, где служил. Семья моей жены и жена были люди глубоко верующие и все постановления Православной Церкви и ее обряды соблюдали с несокрушимой преданностью.

В 1862 году я получил назначение в Кострому по другому ведомству.

В те времена из местности, в которой я служил, железных дорог еще не было, и весь путь с женой и братом моим мне надлежало совершить в коляске на почтовых. А путь был не близкий: до Москвы верст без малого двести, да от Москвы до Костромы побольше четырехсот. Переезжать нам надо было в самую жару и пыль в июне или в июле месяце.

За месяц или за два до нашего переселения у меня заболели глаза. Вначале я не обратил на эту болезнь особого внимания, но усилившаяся боль потребовала вмешательства людей науки, к

которым я и вынужден был обратиться. «Брады уставивши, наморщивши чело», «люди науки» определили у меня трахому и объявили мне, что эта болезнь требует продолжительного и упорного лечения, но и при этом условии угрожает весьма скверными последствиями, которые могут оставить сами по себе след на всю жизнь. Для моего успокоения напрописали мне всевозможных лекарств и не велели глядеть на свет Божий... Казенная служба — не богадельня, и потому волей-неволей мне пришлось, спустя месяца два безуспешного лечения, пуститься в дальний путь к месту своего служения.

Жара и пыль стояли в ту пору нестерпимые, и мои больные глаза до того разболелись, что я был вынужден буквально исполнять совет докторов и не мог взглянуть на свет, так как глаза заплыли гноем, и я мог смотреть только тогда, когда жена мне их промывала теплой водой, да и то смотрел только через очень темные очки.

В таком положении добрались мы до обители Преподобного Сергия, расположенной, как известно, на пути из Москвы в Кострому. Как сейчас помню я это время — так оно врезалось у меня в памяти. Было около трех часов дня, жаркого и пыльного, как и все дни, которые мы провели в дороге. Жена моя, ввиду моего утомления и из понятного желания помолиться у Преподобного, предложила мне остановиться в Лавре на сутки.

— Помолимся вместе, — может быть, Господь за молитвы Своего угодника и пошлет тебе исцеление.

Я согласился.

Ударили к вечерне. Жена промыла мне глаза, я надел свои очки, и мы отправились в тот храм, где покоятся мощи преподобного Сергия. Иду с женой да и спрашиваю:

— А что, Машенька, можно покровом, который лежит на мощах, коснуться своих больных глаз?

— Отчего же! Конечно, можно! Да ты помолись только поусерднее Угоднику: он чудотворец великий. После вечерни мы попросим отслужить ему молебен, а ты после молебна, прикладываясь к мощам, и потри себе глаза пеленой.

— Сумею ли я помолиться?!

Во все продолжение вечерни я стоял истукан-истуканом: ни веры, ни теплого чувства. Слова молитвы не шли на ум. Сердце как лед было холодно. Рассеянно стоял я во время службы и занимался больше, насколько позволяли больные глаза, глазеньем по сторонам — то на молящихся, то на обстановку храма.

Вдруг я заметил в той стороне, где почивают мощи, за стоящим у мощей иеромонахом, большую железную дверь и в ней неправильной формы довольно значительное отверстие, точно выломанное чем-то тяжелым или пробитое. Отверстие это приковало к себе все мое внимание: я уже не видел и не слышал ничего вокруг меня происходящего и весь был поглощен соображением, что бы это такое было, и кто бы мог, и для какой цели, испортить такую массивную дверь.

Когда кончилась вечерня, я не утерпел и, не сказав ни слова жене, пошел к этой двери с

целью поближе рассмотреть занявшее мое внимание отверстие. Подхожу и вижу под отверстием подпись, выбитую в железной створке двери: «Сие отверстие сделано было польским ядром при осаде Троице-Сергиевой Лавры поляками в таком-то году».

Меня точно обухом по голове ударило. Вы себе представить не можете, какая буря впечатлений и воспоминаний поднялась в моей душе по прочтении этой немногоречивой надписи. Как озаренный каким-то внезапным светом, я вдруг в одно мгновенье вспомнил, что я поляк, что я католик, что в жалованной грамоте на дворянство, выданной польскими королями родоначальнику моей дворянской фамилии, значится, что этот мой предок участвовал в войнах Польши с Россией, что за особые услуги, оказанные им в тысяча шестисотых годах польскому оружию, он возведен в потомственное дворянское достоинство и пожалован «староством» — населенным поместьем, носящим название, от которого происходит моя фамилия; вспомнил я, что я, как католик, — враг Православию и, следовательно, враг православному святому, что, во всяком случае, я — потомок его врага, пролившего когда-то русскую кровь, и, может быть, одною из тех услуг, которые оказал мой предок польскому оружию, и было метко им наведенное орудие, святотатственно пробившее брешь в двери у самого изголовья Преподобного...

Под наплывом этих впечатлений я и был как бы вне себя.

Молебен уже начался. Я подошел к раке Преподобного весь дрожащий, испуганный и вместе с какой-то особой силой, с особенным подъемом духа дерзновенный и стал молиться с пламенными слезами.

— Угодник Божий! — говорил я почти в исступлении. — Ведь ты святой! Ведь потому что ты свят, у тебя не может быть вражды. Ты, отдавший душу свою за Христа, молившегося на кресте за своих врагов, ты так же прощаешь тем, кто наносит или наносил тебе поругание, кто бесчестил твою святыню, кто проливал кровь твоих братьев, твоих чад по духу. Вот я перед твоими святыми мощами, враг твой, враг твоей Церкви, потомок злейшего твоего врага, стою перед тобою, молюсь тебе, молю тебя об исцелении моего неисцелимого недуга: ты, святой Божий, должен меня исцелить, должен меня услышать, должен простить! Иначе ты не святой, если не забудешь обиды врагов, иначе ты — не Христов, Который учил благодетельствовать ненавидящим и молиться за проклинающих!..

Молитва моя так и лилась из переполненного сердца, растворяемая и орошаемая слезами веры и благоговейного дерзновения к угоднику Божию.

Кончился молебен; я приложился к мощам Преподобного, покровом коснулся своих больных глаз и вместе с женой и другими богомольцами вышел из храма.

— А ты плакал, когда молился, — сказала мне жена.

— Да, — ответил я, — хорошо молился!

У святого колодца жена меня напоила святой водой и ею же обмыла мне глаза, успевшие уже загноиться. Чуда исцеления, которого я так жаждал во время молебна, не последовало, и я, до известной степени разочарованный, опять впал в полнейшее религиозное равнодушие. С женой мы в этот вечер съездили в окрестности Лавры — в Вифанию, еще где-то были; домой вернулись в лаврскую гостиницу уже довольно поздно.

Глаза мои болели едва ли не хуже, чем до приезда в Лавру, но я не роптал, а смирился и перестал ждать чудесного.

Перед сном, уже почти засыпая, я говорю жене:

— Так как ты хочешь, Машенька, завтра перед отъездом сходить со мной к обедне, а обедня будет рано, то не забудь встать пораньше и промыть мне глаза. Ты ведь знаешь, что эта процедура берет времени немало. Пока-то ты еще воду подогреть успеешь...

С этими словами я заснул. Рано утром я сам проснулся от движения в соседней комнате, — это жена грела мне воду и суетилась, торопясь одеваться к обедне. Я лежал с закрытыми глазами, зная по опыту, что открыть их может только продолжительное промывание.

— Ну, скоро ты там, Машенька?

— Сейчас, мой друг, сейчас иду!

С этими словами жена подошла ко мне, омочила губку в теплой воде, хотела начать привычное обмывание и взялась уже было за веку, чтобы ее приподнять... Глаза мои сами собой рас-

крылись, совершенно здоровые и чистые, как будто никогда не было моей страшной болезни...

Вы можете себе представить, что с нами тогда было!..

С тех пор мои глаза ни разу в продолжение всей моей жизни не болели, а я уже за седьмой десяток переваливаю. Из Лавры я тогда уехал, никому не сказав о совершившемся надо мною чуде. Долго меня это мучило, и я решил побывать еще раз у Преподобного Сергия и объявить о чуде лаврскому начальству. Года два или три спустя я был в обители, нарочно за этим заходил к архимандриту и просил засвидетельствовать чудо, со мной совершившееся.

— Чудо, с вами бывшее, — песчинка в море чудес, изливаемых благодатию Божиею от мощей Чудотворца: всего не опишешь и всего не засвидетельствуешь. Для благодарной души вашей довольно и того желания, которое вы мне выразили, — так сказал мне архимандрит.

И я на этом успокоился. Но теплое воспоминание о совершившемся осталось на всю жизнь неизгладимым в моей душе, и не оно ли и спасало меня от бездны неверия, которая затягивает в себя окружающее человечество?.. Да, должно быть, оно!..

Вот откуда у меня такая вера к Преподобному Сергию.

Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас!

25 сентября 1901 года

3.

ПОЕЗДКА
В САРОВСКУЮ ПУСТЫНЬ
И СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКИЙ
МОНАСТЫРЬ

Дивен Бог во святых Своих,
Бог Израилев.

I.

Кто знает и любит историю нашей родины, кому дорог и близок истинный дух ее сынов, кто изучал этот дух не по одним только односторонним и пристрастно составленным учебникам и курсам гражданской истории, тот не может не знать, какое значение для России имели и до сих пор имеют ее православные монастыри и подвизавшиеся в их оградах подвижники и угодники Божии.

Наше так называемое «образованное» общество кичится своим пренебрежительным незнанием жизни святых подвижников Православной Церкви. Высшее проявление жизни человеческого духа, выходящее за грань земного в непостижимые пределы Божественного, ускользает от изучения и внимания громадного большинства «руководителей», оставаясь сокровищем руководимых. Отсюда прискорбное взаимное непонимание, отсюда взаимная отчужденность духа тех и других. Скольких бы заблуждений, скольких паде-

ний не знало бы современное нам «интеллигентное» общество, если б оно так упорно не отворачивалось от неисчерпаемой для всех веков мудрости творений святых Отцов Церкви и спасительных примеров жизни святых угодников Божиих!

Но страшное наше время: «оком видит и слухом слышит — и не разумеет», «ибо возлюбило больше славу человеческую, нежели славу Божию».

В глуши Темниковского уезда, Тамбовской губернии, среди дремучих лесов, на месте древнего татарского города Сараклыча, лет без малого двести стоит, сокрытая бором от мирской суеты, дивная обитель. Верующая Русь ее называет Саровской пустынью.

В этой пустыни 123 года тому назад вступил в число братии благодатный юноша Прохор, родом из старинного купеческого рода города Курска — Мошниных. Этому юноше Промысл Божий судил стать Серафимом Саровским*.

Жизнь отца Серафима, родившегося 19 июля 1759 года и почившего о Господе 2 января 1833 года, принадлежит еще очень недавнему прошлому. Еще кое-где на просторе Руси великой сохранились живые свидетели его подвигов, чудес, им совершенных, его прозорливости, проникавшей в глубь отдаленнейшего будущего, в колыбель зарождающихся событий. Память о великом Старце сохранена душой народной, запечатлена его посмертными чудесами, рукописными воспомина-

* Интересующимся житием этого угодника Божия рекомендуем «Летопись Серафимо-Дивеевского женского монастыря», составленную священником, ныне архимандритом Суздальского монастыря, Л. М. Чичаговым, изд. 1896 года.

ниями его почитателей, принадлежавших к цвету почти нам современной образованности. Святой хранитель всех воспоминаний об отце Серафиме — Серафимо-Дивеевский женский монастырь, созданный духом блаженного Старца. Необыкновенна судьба этой обители, как, впрочем, необыкновенно и все, что родилось от духа подвижника Божьего Серафима. Судьбой Дивеевской обители была глубоко заинтересована вся Царская Семья в Бозе почившего Царя-Освободителя. Святитель Филарет, митрополит Московский, современник отца Серафима, всю жизнь преклонялся перед духовным обликом святого Старца.

В 1831 году в беседе с одним из своих почитателей о судьбах России, которые, как в открытой книге, были известны благодатному прозорливцу, отец Серафим предсказал, что в близком будущем на Россию восстанут три европейские державы и сильно истощат ее, но что Господь за Православие ее помилует. Святое слово Старца сбылось вскоре — Крымская война не замедлила обрушиться на Россию, но тогда Господь помиловал Свою избранницу.

Не назрели ли времена открытия святых мощей отца Серафима, чтобы перед ними молить святого угодника Божия о сохранении Православия, а с ним и милости Божией для терзаемой всякими духовными смутами России?!*

А молиться надо!

* Писано 27 сентября 1901 года. 19 июля 1902 года состоялось Высочайшее повеление об ускорении дела прославления о. Серафима, а в январе 1903 года опубликовано деяние Св. Синода, которым о. Серафим причислен к лику святых и назначен срок открытия мощей его на 19 июля 1903 года.

II.

Давно, еще на ранней заре дней безмятежного детства, довелось мне слышать от проживавших в то время в Москве простеньких, но богобоязненных старичков о дивной красоте местности Саровской пустыни, просиявшей изумительным подвигом жизни старца-иеромонаха отца Серафима. Нет, кажется, православного, который не знал бы его хотя бы по имени.

Серафимо-Дивеевская женская обитель, на которой почиет особое благословение отца Серафима, дух которого до сих пор невидимо, но действенно там присутствует, в летописи своей с любовью и в ярких красках описала житие своего основателя и отца-попечителя (на нее я указывал в предыдущей главе). К этой летописи я и отсылаю читателя, еще незнакомого во всей красоте с духовным обликом, житием, прижизненными и посмертными чудесами этого угодника Божия.

Я могу как христианин, как беспристрастный свидетель и как человек, несмотря на свое недостоинство, сподобившийся получить телесное исцеление в прославленных Серафимом Саровским местах, рассказать, что я слышал, видел и, наконец, на себе испытал за краткий промежуток времени, от февраля до августа 1900 года.

30 января 1900 года, один близкий мне по духу человек доброй христианской жизни видел удивительный сон. Знакомство мое с человеком этим завязалось незадолго до этого времени, и хотя мы с ним очень быстро сошлись и часто стали видаться, но обстановка моей домашней

жизни в деревне ему была совершенно неизвестна. Жил я в деревне, а он жил в городе, и свидания мои с ним происходили у него, на городской его квартире. Объясняю я это попутно для того, чтобы подчеркнуть необычайность сновидения, о котором я сейчас поведу свою речь. По обстоятельствам, от меня не зависевшим, я не мог рассказать в подробностях этого сна в то время, когда моя поездка в Саров печаталась в ноябре 1901 года в «Московских Ведомостях»; теперь же, когда сбылось все, что предвозвещал этот изумительный сон, я не считаю себя даже вправе умолчать о нем — слишком явно стало его, во славу Божию, пророческое значение.

Приезжаю я как-то, в начале февраля 1900 года, к этому моему знакомому, прямо с вокзала. Поезд мой, из деревни, приходит в город в десятом часу вечера. Застаю моего знакомого и его семью за чаем. Не успел я со всеми поздороваться, а он мне и говорит:

— Знаете, я ведь вас насилу дождался: очень любопытный сон я про вас видел. Садитесь-ка рядышком, да за чайком-то я его вам и расскажу...

— А вы снам верите?

— Смотря по тому — каким, а этому сну, — сказал он серьезно и проникновенно, — нельзя не верить. Вот сами посудите. Видел я, что будто я с женой у вас в деревне: небольшой такой домик — маленькая передняя, из передней направо комната побольше. В этой комнате посредине стоит обеденный стол. В углу довольно большая икона. Мы сидим с вами и беседуем; и так

все это последовательно, ясно, — ну совсем как наяву. Один из членов вашей семьи все что-то плачет... Подают обед. Кончили обедать; смотрю, — опять стол накрывают на четыре прибора.

«Это для кого же?» — спрашиваю я, а вы мне отвечаете:

«Царь поблизости охотится — как бы не заехал!»

Вот, думаю, радость-то какая: Царя Господь удостоит видеть! Вот радость-то!..

Только проходит времени немало: уже дело идет к сумеркам. Царь не едет. А мне и Царя-то хочется повидать, да и ехать пора. Вижу — Царя все нет; и стали мы с женой собираться уезжать. Подают нам тройку лошадей рыжих, великолепных. Только что с женой собрались сесть в коляску, как вдруг в лесу, что против подъезда вашего дома, такая поднялась пальба, что я приостановился да и спрашиваю вас:

«Что это, точно война какая?»

А вы мне на это в ответ:

«Это, видно, Государева охота стреляет!»

И правда. Смотрю — из лесу скачет Царская охота на конях, красиво так разряженная, и все стреляют, все птичек бьют. А мне все кажется, что это война, а не охота. Такое у меня чувство: не то охота, не то война, а разобраться не могу.

Тут вы мне говорите:

«Должно быть, и Государь сейчас приедет — оставайтесь!»

Я и остался. Пошли назад к вам в дом, а по дороге, смотрю, лежат две собаки: одна рыжая,

другая черная. Собак я до смерти боюсь; вот вы рыжую схватили за шею да к себе под мышку, а черная убежала да на крыльце дома и легла. А вы мне и говорите:

«Не бойтесь — эта не тронет!»

И верно — мы вошли на крыльцо, она даже и не залаяла... Следом за нами в дом вошли генералы, все такие важные, а с вами ласковые и говорят вам:

«Сейчас к вам Царь приедет. Он вас очень любит и какое-то хочет поручить вам важное дело!»

Смотрю, входят Царь с Царицей и с ними гувернантка с двумя маленькими Великими Княжнами. Государь вас обнимает и говорит:

«Я тебя очень люблю и хочу тебе поручить одно очень важное дело!»

Государь говорит и со мной необыкновенно ласково и для меня чрезвычайно и незаслуженно лестно...

Садимся за стол. А вы и говорите Государю:

«Ваше Императорское Величество! Как же это Великим Княжнам-то нет приборов: надо велеть поставить!»

«Ничего, — говорит Государь, — мы их с Императрицей на колени посадим!

— Каково это во сне-то просто как!

Сидим это мы, только вдруг смотрю я, — из передней выходит и идет к нам отец Серафим Саровский; лицо у него цвета некрепкого чая, и я чувствую, что это его мощи восстали. Проходит он мимо нас, становится перед иконой и начинает молиться.

Мы все встали и тоже молимся.

Только вдруг Государь обращается к отцу Серафиму да и говорит:

«Отец Серафим, помолитесь за меня!»

Отец Серафим не обернулся на эти слова и все продолжает молиться... Опять Государь говорит:

«Отец Серафим, помолитесь за меня грешного».

Отец Серафим все продолжает молиться не оборачиваясь.

Тогда Государь сказал:

«Отец Серафим! Я — Николай Второй, Император Всероссийский, помолитесь за меня грешного!»

Отец Серафим обернулся, взглянул на Государя и ответил:

«Помолился, да и помолюсь!»

И с этими словами благословил всех нас, проходя от иконы к столу, и сел за столом рядом со мною.

Я и спрашиваю его:

«Батюшка, отец Серафим! Это мощи ваши восстали?»

«Да! — ответил он мне. — Мои мощи! — И добавил затем: — Сегодня умрет!»

Я и подумал тут во сне: «Это мать моя, должно быть, сегодня умрет», — и с этим проснулся...

— Ну, что вы мне скажете — не удивительный это сон? — спросил меня мой знакомый.

— Признаюсь, — и меня он поражает, хотя я и не особенно склонен доверять сновидениям!..

— Как же вы его толкуете?

— Толковать трудно. Что сон этот, очевидно, возвещает события не особенно отдаленного грядущего, в этом, сдается мне, сомневаться не следует, потому что он мне кажется по своей последовательности пророческим, тем более что и касается-то он такого святого лица, как о. Серафим. Не приблизилось ли время прославления мощей о. Серафима?

— Это похоже, что так, хотя слухов об этом что-то не предвидится... Слова «сегодня умрет» — думаю я, относятся к моей больной старушке матери, но и это только гадательно. Я думаю так только потому, что и во сне так подумал. Но вот этот день «сегодня» уже прошел, и никто, слава Богу, не умер. Что означает эта — не то охота, не то война — около Государя? Да! Трудно, трудно нам в этом сне разобраться. Одно кажется ясным в этом знаменательном сне, что отец Серафим скоро будет прославлен в святых мощах и что вас он взял под свое покровительство, раз в доме вашем молился. Не поехать ли вам к нему в Саров поклониться его могилке? Здоровье-то ваше не из крепких: у него там целительный источник — помолитесь — Бог даст и выздоровеете!

Я ничего не ответил. Но этот сон врезался в моей памяти*.

* Этот сон осуществился во всех своих подробностях: не прошло трех месяцев — на Востоке началась «не то охота, не то война» с Китаем. Как известно, у нас с Китаем разрыва дипломатических отношений не произошло, война официально не была объявлена, а между тем кровь пролилась и льется еще до сих пор. Не лишним будет заметить, что лес, виденный во сне, от дома моего

III.

Почитаемый всею православной Россией, известный старец Оптиной Пустыни, отец Амвросий, высказал как-то раз письменное свое суждение о сновидениях. Слова великого Старца для духовной жизни каждого православного христианина — авторитет великий, и их я считаю особенно полезным и интересным привести в память, в применении к рассказанному сну моего знакомого.

Граф А. П. Толстой, бывший некогда обер-прокурором Святейшего Синода, обратился к отцу Амвросию с письмом, в котором, излагая сущность одного сновидения, виденного священником Тверской епархии, просит батюшку дать ему толкование и высказать свой взгляд на значение сновидений вообще и изложенного в частности.

Вот что по этому поводу пишет в ответ отец Амвросий:

«Решать подобные вещи неудобно. Впрочем, чтобы вас не оставить без ответа, скажем несколько слов, как думаем об этом, основываясь на свидетельстве Божественных и святоотеческих писаний.

находится прямо на востоке. Слова «сегодня умрет» действительно относились к матери моего знакомого: она умерла ровно через год после этого знаменательного сновидения и, кажется, именно в этот же день. Особенно поразительно сбылись слова Государя, обращенные к Преподобному: всей России известна теперь вера Государева в силу молитв Всероссийского чудотворца.

Что касается влияния отца Серафима на мою личную жизнь, то она обнаружится из последовательного развития этого очерка. Истинно «дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев»!

Были примеры, что некоторые доверялись всяким снам, впадали в обольщение вражие и повреждались. Поэтому многие из святых возбраняют доверять снам. Св. Иоанн Лествичник в 3-й степени говорит: «Верующий сновидениям во всем неискусен есть, а никакому сну не верующий любомудрым почесться может». Впрочем, сей же святой делает различие снов и говорит, каким верить не должно. «Бесы, — пишет он, — нередко в ангела светла и в лице мучеников преобразуются и показуют нам в сновидении, будто мы к ним приходим; а когда пробуждаемся, то наполняют нас радостью и возношением; и сие да будет тебе знамением прелести. Ибо ангелы показуют нам во сне муки и суд и осуждение, а пробуждшихся наполняют страха и сетования. Когда мы во сне верить бесам станем, то уже и бдящим нам ругатися будут. Тем только верь снам, кои о муке и суде тебе предвозвещают; а если в **отчаяние** приводят, то знай, что и оные от бесов суть» (отд. 28).

А ближайший ученик Симеона Нового Богослова, смиренный Никита Стифат, еще яснее и определеннее пишет о сновидениях. Он во 2-й сотнице, в главе 60, 61, 62 и 63 говорит: «Одни из сновидений **суть простые сны**, другие — **зрения**, иные — **откровения**. Признак простых снов такой, что они не пребывают в мечтательности ума неизменными, но имеют мечтание смущенное и часто изменяющееся из одного предмета в другой; от каковых мечтаний не бывает никакой пользы, и самое-то мечтание по возбуж-

денности от сна погибает, почему тщательные и должны это презирать.

Признак зрений такой, что они, во-первых, бывают неизменны и не преобразуются от одного в другое, но остаются напечатленными в уме в продолжение многих лет и не забываются. Во-вторых, они показывают событие или исход вещей будущих, и от умиления или страшных видений бывают виновны душевной пользы, и зрящего, по причине страшного и неизменного видения зримых, приводят в трепет и сетование; и потому видения таких зрений за великую вещь вменять должно тщательным.

Простые сны бывают людям обыкновенным, подверженным чревоугодию и другим страстям; по причине мрачности ума их, воображаются и наигрываются разные сновидения от бесов. **Зрения** бывают людям тщательным и очищающим свои душевные чувства, которые, через зримое в сновидении, благодетельствуемы бывают к постижению вещей Божественных и к большему духовному восхождению. **Откровения** бывают людям совершенным и действуемым от Божественного Духа, которые, долгим и крайним воздержанием, достигли степени пророков Божиих»...

Так рассуждает о снах старец Амвросий Оптинский.

Без сомнения, сон, виденный моим знакомым, должен быть отнесен к разряду **зрений**. Особенно это станет ясным, если я скажу, что этот мой знакомый облечен саном священника и по жизни своей и есть именно тот человек, «тщательный и очищающий свои душевные чувства»,

который, по Никите Стифату, «через зримое в сновидении благодетельствуем бывает к постижению вещей Божественных и к большему духовному восхождению».

Но и на меня это сновидение оказало благодатное и чудесное влияние.

IV.

Не сладка вообще теперь жизнь человека. Сын своего времени — и я не почивал на розах. Равнодушие и эгоизм міра заставили меня углубиться в самого себя, и то, что мною было в себе открыто, то, что таилось в глубине моей души, было до того ужасно, до того болезненно, что нужна была немедленная помощь опытной, и притом любящей, врачующей руки. Эта рука была рукой любвеобильной Православной Церкви, поддержавшей меня как раз в то время, когда я готов был стремительно низринуться в бездну самого мрачного отчаяния. Душа моя была исцелена, но организм мой был надорван в житейской борьбе, которую я пытался было вести, полагаясь на одни только собственные силы.

Тело просило исцеления, а наука была бессильна.

Лет восемнадцать или двадцать тому назад я впервые почувствовал приступы двух болезней, в последнее время разросшихся до степени застарелых мучительных недугов. Один из них лет десять тому назад потребовал даже операции, которую мне сделал в Москве профессор Склифосовский. После операции я года три чувствовал себя лучше, но потом старая болезнь возоб-

новилась с еще большей силой. Приступы ее доводили меня до состояния, близкого к обмороку. Исцеленная душа указывала и путь к исцелению тела. Во сне виденное явление отца Серафима в моем доме не давало ли мне некоторого указания по вере моей, что и я могу дерзать ему молиться об исцелении моих недугов?.. Бог, думалось мне, бесконечно велик, как в бесконечно малом, так и в бесконечно большом: и мал я, и убог, но и до меня, как до последней песчинки дна морского, может достичь Божественный свет Божественного Духовного Солнца — Самого Бога, в одном из лучей Его — святом подвижнике и угоднике Божием.

С каждым днем после знаменательного сновидения надежда эта все более разрасталась и наконец обратилась в полную уверенность...

— Вот увидите, — говорил я своим домашним, — съезжу в Саров и выздоровлю!

С неудержимой силой с тех пор стало меня тянуть поклониться могилке дорогого русскому сердцу святого подвижника, просить его святых молитв, самому помолиться Богу в тех местах, где все полно живыми о нем воспоминаниями, где для верующего должен с особой показательной силой проявляться вечный дух святого Старца.

Но дни уходили за днями. Занятый своими делами по сельскому хозяйству, проведу день в хлопотах и заботах, забуду о своем намерении, а вечер придет, опять вспомню как-то невольно о Сарове:

— Да когда же это я к отцу Серафиму выберусь?!

Наступит утро, и вновь дела, и, как нарочно, все самые неотложные, самые спешные...

Так тянулась истома мысленных сборов до второй половины июля.

V.

В ночь с 18 на 19 июля, под самое утро, я вижу сон: будто в дом ко мне приносят две иконы. В одной из них я узнал чудотворный образ Балыкинского явления Божией Матери, много прославленный чудесами от него и в наши дни. Копия с него находится в храме моего родного села. Лет тридцать тому назад она спасла от пожара половину села. Очевидцы этого чуда еще живы между нашими стариками. Самый же чудотворный образ находится в Орловском Введенском женском монастыре.

Другая икона, тоже Божией Матери, мне показалась незнакомой; но какой-то точно тайный голос поведал мне во сне, что эта неведомая мне икона с этого времени станет мне особенно дорогой и близкой.

Я стал усердно перед ними молиться и с молитвой проснулся. Под впечатлением этого сна, необыкновенно живо сохранившегося в воспоминании, рассказывая о нем своим домашним, я и говорю:

— Не ехать ли мне сегодня к отцу Серафиму? Эти две иконы, молитва перед ними — точно напутственный мне молебен и благословение свыше на путь мой в Саров!

К удивлению моему, со стороны моих домашних я не встретил никаких противоречий:

— Что ж — с Богом! Докуда ж тебе собираться!

Хоть и стояло начало рабочей поры — у нас начали косить рожь, — но, как нарочно, по благословению Божьему, все остальные мои хозяйственные и, главным образом, финансовые дела к этому дню устроились так, что я мог беспрепятственно отлучиться из дому недели на две, а то и более.

Благословение Божие моему паломничеству, действительно, как будто почивало на всем моем пути в Саровскую и Дивеевскую обители.

Живо собрал я в дорогу несложные пожитки и уже вечером того же 19 июля выехал в Саровскую пустынь.

В Орле, в женском монастыре, у чудотворной иконы Балыкинской Божией Матери, я отслужил молебен и там же, в монастыре, от одной почитательницы отца Иоанна Кронштадтского узнал, что могу встретиться с батюшкой в Москве. К этому времени его ждали в Москве, проездом с родины его в Петербург. Так оно и вышло: несмотря на трудность доступа к отцу Иоанну, вечно окруженному как бы непроницаемой стеной скорбного человечества, я виделся с ним в Москве, даже ехал с ним в вагоне, и удостоился его беседы и благословения.

А как дорого верующей душе это благословение!

VI.

Из Москвы, чтобы быть в Сарове, мне надо было ехать до станции Сасово Московско-Ка-

занской железной дороги и оттуда 120 верст на лошадях до Саровской пустыни*.

На станции Сасово, куда я приехал часу в десятом вечера, мне обещали подать лошадей только к утру: ямщики уверяли, что ночью по заливным лугам реки Мокши, лежащим на пути в Саров, езда довольно небезопасна. «Ввалишься еще в какую-нибудь яму и не выберешься», — утверждали они и так и не поехали, несмотря на мои настояния.

Пока я собрался с духом послать со станции за ямщиками, мне пришлось выдержать некоторую борьбу со своим «ветхим человеком». Трудновато бывает совлечь его с себя! Предрассудки воспитания в современной, полуязыческой семье, столько лет жизни в среде «интеллигентов», привычка жить, думать и чувствовать по стадной мерке своего общества, с такой затаенной, а иногда и явной враждой и насмешкой относящегося к Церкви, и особенно к монастырям, — все это так смущало мою душу, что мне как-то не по себе, неловко как-то было спросить за общим столом, в виду «интеллигентных» пассажиров, у прислуживающего лакея — как мне нанять лошадей до Саровской пустыни. Будь это еще какой-нибудь завод или фабрика, а то вдруг — «пустынь»!.. С кем и с чем мы, «интеллигенты», обыкновенно соединяем в своем представлении монастыри, пустыни, церкви, иконы, чудеса —

* Теперь ближайший и наиболее удобный путь в Саров и Дивеев от Москвы: Нижний Новгород — Арзамас по железной дороге с пересадкой в Нижнем и грунтовой дорогой от Арзамаса 60 верст.

весь, словом, духовный обиход православного?.. С религиозными старушками, которых мы величаем «салопницами», с елеем, который мы брезгливо называем «лампадным маслом», со строгим исполнением обрядового закона, именуемого нами «ханжеством» и «лицемерием».

Не чужд и я долгое время был этим взглядам, и трудно мне было обнаружить в себе, да еще перед людьми, ту «салопницу», над которой и я, бывало, небезуспешно глумился.

«Взявшийся за плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Божия!»

Да! Порядочного труда мне стоило обличить себя во лжи и позоре моего малодушия.

В Сарове нашелся мне попутчик до половины дороги, на половинных расходах — офицер одного из армейских полков, расположенных в Петербурге, — милый и душевно чистый юноша. Всю дорогу до своего дома он мечтал, видя во мне внимательного и сочувствующего слушателя, как он все свои молодые силы думает посвятить на то, чтобы удержать за семьей уголок любимого родового дворянского гнезда, последнего остатка когда-то многочисленных и богатых поместий. «Видите направо город? Это — Кадом... Теперь возьмем влево — тут и наша усадьба. Вон — речка наша, церковь наша!.. Если бы вы знали, как во мне волнуется сердце при виде родных мест, как все мне здесь дорого! Господи, как бы сохранить хотя бы то малое, что у нас осталось».

Я видел это «малое». Только чистая любовь, безграничное и бескорыстное чувство, взлеле-

янное от колыбели, от детских невинных игр, могли желать его сохранения. Печать медленной, но верной смерти уже лежала на этом «дворянском гнезде»... И это желать сохранить... Никогда вам не понять, не оценить вам, холодные резонеры, осуждающие на эволюционную гибель поместное дворянство, а с ним и старую, могучую Россию, как можно болеть и мучиться от грозящей утраты того, о чем болел мой спутник! В наш век, когда для так называемых энергичных, предприимчивых людей такой еще в России непочатый угол того, что плохо лежит и на чем создаются, в ущерб родине, в короткое время колоссальные состояния, непонятен и чужд вам стон самой Русской земли, вырывающийся из груди безвестного дворянина-юноши, готового лечь костьми за такой уголок родимой нивы, которому и цены-то нет в капище биржевого Молоха!..

VII.

На полпути нашего совместного путешествия от Сасова, среди необозримых лугов по реке Мокше, в нашем тарантасе вдруг ломается колесо. Помощи ждать неоткуда: в лугах ни души — одни бесчисленные стоги сена, разметанные по всему необозримому простору мокшанского приволья, — немые свидетели нашего злополучия. Колесо, разломанное на мелкие части, беспомощно откатилось от тарантаса и лежит в глубокой выбоине. Что тут делать?! Ближайшая деревня верстах в двенадцати — когда-то еще до нее верхом доедешь! Стоит рабочая пора в са-

мом разгаре, — в деревнях только стар да млад. Да найдешь ли еще на железную ось тарантаса подходящее колесо?!

Мальчишка-ямщик чуть не плачет.

Батюшка, отец Серафим! Иль неугодна тебе моя поездка?..

Но мы забыли, что Господь волен помочь. — Не успели мы вылезти из тарантаса, даже толком не сообразили, что предпринять, как весело и звонко загремели неподалеку от нас бубенцы и колокольчики чьей-то лихой тройки. Смотрим и глазам просто не верим: близко-близко, нас догоняя, мчится обратная господская тройка. В одну минуту она нас догнала. Красавец кучер остановился, слез с облучка, достал из-под сиденья своего экипажа веревку, подмотал под ось валек из-под пристяжной...

— Ну, теперь пошел за нами, разиня! Господ-то я и без тебя довезу до деревни... Суетесь хороших господ возить, а с носа материнское молоко еще капает! — погрозился на мальчишку-ямщика наш благодетель, и мы, мягко и плавно покачиваясь на рессорах помещичьего экипажа, быстро покатились по направлению к ближайшей на тракте деревне, где достали и свежую тройку, и отличный тарантас, переплативши против первоначальной нашей сметы всего один целковый. Таково было над нами попечение, верую, дивного отца Серафима. Даже мой спутник, юноша, еще мало искушенный жизнью и более полагающийся на самостоятельные свои силы, чем на веру в попечение Божие, и тот был поражен и задумчиво проронил:

— Да, это действительно с нами как будто совершилось чудо!

Что бы сказал он, если бы знал, что в тот же день, буквально в тот же час, у меня в деревне, за восемьсот верст от места поломки нашего тарантаса, как я узнал по своем возвращении домой, Господь так же властно отстранил готовое разразиться еще более серьезное несчастие, даже бедствие?

Случай с нами в мокшанских лугах произошел около полудня 25 июля. В это время у меня в деревне рабочие ехали с поля на усадьбу обедать, как вдруг заметили, что на поле загорелось жнивье. Пока дали знать на усадьбу, пока с пожарной машиной и водой приехали на место пожара, успело сгореть с полдесятины жнивья и двенадцать копен ржи. Рядом стоявший скирд копен во сто и другие разметанные по всему полю и близ лежавшие копны, высушенные, как порох, долговременной засухой, огнем не тронуло: откуда-то внезапно сорвавшийся вихрь, при совершенно ясной и тихой погоде, закрутил на глазах моих людей пламя разразившегося пожара и кинул его на соседнюю пашню, где оно, не находя себе пищи, и потухло. Рабочим оставалось только залить остатки непрогоревшей золы да опахать на жнивье место пожарища. Можно ли назвать это случайным совпадением однородных обстоятельств? В міре, где нет ничего случайного, где некоторые законы, управляющие явлениями, очевидны и где другие предчувствуются и отыскиваются пытливым умом человека, может ли иметь какое-либо зна-

чение случай? И что такое — случай? Бессмысленное, пустое слово!

Есть Бог и есть Его противник — исконный враг человеческого рода. Люди утрачивают теперь это врожденное им и Богооткровенное знание — коренное основание всей человеческой жизни: и как от этой утраты смешалась и спуталась многострадальная жизнь современного человека!

Для меня несомненно, что оба происшествия были следствием вражьего нападения.

Вера для человека — всё и для этой, и для будущей жизни; в этой — как необходимая подготовка к будущей, в будущей — как осуществление ожидаемого по вере. Цель противника Бога — подорвать веру в людях и тем лишить блаженства будущего века, которого он сам безвозвратно лишился. Все нападения его на человека направлены к этой цели. Та же цель была и в подготовленных им со мной происшествиях.

Слава Богу, властно отстранившему вражие нападение.

VIII.

Остальной мой одинокий путь до Сарова был вполне благополучен. В девятом часу вечера того же дня, проехав более ста верст, я уже ехал лесом, на многие тысячи десятин окружающим Саровскую пустынь.

И что это за лес!.. Стройные мачтовые сосны, как чистая, благоуханная молитва, возносятся высоко-высоко, к глубокому, в вечернем сумраке потемневшему небу. Глядишь на них

вверх — шапка валится. Кругом тишина, безлюдье!.. Колеса тарантаса бесшумно врезываются в мягкие, осыпающиеся колеи глубокого песка краснолесья, изредка натыкаясь и подпрыгивая на корнях вековых деревьев, видевших уже первых пустынников саровских.

Вот они, места «убогого Серафима»! Так любил себя называть этот смирением великий светоч Православия.

Здесь ходил он в своей задумчивости, в непрестанно молитвенной, исполненной дивных видений и откровений горнего міра беседе с Вечно-Сущим. Боже, до чего они хороши! до чего они благодатны!.. Никакое описание не даст представления об этих дивных местах молитвенного благоухания и созерцательного безмолвия. Даже сами сосны и те молчат, созерцая, и те благоухают, осеребренные луною; точно молятся они, осеняя и благословляя своими пышнозелеными вершинами проходящих и проезжающих богомольцев... Кто не любил, поймет ли тот волну любви, когда она, вздымаясь из потаенной глубины человеческого сердца и разливаясь по всем тайникам сердечным, грозит своим трепетносладостным потоком залить жаждущую ответной ласки человеческую душу? Чье не страдало сердце, ответит ли оно на крик сердечной муки ближнего и может ли оно понять чужое горе? Кто не молился ото всей души, с любовью, с верою, с самоотвержением, тот не поймет молитвы веры. Кто не был в Сарове с верой в Серафима, кто не дышал напоенным его молитвой саровским воздухом, тот не поймет и не

оценит Сарова, хотя бы описанного и гениальным словом, хотя бы изображенного и гениальной кистью.

С темниковской большой дороги путь на Саровскую пустынь круто, под прямым углом, сворачивает в сторону. На распутье водружено Распятие, и от него в конце длинной просеки, все в том же мачтовом лесу, смотришь — высится к далекому небу своей белой колокольней и позлащенными соборными главами благоговейный храм неугасающей молитвы к Богу. Это — Саров.

Лениво, еле передвигая больные, усталые ноги, дотащила меня заезженная тройка «вольных» к большому двухэтажному корпусу монастырской гостиницы. Вышел келейник, забрал мои вещи и отвел меня во второй этаж, в довольно просторную и чистую комнату.

Расписался я в книге приезжающих богомольцев, поужинал от монастырской трапезы, попросил побудить себя к обедне и... погрузился в монастырское келейное одиночество.

Полная луна таинственно, спокойно глядит в открытые окна. Стоит теплая благовонная тихая июльская ночь. Аромат бесчисленной сосны дремучего бора плывет теплой струей целительного бальзама... Тишина полная, вся исполненная какой-то таинственности и благоговейного безмолвия. Только башенные часы на колокольне торжественно отбивают отлетающие в вечность минуты, да каждые четверть часа куранты играют что-то дивно гармонирующее, как бы сливающееся в тихом проникновенном аккорде с ниспавшей на обитель тишиной. Обитель спит...

Не спится мне. Образы прошлого воскресают и витают в лунном свете благоуханной ночи... Кто меня привел сюда из того міра, который породил когда-то эти одному мне видимые теперь прозрачные тени былого? Сколько в них муки, сколько искания правды, сколько падений, греха, сколько утрат, разочарования и, вопреки моей воле, чарующего обаяния! Я бегу от них, от этих обманчивых, лживых призраков, а распростертые их объятия тянутся за мной с тоскливой надеждой, льнут ко мне, обнимают меня, манят за собой... Грезы моей юности, несбывшиеся мечты, измученная любовь! Тоска!.. Тоска!.. Кто же привел меня сюда, в тихую пристань смирения и молитвы? Какая благостная сила, чья любящая, исполненная бесконечной жалости рука из вечно бушевавшей бездны моего житейского моря вынесли мою полуизломанную ладью на берег веры и любви к той истине, которой тщетно добивалось мое сердце в лежащем во зле міре и которая вся заключена в том, что не от міра сего.

Не спится мне... Но не волнение, не жгучая радость пенящегося через край фантастического восторга не дает сомкнуться усталым веждам: что-то необычайно безмятежное, светлое, лучезарное свевает с них дремоту, вливает в разбитые утомительной дорогой члены целительную теплоту блаженного успокоения. Тоска отпала, отвалилась... весь я точно улыбаюсь, точно расплываюсь в спокойно-радостной улыбке безмятежного счастья... «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ея; но когда родит младенца, уже не помнит скор-

би от радости, потому что родился человек в мiр. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас; и в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам» (Ин. 16, 21–23).

Не родился ли во мне новый человек? Неужели Он увидел меня опять?! Не оттуда ли эта дивная радость, истинно та радость, которая только в Нем и от Него, та радость, которой никто не отнимет у нас!..

IX.

Раннее солнышко разбудило меня задолго до благовеста. Как я задремал, полураздетый, не помню. Поднялся я свежий и бодрый, точно за моей спиной не была брошена почти тысяча верст утомительного пути. Но недуги мои были при мне, даже еще как будто злее вцепились они в мой крепко скроенный организм, столько лет ратоборствовавший с моими «лихими болестями» и только в последнее время начавший им поддаваться с зловещей слабостью.

Стояло чудное летнее утро, когда я вышел из монастырской гостиницы и пошел к «святым» воротам, ведущим в самый монастырь, где сосредоточена вся святыня пустыни и живет вся монастырская братия, рассеянная по келлиям больших каменных корпусов. Довольством и богатством хорошо организованного хозяйства, и притом хозяйства крупного, дышит от каждой монастырской постройки: видно — не на день,

не на два, а на времена вековечные строилось это братское общежитие.

Теплый зимний и летний холодный соборы изумительны по своему великолепию, особенно если их сопоставить с келлиями братии: в них не только не видно следов роскоши, даже у самого настоятеля, но не заметно склонности и к обыденному комфорту, без которого современный изнеженный человек, кажется, уже и существовать не может. Простота и незатейливость келейной обстановки тех, по крайней мере, келлий, куда я заходил случайным гостем, граничат с бедностию.

Не мое дело — вникать в дух братии, с которой я даже не имел времени близко ознакомиться. Но лично на меня внешность келейной жизни Сарова произвела впечатление простоты и искренности, неизбежных спутниц истинного благочестия. Неотразимое впечатление сохранилось в моей душе и от обрядового подвига молитвы Саровских пустынников. Такой церковной службы и такого к ней сосредоточенно благоговейного внимания со стороны монашествующих, как в Сарове, я до сих пор еще нигде не видал. Но не судить и не оценивать Саров я приехал, а взять от него с верой и любовью хоть крупицу того духовного богатства, которое им расточается рукой неоскудевающей всякому, к нему с этой целью притекающему.

X.

Я знал уже по жизнеописанию о. Серафима, где покоятся его останки, и прямо из свя-

тых ворот туда и направился. У юго-восточного угла летнего собора стоит сквозная стеклянная часовня с позолоченным небольшим куполом. Дверь в нее, тоже стеклянная, постоянно открыта. У массивного саркофага над батюшкиной могилкой служат почти непрестанные панихиды, — впадающий в Саров ручей паломников круглый год не иссякает. На стенах часовни, обращенных к стенам собора — изображения батюшки, его видение Царицы Небесной с двенадцатью девами, Иоанном Крестителем и Иоанном Богословом. Тут же в часовне под чугунной плитой покоится прах иеросхимонаха молчальника Марка. Молящиеся поминают за панихидой своих умерших, совершают поклонение перед могилкой батюшки, как перед святыми мощами, и вслед идут служить молебны в его келье, где он предал дух свой Богу, Которого так любил и Которому так послужил во все течение своей подвижнической жизни.

Келья батюшки вся с узелок: еле можно повернуться. В небольшой витрине сохраняется то немногое, что после него досталось Сарову: два клочка волос, сбитых как войлок, обломанные его ногти, его мантия, четки, полуобгоревшее Евангелие в кожаном переплете... вот и всё, кажется.

Вся главная святыня вещественных о нем воспоминаний перешла частью в рожденный его духом Дивеевский женский монастырь, частью к его мирскому послушнику, ныне покойному, помещику Николаю Александровичу Мотовилову, от которого она в свою очередь досталась

тому же Дивееву. Саров и в данном случае оправдал слова Спасителя: «Никакой пророк не принимается в своем отечестве».

После кончины батюшки все его немногочисленные вещи поступили было в общую «рухлядную» (склад), откуда их выручил Мотовилов, получивший от Сарова в дар и «пустыньку» батюшки, которую батюшка выстроил собственноручно и в которой он спасался в затворе. Другая его «пустынька» была отдана Дивеевским «сиротам», как их называл батюшка, — монахиням Дивеевской обители. В настоящее время обе пустыньки — в Дивееве.

Теперь, когда Бог указал Сарову, кем был для него и для Православной России дивный Старец, современная нам Саровская пустынь стала все делать, чтобы почтить своего подвижника: над его монастырской келлией строится великолепный храм, его источник, целительная сила которого известна далеко за пределами Тамбовской губернии, украшен часовней, могилу его, реликвии, после него оставшиеся, любовно оберегают — словом, о. Серафиму и первый почет, и первое место во всем монастырском обиходе. Не то было при его жизни. Пути Божии неисповедимы.

XI.

Литургия в летнем соборе поразила меня необычайной величественностью монастырской службы, особым напевом молитвенных песнопений, никогда еще мной неслыханным. Повеяло на меня от них такою седою древностью, что

невольно вспомнилась и далекая Византия, давно закончившая свои исторические счеты, и ее монахи, впервые внесшие свет Христова учения в родимую землю. Я не принадлежу к знатокам древлеправославного церковного пения, но мне показалось, что такой напев должны были слышать и Владимир Святой, и первые подвижники Киево-Печерской Лавры.

Поначалу, пока прислушаешься, слух, привыкший к италианизированному пению в городских церквах, даже как будто оскорбляется непривычной суровою монотонностью гармонии, странностью ритма. Но это только сначала, а затем так проникаешься этим истинно монашеским бесстрастным пением, что слова молитвы и напев соединяются в стройное гармоническое целое, не рассеивая, а напротив, сосредоточивая молитвенное внимание на самом духе слов молитвы.

От литургии, вместо трапезы в гостинице, я пошел в келью о. Серафима. Все разошлись обедать — народу в келье не было ни души, кроме старика монаха, кроткого и благодушного. Я застал его за исполнением своего послушания — посетителей не ожидалось и старичок оправлял лампадки и свечи, во множестве теплящиеся в последнем земном жилище батюшки.

— Можно мне будет здесь помолиться одному?

— Помолись, родимый, помолись — Бог благословит! — разрешил мне доброжелательный старичок, вышел из кельи и даже дверь за собою притворил... Какая благодатная душевная чут-

кость!.. Я помолился, как умел, помолился, как может молиться душа человека, издалека стремившегося в вожделенный дом молитвы...

Из кельи я пошел к источнику о. Серафима, этой русской Вифезде, целительная сила которой дана свыше по молитвам о. Серафима и от которой я и себе ждал чудесного исцеления.

Путь к этому источнику лежит по берегу прозрачной тихой речки — вернее — ручья, окаймленного все тем же чудным саровским лесом. Я верил, что только здесь, или уже нигде в этом міре, Господь исцелит меня. Я верил и все время молился, а ноги мои, безо всякого с моей стороны усилия, точно несли меня как на крыльях.

Полдневное солнце пекло невыносимо. Я буквально обливался потом, но не чувствовал ни малейшей усталости. От монастыря до источника версты три или четыре. Я, последнее время дома еле таскавший ноги, прошел это расстояние без малейшего признака утомления. Уж это было чудо. В устроенную у самого источника над вытекающим из него ручейком купальню я вошел — платье, бывшее на мне, хоть выжми. Не дав себе времени остыть, весь как был, разгоряченный быстрой ходьбой и палящим зноем, я разделся, спустился под кран, из которого серебристой струйкой текла ледяная вода источника, перекрестился: верую, Господи! и троекратно дал этой воде облить всего себя и больные члены...

Первое мгновение я совсем было задохнулся: ледяная вода меня обожгла — дух захватило.

Но какое дивное чувство наступило по выходе из купальни!

Точно новая струя новой жизни была влита во все мои жилы — далекая юность, казалось, вернулась вновь. Что будет потом? стал ли я здоров по вере моей? — я не задавался такими вопросами. Я просто радовался и любил отца Серафима, как любят врача, которому удается мгновенно утолить нестерпимую, жгучую боль, в ту минуту, когда эта боль прекращается. Эта пламенная любовь, которою внезапно загорелось мое сердце, эта радость любви по вере — не были ли они моим духовным окончательным выздоровлением, которое без всякого сравнения важнее всякого телесного исцеления?!

Как мне захотелось тут же, в часовне, над источником отслужить молебен, но некому было служить — не было иеромонаха, и, неудовлетворенный в своем желании, я пошел дальше в так называемую «дальнюю пустыньку», где спасался в затворе отец Серафим.

XII.

Иду да думаю: непременно завтра пойду пешком в Дивеев, — что-то мне сдается, что там, в Дивееве именно, с особенною силой действует дух батюшки. Где же ему и быть, как не у тех и не с теми, кого он при жизни своей любил до того, что терпел за них гонения, и кто его так любил и так ему верил, что шел на голод и жажду, на полную нищету, веруя далекой цели, определенной и поставленной батюшкой?! —

Так думалось мне. Смотрю: впереди идут пять монашенок... Не из Дивеева ли?

— Сестрицы! не Дивеевские вы?

— Да, батюшка! Дивеевские.

— Надолго ли пришли?

— Да вот, пришли к празднику Пантелеймона Целителя, а завтра домой. Завтра у нас всенощная под великий наш праздник. 28 июля у нас положено чествовать батюшки Серафима чудотворную икону Умиления Божией Матери, перед которой наш батюшка всю жизнь молился и жизнь свою кончил... Да вы небось сами знаете!

Я был поражен. Ехать за тридевять земель, не справляясь со святцами (да еще обозначен ли в святцах этот праздник?), собираться идти пешком из Сарова в Дивеев двенадцать, а то и все пятнадцать верст и угодить к такому празднику отца Серафима, как чествование его святыни — правда было чему удивиться... Батюшка, родной! Да неужели же ты сам незримо руководишь моими путями, неужели ты это влек и теперь еще продолжаешь влечь меня к своей святыне?!

— Сестрицы! Очень люблю я вашего батюшку — не возьмете ли меня с собой? Завтра я все равно к вам было собирался.

— Просим милости! Мы рады, кто нашего батюшку любит. Завтра зайдем за вами на дворянскую гостиницу и — с Господом! А то вы за нами зайдите. Спросите, где свещницы Дивеевские — вам покажут. Мы стоим в другом гостиничном корпусе. Евгению Ивановну спросите... А то нет — лучше мы сами за вами — так ча-

сика в два — зайдем: ко всенощной к нам тогда и поспеем...

На том и порешили. Я пошел с Евгенией Ивановной и сестрами по направлению к дальней батюшкиной пустыньке.

— Часто сестры ваши бывают в Сарове?

— Когда как, батюшка! Нет, где же часто? Своих работ у нас много — некогда расхаживать: на обитель по заповеди отца Серафима работаем. Мы вот свечи делаем, другие иконы пишут — у каждой свое послушание. Так, за год раз, а то и реже, пойдешь благословиться у матушки игуменьи сходить на батюшкину могилку да к источнику... Где — часто? От своего дела не находишься, да и ходить-то куда? Батюшка Серафим всегда с нами, у нас в Дивееве пребывает...

Уверенно, как о живом, сказаны были эти последние слова.

В дальней пустыньке опять захотелось мне отслужить молебен. Опять нет иеромонаха.

— По заказу у нас тут служат, или когда случаем бывает в пустыньке иеромонах, а так отслужить молебен нельзя и рассчитывать, — пояснил мне послушник, приставленный сторожем к пустыньке.

Около пустыньки, смотрю, выкопаны грядки. Растет картофель, несмотря на тень, такой густой и зеленый.

— Местечко сохраняем, как было при отце Серафиме. Тут батюшка своими ручками копал грядки и сажал картофель для своего пропитания, — сказал мне тот же послушник, все вре-

мя соболезновавший о том, что мне нельзя отслужить молебна.

Пошел я обратно отдохнуть в гостиницу. Зашел еще раз по дороге напиться к святому источнику. Какой-то, видимо, не здешний иеромонах о чем-то в часовне хлопочет, точно кого-то ищет, остановив свой вопросительный взгляд на мне и на моих спутницах.

— Что вы, батюшка, ищете?

— Хотел было молебен отслужить, да вот, петь некому.

— Давайте попробуем вместе: тропарь Богородице я знаю — как-нибудь и отпоем молебен. Было б усердие.

— Вот и прекрасно и преотлично. Я буду петь: Иисусе Сладчайший, а вы: Пресвятая Богородице, спаси нас! Бог поможет!

И действительно, Бог помог любви нашей. Откуда у меня взялся голос, звеневший под куполом часовни всею полнотой радости умиленного сердца?! Куда девалась вечно меня мучившая сухость гортани и мой нестерпимый кашель, составлявший всегда истинное несчастье не только для меня, но и для всех меня окружающих?! Звуки лились из исцеленного горла свободною и радостною волной, и чем дальше, тем все чище и чище становился мой голос... Да неужели же это исцеление?! Еще утром меня бил и мучил мой кашель. Просто как-то и верится и не верится... Нет, думаю: это оттого, что я все утро не курил. Вот приду в нумер — с первою же папиросой начнется тот же ужас... Да нет же! — и впрямь исцеление.

Однако того исцеления, которого трепетно ждала моя боязливая вера, я в этот день еще не получил. Кашлю стало значительно лучше. Табак не раздражал горла, как я того по давнишней привычке боялся, но другой и самый тяжелый мой недуг в тот же вечер сказался чуть не с большею силой.

Буди воля Твоя, Господи!

Да, не молитвенному экстазу, не самовнушению следует приписать мое последующее исцеление, из полукалеки возродившее меня к жизни здорового человека. Оно свершилось, правда, необыкновенно быстро, но не с тою молниеносною и всегда кратковременною силой, которая действует в нервном организме, доведенном до полной экзальтации.

Что было нужно для исполнения моей веры, покажут дальнейшие события.

XIII.

У отца игумена я просил благословения исповедоваться и причаститься. Ему же я сказал, что собираюсь идти на следующий день пешком в Дивеев.

Полный благодушия и сердечного гостеприимства, отец игумен, благословляя меня, предложил лошадок.

— Путь не близкий, да к тому же и жара — утомитесь!

Я отклонил радушное предложение.

Вечером была всенощная с соборным акафистом Великомученику Пантелеймону. Началась она в половине седьмого, кончилась около часу ночи.

Наутро — литургия. После трапезы жду своих спутниц. Проходит час, бьет два часа — их все нет. Не забыли ли обо мне? А может, и не поверили: поблажил, дескать, барин, и не пойдет, да еще в жару такую. И правда жара стояла такая, что мне, отвыкшему от ходьбы, отправляться в путь пешком в этот зной казалось даже и небезопасным. Только в половине третьего я не вытерпел — отправился за своими спутницами сам. Смотрю, собираются в путь, чай пьют наскоро.

— А мы за вами хотели сейчас идти!

— Торопитесь, сестрицы, а то я ходок плохой; до всенощной, боюсь, не успею дойти.

Собрались быстро. Ровно в три часа мы двинулись в путь.

Солнышко, еще высоко стоявшее на небе, заслонилось небольшим облачком, и облачко это стало росить на нас мелким-мелким, как сквозь тончайшее сито, дождичком. Одежды не смачивал он, а — так, точно освежающею росой обдавал. В другое время я бы не обратил на этот дождик внимания, но в Сарове, так близко от отца Серафима, ни одно явление не могло пройти незамеченным, и душа требовала ему должного объяснения. А объяснение просилось только одно — Бог за молитвы отца Серафима.

Предположение мое о том, что я плохой ходок, на этот раз оказалось лишенным основания. Вперед ушли я да старшая сестра, Евгения Ивановна; остальные, замешкавшись в Сарове со сборами, далеко от нас отстали. Шли мы с Евгенией Ивановной рядом параллельными тропинками, извивающимися около дороги в Дивеев.

Верст шесть пришлось идти лесом. Зазвонили в Сарове к вечерне. Могучая медная волна догнала нас и плавно, благоговейно понеслась перед нами, одухотворяя мощные вершины кудрявых сосен и мохнатых, угрюмых елей. Какие-то прилично одетые богомолки на телеге проплелись ленивой трусцой мимо нас в Дивеев. Евгения Ивановна молчала, и мне не говорилось. Вековой бор плохо располагал к словоохотливости, да и не шла она как-то к моему молчаливому настроению: душа насторожилась в ожидании... Прошли мы лес, вошли в открытое поле, засеянное гречихой; солнышко выглянуло из-за набежавших тучек, но уже не пекло, как в Сарове, — был пятый час вечера. Ударило оно по серебру гречихи и точно бриллиантиками рассыпалось в росинках просеявшейся на гречиху тучки. Какая-то большая деревня встретилась на пути. В стороне — завод какой-то.

— Это — Балыково, — объяснила мне Евгения Ивановна, — руду здесь плавят.

— Много ли до Дивеева?

— Да верст еще шесть будет.

Пошли в гору. Песок сыпучий так и шуршит, оплывая под ногами.

Отставших сестер стало видно, торопятся, нас догоняют.

— Вот с этой горки и Дивеев будет виден, — сказала Евгения Ивановна.

Вскоре перед нами, верстах в пяти, поднялась к небу высокая колокольня; за ней показался и громадный Дивеевский собор... Будущая женская лавра, по предсказанию отца Серафима,

четвертый и последний жребий на земле Царицы Небесной. «Первый удел Ея, — говорил Батюшка, — гора Афон святая, второй — Иверия, третий — Киев, а четвертый, радость моя — Дивеев! В Дивееве и лавра будет. Не было от века женской лавры, а в Дивееве она будет. Сама Царица Небесная его Своим последним на земле жребием избрала. Стопочки Самой Царицы Небесной его обошли, и когда придет антихрист, ему на земле всюду доступ будет, а как дойдет до места, где Ея Пречистыя стопочки прошли, так и не переступит, а обитель на небо поднимется. Во, радость моя, что будет! Но будет уже это при самом конце міра, а до тех пор Дивеев станет Лаврой, Вертьяново (ближнее село) город будет, а Арзамас — губерния...»

XIV.

Дивеев весь существует, как и возник, чудом. Еще лет тридцать-сорок тому назад, отходя ко сну, сестры сплошь и рядом не знали, чем сыты будут; ни угодий таких, как в Сарове, ни капиталов, зерна даже в пустых закромах амбаров не было; а придет утро — откуда ни возьмись, является помощь, и Дивеев цветет и укрепляется за молитвы своего батюшки на диво и зложелателям своим и благодетелям. Прочтите Дивеевский мартиролог за все время существования этой будущей лавры — он и неверующего наведет на размышление.

Оставалось до Дивеева не более трех верст. Все мои спутницы подтянулись, собрались вместе... Внезапная усталость, которой я не ощущал

все время пути, точно сварила меня. В спине точно кол встал.

— Не отдохнуть ли нам, сестрицы?

— А что ж? Хорошо будет — наши-то ведь тоже к ходьбе не очень привычны: по нашей работе все больше стоять да сидеть приходится. И мы приуморились.

Как-то раз на охоте, утомленный знойным июльским полднем и продолжительной ходьбой по лесному дрому и валежнику, я повалился под первый попавшийся куст и уже заснул было, как вдруг почувствовал, что я весь искусан. Это были муравьи, целыми тысячами забравшиеся в одежду — я лег на муравьиную кочку. С тех пор я с щепетильною осторожностью выбирал себе в лесу место для отдохновения. И на этот раз около перелеска, мимо которого вилась торная дорога в Дивеев, я тщательно осмотрелся и присел в тени кудрявой березки на истоптанной, избитой многочисленными и постоянными пешеходами тропинке.

Не успел я опуститься на землю, как буквально был облеплен муравьями. Откуда они взялись? Но одежда, руки, ноги так и закишели этими надоедливыми насекомыми. Я тут же вскочил как ужаленный, стряхнулся: муравьи как-то сразу с меня осыпались; а сестры и говорят:

— Нет, батюшка, Царице Небесной, видно, не угодно, чтобы вы садились на пути в Ее обитель: надо идти.

Усталости моей как не бывало. Да! видно, «взявшись за плуг, не следует оглядываться на-

зад»!.. Царице Небесной не угодно! Да где же это я в самом деле?

Какие это я по-нашему, по-мирскому, «дикие» слова слышу, да еще произносимые с такой силой убеждения, которая исключает всякую возможность какого-либо сомнения!

Я и сам убежден. Мне самому уже нисколько не кажется странным, что те или другие мои действия могут быть угодны или неугодны Царице Небесной. И что странно — такая внезапная как бы высота моя, поднявшая меня до Владычицы міра невидимого, меня ничуть не возвышает и не умаляет; я все тот же, но только вера моя уже не допускает никаких сомнений. Я знаю, что вступаю в мір сплошного чуда, что я иду не в Дивеевский женский монастырь, расположенный в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, а в Лавру, где Игуменией Сама Заступница рода христианского, где живет и действует, не умирая, дивный устроитель и попечитель обители отец Серафим Саровский. Грань между видимым и невидимым, помимо моей воли, нарушилась и слилась в один неудержимый поток безграничной веры, затопивший и ум мой и мое сердце.

XV.

Зазвонили ко всенощной, когда мы были уже на полях только что сжатой Дивеевской ржи. Вошли в ограду монастыря. Сестры повели меня к себе:

— Чайком хоть горлышко промочите — ведь небось устали, родимый! Ко всенощной еще по-

спеете: до второго звона еще далеко... Батюшка! Да вы никак всю дорогу шли без шапки?!

Действительно, я, сам того не замечая, всю дорогу, точно не смея покрыть свою голову, шел с непокрытой головой.

Выпил я у них, приветных, чаю, утолив нестерпимую жажду. Пора была спешить ко всенощной. Поблагодарив своих «сестриц названных», я пошел в собор.

В собор я вошел к самому величанию Божией Матери. Народу из мирских было немного. Простой народ разгар рабочей поры согнал весь в поле. Но громадный собор не казался пустым — своих, Дивеевских, было довольно, чтобы в храме без тесноты было много народу.

Когда отошла всенощная и стройные ряды нескончаемой вереницы монахинь степенными парами стали подходить и прикладываться к образу Божией Матери, я попросил близ стоявшую монахиню передать игумении через благочинную письмо, врученное мне в Москве одною из глубоких почитательниц памяти отца Серафима Саровского.

Пока ходили с письмом, я, присев в темном уголке собора, мог оглядеть его и был изумлен его великолепием: чудная живопись, масса воздуха, красота отделки, еще не вполне, правда, законченной — вот оно, живое исполнение пророческих слов отца Серафима: «Саровские собору вашему зáвидовать будут!..» Какая нужна была в то время вера у сестер, которым в своем захолустье не на что было купить маслица для лампадок, чтобы нести свой тяжелый крест аб-

солютной нищеты в уповании на вдохновенные слова своего батюшки! А ведь некоторые из сестер, его современниц, дождались своего предсказанного собора.

Подошла ко мне какая-то монахиня:

— Матушка игумения вас просит.

Опять пришли мне на память пророческие слова отца Серафима:

— Тогда, радость моя, и монастырь у вас устроится, когда игуменией будет у вас Мария, Ушакова родом.

Эта самая игумения Мария, Ушакова родом, и звала меня теперь к себе.

На игуменском месте я увидал женщину, показавшуюся мне немного старше средних лет, необыкновенно бодрую и живую. Глаза так и смотрят сквозь всего человека!

— Это вы изволили передать мне письмо?

— Я, матушка игумения.

— Откуда приехали к нам?

— Я, матушка, с сестрами вашими, свещницами, пришел пешком из Сарова, а туда приехал из Орла, где у меня поблизости имение.

— Удивительно, как это вас наш батюшка привел к нам в обитель в самый праздник его святой иконы!.. Завтра от обедни прошу покорно пожаловать ко мне.

— Благословите, матушка.

Одна из спутниц, видимо дожидавшаяся моего выхода от всенощной, отвела меня из собора в гостиницу, разыскала заведующую, сдала ей меня с рук на руки и только тогда со мной попрощалась, когда убедилась, что меня как

следует поприветили. Дали мне чистенькую комнату, накормили, напоили и спать уложили — совсем как в сказках, которые вечерами невозвратного милого детства рассказывала, бывало, убаюкивая меня, моя старушка няня.

Хорошо, гостеприимно в Сарове. Но только женская, любящая рука может так успокоить и устроить усталого путника: забываешь, что ты в гостинице и что ты, в сущности, человек здесь пришлый и вполне незнаемый. Но они, эти милые, любвеобильные сестры, должно быть, своею врожденною чуткостью, свойственною только женскому сердцу, узнают «своего» под всякою внешностью. А внешность моя, по платью, по которому встречают, не была из внушающих доверие: весь я от дороги был запыленный, грязный, вид имел самый обтрепанный...

XVI.

Солнышко едва поднималось над горизонтом, как я уже шел к Казанской приходской церкви села Вертьянова. Церковь эта имеет свою чрезвычайно интересную историю, как и всё, впрочем, так или иначе относящееся к отцу Серафиму. Теперь пока эта церковь приходская, но ей с течением времени суждено быть теплым монастырским собором — так указал быть сам батюшка, а слово его не может не исполниться: сколько таких его пророческих слов уже дождались своего осуществления, «рассудку вопреки, наперекор стихиям» — по нашим, конечно, мирским скептическим понятиям!

Около этой церкви погребена святая основательница Дивеева, в міру — вдова полковника, Агафия Мельгунова, в монахинях — старица Александра. Поблизости расположены могилы и двух великих сердцем мирских послушников отца Серафима — Мантурова и Мотовилова.

Опять весь Дивеевский мартиролог восстал перед моими глазами: дивная нищета, принятая Бога ради, добровольно, из послушания, первым и пламенеющее любовью и верой сердце второго — вот они во главе со своим батюшкой и святыми старицами Дивеевской общинки, первоначальники современной нам великой обители. Вера их не постыдила еще их и здесь на земле... а там-то, там-то что? там, где они слышат теперь «глаголы неизглаголанные», которых человеку нельзя пересказать, и видят то, что око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не всходило?!

Заблаговестили в соборе к обедне. Хороша литургия в Сарове, но что-то суровое слышится в Саровских песнопениях: чудится в них возмездие Бога Карающего. В Дивееве чувствуешь милосердие Божие: недаром, по вере сестер обители и по словам отца Серафима, здесь всегда присутствует Святая Игумения — Заступница Усердная рода христианского.

После литургии я попросил отслужить молебен перед чудотворной иконой Умиления или, вернее, Радости всех радостей, как ее называл и повелевал всем называть сам отец Серафим.

Когда кончился молебен, я стал подниматься на ступеньки возвышения, на котором стоит

икона, и вижу, и глазам своим просто не верю: батюшкина икона — это та, та самая, которую я видел во сне перед отъездом в Саров! Та самая, никогда мною до этого времени нигде не виданная, изображающая Богоматерь в момент произнесения Ею слов к Архангелу Гавриилу — «се раба Господня, да будет Мне по глаголу твоему». Кроткий лик дивной Девушки, почти Ребенка, опущенные вежды, сложенные крестообразно на груди руки...

Можно ли словами передать тот благоговейный трепет, который всколыхнул всю мою душу при этом неожиданном явлении?! Пораженный таким чудесным открытием, не смея даже приложиться к самому чуду, я со слезами на глазах перекрестился и поцеловал маленькую икону, копию, как потом оказалось, чудотворной, поставленную в ее уголке, и только после этого целования дерзнул приложиться к самой Царице Небесной. Только это я приложился и хотел было уходить, не отрывая все еще глаз от дивного Лика, как меня подозвала к себе игумения.

— Меня сильно поразило ваше у нас появление. Я узнала в подробности, как вы к нам пришли. Необыкновенное совпадение вашего прихода с нашим праздником заставило меня усмотреть в этом водительство самого отца Серафима по изволению Самой Матушки Святой нашей Игумении. Я велела освятить для вас иконочку, точную копию с чудотворной иконы: извольте ее взять в благословение от нашей обители, как бы от самого Серафима. Вот

она, освященная, стоит в уголке чудотворной иконы.

С этими словами игумения сошла со своего места, провела сама меня к иконе и дала мне ту маленькую, поставленную внутри рамы чудотворного образа, к которой я к первой приложился после молебна.

Я передаю все знаменательные и удивительные события, со мною совершившиеся, как летописец. Я не могу, не смею умолчать о них даже перед самою страшною боязнью присвоить себе, недостойному, значение, которого я не заслуживаю, не имею и заслужить никогда не буду в состоянии. Самый даже страх, привитый чуть не с колыбели, перед ядовитою и злою насмешкой міра, не может меня остановить в рассказе о том, чего я не смею утаить, как дела явно Божиего.

«О глубина богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?.. Всё из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь».

XVII.

Нетрудно себе представить, как я провел весь последующий после этого события день в обители. Не шла на ум еда — я носился, как на крыльях, боясь пропустить своим благоговейным вниманием все, что составляет святыню Дивеева. А святыня — это весь Дивеев и вся его святая любовь, которая прорывается, бьет ключом из каждого уголка этого удивительного места,

из каждой кельи, из каждого ласкового слова как самой игумении, так и всех виденных мною сестер.

Незабвенно до конца моих дней мое полуторадневное пребывание в Дивееве! От каких «тяжких и лютых» спасет меня в дальнейшей жизни моей связанное с тобой воспоминание о твоей святыне, о твоей любви, дивный Дивеев!..

Вся батюшкина святыня — в Дивееве. Все полно им. Он невидимо здесь присутствует. Его присутствие до того здесь ощутимо, что невольно хочется спросить иной раз: как пройти к батюшке? да спохватишься и вспомнишь, что его нет, родимого, в том облике, который доступен непосредственному общению; а все-таки его присутствию веришь и чувствуешь, что он недалеко, что — здесь он, бесценный*.

В храме, в котором дальняя батюшкина пустынька обращена в алтарь, в витрине хранятся его вещи, все, что после него земного осталось. Епитрахиль его, поручи, крест медный, которым мать его благословила, отпуская в далекий монастырь, его лапотки, его полумантия, в которой он ходил постоянно, Псалтирь его, которую он всегда в мешочке носил за спиной с

---

* Эта тайна общения в Дивееве міра видимого с міром невидимым испытывалась не одним мною. Многие, бывшие в Дивееве, передавали мне, что и они ощущали близость к себе о. Серафима. Более «простые сердцем» встречали его преимущественно в том месте Дивеева, которое зовется «канавкой Царицы Небесной», даже вступали с ним в беседу, как с обыкновенным старцем-паломником, и только знаменательность встречи и часто чудесное исчезновение из поля зрения очевидцев давали разуметь, что встреча эта не была из числа обыкновенных.

другими книгами Священного Писания, топорик, на который он опирался и которым работал... В алтаре, за Престолом, у Горнего места, лежит камень, скорее обломок того камня, на котором, стоя на коленях, с молитвой мытаря на устах, он молился подряд тысячу ночей. Там же лежит отрубок с корнем того дерева, которое по молитве батюшки преклонилось в сторону Дивеевской обители в обличение гонителей его усердия к Дивеевским сестрам и неустанных его забот о них (см. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря).

Любовь, которою окружены эти реликвии, не поддается описанию — во всем святое отношение к святыне: пылинке не дадут сесть заботливые сестры. Сестра, показывавшая мне святыню, видя мое благоговение, со слезами на глазах покрыла меня епитрахилью батюшки и дала поцеловать его крест. Сам отец Серафим рукой своей послушницы благословил меня — такое у меня было в эту минуту чувство.

XVIII.

В келье матушки игумении я познакомился со вдовой Николая Александровича Мотовилова, Еленой Ивановной, необыкновенно доброй, приветливой и бодрой старушкой.

Удивительно прекрасна старость в Дивеевской обители! Матушка игуменья, показавшаяся мне женщиной средних лет, родилась, оказалось, в 1819 году. Елена Ивановна немногим ее моложе. Но какая бодрость движений, твердость походки, почти юношеский блеск глаз! Елена

Ивановна, современница отца Серафима, видевшая его, слышавшая его речи, — она — живая летопись монастыря. Я был по ее приглашению у нее в келье и не мог не изумиться богатству ее памяти и живым рассказам о прошлом и настоящем Дивеева.

— Все у нас, — рассказывала мне Елена Ивановна, — делается в монастыре батюшкой отцом Серафимом. В трудные минуты монастырской жизни все на него одного надеются и на его молитвы к Царице Небесной. — «Уж это, как батюшка укажет», — говорит в таких случаях игуменья... а батюшка, действительно, указывает: смотришь — или чудом все устроится, или доброго человека Господь пришлет на выручку обители из затруднения. Вот теперь большая скорбь у нас: колокольня наша сорока сажен высоты стоит неоконченная. Строил ее наш епархиальный архитектор, да Господь попустил такому греху случиться — этот архитектор колокольню-то выстроил, да нынче весною возьми да убей свою жену. Над ним суд назначили, а к нам прислали нового; а новый нашел, что колокольня, вчерне уже совсем отстроенная, неправильно выстроена — наклон будто имеет опасный, и прекратил работы. Было бы, кажется, над чем задуматься и чему огорчиться — не богата наша обитель капиталами — живем сами день за днем верой в о. Серафима! Доложили матушке игумении — «Видно, так батюшке о. Серафиму нужно!» — только и сказала наша матушка. Теперь повесили в середине колокольни отвес, и мы все ждем, каково будет распоря-

жение о. Серафима. Нам говорят: сломать заставят вашу колокольню; а мы веруем, что выйдет от батюшки распоряжение для славы Божией и пользы обители*.

Вы знаете — в Дивееве, где чему быть — все намечено было батюшкой еще при жизни, хотя телом своим он никогда в Дивееве не бывал. И все с необычайной точностью исполняется по его указанию. В эпоху Дивеевских смут, когда монастырю, казалось, грозило распадение (в точности по батюшкиному предсказанию), когда в дела монастыря вмешивались люди, стремившиеся изменить все батюшкины предначертания, те же люди, против своей воли, исполняли волю и указания батюшки. Шли против него, а делали по его.

Теперь в обители 950 сестер, а средств к существованию немногим разве больше, чем было, когда сестер тридцать едва не умирало с голоду, и тем не менее обитель процветает. Мы уже привыкли к чудесам, но и мы иной раз удивляемся — откуда что берется, откуда берется это изобилие всего и материального и духовного? У нас все свое: свои живописные, свой кирпичный завод, сами свечи делаем — нет, кажется, отрасли монастырского хозяйства, которая бы не производилась своим монастырским трудом на нужды обители.

---

* Вера Дивеевских насельниц не была посрамлена — колокольня теперь уже отстроена. Кажется, и «опасный» наклон признан даже полезным в архитектурном отношении ввиду расположения Дивеева на полугоре. Так печется о своих «сиротах» незримый архитектор.

Хорош ведь наш собор? Он почти весь — труд сестер наших. Дивен наш о. Серафим.

Да, дивен Батюшка! Когда я читал его жизнеописание и историю Дивеева, свидетелей начала которой еще много в живых (в обители, кроме Елены Ивановны, я видел двух монахинь — современниц блаженного старца — мать Ермионию и мать Еванфию), я не мог все-таки себе представить всей силы чудес о. Серафима.

XIX.

— Хочу теперь я показать вам, — сказала Елена Ивановна, — всю свою святыню, которая пока еще у меня хранится. Ведь вы знаете, чем был для моего покойного мужа о. Серафим. Батюшка очень его любил. Долго мой муж упрашивал о. Серафима позволить снять с него портрет, и только после неоднократных и долговременных настояний Батюшка согласился. Вот этот-то его первый портрет я и хочу показать вам — он необыкновенный: иногда он сурово смотрит, а иногда улыбается, да так приветно... Вот сами увидите!

В моленной Елены Ивановны, над небольшим столиком, на стене я увидал этот портрет.

— Смотрите, смотрите: улыбается!

— Да еще как улыбается!

Лицо, прямо обращенное ко входящему, улыбалось такою улыбкою, что сердце светлело, глядя на эту улыбку — столько в ней благости, привета, теплоты неземной, доброты чисто ангельской. И улыбка эта не была застывшею улыбкой портрета: я видел, что лицо все более и более оживлялось, точно расцветало...

Что-то упало к моим ногам и у ног остановилось.

Я вздрогнул от неожиданности... Смотрю, у моих ног лежит апельсин. Не придавая ему значения, я наклонился, чтобы поднять его и положить на стол под изумительным портретом... Елена Ивановна меня порывисто остановила:

— Не кладите апельсина на стол — он ваш: его вам сам батюшка дает!

Я недоумевающе взглянул на Елену Ивановну. Как ни был я подготовлен к чудесам Дивеева, восклицание Елены Ивановны показалось мне странным — этак, подумалось мне, во всем можно усмотреть чудо. Нехорошее чувство зашевелилось во мне...

— Ваш он! Я вам говорю. Вам его Батюшка дает. Чему вы удивляетесь — ведь не воплотиться же для вас отцу Серафиму, чтобы из рук в руки дать вам этот апельсин. Неужели же можно назвать в наших местах, где мы все живем и дышим отцом Серафимом, случайностью это падение апельсина со стола к вашим ногам? Ведь вы и близко-то к столу не подходили... Я вам сейчас скажу, как попал ко мне этот апельсин: 22 июля на Марию Магдалину наша игумения именинница, из ее рук я получила его. Несу его домой да думаю: кому мне его дать? И как все у нас делается по благословению о. Серафима, я положила апельсин под его портрет да и говорю: ты уже сам дай его, кому захочешь. Надо же вам было приехать сюда за тысячу почти верст и чтобы в день батюшкиного праздника этот апельсин со столика свалился к

вашим ногам... Как же он не ваш? Как же это не сам отец Серафим вам его дарит?!

Я не стал противоречить. Нехорошее чувство сменилось светлой радостью веры, начавшей было колебаться*.

На этом, однако, не кончилась моя незабвенная встреча с дорогою Еленой Ивановной. Продолжая наш разговор с ней, я рассказал ей о знаменательном сновидении моего знакомого, поведал о своем сне перед своим отъездом в Саров, о том, какая была виденная мною во сне икона.

— Вы не помните, в ночь на какое число вы видели ваш сон?

— В ночь с 18 на 19 июля.

— Знаете ли вы, что это за день 19 июля?

— Нет, не знаю.

— Это день рождения о. Серафима!..** Вы посмотрите, только под каким руководительством вы находитесь и как необыкновенно и знаменательно все с вами совершающееся. Для чего-нибудь важного привел вас к нам батюшка!.. Меня это до того поражает, что я хочу подарить вам великую святыню, доставшуюся мне от покойного моего мужа: возьмите себе эти три камешка, — это осколки того камня, на котором о. Серафим молился тысячу ночей. Большой осколок этого камня хранится в алтаре, а эти — от того

* Апельсин этот цел у меня и поныне. Конечно, он успел высохнуть за время с июля 1900 года по май 1903 года, когда я пишу эти строки, но вид и цвет апельсина он сохранил неприкосновенными — порча его не коснулась, даже пятнышка нет на этом Серафимовом даре.

** Теперь и того больше — день прославления его св. мощей.

же осколка. Пусть они останутся в семье вашей как благословение отца Серафима.

— Спаси тебя, Господи, родная! За 800 с лишком верст не всякий может из наших мест собраться на поклонение твоей святыне, благословенный батюшка!..*

XX.

От Елены Ивановны по святыням монастыря моей путеводительницей вызвалась быть одна наша орловская старушка помещица, временами живущая в Дивееве — хороший и исполненный любви и веры человек. Мы с ней знали друг друга понаслышке.

— Не ожидала я встретить здесь представителя вашего рода!

— Почему так?

* «Тайну Цареву добро хранити, дела же Божии открывати и проповедати славно» — не могу умолчать о двух чудесах, бывших на моей родине, в с. Золотореве Орловской губернии, от воды источника отца Серафима. Дочка нашего приходского священника, о. Никольского, девочка трех лет, после кори лишилась зрения на один глаз. Врачи осудили ее быть кривой после безуспешного лечения, продолжавшегося более года. После трех дней примачивания больного глаза водой батюшки, девочка, прежде целыми днями сидевшая в темном углу и не выносившая света, выздоровела совершенно и теперь вот уже третий год видит одинаково обоими глазами.

Сын станционного сторожа станции Золоторево, Савелия Судённикова, мальчик 5 лет, катаясь на салазках с горы, ударился пяткой со всего размаха о стенку. Ногу свело. Мучительные боли не поддавались лечению, продолжавшемуся более года. Была решена операция. Вода о. Серафима, которой растирали больную ногу, исцелила ребенка. На третий день применения чудесного лечения, мальчик, не ходивший более года, стал ходить, опираясь на палочку. Боли же прекратились после первого растирания.

— Да родня-то вся ваша всегда были народ передовой: такое «отжившее» учреждение, как монастыри, как будто непоказанное для вас место!..

— Чего не бывает на свете! Знаете — «Бог, идеже хощет, побеждается естества чин». Надо думать, что побежден «моего естества чин»!..

— Слава Богу! Я, грешница, когда мне о вас сказала матушка игуменья, не без некоторого сомнения отнеслась к вашему паломничеству.

— Какое же сомнение?

— Да всякие бывают сомнения, — уклончиво ответила мне моя собеседница, — хорошо, что теперь могу сказать: слава Богу!

Я не стал допытываться. Человеку свойственно ревниво оберегать свою святыню, свой «бисер» от тех «свиней», которых так много теперь развелось на белом свете. Горькая, но, к сожалению, своевременная подозрительность!

С этой моей путеводительницей я посетил и обеих современниц отца Серафима — мать Еванфию и мать Ермионию. Они все в прошлом, эти две Божьи старушки, но прошлое это до того живо в их воспоминании, в их одушевленных рассказах, что невозможное становится возможным — само время кажется остановившимся, прошлое настоящим, и хочется от всей души воскликнуть: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?..» Прошлое старушек — это настоящее и будущее Дивеева — исполнившиеся и исполняющиеся предсказания отца Серафима о будущем этого последнего жребия Царицы Небесной.

— Еще многого, необыкновенного и важного для верующей души, вы не успеете увидеть в Дивееве: надо здесь пожить, и не день и не два, чтобы проникнуть во всю Дивеевскую глубину, обнять Дивеевские чудеса, и все-таки, кажется, сколько ни живи — всего не обнимешь! — сказала мне моя спутница. — А вот по канавке пройти вам необходимо. Возьмите четки вот у этой послушницы и пойдемте вместе.

Я исполнил эту великую обязанность, заповеданную Дивеевскими преданиями.

Канавка эта выкопана по указанию отца Серафима Дивеевскими сестрами еще при жизни батюшки. Ей отец Серафим придавал необыкновенное значение. Сам никогда в Дивееве не бывши и заглазно планируя будущую обитель, он отметил то место, где явившаяся ему в видении Матерь Божия обошла ту часть монастыря, до которой во времена грядущие не посмеет коснуться рука антихриста. Канавка — то самое место, где прошли «стопочки Царицы Небесной». Идет она неправильной фигурой, приблизительно четырехугольником, и верующие должны ее обойти с молитвой Иисусовой и Богородицы, прочитав их полтораста раз. С последним ударом заступа, закончившим рытье канавки, отлетела в Сарове душа отца Серафима из того, что он называл своею «грешною плотию».

Помнится, А. С. Суворин когда-то описывал свое видение усопшего Ф. М. Достоевского. Мне врезался в память загробный ответ Феодора Михайловича, который он дал на суворинские сомнения о том, что нас ожидает «там»: «Умри

прежде, тогда перестанешь сомневаться!» Вера для жизни — всё, а веровать можно или со слов Божественного Откровения: «Если не будете, как дети, не внидете в Царство Небесное!» — или с примера святых Божиих подвижников, подкрепленного их чудесами и их Боговдохновенными речами. Кто внимал житиям святых, тот знает изумительное согласие их «свидетельских показаний» о недоступном пока для нас міре сверхчувственных явлений*.

Современное неверие стремится умалить значение слов святых, их власти над покорившейся им природой земли и человека; оно утверждает, что наслоение всевозможных суеверий исказило будто бы слова и действия Божиих угодников. Неужели же при живых еще свидетелях подвига отца Серафима возможны такие наслоения? Эти многочисленные свидетели так чтут его святую память, что ни себе, ни другим не позволят ни прибавить ни убавить чего-либо из святых своих о нем воспоминаний. Надо видеть их, надо слышать их речи, как видел и слышал я, чтобы понять, какое богохульство заключено в малейшем к ним недоверии.

К чудесам Дивеева надо отнести и жизнь его «блаженных», несущих на себе тяжкий и для многих неизъяснимый подвиг юродства Христа ради. Несколько лет тому назад скончалась изумительная по своей прозорливости и другим духовным дарам блаженная Пелагия Ивановна,

---

* Спиритизм сделал кое-какие из них доступными; но я имею здесь в виду не бесовский обман, а явления благодати и силы Божией.

несшая свой нечеловеческий подвиг по благословению отца Серафима. На небесах, в книгах ангельских записано, сколько человеческих душ спасено этим «вторым Серафимом».

Ее преемственно сменила и теперь еще живущая в Дивееве так называемая Паша Саровская. Ее я видел мельком, не без тайного жуткого страха, на крыльце ее кельи.

Когда я заходил к ней, она легла отдохнуть и никого к себе не допускала. Я мог только войти в ее комнату, всю увешанную иконами, и помолиться. Блаженная лежала за ширмочкой. Я слышал, как она точно в забытьи шептала:

— Божечке — свечечка! Божечке — свечечка! Божечке — свечечка!

К кому относились эти слова и в чем заключался их таинственный смысл, для меня осталось непонятным...

Конечно, вторую ночь, проведенную мною в Дивееве, я заснуть не мог. Какой-то безотчетный страх напал на меня. Что-то грозное и страшное чудилось мне в каждом едва уловимом шорохе, в таинственном дыхании лунной ночи, в бледном полумраке моей комнаты. По коридору гостиницы бесшумно летала испуганная большая летучая мышь, точно выходец из неведомого, зловещего міра; изредка толкаясь о потолок и шлепаясь при своем падении на пол, она тем еще более раздражала мои натянутые нервы. Едва приподнялась для меня завеса чудесного, а человеческий организм уже не был в силах выдержать наплыва неизведанных, полных тайны впечатлений. Вот почему нам здесь открыто как

сквозь тусклое стекло «в зерцале или гадании». Не то будет там — «лицом к лицу».

Велика и дивна премудрость Божия!

XXI.

Бессонная ночь не утомила меня. Предутренний кратковременный сон настолько меня укрепил, что, вставши часов в шесть утра, я чувствовал себя совсем свежим. Иеромонах, служивший со мною вместе молебен у св. источника, опять встретился со мною в Дивееве. Тоже, как и я, он пришел, оказалось, пешком из Сарова. Надо было торопиться мне обратно в Саров к исповеди. Из Вертьянова привели мне пару лошадей. Я пригласил о. иеромонаха ехать с собой...

Прощай, Дивеев! Прощай, твой привет, твоя ласка! Прощай, твоя несравненная святыня! Увижу ли я когда тебя на этом свете? Или же доведется мне увидать тебя, во всей твоей славе вознесенным на небо от посягательства нечистой руки антихриста? Увидеть уже духом, конечно! Бог весть, но уже не забыть мне тебя до конца дней моих!..

День в Сарове, суббота, весь прошел в приготовлении к принятию Страшных и Божественных Св. Таин. Исповедовался я у духовника пустынной братии, о. Валентина. Самочувствие мое стало несравненно лучше: кашель почти прекратился, а другая моя болезнь тоже не дала себя почувствовать: в первый раз с окончания гимназии я почувствовал себя почти здоровым.

Вечером я отстоял Саровскую продолжительную вечерню, но уже утрени выстоять был не в

состоянии. Вышел я из собора около полуночи. На небе ни облачка. Во всем своем серебряном блеске сияет полная луна. Белые колонны собора светятся, отражая свет лунного сияния...

— Святии Архангели и Ангели, молите Бога о нас! Святии пророцы и апостоли, молите Бога о нас! Святии великомученицы и мученицы, молите Бога о нас! — благоговейным полушепотом произносят чьи-то молитвенные уста... Небольшая фигурка с непокрытою головой, с котомкой за плечами, в лапотках, с палочкой в руках, стоит вся залитая лунным светом и кладет глубокие, до земли, поклоны, обращаясь с крестным знамением на все Саровские храмы. Помолилась эта фигурка и тихими шагами, опираясь на свою палочку, пошла и потонула в ночной тени, брошенной монастырскими зданиями.

Необъяснимый прилив любви и нежности, не то сожаления, не то родного участия, потянули меня следом за странником. Почти около могилки о. Серафима я его догнал и, не говоря ни слова, сунул ему какие-то первые попавшиеся под руку монеты.

— Спаси тебя Христос, раб Божий Сергий!

— Откуда ты имя мое знаешь?

— Господь посылает узнавать своих! Помяните раба Божия Андрея! Храни вас Господь!

Фигурка тихо отошла и скрылась в глубине ночи. Я успел только .разглядеть чудесный, глубокий взгляд да высокий, открытый лоб, с откинутыми назад длинными, вьющимися волосами, молодого, красивого лица. Кто ты, раб Божий Андрей? Отчего мне так сразу тепло и радост-

но стало на сердце, точно встретился я не с тобой, безвестным, а с близким, дорогим, любимым существом? Не общая ли небесная родина, далекая, едва достижимая, едва постижимая, не она ли потянула друг к другу с неудержимою силой наши изболевшие души? Не воспоминание ли о ней, небесной, озарило тихою радостью мое больное, исстрадавшееся от бесчинной сутолоки сердце?! Бог знает!

XXII.

За литургией на следующий день напало на меня то состояние духа, которое Отцами Церкви называется «нечувствием».

Полная невозможность сосредоточиться в молитвенном настроении, скука, физическая усталость, тоска в ногах, тоска в сердце, какое-то непонятное душевное томление — хоть беги вон из церкви. Даже мысли какие-то богохульные стали неотвязно лезть в голову.

Не в первый раз доводилось мне испытывать такое настроение, и всякий раз с особенною силой оно охватывало меня в день Причащения за литургией. Чувство Иуды, какое-то духовное предательство. Не даром же, когда Господь с такой силой говорил Иудеям о Себе, как о хлебе, сшедшем с небес, который должно есть, чтобы жить во веки, «многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слышать?.. и с этого времени отошли от Него и уже не ходили с Ним». Надо самому пройти через это чувство перед великим и страшным Таинством Св. Причащения, чтобы его по-

нять и оценить по достоинству. Само оно не поддается описанию, которое могло бы выставить его в надлежащем свете. Но горе человеку, который поддастся и предаст себя этому чувству. Так было с Иудой и с графом Л. Толстым, если верить его «исповеди».

«И по хлебе тогда вниде в онь сатана», — говорит святой Благовестник Иоанн о предателе своего Господа...

Вдруг точно освежающая струя чистого воздуха влилась в мертвящую скуку моей тоскующей души... Слеза молитвы тихо скатилась... загорелось сердце и исполнилось блаженной радости перед грядущим великим Таинством... Рядом со мною на коленях, охватив руками склонившуюся до земли голову, весь отдавшись пламенной молитве, стоял раб Божий Андрей, мой вчерашний странник.

Я не заметил его прихода, не видал, как он встал рядом со мной, но я всем сердцем своим почувствовал чью-то, должно быть его, близость, и молитва его невидимо перелилась из его переполненного в совсем было закрывшееся для молитвы мое сердце... Перед Св. Чашей я стоял уже не как Иуда-предатель, а как разбойник, Его исповедующий.Твоя молитва, раб Божий, спасла меня от страшного осуждения!..

После Причастия я не нашел в соборе моего молитвеника. Не сказав мне ни слова, даже не взглянув на меня за все время, пока шла литургия, он ушел так же незаметно, как и появился.

Мой о. иеромонах, спутник из Дивеева, служивший в сослужении с о. игуменом и очередным иеромонахом обедню, за которой я сподобился причаститься, зашел за мною в монастырскую гостиницу, и мы вместе отправились до трапезы на могилку батюшки отслужить последнюю панихиду, в келью его — пропеть последний молебен. Послушник из гостиницы, Миша, да я составляли клир. Ах, какое это дивное чувство молиться не по заказу и не за заказной требой! Петь самому и в то же время самому молиться!..

Из батюшкиной кельи, знакомым уже путем, мы пошли с о. иеромонахом к св. источнику. В этот день и он и я — должны были уехать из Сарова. Кашля моего как не бывало; другая моя болезнь настолько ослабела, что я чувствовал себя почти здоровым. Только в левом ухе от моего жестокого носоглоточного катара оставалась глухота, еще не затронутая благодатным действием чудесного лечения.

В купальне источника я встретил опять раба Божия Андрея. Он только что, видимо, выкупался. Вода со смоченных волос течет струйками по радостному лицу... сам весь такой маленький, тщедушный, а глаза огромные из-под высокого белого, как слоновая кость, лба так и улыбаются приветливой улыбкой.

— Опять Бог привел свидеться!

На этот раз это была наша последняя встреча.

Последнее мое купанье в источнике о. Серафима довершило мое исцеление: томившая

меня глухота и шум в левом ухе исчезли моментально, как только я успел плеснуть на него водой из-под крана благодатного источника.

В вечер того же дня я уехал из Сарова. Прощаясь с саровским о. гостинником (так зовутся заведующие монастырскими гостиницами), я поведал ему свою радость.

— Воздайте, — сказал он, — благодарение Господу! Наш о. Серафим непрестанно подает за свои молитвы исцеление верующим. Так и я вот, грешный, за его святые молитвы исцелен был от жестокой лихорадки водой его источника. Да не я один: любого из нашей братии спросите — ни одного не найдете, кто бы не пользовался в своих недугах благословенной водой святого источника. Калек, расслабленных, параличных к нам возят отовсюду. Какие с ними-то чудеса бывают!.. Наш батюшка всех приемлет и за всех молитвенно предстоит перед Господом!

Видимо, исцеления здесь не в диковину. Какой бы гвалт подняли католические монахи, доведись чуду моего исцеления совершиться в местах их паломничества! Сколько бы протоколов было написано, сколько бы рекламных статей было напечатано! Может ли с чем быть сравнима эта благоговейная простота:

— Воздайте благодарение Господу!

И только. Прославление святого места со смиренной верой предоставлено Самому Господу. Это действительно вера, это истинно та любовь, которая «не ищет своего».

XXIII.

Обновленный и телом и духом вернулся я домой. Узнал о пожаре, о котором я уже писал в начале своих воспоминаний, узнал и еще нечто более удивительное. Служанка наша, девушка еще очень молодая и редко чистой души, две ночи подряд видела один и тот же сон: приходил к ней какой-то неизвестный ей сгорбленный старичок, одетый во что-то похожее на свитку и подпоясанный чем-то вроде полотенца. Старичок этот все просил ее доложить о своем приходе, а я ему будто все отказывал в приеме. В последнюю ночь перед моим отъездом в Саров, с 18-го, стало быть, на 19 июля, когда и мне снились две иконы Божией Матери, старичок опять явился во сне нашей Анюте и опять просил меня вызвать к нему. На этот раз я будто ответил: «Хорошо, сейчас к нему выйду — пусть подождет!» — а старичок, которому мой ответ был передан, смиренно сказал: «Ну что ж, я подожду! Я ведь у вас здесь часто бываю!»

19 июля вечером я уехал в Саров, и сновидение более не повторялось.

Я показал служанке портрет отца Серафима, данный мне в благословение отцом игуменом, и в отце Серафиме она тотчас признала виденного ею во сне старичка.

Был ли то действительно отец Серафим — один отец Серафим знает!

Что касается меня, то я знаю только, что все описанное мною здесь одна сущая правда. Ум мой говорит мне: умолчи о случившемся,

сохрани его в сердце своем и для близких, которые поймут тебя и не осудят, потому что и тебя знают, и знают все с тобой бывшее; а сердце, пламенеющее любовью к угоднику Божьему, властно требует громкой благодарности, запрещает лукаво мудрствовать и... странно: когда хозяйственный недосуг и горькие заботы, которыми так отравлена жизнь работника на черноземной ниве, вынуждали меня отвлекаться от велений сердца, я вновь начинал, хотя и смутно, чувствовать как бы возвращение своих исцеленных недугов.

Брался за перо, и опять ни тени прежнего нездоровья...

Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев!

XXIV.

На этом месте 27 августа 1900 года была закончена моя рукопись и была готова, чтобы сдать ее в безбоязненные руки тех искренних и честных людей, которые наперекор ядовитому дыханию злобного духа века сего не убоялись бы напечатать, ради Божией и св. Угодника славы, мое немудрое повествование. Но прошел год, а рукопись все лежала и лежала...

Что помешало мне?

Прежде всего — неуверенность в действительности и длительности моего исцеления: а ну как и в самом деле экзальтация, самовнушение?! «Да не будет ми лгати на святого!»

Неуверенность эта поддерживалась еще и тем, что чем дальше отходило в область воспоминаний мое путешествие, тем здоровье мое

становилось все хуже и хуже, хотя ухудшение это, как небо с землей, не могло сравниться с тем, что я испытывал до своей поездки. Я все чего-то ждал, или, вернее, меня что-то удерживало, а тем временем первый пыл благодарности стал понемногу затихать. Соображения чисто человеческого эгоизма, самолюбивого страха — что скажут? Да нуждается ли святой в моих неумелых прославлениях? Да принесет ли мое повествование кому-либо пользу взамен насмешки и глумления міра, которыми я несомненно буду удостоен? Все это исподволь заставило меня забыть то, что я считал своим долгом, пока не грянул гром, и я не... перекрестился.

Ровно год истек с того дня, как я окончил писать свои воспоминания о Сарове или Дивееве; я простудился на полусмерть, и мой недуг с такой силой вдруг возобновился, что моя душа три недели подряд буквально расставалась с телом. Опять спасла меня вода из св. источника отца Серафима, оставшаяся у меня в небольшом количестве от раздачи верующим, и только она одна, потому что в это время я других лекарств не употреблял.

В возобновлении своей болезни, и притом с такой ужасающей силой, я усмотрел наказание Божие и, уже не давая места никаким сомнениям, решил отдать свою рукопись в печать.

Верующим — на радование,
сомневающимся — на укрепление,
міру — на поругание.

27 сентября 1901 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Почти четыре года прошло со времени напечатания этого очерка в «Московских Ведомостях». Послужил ли он и в какой степени великому делу прославления св. мощей преподобного Серафима, мне неведомо, но тяжкое нападение «исконного человекоубийцы» пришлось-таки мне испытать на себе за Серафима или, по крайней мере, за мою любовь к этому великому Божьему Угоднику. Было ли это Божьим испытанием моей немощной веры или ненавистью «врага», не дано мне того знать; но вот что произошло со мной почти вслед за окончанием печатания этого очерка.

Я заболел вновь и все той же тяжкой болезнью, от которой я был исцелен в Сарове. В ночь со 2-го на 3 января 1902 года как последствие этой болезни со мной случился глубокий обморок. Почти всю ночь со мной провозились мои домашние и только под утро заснули утомленные, видя, что и я забылся в полуобморочном сне от тяжкого истощения.

Но Серафимова любовь бодрствовала. Утром мне стало немного легче, и я кое-как мог выйти к утреннему чаю в столовую. Горничная наша, Татьяна, подавая мне чай и соболезнуя о моем здоровье, вдруг обратилась ко мне:

— Сон, барин, я про вас нынче ночью видела удивительный. И сама не знаю — ни то во сне я это видела, ни то въяве. Дело так было: провозились мы с вами, почесть, всю ночь, и, как вас

уложили, я пошла на кухню да у стола, как была не раздеваясь и прикорнула головой на стол, ну не больше как на полчаса. Вижу это, во сне, стало быть: вы, больной, сидите в столовой, в халате на кресле, а какой-то старенький, сгорбленный старичок стоит в пол-оборота к Спасовой иконе. Смотрю — на балкон дверь открыта, и морозом так и прохватывает с надворья. «Батюшка! — говорю я, — кто вы такой?» «Я, — говорит, — отец Серафим Саровский». — «Что вы тут делаете? Зачем дверь-то открыта? Ведь так мы барина простудим!» А он мне на это: «Я молюсь о здравии твоего барина; а что дверь-то открыта, так ему воздух нужен!» — и с этими словами отец Серафим махнул своей ручкой по направлению к двери и стал невидим, а я проснулась.

Я послал за священником, и в этот же день у нас служили панихиду по отце Серафиме, а к вечеру меня свезли в Орел поближе к медицинской помощи, где мне было объявлено, что если в течение 7–8 дней мне не будет сделана операция, то смерть моя неизбежна. Орловской хирургии меня боялись доверить, а в столицу ехать было не с чем. Оставалось умирать, и я стал готовиться к смерти. Меня особоровали, но уговорить на операцию не могли.

Спокойно смотрел я тогда в глаза надвигающейся смерти. Может быть, оттого я и был спокоен, что это не была настоящая смерть, как показало будущее; но самочувствие было безнадежно: я, что называется, таял не по дням, а по часам. А доктор, меня лечивший, все торопил с операцией.

Серафим дал денег.

На другой день после моего приезда мне эти деньги были почти насильно навязаны двумя добрыми человеческими душами, которым я и без того был сверх головы должен, и меня увезли в Петербург к профессору Е. В. Павлову. Операция была сделана профессором — минуты считали — так тяжело было мое положение.

Вот что означали слова Серафимовы: ему воздух нужен. Его жест ручкой и путь указал мне к этому воздуху. Петербург лежит как раз в направлении того балкона домика моей бывшей усадьбы, который был виден во сне Татьяной.

Я выздоровел для докторов, по крайней мере, нечаянно. Месяцев шесть спустя я, уже совершенно здоровый, заезжал в Петербург благодарить их за уход и труды. Они глазам не верили, чтобы можно было так поправиться:

— Вам операцию делали для очищения совести — вы должны были умереть. Теперешнее ваше здоровье — чудо, и только это чудо и могло вас спасти.

Это было чудом преподобного Серафима!

Петербург. 10 июня 1905 года

4.

СЛУЖКА БОЖИЕЙ МАТЕРИ И СЕРАФИМОВ

(Симбирский совестный судья Николай Александрович Мотовилов)

Последние слова последней беседы Батюшки о. Серафима со мною были следующие: «...так-то,ваше Боголюбие, укоряеми — благословляйте, гоними — терпите, хулими — утешайтесь, злословими — радуйтесь! Вот наш путь с тобою, и претерпевый до конца той спасется! Грядите с миром в Воронеж!»

Сказаны они мне были 5 сентября 1832 г. при отправлении моем в первый раз в жизни в Воронеж.

(Из записок Н. А. Мотовилова)

Серафим! О святое и дивное имя! Как велик ты, великий преподобный, у Господа! О имени твоем скрежещут зубами беси и... трепещут!..

И велик же был их скрежет зубовный! С того священного дня, как Боголюбивый Государь, Божий Помазанник, исполненный и водимый Святым Духом, воплотив в Своем Лице всю народную веру, одномысленно с Православною Церковью преклонил Свои колена со всем Своим многомиллионным народом у раки новоявленного угодника Божия, Серафима Саровского, — с того самого дня весь полк сатанинский, во главе со своим миродержителем и князем злобы поднебесной, восстал против того, кто еще в немощном человеческом теле одолел исконного врага человеческого рода.

Не стану поминать всей бешеной ярости, которая бессильно и бесплодно обрушилась на святые дни, на незабвенные июльские Серафимовы дни, единодушно пережитые всем право-

славным міром во главе с его Богоданным Главой: ярость эта памятна всем, кто вблизи или вдалеке принимал участие в покаянной народной молитве у гроба и у раки преподобного Серафима, кто «среди лета пел» с народом «Пасху».

Господь посрамил сатанины замыслы: в дым разлетелось все их злоухищрение. Будущее покажет во всю ширь и мощь все значение для жизни русского духа недавно пережитых, перечувствованных и передуманных Саровских торжеств. Но и настоящее уже таково, что ясно стало видно исконным врагам России, как далеко ей при условии подъема веры до той преждевременной смерти, которую они уже, казалось, с победным кличем торжествовали.

Но злобная клевета, разбившись о необоримую стену святости подвижника Христова, переменила направление и ударила, хотя и с ослабленною силой, во все то, что прямо или косвенно служило к прославлению святого Угодника.

Один из таких ударов пришелся по человеку, отдавшему все свои духовные силы на служение памяти батюшки Серафима и основанной им Серафимо-Дивеевской женской обители, последнего на земле жребия Царицы Небесной. Это был симбирский и нижегородский помещик и симбирский совестный судья, потомственный дворянин Николай Александрович Мотовилов.

Вражья злоба, не одолев Серафима, навалилась всею тяжестью на Мотовилова и постаралась очернить и оклеветать его память в глазах всех тех, кто по Серафиме был заинтересован

этою из ряду вон выходящею личностью. Она ославила его «сумасшедшим».

С помощью Божией и батюшки Серафима, я попытаюсь осветить мрак лжи, окутавший память этого мирского сподвижника и послушника преподобного отца нашего Серафима Саровского*.

I.

В семье Мотовиловых, между теми, по крайней мере, ее членами, кто еще до сих пор дорожит семейными воспоминаниями, в глубине колыбели ее зарождения возникло и до сих пор держится предание, что родоначальником их был выходец из Литвы, князь Монтвид-Монтвил. Простой народ переделал эту фамилию на свой лад и прозвал чужеземца Мотовило, и под таким прозвищем он стал своим, уже русским человеком. От этого корня пошел русский род Мотовиловых.

Один из предков Николая Александровича Мотовилова, еще будучи Литовским князем, участвовал со своими людьми с Димитрием Донским в Куликовской битве. В одной из ветвей мотовиловского генеалогического древа, если не ошибаюсь, — в роде сенатора Кассационного департамента Георгия Николаевича Мотовилова, — должен до сего времени храниться как родовая святыня образ (тельный) святителя Николая Чудотворца, надрубленный тяжелым басурманским

* Очерк этот составлен мною на основании рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова, дополненных беседами со вдовою его, Еленою Ивановною, и сестрами Св. Дивеевской Обители.

мечом. Если он сохранился, то это теперь один из немногочисленных вещественных свидетелей первых лучей зари Московского царства*.

У этого образа есть свое предание.

Отец Николая Александровича, Александр Иванович, в молодости своей полюбил девицу из старинного дворянского рода Дурасовых; но, воспитанная в Петербурге, успевшая свыкнуться со столичной жизнью, Марья Александровна Дурасова, к которой присватался Александр Иванович, не пожелала уйти с мужем в деревенское затишье и отказала ему в своей руке.

Борьба с чувством отвергнутой любви привела к тому результату, которым в доброе, святое, старое время люди сердца и долга увенчивали всякую борьбу, ставшую непосильною: они обрекали себя Богу и в одной только Божией помощи шли искать себе спасения от нестерпимых борений своего духа. Тихие обители, посвященные Богу, за своею высокою монастырскою оградой, среди лесов, вдали от суеты мятежного міра, давали желанный приют изболевшим душам и в Христе отраду и успокоение.

Так было в те времена, такие к нам по времени близкие и такие по духу — увы! — далекие...

Саровская пустынь приняла неутешного Александра Ивановича в число своих послушников и, казалось, на всю жизнь скрыла его от всякой

* Этот образ принадлежал отцу Н. А. Мотовилова, Александру Ивановичу, как старшему в роде, но в малолетнее после отца сиротство Николая Александровича он достался Г. Н. Мотовилову. Николай Александрович всю жизнь скорбел об этом образе, но не мог добиться его возвращения.

мирской заботы и горестей. Но Богу угодно было изменить твердое решение неутешного юноши.

Проходя послушание на просфорне, Александр Иванович стал уже готовиться к принятию пострига, но как-то раз, утомившись от непривычной работы, задремал и увидел дивный сон, определивший, вопреки его намерениям, всю его дальнейшую жизнь и имевший пророческое значение для Николая Александровича.

Едва успел задремать Саровский послушник, как вдруг увидал, что в просфорню входит Святитель Николай и говорит:

«Не монастырь путь твой, Александр, а семейная жизнь. В супружестве с Марией, которая тебя отвергла, ты найдешь свое счастье, и от тебя произойдет сын, его ты назовешь Николаем — он будет нужен Богу. Я — Святитель Николай и назначен быть покровителем Мотовиловского рода. Им я был уже в то время, когда один из родоначальников твоих, князь Монтвид-Монтвил служил в войске Димитрия Донского. В день Куликовской битвы татарский богатырь, поразивший воинов-иноков Пересвета и Ослябю, ринулся было с мечом на самого Великого Князя, но Монтвид грудью своей отразил направленный смертельный удар, и меч воткнулся в образ мой, висевший на груди твоего предка; он пронзил бы и самого твоего родича, но я ослабил силу удара и рукой Монтвида поразил татарина насмерть».

Сон этот, как и следовало ожидать, изменил направление мыслей Александра Ивановича, и он вышел из Сарова. Вторичное предложе-

ние, сделанное им Дурасовой, не было отвергнуто; и от этого предсказанного брака родился 3 мая 1809 года первенец, которому и было дано имя Николай.

Это и был наш Николай Александрович Мотовилов.

II.

Мотовилов рано лишился своего отца. По восьмому году от рождения он остался сиротой с матерью, еще совсем молодою вдовой, и сестрой, года на два или на три его моложе. Большое состояние, оставленное Александром Ивановичем, заключалось преимущественно в населенных землях трех губерний — Симбирской, Нижегородской и Ярославской — и требовало неустанного попечения. Заботы о воспитании детей-малолеток, общий уклад нравственной и религиозной жизни старинного помещичьего быта, в котором еще высоко стояли идеалы супруги и матери, и главным, конечно, образом Божие изволение — все это заставило мать Мотовилова предаться с покорностью своей доле и не искать себе того, что ныне принято называть личным счастьем.

Это личное счастье прежние матери искали и всегда находили прежде всего в Боге, в Его Святой Церкви и в домоводстве, заключавшем в себе воспитание детей и заботу о сохранении для них состояния.

Помещичий быт старой Руси, тщетно ожидающий своего беспристрастного историка, знает много типов таких матерей и хозяек, которые

в тиши своих деревень строили имущественное благополучие своих детей, а с ними и родины.

Первою утешительницей матери Николая Александровича в постигшей ее скорби была Церковь и ее верные служители, рабы Божии всякого звания, начиная с архиереев и кончая той Христа ради бродячей Русью, которая, отбросив всякое попечение о заботах завтрашнего дня, в молитвенном подвиге и лето, и зиму, и в весеннее распутье, и в осеннее ненастье обходит в поисках за святыми местами своим неустанным дозором бесчисленные грады и веси, дремучие леса, торные большие дороги и прихотливо бегущие пешеходные тропинки с трудом проходимых дебрей просторной России. От неприступных ледяных Соловков до вечно зеленого Афона и святынь Иерусалима, от Почаева и Киева до границ Восточной Сибири, до стен таинственного Китая доплескивается чистая волна исконного Православия, создавшего и прославившего могучую Россию. Обходит этот неустающий дозор святыни Православия и по всем углам и закоулкам несет благодать святыни, раздавая ее верующею рукой всякому верующему Русскому сердцу. Наивная вера, наивные речи! Дети-повествователи, дети-слушатели! Но кто слышал пламенные речи одних, кто умел подметить слезы умиления других, тот лицом к лицу видел, тот уста в уста целовал ее, нежно любимую, детски святую, благодатную Русь... От светлых Царских покоев, от знатного терема ближнего князя-боярина до промозглой от сырости и непокрытой нищеты хаты бедняка простолюди-

на, в те простые и верные времена вся несметная Христова богомольческая рать находила всюду себе приют и привет, теплый угол, яркий очаг сердечной любви и гостеприимного радушия.

Старая Русь умела понимать и ценить этот духовный подвиг своего народа. Забирались и тогда в это стадо овец Христовых волки из стаи сатанинской, но из-за случайных волков не порочили тогда чистого овечьего стада и золотым его руном одевалась непостыдно и безбоязненно и отогревала свое Русское сердце святая, чистая вера Русского человека.

III.

В начале XIX века мало еще была поколеблена вера русского захолустья: жизнь тогда не ведала той быстроты разноса духовной заразы, которой ознаменовалось так называемое наше время, — время пара, электричества, железных дорог, телеграфа, телефонов — всего, словом, того, что издергало и измочалило нервы современного человечества. Сто верст представляли собой пространство в полсуток езды, и с 500–600 верст от больших центров, от столиц, начиналась уже русская захолустная жизнь, почти не затронутая веяниями времени в своих вековечных устоях. Захолустье, так неумно и зло высмеянное неглубоким острословием эпохи реформ и европейского обезьянничества шестидесятых и последующих годов, было тою истинною нивой, которая растила зерно русской исконной жизни и давала обильные жатвы, кормившие могучий государственный организм России. Дальность расстояния, с трудом преодо-

леваемая перекладными, почтовыми, «долгими», заставляла обывателя сидеть дома, в доме уметь находить и сосредоточивать все свои материальные и духовные интересы.

Жизнь протекала в семье, и вся в ней сосредоточивалась. Ехать было некуда, да и незачем; знали свой околоток, и знали его хорошо, основательно, точно; вдаль не стремились, а где родились, там и умирали. Дальние поездки предпринимались только по особой нужде, и притом с великою тугой сердечною.

Но для жизни духа и в те малоподвижные времена расстояниями пренебрегали, и поездки на месяц и более, верст за 400, за 600, не были в диковину для дедов наших и бабок. Нельзя было назвать это передвижение поездками — это были целые паломничества, обыкновенно организованные со всеми чадами и избранными домочадцами, и целью их бывали более или менее отдаленные монастыри с почивающими в них св. мощами Божиих угодников или живущими в них прославленными народною верой и просветленными богоугодной жизнью и Божественной благодатью старцами-подвижниками.

«Не в препретельных земныя премудрости словесах, но в явлениях силы и духа» искали ответа старики наши на все запросы души человеческой и, верен Господь, — его получали.

Великое горе молодой вдовы потянуло ее за советом и благодатною помощью к великому Божьему угоднику, отцу Серафиму, в то время иеромонаху Саровской пустыни, окончившему подвиг затвора и начавшему принимать посетителей, которых стало собираться великое мно-

жество со всех концов центральной России в уединенную Саровскую пустынь. Слава отца Серафима, как человека высокой духовной жизни, уже и тогда гремела по всему верующему Тамбовскому и Средне-Поволжскому краю. Старики рассказывали, что бывали в Сарове дни, когда число приходивших и приезжавших к отцу Серафиму достигало десяти тысяч.

IV.

В первую свою поездку в Саров к отцу Серафиму вдова Мотовилова захватила с собой и своего Николеньку. Это было в 1816 году. Николеньке шел тогда восьмой годок. Мать с сыном ехали на Арзамас из своего имения, сельца Бритвина, Нижегородской губернии, Лукояновского уезда. В рукописях Мотовилова есть указания, что в Арзамасе одна всеми чтимая «блаженная» встретилась с Мотовиловой и предсказала ее мальчику его незаурядную судьбу силы непонятной и отвергнутой міром, но угодной Богу.

Батюшка Серафим только что отворил тогда двери своей затворнической кельи, и одною из первых принятых им посетительниц была вдова Мотовилова с сыном.

В рукописях Николая Александровича мне удалось найти изображение от руки плана кельи отца Серафима в том виде, в котором она врезалась в его детскую память.

Обстановка кельи поразила мальчика настолько, что уже спустя много лет он помнил

---

* См. 1-ю страницу иллюстративной вкладки. — *Ред.*

ее во всех подробностях. Особенно его детское воображение было поражено обилием горящих свечей в семи больших подсвечниках перед иконой Божией Матери. Но слова и смысл речей беседы отца Серафима с матерью от него утаился. В воспоминании его сохранился один только эпизод пребывания в батюшкиной келье. Скучно стало мальчику, привыкшему резвиться на деревенской свободе, и, пока мать внимала беседе богомудрого Старца, он стал бегать по келье, насколько позволяла ее обстановка. Мать с упреком его остановила. Но батюшка на ее упрек ребенку возразил:

— С малюткой Ангел Божий играет, матушка! Как можно ребенка останавливать в его беспечных играх... Играй, играй, деточка! Христос с тобой!

Эти слова, полные кротости и отеческой ласки, Мотовилов помнил всю жизнь.

Могло ли предчувствовать тогда детское сердце, что келья эта, в которой происходила беседа матери с Преподобным, впоследствии определит весь строй многострадальной жизни Мотовилова!

V.

Семейное ли благочестие, столь свойственное в те времена дворянским семьям, проживавшим безвыездно в своих поместьях, раннее ли знакомство с людьми духовного подвига, с которыми любила проводить время благочестивая мать, предызбранность ли, сказавшаяся в знаменательном сновидении отца, но в Мотовилове рано проснулась религиозная любознатель-

ность, доставлявшая ему немало огорчений в отроческом и юношеском возрасте.

Узнав при изучении Священного Писания о Троичности во Едином Существе Бога, он стремился объяснить себе этот догмат явлениями видимой природы, чем в немалое приводил смущение не только простых сердцем своих деревенских наставников, но и законоучителей, готовивших его к поступлению в Казанский университет.

— Батюшка! — спрашивал он своего наставника. — Вот вы меня учите, что человек состоит из тела и души. А ведь мы по образу и подобию Божиему сотворены, стало быть, мы тоже троичны по существу?

— Ну не еретик ли ты?! Истинно, еретик! Говорю тебе — высших себя не ищи! Куда ты заносишься, куда ты заносишься? — спрашиваю я тебя!

И за словесным увещанием «еретика» обыкновенно следовало наставническое вразумление, от которого немало плакивал вразумляемый.

Мать тоже сильно огорчалась, боясь чрезмерной, как ей казалось, пытливости своего ребенка. В те добрые простые времена просто и по-детски веровали и зрелые люди.

Особенно ее страшило будущее ученье сына в шумном академическом городе Казани. Дух неверия и ересей, посеянный в умах дворянских вольнодумцев Екатерининского и Александровского времени ордой иноземных гувернеров и гувернанток, явившейся в Россию с готовою программой разрушения русских устоев, не мог этот

дух утаиться от предчувствия сердца любящей и истово православной матери. Ну — как эта пытливость разума, теперь под ее крылом направленная к познанию Божественного, да обернется в противоположную сторону! А примеры тому бывали.

Уже тогда в провинциальном обществе начали поговаривать о масонах, как о секте таинственной, хотя и безобидной по внешности, но по всем признакам вероотступнической и вредной. Православный дух покойного ее мужа тоже прозревал гибель от масонства, которым, как новинкой, последним словом европейской образованности, начали увлекаться наиболее выдающиеся провинциальные деятели.

— Смотри, матушка, береги Колю от масонов, если меня не станет! Именем моим закажи ему не ходить в их богоборное общество — погубит оно Россию!

Такие речи слыхал от отца и сам Мотовилов. Пытливый ум ребенка, конечно, не понимал, что такое за страшилище — масоны; вряд ли он даже мог сколько-нибудь обнять необъятное слово «Россия», но отцовские слова не пропали для него бесследно, и для Николая Александровича Россия и масонство остались навсегда двумя понятиями, из которых одно непременно должно было уничтожить другое.

Мотовилов на всю жизнь остался непримиримым врагом этого тайного и по существу глубоко революционного общества.

Но материнское вещун сердце не ошиблось в одном: университет со своими обществен-

ными науками, в которых никогда не поминается имя Божие, веселое, шумливое и, конечно, вольнодумное светское общество дворянской Казани — все это скоро в своем житейском водовороте закружило юного Мотовилова, будущего завидного жениха, как о нем, вероятно, втайне мечтала не одна маменька, — и светская жизнь, хотя временно и поверхностно, но все же успела, казалось, изгладить то духовное, что было в детстве посеяно в душе религиозного мальчика.

— Ну, маменька! — часто говаривал он матери, — у вас опять эти «искушения»!

«Искушениями» он называл странниц и монахинь, которых любила у себя поприветить Мотовилова. Слыша разговоры Николиньки не всегда скромные и о предметах нескромных, потупя глаза и перебирая четки, со вздохом и как бы про себя они тихо шептали, бывало:

— Искушение!

Не любил их в то время жизнерадостный Мотовилов. На радужном фоне веселья шумного света, к которому тянулось его сердце, эти смиренные фигуры с постническими лицами, в черном одеянии, пожилые, некрасивые, с молитвою Иисусовой на устах, должны были ему казаться таким темным и непривлекательным пятном...

Под невзрачною внешностью и истинное смирение многим кажется лицемерием. Кому нужны эти загнанные, забытые, жалкие, темные облики? Они — режущий ухо диссонанс в победном аккорде нарядного міра!..

VI.

Но Божье призвание вело Мотовилова на иной путь — на ином пути он был нужен Богу.

В половине университетского курса с Мотовиловым произошел случай, необыкновенно характерный как для него, так и для той эпохи, которая его воспитала. В своих записках он туманно говорит, что «этот случай его поверг в такую бездну отчаяния, что он не мог его пережить, ибо должен был лишиться и своей дворянской чести, и дворянского звания и быть отдану в солдаты». По словам Елены Ивановны, этот случай, это страшное несчастье, так потрясшее Мотовилова, был поцелуй, брошенный им в университетском коридоре одной барышне. Поцелуй этот был замечен начальством, которое придало ему такое значение — на словах или на деле — кто знает, — что Мотовилов счел себя окончательно погибшим. Особенно его страшила мысль, что он убьет свою «маменьку». А любил он свою «маменьку» так, как только могло уметь любить его чистое сыновнее сердце.

Какая бездна отделяет чувства большинства современной молодежи от чувств того времени!..

В темную ночь из квартиры профессора Фукса, у которого Мотовилов жил в то время на квартире, он ушел к Черному озеру, известному всякому казанцу, и там решил утопиться. Уже он готов был в него броситься, но какая-то невидимая сила вдруг приковала его к месту, с которого он хотел кинуться в воду, и в ночной

темноте, над мрачными водами Черного озера, он внезапно увидал в ярком сиянии образ Казанской Божией Матери. Озаренный дивным светом Лик Пречистой укоризненно взглянул на юношу самоубийцу и бесследно скрылся в темноте ночи.

Это было первое знамение в его жизни.

История, угрожавшая Мотовилову в университете, не имела для него последствий — выручил его из беды его квартирохозяин, профессор Фукс, удостоверивший, что «он за Мотовилова ручается» как за высоконравственного юношу. Но дивное видение оставило глубокий след в его душе, и, хотя утехи міра все еще продолжали с неудержимою силой затягивать его в свои обманчивые сети, тем не менее событие на Черном озере положило начало совершившемуся впоследствии в нем глубокому духовному перевороту.

О времени его жизни в Казани после этого события мы не имеем достоверных сведений. Знаем только, что, по выходе его из университета со званием действительного студента, умерла его мать во время совместной с ним поездки на богомолье в Киев, оставив на его попечении все имения и пятнадцатилетнюю девицу, сестру.

Самому Мотовилову шел семнадцатый год. Это было в 1826 году.

VII.

В те времена дворянская честь требовала обязательной службы Государству. Молодой человек, окончивший курс своего учения, должен был непременно служить или на коронной

службе, или по выборам — неслужащий дворянин был все равно что недоросль из дворян. Уклонение от службы Отечеству считалось таким позором, что ни одна девушка из порядочного семейства не пошла бы замуж за того, кто сколько-нибудь не прослужил в военной или гражданской службе Царю и Отечеству. Обществу тогда не служили — понятие общества поглощалось догматом Царя и Родины — им и служили. Конец Александровских и Николаевские времена строги были в проведении в жизнь государственных принципов.

А сердце Мотовилова уже было охвачено «страстью нежной».

В соседстве с его симбирскими деревнями жила в своих поместьях вдова Михаила Петровича Языкова, из старинного рода симбирских дворян Языковых. С ней жила и дочка-подросток, Катенька, девушка лет пятнадцати. Болезненная по природе, совсем больная ко времени выхода Мотовилова из университета, вдова Языкова никуда не выезжала из дому, гостей не принимала, кроме родных и близких соседей, и Катенька росла почти в полном одиночестве. Церковь, домашние богослужения и уход за матерью — в этом была вся жизнь молодой девушки, почти ребенка. В эту-то Катеньку, или Екатерину Михайловну Языкову, с двенадцатилетнего ее возраста и был влюблен Мотовилов. Миловидная девушка прельстила его сердце не столько своею внешностью, сколько внутренними качествами своей высокорелигиозной женственной души.

Нравился ли ей Мотовилов? Сказать трудно... Что касается самого Мотовилова, то надежда видеть любимую девушку своей женой не покидала его много лет спустя после первой вспышки зароненной в его душу искры беззаветного чувства. Цельные были тогда натуры и любить умели подолгу, преданно и верно.

Но не Мотовилову суждено было овладеть чистым, девственным сердцем Языковой. Его ждало другое сердце, другая рука должна была с его рукой нести предназначенный ему тяжкий крест к прославлению великого Имени Божьего.

Божий избранник, вызванный к жизни явно выраженной Божественною волей, должен был пройти через горнило всяких страданий, всяких искушений, мук сердечных и физических, должен был понести всякую скорбь, всякое гонение, чтобы духовно очищенным и просветленным быть достойным совершить на земле великое дело Божие.

VIII.

Для деятельного христианина, для всякого воина Церкви Христовой, для всякого верного ее сына, а не наемника, глубоко поучительно ясное водительство Руки Божией в многострадальной и до сих пор не оцененной по заслугам жизни Мотовилова.

Теперь видна его заслуга: соблюдение для потомства мельчайших черт жития великого угодника Божия, преподобного Серафима, и процветание духовного детища Батюшки — Дивеева. Но и в современной нам оценке деятельности

Мотовилова молва людская не отводит ему того высокого места в величественном здании великих Саровских дней, которое ему принадлежит по праву.

Следя шаг за шагом за жизнью этого великого духом и сердцем человека, по обрывкам рукописных его воспоминаний, по воспоминаниям о нем людей ему близких, — вдовы его, Елены Ивановны, и сирот батюшки Серафима, Дивеевских насельниц и молитвенниц, — нам, быть может, удастся восстановить в возможной яркости весь этот сложный, исполненный трагизма и, во всяком случае, незаурядный характер нравственного христианского мученика XIX века, истерзанного пытками душевными, и где же? в центре исконного Православия — в России.

Вернемся же к тем отдаленным уже для нас временам, когда влюбленный Мотовилов должен был вступить в самостоятельную жизнь, круглым сиротой, с девочкою-сестрой на руках и с большим хозяйственным делом на своем неопытном попечении.

Сердце Мотовилова во всем строе его жизни всегда было на первом плане. Веления практического смысла, холодные веления рассудка если и не были ему чужды как человеку в полноте современного ему образования, то рассудок всегда находился у него в подчинении сердечным влечениям. А мотовиловское сердце было во всем пламенное.

Чтобы получить руку Языковой, надо было служить — так, по крайней мере, думал Мотовилов, так думало тогда все дворянское боль-

шинство. Онегины и Чацкие только зарождались. И вот тут-то, на первых порах, при вступлении в новую жизнь самостоятельного человека, ему пришлось столкнуться с тайною, но уже великою и грозною силой масонства, с тем корнем пышно расцветшего впоследствии бурьяна русского революционного движения, которое своим лжелиберализмом заразило цвет русского служилого и поместного дворянства.

«Вышедши из Императорского Казанского университета, — пишет Мотовилов на найденном мною, оторванном от какой-то тетради листе, — действительным своекоштным студентом 8 июля 1826 года, и на пути богомолья в Киев лишившись родительницы моей в 20-й день того же июля 1826 года, и оставшись круглым сиротой 17 лет от роду, имея сестру Прасковью, пятнадцатилетнюю, я через друга матушки моей, Надежду Ивановну Саврасову, вскоре познакомился с Симбирским губернским предводителем, князем Михаилом Петровичем Баратаевым, и вскоре сблизился с ним до того, что он открыл мне, что он гранметр ложи Симбирской и великий мастер Иллюминатской Петербургской ложи. Он пригласил меня вступить в число масонов, уверяя, что если я хочу какой-либо успех иметь в государственной службе, то, не будучи масоном, не могу того достигнуть ни под каким видом. Я отвечал, что батюшка, родитель мой, запретил мне вступать в масонство, затем, что это есть истинное антихристианство, да и сам я, будучи в университете и нашедши книгу о масонах, в этом

совершенно удостоверился и даже видел необыкновенные видения, предсказавшие судьбу всей жизни моей и возвестившие мне идти против масонства, франкмасонства, иллюминатства, якобинства, карбонарства и всего с ними тождественного и в противление Господу Богу имеющегося. Это так разозлило его и тем более в простоте сердца ему открытое намерение мое вскоре по устройстве дел моих ехать в Санкт-Петербург для определения на службу в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию, что он поклялся мне, что я никогда и ни в чем не буду иметь успеха, потому что сетями масонских связей опутана не только Россия, но и весь мір.

Вскоре после того вышел закон, чтобы молодые люди, хоть и окончившие курс учения и получившие дипломы на ученые степени в высших училищах, не имели бы права отправляться на службу в столицу, а должны были бы три года послужить в губернии будто бы для ознакомления с процедурой провинциальной службы.

Срезанный на первых порах с ног, я, как говорится, сел как рак на мели».

Уверенность кн. Баратаева, что Мотовилову за отказ его вступить в члены масонской ложи ни в чем не будет успеха, оправдалась вскоре на деле. На открывшуюся вскоре вакансию должности почетного смотрителя Корсунского уездного училища Мотовиловым была выставлена своя кандидатура, и когда ему было дано знать от Совета Казанского университета и от Училищного Комитета, что он на эту дол-

жность избран, то Баратаев призвал его к себе и объявил:

— Этой должности вам не видать как своих ушей. И не только вы этой должности не получите, но и не попадете ни на какую другую государственную должность, ибо и Мусин-Пушкин (тогда попечитель Казанского учебного округа), и министр князь Ливен — подчиненные мне масоны. Мое приказание — им закон!

С этого момента началось преследование или, вернее, травля Мотовилова, усилившаяся с течением времени до степени гонения, которое довело его в конце концов до такого нервного расстройства, что он заболел нервным ударом, приковавшим его к постели. В тяжких страданиях он промучился более трех лет. Его преследовали на службе, которой он, правда, все-таки добился, благодаря своей сверхъестественной энергии, помешали его браку с Языковой, создавали репутацию сумасшедшего и даже во времена губернатора Загряжского ухитрились подвергнуть личному задержанию по обвинению в государственной измене. От этого ареста он был освобожден лишь по приказанию министра юстиции, Димитрия Васильевича Дашкова.

Не было клеветы, насмешки, тайных подвохов и ухищрений, которым не подвергла бы его политически-сектантская человеческая злоба.

Возникновение и жизнь масонских лож, их сила и значение в жизни России еще ждут своего правдивого историка, вернее, наблюдателя. Да и дождутся ли они его?.. Печатью глубокой тайны, в которую посвящены отдельные, и при-

том неведомые самой масонской армии, главнокомандующие единицы, покрыта сущность их деятельности, их средства и цели как былые, так и настоящие. Масонство, с уверенностью можно утверждать, существует и ныне, под другою личиной, но разрушительные его и главным образом антихристианские, точнее антихристовы цели остались всё те же.

Многострадальная жизнь Николая Александровича Мотовилова, с энергией отчаяния боровшегося за лучшие дворянские заветы прошлого, до фанатизма преданного Самодержавию, нравственно замученного исповедника Православной Веры, намеренно оттертого от полезной и глубоко патриотической общественной деятельности — поучительнейший пример того, что значило в то время, да, пожалуй, и в наше — открыто восстать против этой тайной, но великой подпольной силы.

Если бы Господь не отвел энергии недюжинной силы Мотовилова на другое, истинно богоугодное дело, ему пришлось бы преждевременно покончить свои расчеты с земною жизнью: масонская сила никогда не останавливалась перед тайным убийством тех, кого считала для себя опасными.

IX.

Для какого же богоугодного дела Господь отвел энергию Мотовилова от дел государственных, к вершению которых так тяготело истово русское сердце Мотовилова? Кто должен был быть непосредственным орудием Божьего про-

мышления о земном назначении Мотовилова, предуказанного еще в знаменательном сновидении бывшего Саровского послушника, впоследствии ставшего отцом Николая Александровича?

Творение духа преподобного Серафима Саровского, Дивеевский женский монастырь, последний жребий Царицы Небесной на земле, будущая женская лавра и житие угодника Божия, нашедшее в Мотовилове своего свидетеля и вдохновенного описателя — вот то богоугодное дело, на которое был вызван к жизни Николай Александрович.

Преподобный отец наш Серафим Саровский — вот та видимая святая рука, изменившая и направившая стопы Мотовилова по иному пути, перепоясавшая его Божественною благодатью и поведшая его туда, куда он и не хотел, быть может, идти в то время, когда его юному, неопытному взору житейский путь міра казался таким заманчивым и блестящим.

Как велика была задача, ему предназначенная, показали уже отчасти великие Саровские дни. Будущее раскроет еще больше, еще значительнее несравненную тайну силы этих дней для обновления духа Православия, а с ним и величия Родины с ее мессианскою целью.

Служебные неудачи, тайная и явная злоба влиятельного масонства, не пощадившая даже его чистой любви к Языковой, рывшая ему всевозможные ямы и ловушки, в которые он в простоте юного сердца ежеминутно попадался, сломили богатырский организм Мотовилова, и, как я уже говорил, тяжкая болезнь при-

ковала его к постели более чем на три года. В своих физических страданиях, усугубленных нравственными, круглый сирота с девочкой-сиротой, сестрой, на руках, без поддержки, без родного, бескорыстного участия (одна Надежда Ивановна Саврасова, друг его матери, его не оставляла), он обновился духовно и воззвал ко Господу, и Господь не преминул услыхать голос скорби Своего раба.

К этому приблизительно времени относятся три знаменательные сновидения, которые ему дарованы были как бы в предвещание судьбы его жизни и в откровение некоторых тайн Божественного домостроительства. Берем их описание из подлинной рукописи Мотовилова, уцелевшей на отдельном листе*.

«**В первом** сне показан был мне неимоверно величайший не дом, а дворец батюшки моего в жизни будущего века. Две с половиной версты длины, полверсты ширины и четверть версты высоты; трехэтажный, с колоннами, каждая выточена из одной цельной небесной жемчужины; по архитектурному стилю похожи на ионический орден; оконные стекла все цельные внизу и вверху; по 25 сажен вышины и ширины, а в бельэтаже 25 ширины и 50 сажен вышины; крыша вся из чистого золота; стены из небесного мрамора, белейшего, чем самый лучший каррарский мрамор. Гора, на коей

* Вообще, надо заметить, в бумагах мотовиловских, доставшихся мне для разбора, беспорядок был страшный — точно чья-то рука кому-то назло истрепала, раскидала и разорвала эти рукописи, таившие часто в себе драгоценнейшие сообщения.

стоял этот дом, семь верст вышины, полого к нему простирающаяся, а в длину, верст в тридцать вокруг, сад из наипревосходнейших плодовитых и вечно цветущих древес и кустарников. Я видел родителя своего, возставшего нетленным из гроба и вошедшего в оный, а мне невидимый кто-то сказал: «Вот это за святую, многомилостивую жизнь уготованный родителю твоему дом его в жизни будущего века».

Во втором сне показался мне мой, за грехи мои уготованный дом, весь в смоле, капающей с потолка от растопления раскаленными угольями. Но Господь сподобил меня выйти из него, и мне потом показаны были красоты Рая Божиего и Вечного Царствия Божиего и сказано: «Смотри же! — вышел ты во сне из дома вечной твоей погибели, выходи и на самом деле из нее в жизни, да спасешься, подобно родителю твоему, и на земле, и на небесах».

В третьем сне взяли меня с одра почти предсмертной болезни моей пятнадцать великих пустынников, святых угодников Божиих, а именно: 1) святой Марко Фраческий, 2) святой Онуфрий Великий, 3) святой Петр Афонский, 4) святой Иоанникий Великий, 5) святой Антоний Великий, 6) святой Макарий Великий, 7) святой Савва Освященный, 8) святой Герасим, иже на Иордане реце, и остальные, все подобные им, и привели меня к стене до небес вышиной и шириной до края земли, и поставили перед дверью 15 сажен вышиной и 5 сажен шириной; а за ними стояла толпа несметная людей: цари, патриархи, народоправители, бояре всех народов, мит-

рополиты, архиепископы, епископы, священники, архимандриты, монахи, и мирские всякого звания — ученые, разночинцы, купцы, мещане, дворовые люди и крестьяне всех наименований. И все это стояло тесно, нивелирно, смешавшись, зря, без толку, тесно так, что если бы бросить яблоко между голов их, по их плечам, то оно покатилось бы, а не упало на землю. И святые Божии пятнадцать великих пустынников сказали мне: «Мы привели тебя сюда, к этой толпе прогневавших Господа Бога нечестивцев, и Господь Бог Вседержитель через нас, рабов Своих, велит тебе возвестить слово Его и суд Его Божественный о них. Скажи же при нас им всем: цари, патриархи, народоправители, бояре, купцы, мещане, дворяне, ученые, и ремесленники, и мужики, священники, и монахи, и монахини, и люди всех наименований! Вы всецело во всем прогневили Господа Бога! Все древнее, святое, богоугодное, душеполезное и всеспасительное вы презрели, отвергли и омерзили в душах своих и дышите ненавистью ко всему богоугодному. Вы так преогорчили благость Божию всеми мерзостями ваших нововведений, что фиал гнева праведной ярости Божией кипит негодованием, не растворенный ни самомалейшею каплей сострадания к вам, богомерзким нечестивцам, и горе вам, если вы не покаетесь и не отвратитесь от богомерзких злоб ваших, и не взыщете вскоре пути истинного во всех мерзостях ваших покаяния перед раздраженным вами Господом Богом!.. Ну, говори же при нас все это им!..» И сколько я ни плакал, уверяя их, что я

не смею и что, как только заикнусь им о том, они погубят меня; но они грозно возразили мне: «Если ты не возвестишь им всей этой воли Божией, то Господь погубит вместе с ними и самого тебя, да и те во веки веков станут на тебя жаловаться Богу. Если же они и прогневаются все до одного на тебя и захотят истребить тебя с лица земли, то защитит тебя Господь Бог в Троице Единый и Сама Госпожа, Пресвятая Богородица будет Заступница твоя противу всех их нападений на тебя. Иди же сквозь их и глаголи дерзновенно им эти словеса милосердия и живота вечного, и Сам Господь благословит тебя, и Матерь Божия будет тебе Сама Помощницею во всем».

И я сказал им всё; и они выслушали всё и, расступаясь предо мною, стали давать мне дорогу между собою. Треугольник большой, на несколько сажен, открылся предо мною, и я, всем повторяя эти милостивые и щадливые слова Господни, мало не дошедши до конца треугольника, попробовал, как широка данная мне людьми дорога, и протянул крестообразно в обе стороны руки мои, и не дохватило до людей на целый аршин от рук моих. И я не знаю, почему и зачем взмахнул я руками, и меня на аршин приподняло от земли кверху, так что я кружась полетел, как большая птица, вверх к поднебесью и увидел, что взлетел выше всех, а внизу подо мною — люди что черви кишат... Сначала я крайне испугался, думая, что упаду вниз и совершенно расшибусь в прах; но под меня подостлалась светлая, чистая и, как хрусталь, про-

зрачная перина, и я неизъяснимо возрадовался и сказал: «Господи! когда я там был с ними вместе внизу, какими они мне великими тогда казались и как величались они тогда предо мною! А теперь что стали они? не более червей, кишащих в навозной куче!»

С этим я проснулся».

Эти сновидения и тяжелая болезнь дарованы были Мотовилову в период его жизни от 19 до 22 лет.

Врачебная помощь, к которой неустанно он обращался во все время своей продолжительной болезни, оказалась бессильною. Измучив его тело, тяжкая болезнь очистила дух, и дух его обратился к Богу, Который и указал ему путь для исцеления тела и еще большего просветления духа.

Путь этот был — отец Серафим Саровский.

Когда-то, в детстве Мотовилова, батюшка видел его Ангела с ним игравшего; теперь этот же Ангел-Хранитель вел его вторично к Преподобному уже с тем, чтобы вручить его на всю жизнь руководительству божественного Старца.

X.

Вот как описывает Мотовилов первую свою сознательную встречу с преподобным Серафимом.

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители, великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и неимоверных, великих ревматических и

других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и с язвами пролежней на спине и боках, коими я страдал неисцельно более трех лет.

1831 года 9 сентября батюшка отец Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих. И исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжко больного, из сельца Бритвина, Нижегородского Лукояновского имения моего к батюшке о. Серафиму; 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь; 7 сентября и 8-го, на день Рождества Божией Матери, удостоился я иметь две беседы первые с батюшкой о. Серафимом, до обеда и после обеда в монастырской кельи его, но исцеления еще не получил. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустыньку близ его колодца и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый, поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находившемуся в беседе с народом, во множестве приходившим к нему, тогда, возле большой и очень толстой сосны и до сего времени (шестидесятые года истекшего столетия) на берегу речки Саровки существующей, на его сенокосной пажнинке, меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня, он сказал:

— Да ведь я не доктор. К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь.

Я подробно рассказал ему бедствия мои и что я все три главные способа лечения испы-

тал, а именно: аллопатией — лечился у знаменитых в Казани докторов — Василия Леонтьевича Телье и ректора Императорского Казанского университета Карла Феодоровича Фукса, по знанию и практике своей не только в Казани и России, но и за границей довольно известного медика-хирурга; гидропатией — на Сергиевских минеральных серных водах, ныне Самарской губернии; взял целый полный курс лечения и гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана через ученика его, пензенского доктора Питерсона, — но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих, и затем ни в чем уже не полагаю спасения, и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатиею Божией. Но будучи грешен и не имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтобы Господь исцелил меня.

И он сделал мне вопрос:

— А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?

Я отвечал:

— Верую!

— А веруешь ли, — продолжал он меня спрашивать, — что Господь как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие на людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи одним же словом Своим, и что ходатай-

ство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может исцелить вас?

Я отвечал, что истинно всему этому всею душой моей и сердцем моим верую и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к нему.

— А если вы веруете, — заключил он, — то вы здоровы уже!

— Как здоров, — спросил я, — когда люди мои и вы держите меня на руках?

— Нет! — сказал он мне. — Вы совершенно всем телом вашим теперь уже здравы в конец!

И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне:

— Крепче стойте, тверже утверждайтесь ногами на земле... вот так! Не робейте! Вы совершенно здравы теперь.

И потом прибавил, радостно смотря на меня:

— Вот, видите ли, как вы хорошо теперь стоите?

Я отвечал:

— Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня!

И он, отняв руки свои от меня, сказал:

— Ну, вот уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня всё крепко же стоите; идите же смело, батюшка мой, — Господь исцелил вас! идите же и трогайтесь с места!

Взяв меня за руку одною рукой своею, а другою в плечи мои немного поталкивая, повел

меня по траве и по неровной земле около большой сосны, говоря:

— Вот, ваше Боголюбие, как вы хорошо пошли.

Я отвечал:

— Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!

— Нет! — сказал он мне, отняв от меня руку свою. — Сам Господь совершенно исцелить вас изволил, и Сама Божия Матерь о том Его упросила. Вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же! — И стал толкать меня, чтобы я шел.

— Да этак я упаду и ушибусь! — сказал я.

— Нет! — противоречил он мне. — Не ушибетесь, а твердо пойдете...

И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал:

— Довольно уже! — и спросил: — Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем и во всем совершенно?.. Отъял Господь беззакония ваша и грехи ваши очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне! Веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его, и прилепитесь к Нему всею душою вашею, и всегда крепко надейтесь на Него, и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше

тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно: мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий!..

И, довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым.

Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их, а я сам один сел с гостинником отцом Гурием, твердо без поддержки людской сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом.

Лишь только приехал я, игумен Нифонт и казначей иеромонах Исаия с двадцатью четырьмя старцами иеромонахами Саровскими встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостию Божиею, через великого старца Серафима мне во дни их дарованную. И сим благодатным здоровьем пользовался я восемь месяцев настолько, что никогда подобного сему здоровья и силы не чувствовал в себе до тех пор во всю мою жизнь. Часто в течение сего времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом и в одну из бесед* его в конце ноября 1831 года имел счастье видеть его светлее сол-

* «Беседа о цели жизни христианской», помещаемая ниже.

нца в благодатном состоянии наития Святаго Духа Божия».

XI.

Совершившееся чудо произвело на Мотовилова потрясающее впечатление и определило весь строй его дальнейшей деятельности на Божьей ниве.

Неотразимо влек его к себе после того преподобный Серафим. Мотовилов не мог не видеть в нем проводника Божественной благодати такой духовной красоты и силы, что перед этим дивным обликом в просветленных его очах побледнели и как бы временно стушевались все обманчивые прелести міра, к которым он прежде с такою страстностью тянулся. Благодатные дары прозорливости, исцеления, могучая, беспредельная сила молитвы Преподобного, этого как бы ангела во плоти, так близки были духу исцеленного и благодарного Мотовилова, так влекли этот дух к христианскому совершенствованию, невозможному во всей полноте без разрыва с міром, что Мотовилов с этого времени привязался к своему благодатному врачу всем своим пылким сердцем и весь отдался его руководительству, наслаждаясь почти постоянно его богомудрыми беседами. Едва ли не каждый месяц уезжал он из своих поместий в Саров к Серафиму и по две, по три недели проживал под крылом своего наставника и благодетеля, почасту и подолгу пользуясь его интимным с ним общением.

А мір между тем все-таки врывался в его душу, не только не уставая в борьбе со стрем-

лением его духа, но как будто все сильнее и яростнее нападая на него, увлекая его своими блестящими приманками, набрасывая на него свои соблазнительные сети.

Конечно, образ Языковой, олицетворенная первая любовь Мотовилова, восставал во главе всех остальных обольстительных призраков властных мирских воспоминаний, и, конечно, бедная, истерзанная душа в нем, и только в нем, искала всей полноты своего земного счастья.

«Ин суд Божий и ин суд человеческий!»

Эта тайная душевная борьба не могла утаиться от прозорливости Преподобного, и, когда она достигла уже степени великой сердечной муки, тщательно, впрочем, скрываемой от Батюшки, — так, по крайней мере, казалось Мотовилову, — батюшка Серафим вдруг, неожиданно, его спросил:

— Что же, ваше Боголюбие, вы всё хотите о чем-то вопросить меня, да будто и не смеете? Говорите просто со мной, убогим Серафимом: я все, при помощи Божией, готов ответить вам, что мне Господь открыть соблаговолит!

«Я сказал, — так пишет в своих записках Мотовилов, — что я чрезвычайно люблю одну девицу дворянку, соседку мою по Симбирским моим деревням, и хотел бы, чтобы он, батюшка Серафим, помолился о ней ко Господу, чтобы Господь Бог нарек мне ее в невесты.

— А разве она очень хороша собой, — спросил он, — что вы ее так усердно и крепко любите, ваше Боголюбие?

Я отвечал, что она хоть и не красавица в полном смысле этого слова, но очень миловидна. Но более всего меня в ней прельщает что-то благодатное, Божественное, что просвечивается в лице ее. Вид ее меня поразил еще, когда она была в двенадцатилетнем возрасте, и с тех пор я всесердечно полюбил ее.

— А почему же не красавица? — спросил меня отец Серафим. — По описанию вашему она должна быть таковою!

— Потому, — отвечал я, — что для полноты типичной красоты надо иметь большой рост, стройность корпуса, царственность взгляда и многое другое, чего она не имеет. Правда, в замену того она имеет нечто столько затрагивающее душу человека, чего и многие красавицы в себе не имеют...

— Да что же это такое? — спросил великий Старец.

— А это, — отвечал я, — то, что она как монастырка воспитана.

— Как? — переспросил он, — Как монастырка? Я не вник хорошенько в ответ ваш!..

— А это вот что я разумею под этим, — сказал я ему. — Отец ее, Михаил Петрович Языков, рано оставил ее сиротой, пяти или шести лет, и она росла в уединении при больной своей матери Екатерине Александровне как в монастыре — всегда читывала ей утренние и вечерние молитвы, и так как мать ее была очень религиозна и богомольна, то у одра ее часто бывали и молебны и всенощные. Воспитываясь более десяти лет при такой боголюбивой матери,

и сама она стала как монастырка. Вот это-то мне в ней более всего и в особенности нравится.

Батюшка отец Серафим продолжал меня спрашивать:

— Что же, ваше Боголюбие, разве монастырки лучше воспитаны, чем светские девушки?

— Конечно, — отвечал я, — в большем страхе Божием, с большею любовью к Богу и в большем благоговении, чем мы, мирские!

— А из чего вы это заключаете? — спросил он.

— Из слов Пахомия Великого, — отвечал я, — когда ему была открыта от Господа Бога судьба будущего монашества и братия спрашивала у него: «Что же, отче, Господь Бог открыть тебе изволил о нас?» — он отвечал: «О нас, отцы святии и братия, Господь сказал, что мы всё монашеское исполняем так, как следует, и Он благословляет пути наши; но за нами имеющие жить монахи хуже нашего будут жить, ибо вполовину противу нас будут благоугождать Господу». «А далее, — спросили отцы, — что будет?» «О! — воскликнул Пахомий. — Что далее, то всё хуже и хуже будет, так что последние монахи уже ничего нашего, монашеского, делать не будут, а будут жить, как нынешние мирские христиане живут!» «А мирские христиане как будут жить?» — спросили отцы. «А мирские будут жить хуже скотов». «Как же спасутся они?» — вопросили старцы. И Пахомий отвечал им, что Господь сказать ему изволил: «Приидут скорби на них, и обрящутся выше

отец своих». «Почему же?» — опять вопросили старцы. «Вот почему, — отвечал Пахомий. — В настоящее время по преизбыточествующей в нас благодати Божией и по усердию нашему к делу спасения между нами находятся многие Боговдохновенные, прозорливые рабы Божии. Если падет кто-нибудь из нас — брат или сестра, то как бы ни было тяжко его падение, никто из нас по преизобилующей в нас Божественной любви к ближнему не поленится и на тысячеверстное путешествие, и на все великие трудности пойти, чтобы воздвигнуть падшего или падшую. Нам, следовательно, и много лучше, и много легче теперь, ибо брат от брата помогаем, удобь побеждает грех. А в те лютые и многобедственные времена монахи и монахини не только не станут помогать друг другу, но еще и сами друг друга станут повергать в гибель, и тогда придется всякому из любящих Бога спасать свою душу и пещись о ней, как пустыннику или пустыннице...» Так вот, батюшка, почему и думаю я, что, как ни плоха теперь жизнь современного монашества, все же она подобна древней мирской христианской жизни. Поэтому-то девушка, воспитанная по-монастырски, по-моему, лучше будет воспитанной по-мирски... Вот это воспитание я так люблю и уважаю в Языковой.

Великий Старец глубоко-внимательно слушал мой ответ и как бы в забытьи спросил меня:

— А много ли лет теперь вашей преднареченной вам от Бога невесте?

Я отвечал:

— Пяти или шести лет она осталась сиротой после отца, десять лет жила при матери, да с полгода или несколько более матушка ее скончалась... Думаю я, что ей теперь не более 16 или 17 лет!

— Что вы, батюшка, ваше Боголюбие! Нет, нет! Вашей, от Бога вам преднареченной невесте, теперь 8 лет и несколько месяцев, этак 3 или 4, а уж едва ли более 5 месяцев, а ведь по новому постановлению Синода нельзя мужчине моложе 18 лет, а девушке 16 — вступать в брак. Так не подождать ли вам вашей Богом преднареченной невесты, этак 8 или 10 лет? А то как же вам теперь жениться на ней? Никак нельзя — молода еще очень.

— Да, помилуйте, батюшка отец Серафим! — сказал я. — Как же молода? Ведь и по новому закону мне на ней жениться можно!

— Да о ком вы говорите мне, убогому Серафиму? — спросил он меня.

— О Языковой, — отвечал я, — о Языковой, Екатерине Михайловне!

— А! — отозвался он. — О Языковой!.. Ну, я не о ней говорю вам, а я, убогий, о преднареченной вам от Бога невесте говорю теперь, и ей, уверяю вас по Бозе, ваше Боголюбие, более 8 лет с несколькими месяцами теперь никак не будет!»

Беседа эта была в октябре 1831 года. Велико было в то время разочарование и вместе горестное недоумение Мотовилова!

На этом, однако, знаменательная для жизни Николая Александровича беседа не кончилась.

С особенной резкостью и ясностью должен был быть обозначен поворотный пункт, изменявший в корень и твердо определявший направление его главнейшей деятельности в будущем. Эта деятельность была охарактеризована Мотовиловым в том названии, которым он любил себя именовать и в записках своих, и в своей речи: «Служка Божией Матери и Серафимов».

XII.

«Помолчав немного, Батюшка продолжал*:

— Ведь иное, ваше Боголюбие, просить Господа Бога, чтоб Он преднарек кому невесту — как вот вы, например, просите теперь, чтобы я, убогий, упросил Господа, чтоб Он вам преднарек в невесты Языкову, — а иное, когда Господь уже Сам кому какую невесту преднарещи соблагоизволил — как вот, например, для вашего Боголюбия. Невесте вашей теперь не более 8 лет и 3, 4 или 5 месяцев. Уж это, поверьте, в точности верно, и сам я, убогий Серафим, вам в том свидетельствовать готов. А о судьбах Божиих и непостижимой недоведомости их я, убогий, вот что сказать вам имею: известны вам из Библии Товит и сын его Товия?.. Вот сын Товита и молится, бывало, чтобы Господь ему такую-то именно невесту дал. А Сарра, дочь Рагуила, сродница Товиина, в то же время, бывало, также молится Господу Богу, чтоб Он ей такого-то жениха дал. А Ангелы-то Господни обоих их молитвы святые и возносят к Престолу Вседер-

* Продолжение рукописи Мотовипова.

жителя Бога... Вот Господь, видевши, что обои они одного и того же просят у Него, и решил по Своей благости соединить их обоих узами брака святого. А ведь между ними было несколько сот верст, и они друг друга не знали. Но Совет Божий столь тверд был о соединении их, что Господь даже бесу попустил быть около Сарры, который убивал всякого другого жениха, кроме Товии, который дерзнул бы прикоснуться к ней. Хотя она и за седмерых женихов была выдаваема, но все седмь поражены были смертью, ибо не им она была уготована от Господа Бога. Когда же Провидению Божьему благоугодно было соединить Товию и Сарру, то Товии Господь послал в спутники Архангела Рафаила, и он на пути к селению Рагуилову в реке Тигре поймал рыбу и велел Товии изъять из нее желчь для прогнания, как потом оказалось, духа злобы от Сарры. Так вот, ваше Боголюбие, каковы-то судьбы Божии! Кто бы мог подумать, чтобы разделенные таким дальним расстоянием Товия и Сарра вступили между собою в брак! Но невозможное от человек возможно у Бога!..

Тут батюшка о. Серафим приостановился и как бы задумался и, вдруг свернув речь на другое, внезапно спросил:

— А что, ваше Боголюбие, вы сделали с девушкой вашего дворового человека, что у вас жила?

XIII.

Я так и обмер, испугавшись и прозорливости Старца и вместе того, что как бы он не

стал бранить меня за мой грех... Но Старец, не дожидаясь моего ответа, стал продолжать:

— Святая Церковь Господня в правилах своих соборных так узаконяет, что, если кто поемлет свободную девушку и живет с нею, тот обязан жениться на ней после, и это долг требует того. Ежели девица не пожелает того, то устроить ее жизнь настолько безбедно, чтоб она уже потом, по одной тяготе бедности, не могла впасть в новые грехи и всегда благодарила бы Господа.

После этих слов мне стало легче на душе.

— Я так и сделал! — сказал я батюшке о. Серафиму.

— Ну, — отвечал он, — и вельми хорошо, что так вы сделали, и да благословит вас Господь Бог!.. А были ли у вас от нее дети?

Я отвечал:

— Были: сын и дочь!

— Живы ли они?

— Нет!

— Ну, — сказал он, — когда нет, то да упокоит их Господь Бог во Царствии Своем. А когда бы живы были, то надлежало бы вам воспитать их в страхе Божием, ибо, ваше Боголюбие, не надобно презирать и незаконнорожденных детей — они не виноваты в своем появлении на свет. Да и родителей их лучше не осуждать, ибо неосуждение есть половина спасения... Был, например, случай в Греции: вельможа царский, ехавший через реку, увидел девушку, моющую платье. Пленившись ее красотой и узнав, что она дочь вдовицы, пребыл с

нею. После того девица эта увидела сон, будто звезда пресветлая скатилась ей в утробу. Некий великий и Боговдохновенный старец, к коему она и мать ее обратились, возвещая бывшее, объяснил им, что родится некто великий от этой дочери. И родился, батюшка, угодник Божий, Феодор Сикеот, хранить которого к нему приставил Господь, кроме Ангела Хранителя, еще и великомученика Георгия Победоносца... Слава Богу! Вельми хорошо сделали вы, что наградили ту девицу и отдали ее замуж... Но, ваше Боголюбие, жизнь велика, и в жизни многое случается. Бывают и такие случаи, что вы ли или другой какой мужчина, хоть и не имеете не только никакого близкого дела с девицей, но даже и мало знакомы с нею, а девицу ту станут поносить за вас ли или за кого другого и станут говорить: ближняя-де она его и он-де живет с нею, то хоть и есть пословица, крайне, впрочем, неугодная Богу, что быль-де молодцу — не укор, и хоть мужчин и не укоряют много за это, но девице, даже и сохранившей целомудрие, потеря честного имени и доброй славы — хуже смерти. Молю и прошу, ваше Боголюбие, не презрите словес и не забудьте убогой просьбы моей...

Тут Батюшка поклонился мне до лица земли и, вставши, продолжал:

— Если когда-нибудь где-нибудь девицу станут поносить за вас, что-де она ближняя и искренняя мотовиловская, а про вас будут говорить, что вы живете с ней, то хоть бы вы и вовсе не касались ее, прошу и умоляю вас —

уважьте просьбу убогого Серафима — освятите ее себе!

— Как, Батюшка, освятить?

— Не об освящении говорю я: как чистая дева, она свята и без того. Освятите ее себе в подружие, то есть поимите ее себе в жены, просто сказать — женитесь на ней!

И Батюшка снова, во второй раз, преклонился передо мною до лица земли. Я тоже припал к его ногам, и когда встал, то сказал ему:

— Да что это вы, Батюшка? О ком вы говорите? Ведь я уже сказал вам, что та девушка, которая жила у меня, уже пристроена, а новых, поверьте, с тех пор, как я задумал жениться на Языковой, а тем более, как стал бывать у вас, у меня уже нет ни одной.

— Эх, ваше Боголюбие, какие вы!.. Не о теперешнем времени я вам говорю, а о грядущем. Ведь я вам сказал, что жизнь велика и в жизни много случается. Так вот как с вами впереди случится, что вас станут укорять за какую-нибудь девушку, а ее поносить за вас, то вот тогда-то не забудьте просьбы и мольбы убогого Серафима — женитесь на девушке этой!

И Батюшка в третий раз поклонился мне, грешному, до лица земли, а я опять упал ему в ноги.

Вставши и прямо глядя мне в глаза, отец Серафим стал зорко в меня всматриваться и, как бы заглянув мне в самую душу, спросил:

— Ну, что же, батюшка, исполните вы просьбу убогого Серафима?

И я сказал:

— Если Бог удостоит исполнить, то постараюсь сделать, как вы желаете!

— Ну, — сказал отец Серафим, — благодарю вас! Не забудьте же эту девушку!.. А она, скажу вам я, убогий Серафим, она как Ангел Божий и по душе, и по плоти...

Потом, помолчав некоторое время и всматриваясь в меня проницательно, и как бы насквозь пронизывая меня своим взором, он добавил:

— Но, может быть, вы смутитесь, когда я вам скажу ее звание!.. Она — простая крестьянка!.. Но не смущайтесь сим, ваше Боголюбие: она и по праотцу нашему Адаму, и по Господе нашем Иисусе Христе сущая вам сестра!

Тут Батюшка стал говорить о том, как нам жить с будущею моей женой и беседу свою завершил повторением просьбы своей, умоляя не забывать ни просьбы своей, ни беседы; а затем отпустил с миром, ничего уже не говоря о Языковой».

XIV.

Когда создавался Серафимо-Дивеевский женский монастырь, он был маленькою, еще не признанною ни светскими, ни духовными властями общинкой, составленною из нескольких Бога ради живущих черничек, преимущественно крестьянского звания. Великого духа были эти первоначальницы будущей женской лавры, и великий подвиг веры и нищеты приняли они тогда на себя, эти чистые души. Учас-

тие преподобного Серафима в деле устроения и руководительства этой беспримерной в русских летописях женской обители достаточно известно всякому, интересовавшемуся житием этого всея России чудотворца.

Одними из первых насельниц Дивеева были две сестры — Прасковья и Марья Семеновны Милюковы, девушки крестьянского звания. С ними жила их родная племянница, дочь их брата Ивана, Елена, девочка лет шести.

За два года с небольшим — месяца так за три или за четыре перед исцелением Мотовилова, преподобный Серафим неожиданно велел двум сестрам Милюковым и другим бывшим с ними у него Дивеевским монахиням привести к нему маленькую Елену.

«Помню, — рассказывала мне сама Елена Ивановна Мотовилова (она и была тою маленькою девочкой Еленой), — привели меня к Батюшке в его пустыньку, что стояла в Саровском лесу. Я еще тогда совсем маленькая была и только начинала учиться грамоте. Батюшка взял меня на руки, поставил меня на стол в своей келье да и говорит тетке моей и другим с ней пришедшим сестрам:

— Кланяйтесь ей — по времени великая госпожа ваша будет!..

Они мне и поклонились: такая была вера в батюшкины слова. Тут он дал мне шесть азбучек.

— На тебе эти азбучки, — сказал он, — по времени они тебе пригодятся!

Были у меня в то время брат да сестра — стало быть всего было нас трое. Для кого же, —

думали мы тогда, — еще-то три? А вышла замуж за своего Мотовилова, и было у меня ровно шесть человек детей, которых всех по этим азбучкам-то и выучила».

Припомним время беседы преподобного Серафима с Мотовиловым о преднареченной ему от Бога невесте. Беседа эта была в октябре месяце 1831 года. Елена Ивановна родилась 17 мая 1823 года.

«Преднареченной вам от Бога невесте теперь 8 лет и несколько месяцев, этак 3 или 4, а уж едва ли более 5 месяцев», — говорил тогда батюшка.

Это ли не чудо прозорливости?.. И как же такой благодатный дар должен был действовать на восприимчивую душу Николая Александровича!..

В указанное время Мотовилов не имел еще никакого понятия ни о Дивееве, ни о той роли, которую с течением времени он должен был играть в судьбах этого последнего на земле жребия Царицы Небесной.

Восьмилетняя в то время девочка, Елена Милюкова, еще того менее могла подозревать, что когда-нибудь выйдет замуж, да еще за богатого дворянина, который в будущем не постоит ни перед чем, чтобы исполнить завет своего Батюшки, и в мирском облике станет тем служкой Божией Матери и Серафимовым, каким он стал, по дивному смотрению Божиему, впоследствии.

Воспитываемая в то время в зарождающейся монастырской общине двумя тетками, от-

давшими себя всецело на служение Богу и Пречистой, она готовилась на всю жизнь остаться в монастыре. Могла ли думать она, как «монастырка» воспитанная, — «быть великой госпожой» для воспитавшего ее Дивеева?! Разве только в смысле духовном...

XV.

Как уже говорили мы, возможно частые свидания с божественным Старцем стали для Мотовилова настоятельною потребностью духа. И Старец, проникнув в глубь его душевную и видя способность его пламенного сердца загореться неугасимым огнем великой любви к Богу, все ближе, все теснее принимал его в свое общение. Горячий патриот, воспитанный в духе Православия, проникнутый беззаветною верностью Престолу и родине на истовых началах Русской государственности, Мотовилов не мог не скорбеть и не ужасаться того, с какою головокружительною быстротой и силой стали врываться в устои русской жизни и главным образом в руководящее ею сословие разрушительные принципы французской революции.

Декабрьские дни, обесславившие русское дворянство, терзали его сердце верного дворянина, готового живот свой положить за своего Царя, за Помазанника Божия. Грозный призрак масонства, которому Мотовилов приписывал тайное руководящее значение во всех наступивших в Европе и России смутах*, стоял перед

* Насколько справедливы были опасения Мотовилова, читатель может убедиться из последних статей, вошедших в эту книгу.

его умственным взором с пламенеющим мечом отмщения за грехи вольнодумного общества, за главный его грех отступления от правой веры в Бога. Верное сердце трепетало за будущность родины.

Старец разделял его опасения и, одаренный великим даром изумительного прозрения, указывал ему те пути скорби, которые угрожают России, если она не покается в грехе надвигающегося отступления от Православия.

События грядущего раскрывались Старцем Мотовилову с ясностью панорамы, развертывающейся перед глазами изумленного сотаинника Серафима.

События Севастопольской войны, времена эмансипации, скорби Православной Церкви, даже время открытия своих мощей, которое наступит в царствование Императора Николая, «в душе христианина» — по выражению Преподобного — все это море пророческого прозрения в даль еще зарождающихся времен и событий захватывало дух и вело Мотовилова к преднамеченной ему цели служения Богу на том поприще, которое должно было быть ему указано преподобным Серафимом. Проявления силы и благости Божественного Промысла, действовавшего на глазах Мотовилова в Преподобном с таким явным и несокрушимым могуществом, постепенно создавали в Мотовилове стойкость и пламенность веры такой, которой не могли противостоять уже никакие сопротивные силы.

Для Николая Александровича наступало время исполнения третьего его сна, признанно-

го преподобным Серафимом за сон пророческий. Назревало время борьбы за Православие, за Дивеев — дом Пресвятой Богородицы, за заветы батюшки отца Серафима. Наступало время страстного обличения, время подвига, тяжких испытаний, великих откровений, разрыва с победоносным міром и нестерпимой тяготы заушений, оплеваний — всей той муки сердечной, крест которой твердою и бестрепетною рукой был донесен Мотовиловым до своего праведного конца.

XVI.

Разрушилось последнее звено, связывавшее Мотовилова с прежнею его жизнью. Свойственная всякому человеку на первых ступенях веры немощь коснулась и Мотовилова. Так была сильна его любовь к Языковой, что, вопреки предсказанию Преподобного, он решился сделать ей предложение и получил отказ. Это было в мае 1832 года. Языкову уже просватали за известного богослова, философа и поэта Хомякова.

Наказание Божие не замедлило постигнуть за неверие: Мотовилов тяжело заболел — у него вновь отнялись ноги.

В таком положении его привезли 3 сентября 1832 года в Саров. Об этом он пишет так:

«Когда в мае месяце 1832 года поразила меня тяжкая душевная скорбь, то я снова подвергся болезни и отнятию по-прежнему ног. Страдавши в течение четырех месяцев, услыхал я об открытии в Воронеже св. мощей святителя Митрофана и о святости жизни тамош-

него епископа Воронежского, Антония, почему и пожелал я ехать туда и пожить по совету родных. Ближе на 200 верст было бы ехать через Пензу из Симбирского имения, но, помня великие милости Господни, через великого старца Серафима явленные мне, велел я везти себя через Саровскую пустынь в Воронеж. Хотел прежде всего ему первому заявить о моем втором бедствии, что и сделал я, приехав 3 сентября 1832 года в Саров. Когда же меня принесли к нему, то он отечески принял во мне участие и, несколько побеседовав со мною, сказал:

— Помолимся Господу, чтоб Он возвестил нам: мне ли по-прежнему исцелить вас или отпустить в Воронеж.

И когда на другой день я опять был принесен к нему, то он сказал мне:

— Не по Бозе сказал я, убогий Серафим, вашему Боголюбию, чтобы мне исцелить вас: Господь исцелит вас у мощей святителя Митрофана. Вот, батюшка, Господь и Божия Матерь, в сию нощь явившись мне, убогому, в 17-й или 18-й раз, изволили открыть мне всю жизнь вашу от рождения и до успения. И если бы Сам Господь не вложил персты мои в раны Свои гвоздиные и в Пречистое ребро Свое, копием пронзенное, я бы не поверил, что могут быть на земле такие странные жизни. И вся эта жизнь ваша будет исполнена таких причуд и странностей оттого, что у вас светское так тесно соединено с духовным и духовное со светским, что отделить их нельзя.

— Батюшка! — спросил его Мотовилов. — Что значат слова ваши — до успения? Или я скоро умру?

— Нет, ваше Боголюбие, не скоро вы умрете — вам еще надо быть пособником мне во исполнение всесвятой воли Божией. Успение — значит тихая, христианская кончина, которой вас Господь удостоит по истечении дней вашей земной жизни.

— Что же, Батюшка, какая же будет моя земная жизнь? — спросил Преподобного Мотовилов.

— Этого мне, убогому, не велено открывать вашему Боголюбию. Господь сказать изволил: «Рабам Моим даю все здесь на земле востерпеть, а в жизнь будущего века перевожу их совершенно очищенными от всякия скверны плоти и духа, и хотя Ангел смерти и допускается до разрешения союзов тела их и души, но страдание смерти не прикоснется к их душам. Они умирают, точно как засыпают. Но ты ему не открывай всех обстоятельств его жизни, а только то, что дозволю, ибо если он узнает все и Я буду наказывать за грехи его, то он тогда может Мне сказать: «Господи, за что же Ты меня наказываешь, когда устами раба Твоего, Серафима, Сам же предрек мне, что так-то и так согрешу». А когда вздумаю Я награждать за правду его, им сделанную, то разве враг-диавол не будет иметь права, дерзнувши, так сказать: «Где эта правда Твоя, Господи, что Ты награждаешь его за ту правду, которую через Серафима Ты же ему Сам возвестил, что он ее непременно

совершит; а ведь он верит Серафиму, как Самому Тебе, Господу Богу». Вот почему я, убогий, и открываю вам только то, что уже сказал вам... Так-то, ваше Боголюбие: укоряеми — благословляйте, хулими — утешайтесь, злословими — радуйтесь! Вот наш путь с тобою!.. Претерпевый до конца — той спасется. Грядите с миром в Воронеж — там и исцелитесь!»

Вот тут-то после последней своей беседы с Мотовиловым Преподобный и заповедал ему служение Божией Матери в лице Дивеевской обители. Он призвал двух сестер Мельничной общины — Евдокию Ефремовну Аламасовскую, бывшую при явлении Божией Матери в день Благовещения 1831 года (впоследствии — монахиню Евпраксию) и Ирину Семеновну Зеленогорскую, бывшую впоследствии третьею начальницей, чтоб они могли засвидетельствовать другим слова его.

Вложив в руки Мотовилова правые руки сестер и придерживая их своими руками, отец Серафим заповедал, чтоб они не только сами после его смерти обо всем подробно рассказали Николаю Александровичу, что и где и как Божия Матерь заводила через него, но чтобы все сестры ничего от него не скрывали, потому что Божьей Матери угодно, дабы Николай Александрович был назначен питателем обители. Затем Преподобный подтвердил, чтобы, по воле Царицы Небесной, Николай Александрович все знал об обители так же подробно, как известно ему самому. Обратясь же к Мотовилову, Батюшка приказал ему, чтоб он был в

свое время свидетелем всего, что делалось в Дивееве при «убогом Серафиме», и засвидетельствовал, что даже все строение, найденное после смерти Старца, выстроено не самопроизвольно им самим, а по назначению и указанию Царицы Небесной.

— И камешка одного я, убогий Серафим, самопроизвольно у них не поставил! — сказал Батюшка, оканчивая свою речь.

«И давши мне заповедь о служении своим мельничным сиротам, — пишет Мотовилов, — Батюшка отпустил меня с миром в Воронеж, куда я и прибыл в 19-й день сентября 1832 года, а потом в ночь на 1 октября, на праздник Покрова Божией Матери, получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорое исцеление молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского».

XVII.

Это было последнее свидание с Преподобным. Воля Божия была объявлена, и с этого момента прежний Мотовилов умер для жизни колебаний и сомнений. Родился «непоколебимый в вере служка Божией Матери и Серафимов».

Но высокое это и чрезвычайное звание, недоступное для простого смертного, не могло быть дано человеку без особых испытаний. Обилие чудес и знамений, свидетелем которых был Мотовилов, общение с великим светочем Православия, общение близкое по существу к сотаинничеству, вся та глубина великой тайны спасения, заключенная в благодати Божией, ко-

торая ему была открыта Преподобным, величие, наконец, возложенной на него преподобным Серафимом миссии, — все это не могло не вызвать и величайших искушений со стороны исконного врага человеческого рода.

Дни Серафимовы близились к закату. Завет, данный Преподобным Мотовилову, уже указывал на то, что и счет этом дням был известен великому Старцу, и Старец, зная угрозы будущего, нависшие над головой своего служки, отправляя его в Воронеж, как бы передал его с рук на руки другому великому воину Христовой рати. Этот воин был еще при жизни прославленный святостью жизни и чудесами архиепископ Воронежский и Задонский Антоний I Смирницкий.

В лице Антония Мотовилов нашел себе другого благодатного покровителя и заступника против той сатанинской силы, которая втайне уже против него ополчилась, чтобы помешать ему исполнить ту великую задачу попечения о Дивееве, которую возложил на него преподобный Серафим.

Божиим произволением Николай Александрович был задержан в Воронеже после своего исцеления. В покоях архиепископа, принявшего в нем сердечное участие и полюбившего его, он занялся собиранием материалов для составления жития и описания чудес святителя Митрофана. Из одной атмосферы истинной святости Господь перенес его в другую, исполненную благоухания Святаго Духа Божиего.

Святитель Антоний ожидает исполнения времени, назначенного Богом, чтобы светом свя-

тости своей еще более просветить славу Воронежского края, уже сияющую в лице двух великих угодников Божиих, святителей Тихона и Митрофана.

К концу декабря 1832 года сердце Мотовилова, до того времени спокойное, стало тревожно. Святитель Антоний заметил это и спросил его, что с ним?

— Хочу ехать к батюшке Серафиму! — ответил Мотовилов. — Боюсь не застать его в живых, если промедлю.

Оставалось всего несколько дней до кончины Преподобного.

Духом своим провидя бесплодность поездки, зная, что Мотовилов уже не застанет батюшки Серафима в живых, и опасаясь потрясения еще не вполне его окрепшего организма, Святитель удержал его у себя до времени.

Утром 2 января 1832 года, в день праведной кончины Преподобного, в ранний час, Мотовилов, томимый предчувствием, вбежал к Антонию в его внутренние покои. Святитель не дал ему слова выговорить и встретил его такими словами:

— Сегодня ночью около двух часов я видел старца, похожего на Вассиана*. Старец этот пришел ко мне в великой славе, но лицо его было скорбно, и слезы текли по его ланитам.

— О чем ты, великий старец, так горько плачешь? — спросил я его. — В такой ты славе — тебе бы только радоваться, а ты плачешь!

---

* Известный иеросхимонах Киево-Печерской Лавры, у которого был Император Александр I.

— Не о себе плачу я, — душа моя наслаждается радостию невыразимою; но есть у тебя здесь одна помещица, — ее-то я оставил сегодня, — и о ней-то так скорбит и плачет душа моя!

— Владыко! Вы мне не говорите, вы жалеете меня: не Вассиан к вам являлся сегодня ночью — это Серафим был у вас! Это он, это душа его являлась к вам сегодня: помещица — это душа моя грешная, — о ней плачет мой Батюшка, отходя ко Господу. Скажите, Владыко, — умер Серафим?

— Да, — отвечал Святитель. — Батюшка Серафим сегодня ночью умер. Его уже теперь не застанете!

— Ах, Владыко, Владыко! Зачем же вы меня удерживали, когда я так хотел туда ехать?..

— Вы бы его все равно не застали в живых: в три дня не доедешь от Воронежа до Сарова. Смиритесь — Богу так угодно!

— Владыко! Я сейчас еду.

— Ну, поезжайте с Господом.

В тот же день высокопреосвященный соборне отслужил по почившем панихиду, а 4 января Мотовилов выехал из Воронежа и 11-го прибыл в Саровскую пустынь через два дня после погребения о. Серафима.

XVIII.

Велика была скорбь Мотовилова, когда, по приезде в Саров, он увидел только свеженасыпанную могилу, скрывшую от него навеки того, кого он на земле больше всего любил, с тех

пор как убедился, что не для него расточаются светом утехи радости и земной славы.

Неутешная его скорбь тронула суровых монахов Саровских и «в большое утешение великой скорби моей, — пишет Мотовилов, — что я не удостоился поспеть к погребению отца Серафима, игумен Нифонт благословил меня тем самым Евангелием, которое во вседневном употреблении у великого старца Серафима было в течение трех с половиною последних лет его жизни, имеющее сзади на переплете обгоревшее немного место в день его кончины; также образом Божией Матери Жизнодательницы, небольшим на кипарисе, тем самым, которым его благословила родительница его при дозволении навсегда остаться в Сарове. Мне отдали еще ту самую книжку — Алфавит духовный, с недостающими с начала несколькими листами, по которой он сам, великий старец Серафим, учился духовной жизни, и из двух крестов, всегда бывших на нем, — маленький крест, вырезанный его руками и обложенный серебром того старинного серебряного рубля, который дала ему его матушка, отпуская его в Киев на богомолье и который был на нем».

Мотовилов тогда же купил дальнюю пустыньку отца Серафима и вместе с ближнею, уступленною Саровом Дивееву, перевез ее к сиротам Батюшки.

Это были первые шаги Николая Александровича на пути пожизненного послушания, наложенного на него Старцем. При его посредстве большая часть святыни, оставшейся пос-

ле Преподобного, была передана в собственность неутешных Дивеевских сестер.

Но с этих первых шагов его на поприще служения Дивееву начались на него и нападения вражьи. Сила этих нападений была так велика, что, не имей мы свидетельства об искушениях такого рода в житиях святых угодников, казалось, трудно было бы поверить, что такая сила предоставлена Богом врагу нашего спасения.

Создавался последний на земле оплот веры, последний Дом Богородицы, до которого в последние времена не посмеет коснуться рука антихриста. Как же было не восстать врагу нашего спасения?

И с какою яростью произошло это восстание!

XIX.

Составитель Летописи Серафимо-Дивеевского женского монастыря, вдохновенный отец архимандрит Серафим (Чичагов)* вскользь коснулся этого страшного момента жизни Мотовилова. Он пишет так:

«Николай Александрович Мотовилов, человек горячего и искреннего сердца, был в то время холост и, дабы действительно послужить памяти отца Серафима и исполнить его заповедь относительно Дивеева, решился сам поехать на родину великого Старца в Курск, собрать сведения о детстве и юношестве его, а также посетить Киево-Фроловский монастырь и расспросить о монашествовавшей в нем Агафии Семе-

* Теперь епископ Кишиневский.

новне Мельгуновой, основательнице Казанско-Дивеевской общинки... Мотовилов все добытые сведения о родителях отца Серафима в г. Курске и о самом великом Старце передал по возвращении из путешествия Ивану Тихонову*, который и пользовался этим при издании сказаний о подвигах отца Серафима».

«Зато эта поездка, — пишет отец Чичагов, — имела весьма дурные последствия для самого Николая Александровича: он беспричинно заболел сильным нервным и душевным расстройством. Так как лекарственные средства не помогали ему, то Николай Александрович поехал опять в Воронеж к архиепископу Антонию, который признал, что болезнь произошла по попущению Божию от врага, излившего на него свою месть за труд, послуживший к прославлению великого угодника Божия, отца Серафима. В продолжение нескольких месяцев он излечился совершенно, будучи часто причащаем Христовых Таин святителем Воронежским Антонием».

В действительности же это вражье нападение было несравненно страшнее и длительнее. Я опишу его с рукописи Мотовилова, у меня хранящейся и найденной среди такого хлама старых хозяйственных счетов, что можно было ее легко не заметить, как, вероятно, и не заметил ее отец архимандрит.

Как-то раз в беседе с преподобным Серафимом коснулся разговор о вражьих нападениях

* Послушник Саровский. Интересующиеся могут иметь о нем подробные сведения в Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря.

на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно, усомниться в реальности явлений этой человеконенавистнической силы. Тогда Преподобный поведал ему о своей страшной борьбе в течение 1001 ночи и 1001 дня с бесами и силой своего слова, авторитетом его святости, в котором не могло быть и тени лжи или преувеличения, убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтаниях, а в самой настоящей горькой действительности.

Пылкий Мотовилов так вдохновился повестью Старца, что от души воскликнул:

— Батюшка! Как бы я хотел побороться с бесами!..

Батюшка Серафим испуганно перебил его:

— Что вы, что вы, ваше Боголюбие! Вы не знаете, что говорите. Знали бы вы, что малейший из них своим когтем может перевернуть всю землю, так не вызывались бы на борьбу с ними!

— А разве, Батюшка, у бесов есть когти?

— Эх, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, и чему только вас в университете учат?! Не знаете, что у бесов когтей нет. Изображают их с копытами, когтями, рогами, хвостами, потому что для человеческого воображения невозможно гнуснее этого вида и придумать. Таковы в гнусности своей они и есть, ибо самовольное отпадение их от Бога и добровольное их противление Божественной благодати из ангелов света, какими они были до отпадения, соделало их ангелами такой тьмы и мерзости, что не изобразить их никаким человеческим подобием, а подобие нужно — вот их и изображают

черными и безобразными. Но, будучи сотворены с силой и свойствами ангелов, они обладают таким для человека и для всего земного необоримым могуществом, что, как и сказал я вам, малейший из них своим когтем может перевернуть всю землю. Одна Божественная благодать Всесвятаго Духа, туне даруемая нам, православным христианам, за божественные заслуги Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа, одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения вражии!

Жутко стало тогда Мотовилову. Тогда под защитой Преподобного он мог не бояться злобы сатанинской. Но легкомысленно-дерзкий вызов, по попущению Божию, не остался без последствий: он был принят.

Вот о том-то и плакала душа Преподобного, когда явилась в час своего разлучения с телом великому архиепископу.

XX.

По кончине преподобного Серафима, Мотовилов вскоре уехал в Воронеж просить благословения высокопреосвященного Антония на поездку в Курск, чтобы собрать сведения о родителях своего благодетеля и о жизни его в Курске и тем положить основание трудам своим по составлению его жития. Одновременно с этим трудом он, по поручению Владыки, должен был заняться составлением службы и акафиста святителю Митрофану.

Решивши посвятить себя делу служения Божией Матери и преподобному Серафиму, Мо-

товилов не мог скинуть со своей души тяготения к светской жизни и семейным радостям: он помнил предсказание отца Серафима о предназначенной ему невесте и об ее красоте и, не зная ее, ожидал ее. Но, не разрывая с міром и все-таки идя по пути духовного совершенствования, он не мог обойтись без духовного руководителя.

Серафима заменил Антоний. Не изменив своей вере в своего Батюшку, он отдался руководительству другого святого подвижника.

На поездку Мотовилова в Курск высокопреосвященный не сразу согласился и долго отговаривал его ехать, просил повременить и заняться лучше разбором рукописных и иных сведений о житии и чудесах святителя Митрофана, нужных для составления ему службы. Владыка прозревал страшную беду, грозящую Мотовилову во время этой поездки и хотел отдалить ее от Николая Александровича. Но пылкий и скорый на решения служка Серафимов и слышать не хотел об отсрочке своей поездки и медлил только, ожидая, что Владыка смилостивится и отпустит, видя его нетерпение.

Пришел, видно, час воли Божией, и Владыка наконец благословил поездку в Курск нетерпеливого Николая Александровича, но благословил как-то нехотя, с тугой сердечной.

XXI.

Немного удалось собрать Мотовилову сведений в Курске. Близкие родные, помнившие детство и юность Преподобного, кто перемер, кто

отозвался забвением. Даже дом, в котором родился и воспитывался Преподобный, был разрушен, и на месте его выросли новые постройки. Нашелся один старик, сверстник Батюшки, который и дал ему сведения, вошедшие теперь во все издания жития Преподобного. Поездка в Курск и пребывание в нем было вполне благополучное. Гроза ждала на возвратном пути в Воронеж.

На одной из почтовых станций по дороге из Курска Мотовилову пришлось заночевать. Оставшись совершенно один в комнате проезжающих, он достал из чемодана свои рукописи и стал их разбирать при тусклом свете одинокой свечи, еле освещавшей просторную комнату. Одною из первых ему попалась записка об исцелении бесноватой девицы из дворян, Еропкиной, у раки святителя Митрофана Воронежского.

«Я задумался, — пишет Мотовилов, — как это может случиться, что православная христианка, приобщающаяся Пречистых и Животворящих Таин Господних, и вдруг одержима бесом, и притом такое продолжительное время, как тридцать с лишним лет. И подумал я: «Вздор! этого быть не может! Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения!..» И в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в его судорожно стиснутые уста.

Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползающего в него облака, оно вошло в него

всё, несмотря на все его нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамени, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова. Отвратительно-ужасное совершилось, и для Николая Александровича наступил период тягчайших мучений. В этих страданиях он вернулся в Воронеж к Антонию. Рукопись его дает такое описание мук:

«Господь сподобил меня на себе самом испытать истинно, а не во сне и не в привидении три геенские муки. Первая — огня несветимого и неугасимого ничем более, как лишь одною благодатию Духа Святаго. Продолжались эти муки в течение трех суток, так что я чувствовал, как сожигался, но не сгорал. Со всего меня по 16 или 17 раз в сутки снимали эту геенскую сажу, что было видимо для всех. Престали эти муки лишь после исповеди и Причащения Святых Таин Господних молитвами архиепископа Антония и заказанными им по всем 47 церквам воронежским и по всем монастырям заздравными за болящего болярина раба Божия Николая ектениями.

Вторая мука в течение двух суток — тартара лютого геенского, так что и огонь не только не жег, но и согревать меня не мог. По желанию его высокопреосвященства я с полчаса держал руку над свечою, и она вся закоптела донельзя, но не согрелась даже. Опыт сей удостоверительный я записал на целом листе и к тому описанию рукою моею и на ней свечною сажей мою руку приложил. Но обе эти муки

Причащением давали хоть мне возможность пить и есть, и спать немного я мог при них, и видимы они были всем.

Но третья мука геенская, хотя на полсуток еще уменьшилась, ибо продолжалась только полтора суток и едва ли более, но зато велик был ужас и страдание от неописуемого и непостижимого. Как я жив остался от нее! Исчезла она тоже от исповеди и Причащения Святых Таин Господних. В этот раз сам архиепископ Антоний из своих рук причащал меня оными. Эта мука была — червя неусыпаемого геенского, и червь этот никому более, кроме меня самого и высокопреосвященнейшего Антония, не был виден; но я при этом не мог ни спать, ни есть, ни пить ничего, потому что не только я весь сам был преисполнен этим наизлейшим червем, который ползал во мне во всем и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность и, выползаючи через рот, уши и нос, снова во внутренности мои возвращался. Бог дал мне силу на него, и я мог брать его в руки и растягивать. Я по необходимости заявляю это все, ибо недаром подалось мне это свыше от Господа видение, да и не возможет кто подумать, что я дерзаю всуе Имя Господне призывать. Нет! В день Страшного Суда Господня Сам Он Бог, Помощник и Покровитель мой, засвидетельствует, что я не лгал на Него, Господа, и на Его Божественного Промысла деяние, во мне Им совершенное».

Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания

Мотовилов имел видение своего покровителя, преподобного Серафима, который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет исцеление при открытии мощей святителя Тихона Задонского и что до того времени вселившийся в него бес уже не будет его так жестоко мучить.

Только через тридцать с лишком лет совершилось это событие, и Мотовилов его дождался, дождался и исцеления по великой своей вере.

XXII.

Адские, в буквальном смысле этого слова, муки Мотовилова, в облегчении которых принимал такое деятельное участие свят муж архиепископ Антоний, приблизили его окончательно к высокопреосвященному. Антоний полюбил его истинно отеческою любовью.

Эта любовь, эта интимность общения, которыми дарили Мотовилова два великих светильника Русской Православной Церкви — Серафим и Антоний, из которых один уже стал молитвенно признаваемым Преподобным, — одно это служит неопровержимым доказательством, что в Мотовилове Россия утратила необыкновенного по духовной силе человека, не только не использовав этой силы, но вдосталь при жизни его наглумившись над многострадальным ее обладателем. А силы эти были заключены в непоколебимой, пламенной вере чисто исповеднического характера и огненной любви к Престолу и Родине.

Богатырский организм Мотовилова горел и на медленном огне сгорал от пожиравшего его пламени, зажженного сердцем, негодующим на видимое ему отступничество руководителей России от праведной веры отцов и от преданности Престолу. Его не могло утешить пророчество, что «сему надлежит быть», он грудью стал против всего «сего», всем своим богатырским телом он лежал на пороге той открытой двери, через которую ломилась в Россию вся та вражья рать, которую несмысленные современники принимали за ангелов света, несших им будто бы великие идеи — свободы, равенства и братства, в действительности же — горе, смерть и разрушение.

Как было не признать тогда им, обольщенным вражьими видениями, в человеке, удостоенном величайших откровений, того «сумасшедшего», которым они его ославили.

Теперь Серафимова святость — ему защита. Но в то время ему суждено было испить чашу горечи до дна, и он ее бестрепетно выпил, ни разу не поступившись ни верой своею, ни убеждениями.

Сердце обливается кровью, когда видишь в разрозненных бумагах его то там, то сям душу терзающие восклицания: «Христианин есмь! Слышите ли вы все?.. Аз христианин есмь!»...

Так восклицали только мученики первой зари христианства в ответ на подобные и жестокие крики торжествующего язычества: «Christianos ad leones!» — «Христиан — ко львам!»

Велика же была эта мука человеческая, что бумаге одной поверялась в таких криках душевного терзания! Воздадут они за Мотовилова в страшный день судный!..

Близость к Антонию, общение с ним в духе, враждебно настроенный к исповеднику мір заставляли Мотовилова все свободное от хозяйственных забот и хлопот о быстро развивающемся Дивееве* время отдавать высокопреосвященному. Шестьсот верст от Симбирского его имения, Пыльны, до Воронежа не были для него препятствием, да и вообще его душа не признавала никаких препятствий в исповедании своей любви и веры.

XXIII.

Однажды, в конце шестой недели Великого поста, Мотовилов был в Сарове у игумена Нифонта. Приближалась ни ранняя, ни поздняя Пасха. На дворе стояло в разгаре весеннее распутье, но вода еще в реках и озерах не трогалась. Чего-то добившись для Дивеева от игумена (тогда Саров принимал еще материальное участие в его судьбах), Мотовилов на радостях с места собрался в Воронеж к Антонию встречать Пасху.

— Безумне! Куда едешь в этакую непогодь? Ведь тебя зальет по дороге водой! — воскликнул ужаснувшийся игумен, добро расположенный к Николаю Александровичу.

* Значение Мотовилова для Дивеева достаточно выяснено в летописи. Приложенный к этой летописи его портрет с надписью: «Благодетель Дивеевского монастыря» с достаточною силой указывает, что завет о. Серафима был им исполнен до конца.

— Меня Антоний будет ждать. А лошади-то у меня вы сами знаете — какие*, — объявил Мотовилов, и тут же велел запрягать, и уехал в Воронеж.

Мотовиловские кони не выдали, и в Великую Субботу часам к двум или трем дня он уже был в верстах в сорока или пятидесяти от Воронежа, в селе Княж-Байгора. Для сокращения пути ему надо было переезжать ниже прудовой плотины. Вешняя вода уже ломала лед и напирала на плотину. Крестьяне отговаривали переезжать по этому месту, утверждая, что плотину сейчас спустят, и советовали ехать в объезд. Ехать в объезд — значило опоздать к заутрени...

— Чего раздумывать! С Богом, пошел под плотиной! — крикнул Мотовилов. — Да пошел скорей!

Кони рванулись и стрелой помчались к другому берегу.

Не успели сани долететь до половины опасного пути, как спустили воду, и вода отвесною стеной сажени в три вышиной налетела на Мотовилова и покрыла его, кучера и тройку; Мотовилов успел только крикнуть:

— Святитель Митрофан, спасай!

И больше уже ничего не помнил.

Очнулся он уже на другом берегу. Взмыленная тройка тяжело носила боками, с кото-

* Мотовиловский конный завод был в свое время весьма известен в Симбирской губернии. Шестерик был им поднесен Государю Николаю I в подарок, за что Мотовилов был отдарен чудным бриллиантовым перстнем из Государева кабинета.

рых ручьем текла вода. Кучер весь мокрый стоял около саней и расталкивал потерявшего сознание барина. Сани были полны воды.

Опрокинули сани, отлили воду, обтерли чемодан и опять:

— Пошел скорее — к заутрени опоздаем!

Но к заутрени Мотовилов не опоздал. Обмерзлый и обледенелый, он входил в покои архиепископа как раз в тот момент, когда Владыка уже шел в церковь.

Владыка его встретил словами:

— Святитель Митрофан мне возвестил чудесное спасение ваше, и что вы прибудете к нашей заутрени. Переодевайтесь скорее и идем вместе воздать хвалу Господу Богу за избавление ваше от наглой смерти!

Чемодан с вещами Мотовилова оказался внутри сухим.

XXIV.

Эта заутреня памятна осталась Мотовилову. За литургией, которую служил архиепископ Антоний, он с умилением и ужасом видел его окруженным светом немерцающего сияния, и, когда Владыка выходил из алтаря благословлять народ и произносить молитву о вышнем благословении насажденного Господнею Десницей Его винограда, видел из уст Антония исходящий пламень в виде огненного языка, устремляющегося на служащих и на молящихся и окутывающего каждого из них своим неизреченным светом. Но не все удостаивались прикосновения этого дивного пламени: некоторые, до ко-

торых пламень касался, светлели и начинали сиять тем же светом, что и Владыка; других этот Божественный пламень обходил, и они чернели, как уголь. В числе сослужащих был один протоиерей — его Мотовилов видел как бы всего опоясанным, как свивальниками, черными полосами. «Вид его, — пишет Мотовилов, — был как зебра, и впоследствии вскоре этот протоиерей был изобличен в каких-то дурных деяниях и извергнут из сана».

«На небе был я или на земле в эту Божественную службу — того я не знаю, — Бог знает», — вспоминает в великом восхищении Божий раб, Николай Александрович.

Во время богослужения архиепископ Антоний раза два проникновенно взглядывал на Мотовилова, и милостивый его взор точно вопрошал его:

«Видишь ли ты явления Божественной благодати, подаваемые истинно верным?»

И взор Мотовилова отвечал:

«Вижу, устрашаюсь и в велием благоговении безмерно радуюсь!»

Кто же мог верить в то время свидетельствам Мотовилова?! Надвигалось преддверие шестидесятых годов: дух материализма уже зрел в воздухе — для него подвижников не существовало, и Мотовилов для него был или лжец, или сумасшедший. Но лжеца все же надо было опровергать, а сумасшедшего стоило ли?

После этой службы на Светлое Христово Воскресение оба сотаинника — великий архи-

ерей и мирянин Мотовилов — две ночи не спали, проведя их в духовной беседе о совершившемся и о других тайнах дивного о грешных людях Божественного смотрения.

Куда девались записки об этих полных благодати ночах, мне неизвестно. В ворохе бумаг, доставшихся мне для рассмотрения, я этих записок не нашел. А они должны были быть...

XXV.

Настало наконец время исполнения пророчеств преподобного Серафима о сочетании браком Николая Александровича с преднареченною ему от Бога невестой. В хлопотах о Дивеевском монастыре, часто его посещая, он в одну из своих поездок заболел и вынужден был около года пролежать в своем доме в селе Дивееве, вблизи монастыря. За эту болезнь он узнал свою невесту. Это была, как уже мы выше говорили, племянница двух великих духом Дивеевских монахинь Марии и Прасковьи Семеновых Милюковых, в то время семнадцатилетняя красавица, Елена Ивановна. Она жила в монастыре, носила «черненькое», но обетов послушания и монашества не принимала.

Как произошло это сближение, мне неизвестно, да я и не допытывался узнавать, несмотря на то, что имел возможность в беседах с Еленой Ивановной расспросить ее об этом: любовь — цветок нежный, касаться его может только близкая и тоже нежная рука; тем более нежен засушенный цветок пережитой старой

любви, — как легко неосторожным движением осыпать его поблекшие лепестки!..

Но не трудно догадаться, на какой почве произошло это сближение: любовь к Серафиму, любовь к Дивееву — эти два чувства соединили в одну супружескую любовь сердца Николая Александровича и Елены Ивановны, и свадьба их состоялась в 1840 году при обстоятельствах, во всем согласных с предсказанием преподобного Серафима.

Желание Мотовилова исполнилось — Елена Ивановна была в полном смысле слова «как монастырка воспитана».

Эта свадьба еще более прикрепила Мотовилова к Дивееву: воспоминания детства и вся родня Елены Ивановны остались в этом дивном приюте Царицы Небесной, и он стал еще милее, еще ближе сердцу Николая Александровича.

Но мір не простил ему этой свадьбы, как не прощал ему ничего в его жизни: Николай Александрович с Дивеевым и нарождающейся семьей остался совершенно одинок на белом свете.

Так Серафим с отеческою любовью искоренял в нем все светское, жалостливо, но неуклонно ведя его к одному духовному.

А міру было над чем посудачить и было чем по поводу этой свадьбы оттолкнуть от себя Мотовилова. Зато в лице жены он нашел себе полноту радости жизни, — это была ему «истинная и по праотцу Адаму, и по Господе Иисусе Христе сестра».

XXVI.

После свадьбы молодые переселились на постоянное пребывание в Цыльну, симбирское имение Мотовилова.

Душевная болезнь, как теперь принято называть тяжкий недуг, которым страдал Николай Александрович, ни в чем не проявлялся, по крайней мере не проявлялся в той мучительной форме, которою он страдал в Воронеже. Только какая-то неотступная тоска грызла его по временам, всякий приступ которой облегчался Святыми Таинами и благочестивыми поездками в дальние и ближние монастыри — в Киев, Воронеж, Задонск, Саров и Дивеев. Это были излюбленные места его усердных паломничеств. Но и другие святые места Святой Руси привлекали его боголюбивую душу. Недаром преподобный Серафим его называл «ваше Боголюбие». Где только не пребывал за свою христианскую жизнь, кого только не перевидал этот горевший верою человек!.. Второй его благодетель, Антоний Воронежский, мирно почил в Господе. Но, сирота в міру, Мотовилов не оставался сирым в міре духовного совершенствования: в тесном общении он жил, можно сказать, со всеми истинными столпами Православия того времени.

Не на высотах иерархии искал он их, а в пустынях, вертепах и пропастях земных. Там, в сокровенной, таинственной тишине, незримой враждебному міру, во внутренней пустыне монастырской ограды, находил он тех безвестных тружеников великого христианского духа, ко-

торых весь мір недостоин и которыми еще и доселе сияют мало кому видимые, скромные насельники и насельницы православных русских монастырей.

В свободное от разъездов по делам Дивеева или по богомольям время Мотовилов отдавался воспоминаниям о Серафиме: и если в настоящее время могло быть так подробно и тщательно составлено житие Преподобного, то этим Православие более всего обязано Николаю Александровичу. Служа Дивееву, он не уставал служить и Серафиму.

В таинственной глубине века между тем зарождались тяжелые для России события — приближалась Севастопольская война.

Мотовилов по-своему отнесся к народному бедствию: кто хотел и кто не хотел слушать, он всем говорил, что настало время покаяния, что «фиал гнева Господня» готов излиться на Россию за измену всем отечественным устоям, и главным образом за измену Православию. На него смотрели как на безумного и в глаза и за глаза высмеивали и, как могли, оскорбляли.

При первом выстреле, направленном на севастопольские бастионы с вражеских кораблей, он послал Государю, для отправки в Севастополь, копию иконы Божией Матери «Радости всех радостей», перед которою всю жизнь молился и в молитвенном подвиге скончался преподобный Серафим, и в горьком предчувствии ждал гнева Божьего.

События доказали, что Мотовилов не ошибался.

В записках Мотовилова мне пришлось найти чрезвычайно интересный эпизод из эпохи Севастопольской обороны, оставшийся совершенно неизвестным. Дух времени пытался утаить его от служащего ему рабски міра.

Умер великий Государь Николай Павлович.

Севастопольская война уже кончилась. Настали великие дни коронации Императора Александра II. Мотовилов был в числе других дворян выбран в депутацию от нижегородского дворянства на коронационные дни в Москву. На одном из вечеров у князя Ивана Феодоровича Звенигородского ему довелось встретиться с одним из героев Севастопольской обороны, адмиралом Петром Ивановичем Кислинским. Мотовилов не преминул поинтересоваться, что сталось с посланною им покойному Государю иконой и была ли она доставлена в Севастополь. Кислинский ему ответил:

— Икона Божией Матери была от Государя прислана, но наш светлейший* на нее не обратил никакого внимания, и она долгое время хранилась в каком-то чулане, пока сам Государь не запросил, куда она помещена. Тогда ее разыскали и поставили на Северную сторону, и только Северная сторона, как вам известно, и не была взята неприятелем. Да чему вы удивляетесь? У нас еще и не такие дела делывались... Как-то раз я был у светлейшего, и мы с ним засели играть в шахматы. Вдруг входит адъютант и докладывает, что явился гонец от

* Князь Меньшиков

архиепископа Херсонского Иннокентия и хочет видеть главнокомандующего. Не отрываясь от игры, светлейший сказал:

— Спросите у него, что ему нужно?

— Гонец сказал, что ему нужно лично видеть вашу светлость!

— Ну, зовите!

Вошел гонец.

— Что тебе нужно? — спросил главнокомандующий.

— Владыка прислал меня доложить вашей светлости, что он прибыл к Севастополю с чудотворною иконой Кашперовской Божией Матери и велел просить встретить ее, как подобает, у врат Севастопольских. Владыка велел сказать: се Царица Небесная грядет спасти Севастополь.

— Что, что? Как ты сказал? Повтори!

— Се Царица Небесная грядет спасти Севастополь!

— А! Так передай архиепископу, что он напрасно беспокоил Царицу Небесную — мы и без Нее обойдемся!

Так закончил светлейший свой разговор с гонцом архиепископа. А дальше вот что было: ответ этот был передан Иннокентию во всей тяжести его грубой и кощунственной формы.

Тогда Владыка решил: «Нас не принимают, так мы сами пойдем!» — и велел везти святую икону впереди себя на бастионы.

Вдруг ему объявляют, что икона нейдет, что лошади стали. «Понесем тогда», — сказал Владыка. Но икона не дала себя нести дальше Северной стороны. Ее нельзя было сдвинуть с

места. Видя это чудо, отслужили Царице Небесной молебен на Северной стороне, и Владыка увез икону обратно.

Каково это было слышать пылкому сердцем Мотовилову!*

XXVII.

Пришли наконец и шестидесятые годы. Состоялось долгожданное православноверующею Россией торжество открытия св. мощей святителя Тихона Задонского.

В день открытия, за литургией, Мотовилов стоял в алтаре, молился и горько плакал о том, что Господь ему не посылает того исцеления, которого, по обещанию преподобного Серафима, ждала его измученная душа. Во время пения Херувимской он взглянул на горнее место и увидел на нем святителя Тихона. Святитель благословил плачущего Мотовилова и стал невидим.

Мотовилов сразу почувствовал себя исцеленным.

Кто опишет радость исполнившейся веры?!

С этого момента Мотовилов уже не принадлежал себе, а отдал всего себя на служение Богу. Сменявшиеся на его глазах события внутренней русской жизни хоть и огорчали его, хоть всё по-прежнему он ненавидел ото всей своей души возмущавший его дух времени, которого

* Нечто подобное совершилось и в минувшую несчастную Японскую войну с иконой Царицы Небесной «На двух мечах», предназначенной видением и верою жертвователей для защиты Порт-Артура. Порт-Артур так и не видал в стенах своих этой иконы.

он никогда иначе не называл, как «духом антихриста, близ грядущего в мір», но міру уже он почти перестал досаждать своими обличениями и пророчествами. Только один раз не вытерпело горячее мотовиловское сердце.

Справляли «лучшие люди» открытие новых тогда земских учреждений, конечно, справляли, как водится, пышным обедом. Мотовилов был на этом обеде. Слушал он, слушал витиеватые речи только что народившихся ораторов губернских парламентов да вдруг как вскочит с бокалом в руке:

— Высоко поднимаю я свой бокал за скорейшую погибель того учреждения, которого основание вы так торжественно празднуете. Не погибнет оно, так погубит оно Россию. Высоко поднимаю я бокал, чтобы мельче разбить его оземь, чтобы не мог никто сказать — я пил из мотовиловского бокала за гибель России!

Разбил бокал и ушел с праздничного обеда.

Так завершилась вся политическая карьера последнего из могикан старого дворянского русского духа.

XXVIII.

Последние годы своей жизни Мотовилов окончательно предался странничеству.

По всему простору Руси великой видели его красную шубку. Так и звали его «барин в красной шубке». От Тихона к Митрофану, от Серафима к канавке Царицы Небесной в Дивеев, от Антония и Феодосия к Александру Невскому — по всем святым местам, с жаждой,

неутолимою жаждой святыни, переходил и переезжал этот служка Божией Матери и Серафимов.

С годами то, что люди называли в нем странностями, увеличивалось все более и более. По Дивееву, который он любил до самозабвения, во всякую погоду — в мороз ли, в дождь, в солнцепек — всегда ходил он с непокрытою головой, считая священным долгом хоть раз в сутки обойти всю канавку Царицы Небесной. Когда случалась гололедица и ходить по довольно высокому валу этой канавки было невозможно, он становился на четвереньки и так на четвереньках и шел по этому святому для него месту, по которому, как говорил преподобный Серафим, прошли Стопочки Самой Царицы Небесной.

Одни над ним смеялись, и таких было много, чересчур даже много; ну а были и такие, которые умиленно плакали. Кто как понимал, конечно.

Христа ради юродивая, Дивеевская блаженная, великая раба Божия, Пелагия Ивановна Серебренникова, его считала своим и звала его Николкой.

— Безумный ты, Николка! Такой же безумный, как и я! — говаривала ему блаженная. И любила же она его!

В марте или в апреле 1878 года, как-то утром, Мотовилов рассказал Елене Ивановне свой сон:

— Видел я сегодня, матушка, во сне Царицу Небесную. Милостиво Она так на меня взгля-

нула да и говорит мне: напиши-ка в Задонск к Зосиме[*], чтоб он выслал тебе точную копию Моей иконы, которая служит запрестольным там образом. Когда ты ее получишь, то Я тебя поведу по таким святым местам, которые ты еще не видал, и покажу тебе таких святых угодников Божиих, о которых ты и не слыхивал.

— Вот, матушка, и думаю я написать наместнику и игумену Задонскому — пусть вышлет мне эту икону.

— Куда ж ты ее денешь? Ведь у нас вся образная увешана иконами! — отвечала ему Елена Ивановна.

— Куда-нибудь да денем!

Так и написал Зосиме. На это письмо Зосима, приятель Николая Александровича, отвечал так:

«Знаю я, что у тебя места в образной уже нет. Образ большой и, прости, выслать тебе его не могу».

«Опечалился тут мой Мотовилов, — рассказывала мне Елена Ивановна. — Но не прошло и недели, опять письмо от Зосимы: просит прощения за отказ и пишет, что не успел он отправить письма своего с отказом, как в следующую же ночь увидал во сне Царицу Небесную, с угрозой ему выговаривающую, как он смел не исполнить мотовиловской просьбы. «Икона, — так пишет он, — тебе вышлется, как только мы ее напишем».

---

[*] Зосима — наместник и игумен Задонского монастыря в семидесятых годах прошлого столетия.

Получили мы икону эту в июле месяце. Место ей нашел-таки мой Мотовилов. Смотрю — начал он класть под икону эту деньги. Завернет в бумажку и положит. Так и день, и другой, и третий. Ну, думаю я, собирается, стало быть, к святым местам, денег набирает. Так прошло времени немало, а он все никуда не едет. Както раз вошла я в комнату, где висела эта икона: глядь — на полу валяются те деньги, что он столько времени собирал. Я и кричу ему:

— Николай Александрович, а Николай Александрович! Так будешь собирать деньги, ехать будет ко святым местам не на что!

Пришел он на мой зов, собрал деньги, пересчитал; как будто побледнел немного, но не сказал ничего и спрятал деньги в стол. Прошло после этого немного времени, заболел мой Мотовилов, лег в постель и стал все хиреть и хиреть, — доктора и болезни никакой определить не могли, — а через девять дней и умер; не умер, а заснул тихо-тихо, как ребенок. В день кончины и Таин Святых причастился. Тут только поняла я, что это были за святые места и Божии угодники, которых обещала ему показать Царица Небесная.

За три дня до смерти застала я его утром такого веселого, такого радостного.

— Видел я, — говорит, — наш двор полон — все мои святые благодетели у нас на дворе собрались. Вот радость-то!

А на третий день скончался. Похоронили мы его в Дивееве, и, кажется мне, сколько собрал

Мотовилов мой денег под образом, столько и стоили мне его похороны».

Такой рассказ я слышал от Елены Ивановны.

А вот что я слышал от келейницы покойной Дивеевской игумении Марии, матери Елизаветы: «Николай Александрович, уезжая перед своей смертью в Симбирскую губернию в свое имение, был совершенно здоров. Прощаясь с нами, сказал: «Ну, прощайте, матери! Бог даст, хоть бочком, да протащите меня к себе». Мы в этих словах усмотрели, что Николай Александрович говорит о жизни будущего века, про уготованные Богом Дивееву обители. А вышло, что он свою смерть предрекал. Привезли его хоронить к нам, по его завещанию. Хотели внести в наш Рождественский храм, а гроб-то был большой и не мог войти в двери храма — они ведь у нас, знаете, узкие, — и пришлось внести «бочком»; так бочком и протащили».

Кончина Мотовилова случилась 14 января 1879 года. К этому времени в Дивееве ждали икону Нерукотворенного Спаса, которую должен был прислать с войны брат одной из Дивеевских монахинь. Монахиня эта все бегала к блаженной Пелагее Ивановне узнавать, скоро ли привезут икону. О мотовиловской болезни в Дивееве не знали.

— Вот подожди: сперва Николку привезут, а там и икону, — отвечала блаженная.

Так и вышло. Тело Николая Александровича Мотовилова, служки Божией Матери и Се-

рафима, привезли для погребения в Дивеев, а за ним привезли и икону.

Так окончилась многострадальная жизнь. Такова история Мотовилова.

Блаженный он был, блаженно и умер.

Кто посмеется над этой историей, а кто, может, и горько задумается.

О, как бы я желал задуматься над этой историей моему читателю!

5.

ДУХ БОЖИЙ ЯВНО ПОЧИВШИЙ НА ОТЦЕ СЕРАФИМЕ САРОВСКОМ В БЕСЕДЕ ЕГО О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ С СИМБИРСКИМ ПОМЕЩИКОМ И СОВЕСТНЫМ СУДЬЕЙ НИКОЛАЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ МОТОВИЛОВЫМ

(Из рукописных воспоминаний Н.А.Мотовилова))

За месяц до Высочайшего повеления об ускорении производящегося в Святейшем Синоде дела о прославлении святого угодника Божия, Серафима Саровского, Господь привел меня опять в Саров и Дивеев. Из трех современниц о. Серафима, которых я встретил в первую свою поездку, я застал в живых одну только Елену Ивановну Мотовилову. Вскоре после моего отъезда, в 1900 году, отошла в селение праведных мать Ермиония; на Пасху, два года спустя, за ней ушла и мать Еванфия.

Сильно за эти годы сдалась и Елена Ивановна: согнулся стан, стали меркнуть еще так недавно светлые и проницательные очи. Серафиму не нужно уже земных свидетелей его праведности, он зовет их к себе в места вечного упокоения видеть и разделять с ним его славу, ту нетленную и вечно неувядающую славу, которую Господь от века уготовил всем любящим

Его, «идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют, яко светила»!

Но свежесть ума и памяти не покинула еще родной старушки. Прошлое живет и расцветает в ее воспоминаниях, и время не имеет власти над ними!..

По просьбе моей и с разрешения игумении, Елена Ивановна дала мне целый короб бумаг, оставшихся после покойного ее мужа, Николая Александровича. Всякий, кто интересовался житием о. Серафима, должен знать это имя, которое так тесно связано с именем Батюшки и устроенной им Дивеевской женской обители. Непонятым жил этот человек, неоцененным и умер, но был он при жизни «служкой Серафимовым», как он сам любил называть себя, таким и после смерти остался. В бумагах его довелось мне найти такое сокровище, которое по справедливости может быть названо величайшим свидетельством веры. Этой драгоценностью, с сохранением всей своеобразности слога сороковых годов минувшего столетия, на котором она написана, я и желаю поделиться с православным читателем.

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит...

(Ин. 14, 12)

I.

«Однажды, — пишет в своих записках Мотовилов, — это было в Саровской пустыни, вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной* общины Дивеевской. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

— Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

* При Дивеевской общине в начале ее существования о. Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от своих трудов. От этой мельницы получила название «мельничной» та часть обители, в которую, по завету Старца, должны были приниматься одни лишь девицы.

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну, так, — сказала она, — иди к Батюшке — он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какою неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему, в келлию его. Батюшка о. Серафим встретил меня в самих дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше Боголюбие! И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь!

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте!

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие! На самую верхнюю ступеньку садиться извольте. — И, усадив меня, прибавил:

— Ну вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Манторова, Елена Ва-

сильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий Старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой ближайшей ко входу в сени сей кельи келейник о. Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью, и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, о. Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святыню, но лишь для одного только батюшки о. Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня — я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах Батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же о. Павла, что Батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к

нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал Старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась, и батюшка, о. Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие, не взыщите! Вот, сиротки мои нуждались во многом: так, я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью!

В келье этой своей монастырской он пробеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, Саровским гостиником, на другой день после ранней обедни ехать к нему в ближнюю пустыньку.

II.

Целую ночь проговорили мы с о. Гурием про о. Серафима, целую ночь почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке о. Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши, и ничего не закусивши; и целый день до поздней ночи, не пивши, не

евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили к великому Старцу, и все отходили, не получив его благословения, а, постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки о. Серафима: в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея, из уездного города Нижегородской губернии Балахны, и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дождаться отворения дверей великого Старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам о. Гурий вечеру уже позднему наставшу очень смутился и сказал мне:

— Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы*. Но я сказал:

— Нет, батюшка о. Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки о. Серафима, хоть бы мне и голодною смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей кельи!

И батюшка о. Серафим весьма немного погодя действительно отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

---

*Надобно знать девственный Саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы оценить естественный страх о. Гурия.

— Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолвствую; а вот завтра — милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так — после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйте с о. Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли...

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал о. Гурию:

— Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйте ко мне на ближайшую мою пажнинку — там меня обрящете; а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец, да сподобился, однако же, не только узреть лицо о. Серафима, но и слышать привет его Богодухновенных словес, так утешила меня! Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием невообразимой! И, несмотря на то, что я целый день не пил, не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоенье, которыми преисполняется человек во время наи-

тия Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти, выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?!

III.

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий Старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал о. Серафим, — не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божьи, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я, убогий, Серафим*, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. **Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьеяго**. Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьяго. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «Во всяком языце бойся Бога и делаяй

* Батюшка произносил свое имя, как все куряне, не Серафим, а — «Серахвим».

правду, приятен Ему есть». И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли во Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой». Итак, Господь все свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни паки бытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мір грешных спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал евреям: «Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-

либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатью Духа Святаго, и притом, как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие! Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божияго.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу, и дело жизни нашей на земле именует куплею, и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», т. е.

выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: «шедши купите на торжищи». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божияго не доставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они, и сколько именно приносят, благодати Духа Божияго, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово». Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие

монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: 1-я Божия, всесовершенная и всеспасительная, 2-я собственная своя, человеческая, т. е. если не пагубная, то и не спасительная, и 3-я бесовская — вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго, как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно то, это стяжание Духа Святаго, собственно, и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим единством священнотайне» Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и пло-

ти нашей престол Божиему и всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: «Вселюся в них и похожу, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего во полунощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного затворенные и не допустившие к Жениху — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, т. е. от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т. е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку!..», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием! «В чем застану, в том и сужу», — говорит Господь. Горе,

великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечением и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказано: «Бдите и молитеся да не внидите в напасть», т. е. да не лишитеся Духа Божия, ибо бдение и молитва приносит нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради, греш-

ницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!..» — и воскресил его Господь. Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божияго, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго! Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздусе, Грядущего со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делам его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни и небесныя, и земныя?! А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим, беседовать удостаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, воеже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, т. е. с тем, чтобы смиренно и с любовью сретить Его, Утешителя, внутрь

храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйте, дескать, ко мне! То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесусь на земли», т. е. явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобным. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, т. е. что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но, когда, при всемогущей силе веры и молитвы, соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит; а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной

чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда Израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божияго на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядаяй все нечистое», и в общение с Ним не может войти никтоже от скверны плоти и духа.

IV.

— Ну, а как же, Батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

— Стяжевайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благости Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божияго пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торго-

вать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитеся», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи! спасется, но творяй волю Отца Моего», т. е. делающий дело Божие, и притом с благоговением, «ибо проклят всяк, еже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: «да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа». Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, т. е. вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали про себя, в Духе ли Божием вы обретаетесь или нет, и если — в Духе Божием, то, благословен Бог! — не о чем горевать: хоть сейчас — на Страшный Суд Христов! Ибо «в чем застану, в том и сужду». Если же — нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый, изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов на-

ших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, донде-же скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то, батюшка! Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия?! Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать Самаряныне: «Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз .дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

V.

— Батюшка, — сказал я, — вот вы всё изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго, как о цели христианской жизни; но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал Старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа

и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в раи» или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского видения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрех моих?», т. е. как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святый со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святый отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих. Таким точно образом говорится и про Авраама, и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков

даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столб облачный и огненный, или, что то же, — явная благодать Духа Святаго, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущим и жаждущим правды Божией. Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится — «вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданнаго и созданнаго Им от персти земной», — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: «Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божи-

им созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, т. е. благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в міръ посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божьими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть и душу и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя неимущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», т. е, совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков безсмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него, как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой

твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божиему, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его и беседу святых Ангелов и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость, и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости, в раи, насажденном Им посреди земли. Для того чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе безсмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией, и безсмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа, и непрестанную нестареемость безконечно безсмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мір Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убо бе в міре, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа Божияго вовсе не было в міре, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в міре были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам виде Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божияго или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим безчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разно-

образные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такою силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божияго действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбезному ее исканию не непричастными Духу Божиему, ибо сказано: «Языки, неведущие Бога, естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, т. е., батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святый действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святый, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мір.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания, не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности, — пришел ли в мір обетованный Адаму и Еве плод семени жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистыя Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятаго Духа Божияго 300 лет, потом на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель міра, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна Пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божьем и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть обетованный міру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамовскую благодать

Всесвятаго Духа Божияго. Но мало сего — ведь говорил же Он им: «Уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мiр; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мiр, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мiре с ними». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них, и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ея силе и действиям. И вот эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем верным Христовым в Таинстве Святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших указанных Святою Церковью местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: «печать Дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, т. е. до срока

обозначенного свыше по промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить. И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то во веки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божияго и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нея на утренневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ея, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас царствие Божие устраивающего. Слово Божие недаром говорит: «Внутрь вас есть царствие Божие и нуждно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть — те люди, которые, несмотря на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи приидти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с

Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. «Приидите, — говорит Господь, — и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их». Так некогда святой тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей во одеждах белых, т. е. одеждах оправдания, и «финицы в руках их», как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуия». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей» — испраша страданиями и убелиша их в Причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение міра, присно и доныне закалаемаго и раздробляемаго, но николиже иждиваемаго, подающаго же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечнаго во ответ благоприятен на Страшном Судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе Денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную

Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

VI.

Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющагося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет во веки»; имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет во веки, но будет воскрешен благодатью Господа нашего Иисуса Христа, вземлющаго грехи міра и туне дарующаго благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему міру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказа-

но в Евангелии: «в Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено: «и свет во тьме светится и тьма Его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при Крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом безценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: Авва Отче! не до конца прогневайся на нераскаянность эту! — а потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатью Божиею и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так Богоотец Давид сказал: «Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть — благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды

Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих? И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и «быша ризы Его, блещущия яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак — сказано — осени их». И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ея.

VII.

— Каким же образом, — спросил я батюшку о. Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто! — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум...» Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого

разума Божественного, который не кичит*, ибо не от міра сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хощет всем спастися и в разум истины приити». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?..» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную на пользу всем верным — так св. апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божияго... Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно

* Не гордится.

разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, Батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

О. Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами также светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божияго, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи! Удостой его ясно и телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего, которым Ты удостоиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет

Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный и простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого Старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка о. Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир мой даю вам, не якоже мір дает, Аз даю вам. Аще бо от міра

были бысте, мiр убо любил свое, но якоже избрах вы от мiра, сего ради ненавидит вас мiр. Обаче дерзайте, яко Аз победих мiр». Вот этим-то людям, ненавидимым от мiра сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир — по слову апостольскому — всяк ум преимущий». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мiра сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же еще чувствуете вы? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца как будто тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка о. Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа

человеческая преисполняется неизреченною радостию, ибо Дух Божий радостотворит всё, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «Жена егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мір. В міре скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилотеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...» Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явит-

ся во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей, я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно

ему!.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святаго согрей мя!» Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святого Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это царствие Божие теперь внутрь нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осияевает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных земныя премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят царствие Божие, пришедшее в силе...»

Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, Батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого міра, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единороднаго. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в

полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, т. е. всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству небесному. На это опираясь, св. апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хощет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к отечеству небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили

Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в царствие Божие, принесли Ему плоды — ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему, один — вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О Милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это, и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и

несть у Него зрения на лица. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «Вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруяй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничесоже во Имя Мое, ныне же просите и приимете...» Так-то, ваше Боголюбие, всё, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, всё восприимете, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам,

только бы в том **крайняя** нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его; благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой, с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою».

На этом месте заканчивается мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям міра сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого Старца! Пыль, галочьи и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма сторонних лиц — всё в одной куче, вперемешку одно с другим и всего весу 4 пуда 25 фунтов. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?!

Разбирая этот хаос, натыкаясь на всевозможные препятствия — особенно почерк был для меня камнем преткновения — я, помню, чуть не поддался отчаянию. А тут, среди всей этой макулатуры, нет-нет и блеснет искоркой во тьме с трудом разобранная фраза: «батюшка о. Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда я не вытерпел и взмолился: батюшка Серафим! Неужели же для того ты

дал мне возможность получить рукописи твоего «служки» из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?

От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость и как знаменательными мне показались слова этой рукописи: «А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и **не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого міра...**»

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках, среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда? перед самым прославлением святых мощей того, кого Православная Церковь начинает просить:

«Преподобне отче Серафиме! Моли Бога о нас!»

19 мая 1903 года

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Первое появление в печати рукописи Н. А. Мотовилова, озаглавленной мною «Дух Божий явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни с симбир-

ским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым», вызвало, к великому для меня прискорбию и вместе в обличение «духа времени», много недоуменных толков даже в той среде, которая, по благодати учительства, должна была, казалось бы, стоять во главе угла Православной Церкви. Осуетившееся человеческое сердце, по всем признакам, не могло вместить в себе во всей полноте того откровения, которое заключали в себе драгоценные слова рукописного свидетельства сотаинника преподобного Серафима, и отказывалось принять и верить возможности проявления действия наития Святаго Духа Божия во всей полноте очевидности в смертном человеке.

«Вы с Мотовиловым проповедуете что-то вроде того сектантства Лабзина, которое процветало в известный период царствования Александра I, когда тоже благодать Духа Святаго хотели видеть только в очевидных ее проявлениях: в теплоте, свете и благоухании. Отсюда недалеко и до «прелести!» — Такие речи пришлось мне слышать вскоре после появления рукописи Мотовилова в печати.

Прошу простить меня всех православных, которых мой малый труд списателя мог повергнуть в соблазнительное недоумение, но вина моя только в том, что я не с достаточной силой подчеркнул, что чувственные проявления благодати Святаго Духа, почившего на преподобном Серафиме, были даны просветленному зрению Мотовилова лишь **по молитве Старца** и по молитве же святого Старца как явление это, так и

боговдохновенная эта беседа сохранена памятью Мотовилова «не для него одного, а через него для всего міра». Нет и не может быть ничего общего между самочинным сектантом Лабзиным и Мотовиловым, всю свою жизнь находившимся в общении и под руководством старцев, из которых один Святою Церковью прославлен как угодник Божий и Преподобный, а другой (Антоний Воронежский) таковым смиренно почитается всеми православноверующими сердцами. Первый и, можно сказать, основной признак сектантства и «прелести» есть **самочиние**, а этот-то именно признак и отсутствует в данном случае.

Но обратимся лучше по этому поводу к свидетельству самой Церкви в лице удостоверения ее Преподобных. Вот что свидетельствует преподобный Феогност: «Хотя ты, постоянно пребывая в чистой молитве, невещественно соединяющей с Богом невещественный ум, и сподобился увидеть, как в зеркале, ожидающее тебя блаженное состояние по окончании здешней жизни, сподобился этого, **как приявший обручение Духа и стяжавший Небесное Царство внутри себя яснейшим и определеннейшим очищением души**; но не потерпи разрешиться от плоти, непредваренный известием о наступающей смерти. Молись прилежно об этом, и будь благонадежен, что получишь это известие, когда приблизится кончина твоя, если то полезно»*.

По содержанию этих слов преподобного Феогноста святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем

* Аскетическое сочинение преподобного Феогноста помещено в Христианском Чтении за 1826 г., ч. XXIII.

«Слове о смерти» рассуждает так: «Ощущение духовное, о котором говорит преподобный Феогност, называется очень справедливо в Отеческих писаниях **извествованием**, по свойству решительной достоверности. **Оно производится наитием Божественной благодати, приемлющей в отеческия духовныя объятия кающагося и недоумевающаго грешника**. Оно является в душе неожиданно, как новая жизнь, о которой человек доселе не мог составить себе никакого понятия. Оно освобождает душу от насилия лукавых духов и страстей, изменяет всего человека, соединяет его с Богом, влечет всего человека в ту чудную молитву, которую возглашает к Богу из человека Дух Божий. **Вся кости** такого человека **рекут** неизреченным духовным благодарением и славословием: **Господи, Господи, кто подобен Тебе? Ты — избавляяй нища из руки крепльших его, и нища и убога от расхищающих его.** Душа такого человека **возрадуется о Господе, возвеселится о спасении Его**. Духовное ощущение это столь сильно, что, наполнив собою человека, отъемлет у него сочувствие ко всем другим предметам — короче сказать — оно есть водворение в душе Царствия Божия. Стяжавший это ощущение **ктому не себе живет**, но Богу. У подвергшихся самообольщению и бесовския прелести бывает **мнение такого ощущения**, и отличается от благодатнаго по противоположным ему плодам»*.

* Вспомним св. Дионисия Ареопагита, который в письме своем к монаху Демофилу поведал об ученике св. апостола Павла, блаженном Карпе, муже великом в добродетелях и, по причине

Итак, да не будем более смущены в сердце нашем и будем под руководством и за молитвы старцев наших, наших духовных отцов, стяжевать благодать Духа Святаго в тех Ему одному доведомых мерах, в которых Ему благоугодно будет снизойти на нас, грешных. Необходимо надо помнить, что та мера наития Святаго Духа, о которой ведется речь преподобного Серафима и которая изображается великим его послушником, Н. А. Мотовиловым, по выражению самого Преподобного: «**не всегда и великим пустынникам подается Господнею милостью.** О торжество нашей веры! Но то ли еще ожидает ее, когда исполнятся «времена и сроки»!..»

Ей, гряди, Господи Иисусе!

чистоты ума его, очень способном к Боговидению. Карп был в таком духовном преуспеянии, что никогда не начинал Божественной литургии прежде, нежели благодать Святаго Духа явно не осенит его. (Слово о смерти еп. Игнатия. С. 237.)

6.

ОТЕЦ СЕРАФИМ И СУД НАД УБИЙЦЕЙ

(Из воспоминаний товарища прокурора-лютеранина)

I.

Один близкий мне по давнишним дружеским отношениям человек, занимающий в настоящее время видную должность по судебному ведомству, служил когда-то в должности товарища прокурора в округе тамбовского окружного суда. Он заведовал в те времена следственным участком, в котором расположена Саровская пустынь. По воспоминаниям о службе, с которой были связаны дни его молодости, он заинтересовался впечатлениями, вынесенными мною из моей поездки в Саров и в Дивеев, и прочитал ее описание, когда-то напечатанное в «Московских Ведомостях» и теперь составившее предмет предшествующего очерка. Лютеранин по официальному вероисповеданию, индиферент по религиозному духу, не без пристрастия к толстовщине и рационализму, он, конечно, вполне скептически отнесся ко всему тому, что я в поездке своей усматривал чудесного...

— А знаешь, брат, — вывел он заключение из прочитанного, — ты, сдается мне, немножко — того!.. От впечатлений твоей поездки отдает запахом — как бы сказать тебе не в обиду — некоторой умственной ненормальности. Я, конечно, знаю тебя с малых лет, не смею заподозрить твою искренность, но тем страшнее и безнадежнее мне показалось твое умственное настроение. Говорить в наше время о каких-то чудесах, да еще во всеуслышание, — это, братец ты мой, такие признаки, от которых недалеко и до желтого дома. Твой Серафим, бесспорно, был отменно хороший человек, и может быть, и монахом он был хорошим с вашей узко-православной точки зрения, но ты его памяти плохую услугу оказываешь своим умственным неустройством или, вернее, расстройством. Если ты приписываешь многое в твоей жизни его влиянию, то хорошо же ты выставляешь это влияние, раз оно может вести к таким печальным последствиям... Брось, друг дорогой, скандалить себя на весь образованный міp, к которому ты все-таки принадлежишь, хотя бы только и официально, — по твоему университетскому диплому, — и употреби свои досуги на что-нибудь более полезное!

С этого завелся между нами продолжительный разговор, перешедший в спор, который, как и все споры, особенно наши российские, не привел ни к каким положительным результатам. Первоначальная тема спора отошла на задний план и незаметно для нас обоих стушевалась. Собеседник мой также незаметно пере-

шел в область воспоминаний о своей прежней службе в Темниковском уезде и попутно вспомнил о своих посещениях на перепутьях Саровской обители.

— Правду говорить, — заметил мой приятель, — к о. Серафиму и у меня в душе, где-то там глубоко, сидит какое-то странное для меня чувство: не то чтобы я его почитал как святого и не то чтобы я к нему относился как к простому человеку. Я знаю — человек такая ничтожная пылинка в величии мироздания, что Богу, Которого и имя-то мы не смеем произносить без трепета, изменять ради этой пылинки Свои непреложные законы было бы даже как будто и странно...

— Простите, я перебью вас, вы сказали — непреложные законы?

— Да, сказал.

— Стало быть, признаете как их, так и Законодателя. Почему же вы эти законы называете непреложными? О Боге вы, по-вашему, и говорить не смеете, а волю Его как Законодателя умаляете, поставляя Его ниже данных Им законов.

— В природе я этих изменений не вижу. Некоторые случайные как бы отклонения только могут подтвердить незыблемость самого закона... Но прошу тебя меня не перебивать, а то мы опять заспорим... Итак, чудеса или так называемые чудеса — это и есть невероятное и немыслимое изменение Богом того или тех законов, которые Им установлены от века. Знаю я ведь это, и твердо в этом уверен, а ведь вот поди

ж ты, объясни странности человеческой логики: в доме у меня хранится как святыня кусочек мантии о. Серафима, да еще добытый-то как? Путем преступления, совершенного мною, представителем и стражем закона!..

— Любопытно знать, как это случилось!

— Да вот как! У меня, как тебе небезызвестно, со дней еще моей молодости была всегда склонность к рассуждению о тленности нашей жизни. От этой склонности рождалась и любовь к уединению в местах более или менее безлюдных. Любил я днем и иногда даже ночью захаживать на кладбище, в этот таинственный и тихий город мертвых, и там предаваться философии пессимизма... Недаром излюбленный мною философ — Шопенгауэр... Правда, жизнь и иные, менее возвышенные склонности моего характера заставляли меня делать, и даже более часто, чем ты знаешь, скачки от пессимизма к эпикурейству чистейшей воды, но эти житейские сальто-мортале не мешали мне вновь возвращаться к дорогим могилам. Келья монаха казалась мне гробом, но только открытым и исполненным еще большего трагизма, и проездом через Саров я частенько захаживал в келью о. Серафима для размышлений на излюбленную тему.

В те времена вещи, оставшиеся после о. Серафима, не хранили так зорко, как теперь, и свободный к ним доступ никому не возбранялся, тем более мне, лицу из начальства. И вот, братец ты мой, уж и не знаю, как это случилось — воспользовался я тем, что в келье никого, кро-

ме меня, не было, и взял да от мантии о. Серафима и отрезал небольшой кусок и спрятал его себе на память.

— Ловко! А можно спросить, для каких целей вы это деяние совершили?

— Определенной цели, помнится, не было. Пожалуй, сделал я это тогда, как дети иногда говорят, просто так. Тем не менее впоследствии этот кусочек материи мне пригодился в домашнем обиходе — жена к нему постоянно прибегает всякий раз, как заболят детишки...

— И что же?

— Да как тебе сказать? Должно быть, помогает, если не перестает прибегать.

— Плохо это вяжется с вашим рационализмом убежденного лютеранина — ведь вы наши святыни зовете же фетишами, а разрешаете семье заражаться фетишизмом?!

— Фетишами я хоть их и называю, но веры в них умалять в верующих не считаю себя вправе, благо она помогает. Вера — дело великое, конечно, вера разумная. Вон, вера в науку какие чудеса творит! Подыми-ка наших дедов да покажи им чудеса современной техники — пожалуй, и глазам своим не поверят!

— То же совершается и с нашей верой в Бога и в Его святых, только предмет нашей веры беспредельно выше земной науки. Святые, благодаря этой вере, видят и творят чудеса, а мы в нашей несовершенной пока оболочке можем только пользоваться плодами их подвига веры. Признавая одну веру, как вы можете решиться отвергать другую? Это что-то неладно!

— Ну вот, опять заспорили! Моя вера в науку — дело разума: результаты ее очевидны, прогресс — осязателен...

— Я бы не стал с вами спорить, если бы одновременно с верой в науку у вас не было бы веры в Бога, тогда и разговаривать нам было бы с вами не о чем. А то ведь и наша вера не без разума, и результаты ее для нас еще более очевидны. Ваша вера душевная, а вера Божиих угодников духовная. Цели только различны: одни временные и тленные, а другие вечные и бессмертные...

— Ну, понес! Какие там — вечные и бессмертные? Откуда эта нелепость? Все тленно, все смертно! Бессмертен прогресс, бессмертно человеческое совершенствование!..

— Хорошо совершенствование! И этот абсурд вы решаетесь утверждать, вы, криминалист, стонущий от бремени возрастающей человеческой преступности, которую призваны судить? Если по этим плодам судить о дереве — хорошо же это дерево?!

— Я вижу — ты не хочешь выслушать, что я начал тебе рассказывать об о. Серафиме. Неужели тебе не интересно знать, почему я решился совершить похищение из его кельи? Ведь это, братец, не лишено некоторого психологического интереса — ты послушай только!..

II.

В те времена, увы, далекие, когда я заведовал Темниковским участком, в Тамбовских краях была уж очень сильна в простом народе вера

в о. Серафима. Была ли она так же сильна и в других местах России, и в других классах ее общества, я не знаю: тогда еще о подобных тебе странниках, находящих себе приют в «Московских Ведомостях», что-то еще не было слышно. Но в тех краях она была очень крепка.

Дивные Саровские места с их вековым бором, на многие версты окружающим Саровскую пустынь, гостеприимство братии — все это довольно часто заставляло меня останавливаться в Саровской гостинице во время моих служебных разъездов по участку. Насколько позволяла мне моя невосприимчивость к психическим заболеваниям на религиозной подкладке, я воздерживался от поклонения Серафиму, но все же, вероятно, до известной степени не мог уберечься от микроба веры в этого человека и не чувствительно, смутно, но все-таки заразился.

Была как-то раз в Темникове выездная сессия окружного суда, и мне надлежало быть на ней представителем обвинительной власти. В Темников мною был командирован заблаговременно письмоводитель, а сам я где-то замешкался в дороге и приехал как раз накануне заседания. Потребовал я к себе на квартиру дела, назначенные на следующий день, и послал за ними своего письмоводителя. Дела он принес, и я хотел было за них приняться; смотрю — мой письмоводитель что-то мнется, но не уходит.

— Что вам? — спрашиваю.

— Вас, ваше высокоблагородие, там какая-то баба спрашивает!..

— Где там? Какая баба?

— Там, в сенцах! Она еще вчера целый день вас порывалась видеть.

— Что ей нужно? Скажите, что я занят: некогда мне!

— Да я говорил!

— Ну и что же?

— Не уходит!

— Да скажите же толком, что ей нужно? Подите узнайте!

— Да я знаю!

— Ну, так чего же вы тянете? Что ж ей нужно? Говорите!

— Завтра ее мужа судят по делу об убийстве пильщика из саровской артели. Он в убийстве обвиняется, муж то есть ее!

— Ну, судится так судится! Виноват — обвинят, не виноват — оправдают. Так ей и скажите, и пусть отправляется с Богом!

— Да я ей уже говорил так. Она все не уходит — вас видеть желает.

— Что же я ей до суда-то сделать могу? Растолкуйте ей, пожалуйста, и не мешайте мне заниматься!

— И толковал, и силой гнал — не уходит. Стоит плачет, — мне, говорит, прокурора самого надо!

Взяла меня тут досада, и с сердцем, чтобы только отвязаться, велел я позвать к себе эту бабу.

Вошла бабенка молоденькая, почти ребенок. Рожица вся от слез опухшая. Увидала меня и прямо в ноги.

— Не причинен мой убивству, не причинен!

Валяется в ногах, голосит:

— Помилосердуйте! Не причинен душегубству! Станьте за отца, за матерь!

А слезами так и заливается.

Жалко мне ее стало. Начал я ее успокаивать и так и этак. Ничто не берет. Промаялся я так с ней добрых полчаса. Обещал ей, наконец, — знаешь, как у нас это делается, чтобы отвязаться, — «всяческое содействие». Не взяло и это — плачет:

— Ты его вовсе оправь!

Каково это было слышать лицу прокурорского надзора!.. На счастье меня тут что-то точно осенило...

— Да ты, — говорю, — помолись отцу Серафиму — он лучше моего оправит твоего мужа.

Сказал и обрадовался. Смотрю: моя баба встала с полу, перекрестилась и спокойно, спокойно поклонилась мне в пояс:

— Спасибо тебе на добрых речах, господин! Батюшке нашему я помолюсь, да и ты нас, грешных, попомни!

С тем и вышла.

«Ловко, — подумал я, — отделался. Спасибо Серафиму!»

Взялся я за дела и за первое — за Саровское убийство. Рассматривая его, я вскоре восстановил в своей памяти всю картину производившегося о нем следствия.

С год назад в саровских лесах работала наемная артель пильщиков на Саровских лесопилках. Один рабочий из этой артели был найден убитым. Обстановка преступления, вскрытие

трупа, раны, нанесенные орудием, похожим на пилу, некоторые другие данные, которых я уж теперь не припомню — все это указывало на то, что убийство было совершено кем-нибудь из членов артели. По этому делу следователь собирался привлечь чуть ли не всю артель, но так как убийство совершено было по побуждениям, не обнаружившимся ни в полицейском дознании, ни в предварительном следствии, и так как члены артели были, казалось, сами к нему прикосновенны в той или другой степени, то истинный виновник убийства ускользал от бдительного ока правосудия... Ты, пожалуйста, не улыбайся: око наше со следователем было очень бдительно... Следователь таскал к себе на допрос артель чуть не каждый день. Измором изводил. Но как ни изводил, а дело, казалось, вот-вот должно было вылететь в трубу и быть направлено к прекращению.

Как вдруг к следователю явился один малый из этой несчастной артели и объявил себя убийцей. Рассказал всю обстановку преступления с такими подробностями, что для следователя не оставалось никакого сомнения, что убийцей был, действительно, он. Повинную свою убийца объяснил муками совести и страданием неповинных товарищей.

Итак, на основании, как у нас пишут, изложенного, крестьянин Тамбовской губернии Темниковского уезда, имярек, предавался назавтра суду Тамбовского окружного суда с участием присяжных заседателей по обвинению в грозной статье Уложения о наказаниях, карающей за

предумышленное убийство солидной порцией каторги.

Восстановив в памяти все обстоятельства дела, я убедился, что каторжная песня моего завтрашнего пациента спета и что ему уже никакие Серафимы не помогут.

С сознанием исполненного долга и победы над возбужденными в моей душе сомнениями я лег спать и, уверяю тебя, никаких знаменательных снов, до которых ты такой охотник, не видел.

III.

На другой день во время заседания по саровскому делу я заприметил среди публики мою вчерашнюю просительницу и удивился ее полному спокойствию — точно не она валялась вчера у меня в ногах с воем и причитаниями. А говоря по правде, спокойствию этому неоткуда было и взяться. Судебное следствие, хотя и непродолжительное, ввиду сознания подсудимого, дало такой материал, что моему молодцу никак нельзя было миновать каторги. Обвинительная моя речь ограничилась несколькими сакраментальными словами с требованием обвинения по всем выясненным уликам: перлы обвинительного красноречия, по моему мнению, должны были только бесплодно утрудить внимание присяжных.

Были в деле, правда, кое-какие намеки на то, что убийство могло произойти и в драке, но я их постарался обойти молчанием — слишком для меня были ясны улики тягчайшие. Защитник подсудимого по назначению от суда этим вос-

пользовался и просил поставить и этот вопрос на разрешение суда совести.

Я не дал себе труда возражать — для меня все вопросы казались разрешенными в смысле каторжной работы для подсудимого, а может быть, кто знает, и вчерашний эпизод был еще жив в памяти, склоняя меня на милость... Впрочем, нет! Милости в моем сердце не было. Повторяю — я был уверен как в составе преступления, так и в наказании каторгой.

Не прошло, братец ты мой, и пяти минут с ухода присяжных в совещательную комнату, как они уже вернулись в залу заседания. Я папироски не успел выкурить.

— Виновен ли, — раздался в зале голос старшины присяжных, — крестьянин такой-то в том, что с заранее обдуманным намерением лишил жизни крестьянина такого-то?

— Нет, не виновен!

Я точно с неба свалился.

По второму вопросу, поставленному по просьбе защитника, присяжные дали ответ утвердительный и признали подсудимого заслуживающим снисхождения.

Арест при полиции и церковное покаяние — вот и вся ожиданная мною каторга. Я невольно вспомнил об отце Серафиме. Конечно, я не отнес этого события к сверхъестественному его вмешательству в бабьи слезы, но и простой случайностью мне в ту пору это не показалось.

Эпизод этот глубоко мне врезался в сердце; кусочек мантии о. Серафима я уже потом отрезал.

IV.

Прошло с того времени сколько-то месяцев. Я как-то летом заехал в Саров. Зашел к о. игумену — славный был такой монах и не глупый. За чайком разговорились. Я вспомнил о темниковском деле.

— А что, батюшка, у вас все та же артель пильщиков работает, что и прежде, когда у них убийство случилось?

— Все та же! А что это вас так интересует?

— Так! Вспомнил об этом деле да и спросил... А малый, которого судили, где теперь — не знаете?

— Да со старой артелью у нас работает. Хороший человек.

— Будто уж такой хороший?

— А то нет! Как назовете вы человека, который из чувства товарищества, один, было хотел понести наказание за грех всех?

— Как так?

— Изволите ли видеть: убитый был у них в артели на плохом счету. Воровал ли он у них, или еще какие за ним проделки водились, того я доподлинно не знаю, только артельные крепко его недолюбливали. Надо же было, истинно по вражьему наущению, греху такому случиться: повздорь он под пьяную руку с артелью, да и артель-то была подвыпивши — ну и вспомнились тут шумевшим головам старые счеты. Долго ли до греха! Началась свалка, в свалке и убили. Кто убил? Били все, может, и этот судимый тоже бил — как это знать? А когда начал-

ся суд да дело, стали артель-то по судам таскать, так артель и порешила тому и вину на себя принять, чей жребий вынется. Решили, значит, что лучше, чем всем погибать, погибать одному, тем более что грех был общий. Вот вашему подсудимому-то и выпал жребий тяготу всех понести. Семьи его артель бы не бросила, если бы ему довелось идти на каторгу, только, видно, Бог отвел — теперь с товарищами работает.

Я рассказал о. игумену, что произошло тогда перед судом в Темникове.

— Ну и что же он? — спросил я.

— Приписал, конечно, как и ты бы приписал, заступничеству о. Серафима, даже, помнится, какую-то из Божественного цитату привел о суде Божием и человеческом и в довершение перекрестился. Ну, да он монах! На то и профессия!

Перекрестился и я.

Батюшка, отец Серафим! В день памяти святой твоей кончины, вспоминая молитвенно о твоей чистой, святой душе, славящей с Херувимами и Серафимами в селениях горних Приснославимаго в Троице Всемогущаго Бога, молим тебя — воспомяни нас молитвенно перед Престолом Всевышняго! Молит тебя о том Церковь Христова Святая, тяжко страждущая в своих членах. Молит тебя и мiр православный, верующий уже давно тебе, как Божиему угоднику, молит о том, чтобы в наказаниях, на нас праведно ниспосылаемых, мы понесли не превыше разумения нами содеянного и непрестанно творимого зла и греха!

2 января 1903 г.

Как верный свидетель и сказатель того, о чем повествует моя книга, я не смею не покаяться перед моим читателем в грехе неточности рассказанного мною в этом очерке со слов моего приятеля. Произошел со мною этот грех не преднамеренно и не ради красного словца, а по вине памяти. По требованию друга моего и по моему обещанию, ради полноты истины, исправляю при втором издании моей книги невольный грех мой.

Саровскому убийце не снисхождение было дано, а он был совершенно оправдан присяжными.

Это-то более всего и поразило моего товарища прокурора, а теперь председателя одного из окружных судов. Слава Богу, дивному во Святых Своих!

7.

ЭПИЗОД
ИЗ ЖИЗНИ СТАРЦА
ОПТИНОЙ ПУСТЫНИ,
ИЕРОСХИМОНАХА
ОТЦА
АМВРОСИЯ

«Проходит образ міра сего», но «праведник во веки живет». Невольно мысль от Саровского старца о. Серафима, пренебрегая почти вековым расстоянием во времени, переносится к другой святой личности, нашему современнику — о. Амвросию Оптинскому. 10 октября 1901 года исполнилось десятилетие со дня кончины этого богодохновенного Старца. Чье православное сердце не забьется от прилива сладостного чувства любви, исполненной благоговейного трепета, при произнесении этого дорогого имени! Чьи православные уста не прошепчут при этом священном воспоминании тихой молитвы о блаженном Старце к Господу и к Старцу в горние страны его вечной обители, с упованием на силу его предстательства за грешный мір перед Страшным Престолом Всевышнего.

Лил дождь, шумел из нависших, низко бегущих туч октябрьский осенний ветер, когда многотысячная толпа всякого звания и состояния сирот «батюшки Амбросима» (так звал его простой сердцем, но крепкий верою серый люд) провожала его прах из Шамординской женской обители* в место последнего его упокоения — в Оптину Пустынь. Но ни дождь, ни ветер на всем пятнадцативерстном пути не могли или не смели потушить горевшие у переносимого на руках гроба свечи.

Какою радостью увенчанной любви и веры горело тогда многотысячное сиротское сердце!

Не затемнить октябрьской непогоде современного отступничества того яркого света, которым дивно сиял духовный облик угодника Божия!

Я не знал лично батюшки. Сердце, отуманенное человеческими заботами, одурманенное радостями и утехами міра, не нуждалось в духовном просветленин. Тьма принималась за свет, вера казалась суеверием, гордый ум, отравленный патентами на зрелость и на высшее образование, поклонялся только патентованным человеческим высокомерием идолам, которым было принято поклоняться в образованном человеческом стаде: до монахов ли тут было, да еще из семинаристов?!

Дорого бы я теперь дал, чтобы вычеркнуть из жизни эти десять лет и хоть бы глазком одним

* Знаменательно, что начиная с отца Серафима, все наши великие старцы, все наши столпы Православия, основывают женские монастыри — таков о. Амвросий, о. Иоанн Кронштадтский, о. Варнава от Черниговской, о. Герасим из Тихоновой пустыни.

взглянуть, хоть бы денек один застать из жизни этого подвижника, столько человеческих слез утершего своею слабою старческою и такой беспредельно-любящей рукой!

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

В том краю, где я живу теперь, есть высокообразованная семья коренных дворян-землевладельцев, родови́тых по своему происхождению и добрых православных по исповеданию. Мало таких осталось в краю нашем, к великому горю для Руси Православной!

Семья эта при жизни отца Амвросия пользовалась его духовным руководительством.

От главы этой милой семьи я слышал следующий рассказ о Старце, еще неизвестный в печати. Передаю его со слов рассказчика.

I.

«Пока жив был отец Амвросий, я и семья моя пользовались благодатными советами святого Старца. Два раза в год, а то и чаще, по нужде или из-за радости свидания, я один или с женой, со всеми чадами и домочадцами ездили в Оптину и всякий раз возвращались оттуда буквально окрыленные и просветленные любовью Старца и его мудрою, исполненною благодати беседой. И после его кончины, горько нами оплаканной, нас невольно тянуло в те места, которые освящены были его земным пребыванием.

В одну из таких поездок, уже по смерти батюшки, я встретился в Оптиной с одним из прежних посетителей батюшкиной кельи, с ко-

торым я в ней в былое время неоднократно встречался. Стали мы с ним, как водится, вспоминать обоим нам дорогое прошлое, вспомнили, между прочим, и некоторые случаи прозорливости нашего общего духовного руководителя. Собеседник мой, художник-иконописец, имеющий в Козельске* иконостасную мастерскую, часто, если только не постоянно, работал в храмах Оптиной Пустыни и потому имел особенное счастье во всякое время видаться с незабвенным Старцем.

— Велика-с была у Старца прозорливость, и многих она от горьких бед спасала, — вздохнув от наплыва воспоминаний, сказал мой собеседник, — от погибели человека похищала и преступников, можно сказать, из когтей дьявола вырвала. И ведь как все это Старцем прикровенно делалось, что и невдомек, бывало, станет, к чему он это делает или к чему речь ведет; а потом-с, глядишь, благодать-то и скажется, да ведь какая благодать-то-с!..

Со мною такой-то вот случай был, что только теперь, уже три года спустя старцевой кончины, во всей темноте этот я случай уразумел, а по своей грешности в те поры судил бы Старца-то!

Заинтересовал он меня:

— Расскажите, что такое у вас было?

II.

— Извольте-с! Не малое это было дело, да и не малым оно кончилось — спасением четырех, изволите видеть, душ христианских!

---

* Уездный город Калужской губернии. От него в трех верстах расположена Оптина Пустынь.

Незадолго до кончины Старца, годочка этак за два, надо мне было ехать в Оптину за деньгами: иконостас там мы делали и приходилось мне за эту работу от настоятеля получить довольно крупную сумму денег. Получил я свои деньги и перед отъездом зашел к отцу Амвросию благословиться на обратный путь. Домой ехать я торопился — ждал на следующий день заказ большой получить — тысяч на десять, а заказчики непременно должны были на следующий день быть у меня в Козельске.

Народу в этот день у Старца, по обыкновению, была гибель. Прознал это он про меня-с, что я его дожидаюсь, да и велел мне сказать через своего келейника, чтобы я вечером зашел к нему чай пить.

Хоть и надо было мне торопиться ко двору, да честь и радость быть у Старца и чай с ним пить были так велики, что я рассудил отложить свою поездку до вечера, в полной уверенности, что успею ко времени попасть в Козельск и не упустить заказчиков. Приходит вечер, пошел я к Старцу. Принял меня Старец такой-то веселый, такой-то радостный, что и земли под собою не чаю. Продержал меня Батюшка, ангел наш, довольно так долго — уже почти смерклось — да и говорит мне:

— Ну, ступай с Богом! У меня ночуй, а завтра благословляю тебя идти к обедне, а от обедни чай пить заходи ко мне!

«Как же это так!» — думаю я... Ну, да не посмел Старцу перечить. Переночевал, был у обедни, пошел к Старцу чай пить, а сам скорблю

о своих заказчиках и все соображаю: авось, мол, успею хоть к вечеру попасть домой в Козельск... Как бы не так!.. Отпили чай. Хочу-с это я Старцу сказать: благословите домой ехать! А он мне и слова не дал выговорить:

— Приходи, — говорит, — сегодня ночевать ко мне!

У меня даже ноги подкосились, а возражать не смею, сами знаете-с, какое у нас, у детей его духовных, было послушание!

III.

Прошел день, прошла ночь. Наутро я уже осмелел и думаю: была не была, а уже сегодня я уеду — авось денек-то меня мои заказчики подождали... Куда тебе! и рта мне не дал Старец разинуть.

— Ступай, — говорит, — ко всенощной сегодня, а завтра к обедне. У меня опять сегодня заночуй!

Что за притча такая?.. Тут уж я совсем заскорбел и, признаться, погрешил на Старца: вот те и прозорливец! точно не знает, что у меня, по его милости, теперь ушло из рук выгодное дело! И так-то я был на Старца непокоен, что и передать вам не могу-с. Уж не до молитвы мне было тот раз у всенощной — так и толкает в голову: вот тебе твой старец! Вот тебе и прозорливец!.. Свистит теперь твой заработок!

Ах, как мне было в то время досадно!

А Старец мой, как на грех, ну точно вот, прости Господи, мне в издевку, такой меня пос-

ле всенощной радостный встречает. Горько мне, обидно стало: и чему, думаю я, он радуется?.. А скорби своей все-таки вслух высказать не осмеливаюсь.

Заночевал я таким-то порядком-с и третью ночь. За ночь скорбь моя немного поулеглась: не воротишь того, что плыло да сквозь пальцы уплыло!.. Наутро прихожу от обедни к Старцу, а он мне:

— Ну, теперь пора тебе и ко двору. Ступай с Богом. Бог благословит! Да по времени не забудь Бога поблагодарить!..

И отпала тут от меня всякая скорбь. Выехал я себе из Оптиной, а на сердце-то таково легко и радостно, что и передать невозможно... К чему только сказал это батюшка: по времени не забудь Бога поблагодарить!.. Должно, думаю, за то, что Господь во храме три дня подряд удостоил побывать... Еду я домой не спеша и о заказчиках своих вовсе не думаю: уж очень мне отрадно было, что батюшка со мной так обошелся.

Приехал-с я домой, и что бы вы думали?.. Я в ворота и заказчики мои — за мной: опоздали, значит, против уговору на трое суток приехать.

Ну, думаю: «Ах ты мой старчик благодатный! Уж подлинно — дивны дела Твои, Господи!»

Хороший я тогда имел от этих заказчиков заработок. Хоть бы повек так работать.

Однако не тем еще все это кончилось. Вы послушайте-ка, что дальше-то было!

IV.

Прошло с того случая времени немало. Помер наш отец Амвросий. Года два спустя после его праведной кончины заболевает у меня мой старший мастер. Доверенный он у меня был человек и не работник, а прямо — золото. Жил он у меня бессходно годов поболе двадцати. Заболевает к смерти. Послали мы за священником, чтобы поисповедовать и причастить — пока в памяти. Только смотрю, идет ко мне от умирающего священник да и говорит:

— Больной вас к себе зовет, видеть вас хочет. Торопитесь — как бы не помер!

Прихожу к больному, а он, как увидел меня, приподнялся кое-как на взлокоточки*, глянул на меня да как заплачет:

— Прости мой грех, хозяин! Я ведь тебя убить хотел...

— Что ты, Бог с тобой! Бредишь ты!..

— Нет, хозяин, верно убить хотел!.. Помнишь, ты из Оптиной запоздал на трое суток домой приехать? Ведь нас трое, по моему уговору, три ночи подряд тебя на дороге под мостом караулили, на деньги, что ты за иконостас из Оптиной вез, позавиствовали. Не быть тебе в ту пору живым, да Господь за чьи-то молитвы отвел тебя от смерти без покаяния. Прости меня, окаянного, Бога ради, отпусти, ради Христа, с миром мою душеньку!..

— Бог тебя простит, как я прощаю!

* На локоточки.

Тут мой больной захрипел и кончаться начал. Царствие Небесное его душеньке! Велик был грех, да и велико ж было покаяние!..

— Вот-с, батюшка вы мой, сколь велик был Божий старец! Через сколько лет сказалась его, батюшки, прозорливость! Вот с чего он и радостен и светел-то был, когда в Оптиной меня задерживал: четыре души спасал батюшка — меня от смерти без покаяния безвременной, а убийц моих от вечного осуждения!»

И собеседник мой*, и я, умиленные, растроганные до глубины души, благоговейно перекрестились и мысленно оба молитвенно погрузились в воспоминание о духовной красоте облика небесного посланника на эту скорбную и грешную землю, каким всю свою многотрудную и часто страдальческую жизнь был Оптинский старец, отец Амвросий.

Наше время — время всяких чудес и знамений. Как из рога изобилия сыплются «чудеса» спиритизма, гипнотизма, мантевизма, х-лучей, радия и иных прочих явлений міра еще неведомого новейших открытий.

Дух времени, он же и «князь міра сего», не скупится на средства одурманивать ослепленное им человечество; ослепленное, оно думает, что творит свое, и эти чудеса и знамения стремится противопоставить чудесам и знамениям рабов Божиих, Христовых подвижников.

* Собеседник этот, иконописец Николай Дмитриевич Михайлов, с которым мне довелось впоследствии познакомиться лично, умер в Козельске весной 1910 года.

Тщетные усилия!

«Всякое доброе дерево приносит и плоды добрые — по плодам узнаете его!» А где благо от чудес и знамений современной лженауки?! Все пустота и призрак, за которым стоит человеческое горе. Не усиливается ли оно год от году? Не доходит ли оно уже до степени мученичества?!

17 сентября 1901 года

8.

ОТЕЦ ЕГОР ЧЕКРЯКОВСКИЙ

И поднял милоть Илии, упавшую на него, и пошел назад, и стал на берегу Иордана.

(4 Цар. 2, 13)

I.

Еще при жизни отца Амвросия Оптинского, хотя и очень незадолго до его праведной кончины, по нашим орловским местам прошла среди народа слава про отца Георгия Коссова из села Спас-Чекряка Болховского уезда. Последние годы о нем заговорили с особенным интересом, и, как водится, заговорили на разные лады: одни с восторгом, усматривая в нем непосредственного преемника по благодати о. Амвросия, нового прозорливца, которому открыто сокровенное человека, для которого и в будущем нет тайного, что не было бы ему явным; другие — и таких, конечно, было между нашим братом большинство — отнеслись к нему предвзято-недружелюбно, даже прямо враждебно. Среди этих последних ходили слухи, что его «смиряли», хотели «запретить» за то, что он «сбивает» простой народ, по-особенному служит, что к нему ходят гадать, что он плодит суеверие и в без того суеверном и невежественном народе... чего только в хулу не говорили!..

Но ходили и другие слухи. Рассказывали, что кем-то подосланные убийцы хотели убить его в церкви, но что внезапно у них отнялись руки и ноги и только по молитве батюшки убийцы были исцелены, покаявшись в своем злодейском умысле. О даре прозорливости о. Егора создались целые легенды со слов очевидцев, на себе испытавших силу этого дара.

Как бы то ни было, а о. Егор стал известен не в одной только Орловской губернии, и толпы богомольцев разного звания потекли потоком отовсюду в захолустное, безвестное село Спас-Чекряк Болховского уезда, Орловской губернии.

Поток этот вот уже лет двенадцать не только не иссякает, но с годами все более и более усиливается. Особенно возрос он со дня кончины блаженной памяти старца отца Амвросия Оптинского.

— Батюшки Абросима наследник, — говорят про него в простом народе.

— Милоть Илии на Елисее, — говорят от Писания кто поначитаннее.

И идет и едет к нему русский человек с полной верой, не мудрствуя лукаво, и с удовлетворенным сердцем возвращается от него по домам, разнося великую и добрую славу про «своего» батюшку по всему простору Руси Великой.

«Свой» он русскому человеку.

II.

— Поедемте к отцу Егору! Не раскаетесь, что меня послушались, — говорил мне года три или четыре назад в морозное Рождественское

утро старичок, приказчик соседнего с моим имения. «Барин» в этом имении не живет, и он там почти круглый год остается за хозяина, Антоныч — так его зовет округа — пользуется в ней доброй репутацией как старичок богобоязненный и нищелюбивый и как верный слуга своему барину. И то, и другое стало в редкость в современных «наемниках». Эти драгоценные качества Антоныча привязали меня к старику, и он «стал вхож» ко мне в дом запросто, как свой человек, как равный.

И в это утро мы с ним за разговорцем попивали чаек и рассуждали о переживаемых «лукавых» временах, к которым Антоныч относился крайне недоброжелательно.

— Я без батюшки о. Егора теперь ничего не делаю, — говорил Антоныч. — Да и как делать-то? Как оберечь себя по нашим временам от человеческого коварства? Теперь и в своей семье смотри в оба — в сыне ли, в дочери ли — не то друг, не то враг сидит. О посторонних уже и говорить нечего: у тех одно в голове — как бы тебя оболванить, дураком поставить да ободрать как липку. Вот такие-то, как о. Егор, нам грешным только и спасение: приедешь к нему, душу ему свою окаянную выложишь, совета спросишь и уедешь от него — на сердце-то легко-легко! Присоветует дело какое, — идешь на него с открытыми глазами: знаешь, что толк будет... Первый раз, я вам скажу, к о. Егору меня жена потащила — я сам ехать не хотел. Ну, она, известно — баба, пристала ко мне: едем да едем! Нужды мне тогда особой в о. Егоре не было. Ну,

чтобы отвязаться, взял да и поехал с ней. Приехали. Батюшка нас принял особо, у себя в доме, а я ему прямо: батюшка, я к вам приехал с хладной душой — меня баба к вам притащила! Никаких у меня чувств сейчас к вам нет, да и нужды не предвидится... Слово за слово — поговорили мы с батюшкой и разогрелось во мне сердце — всю ему душу открыл. Открываю ему душу-то свою, а сам плачу. Вот как я тогда плакал — в жизнь свою так не плакал!.. Сподобил меня тогда Господь и поговеть у о. Егора. Пришла пора уезжать; я и говорю батюшке: батюшка! а теперь-то у меня к вам душа теплая... Ничего себе — улыбнулся: ласков был к нам батюшка.

Советов тогда я у него никаких не просил, но душа моя так разгорелась, что и высказать не могу. Решил я тогда, что ничего без о. Егора предпринимать не буду. И пришел к тому срок. Есть у меня земельки клочок своей собственной — десятин тридцать пять во Мценском уезде. Сын мой там хозяйничает. Доходов, конечно, с такого клока взять неоткуда — дай Бог прокормиться. Ну, сын, дело его, известно, молодое, скучать начал: барышей, видишь ли, мало!.. Как раз на эту пору, под Малоархангельском, в селе Зиновьеве, у господ Анцыферовых, что ли, руда железная объявилась. Наехали туда бельгийцы и стали завод строить. Народищу туда повалило видимо-невидимо. Провели к заводу ветку от Курской дороги, стали печи доменные возводить. Помните, народ тогда от нас весь на «свои шахты» убежал — рабочих в экономию достать было неоткуда. Известно, заводская

жизнь — развратная жизнь! А кому теперь, Бога-то позабывши, развратной жизни не хочется!..

Взгомонился тут и мой сынишка: продадим да продадим нашу землю! Купим у завода участок, выстроим лавку — деньги лопатой загребать будем!.. Так он мне надоел — пристал как лист банный да, признаться, и сбивать уже меня начал... Вспомнил я тут о. Егора да и говорю сыну-то своему: поезжай к батюшке — как он благословит, так и сделаем! Сын-то было заартачился; чего, мол, спрашивать — сам видишь, что дело выгодное, Ну да я уперся.

Съездил сын. Вернулся, голову повесил.

— Что невесел? — спрашиваю.

— Батюшка не благословил, — говорит. — «Меняй, говорит, землю на иную, если найдешь лучше, а о заводских лавках забудь и думать на два года. Нынче стоит завод, а что-то еще через два года с заводом будет! Польстишься на большое, малое потеряешь!»

— Стало быть, — говорю, — не благословил и из головы вон!

— Да как же это? Может, это он к чему иному? Ведь дело-то выгодное!

— Да так же! — говорю. — Не наше дело рассуждать! Ты что же это — Бога искушать, что ли, ездил? Нечего с тобой растабарывать, и заводу твоему от меня — крышка. Сиди дома да хозяйствуй по-старому!

Что ж бы вы думали? Ровнешенько через два года завод тот самый, бельгийский, прикрылся, а теперь, говорят, с ветки даже все шпалы растащили, по кирпичу постройки мил-

лионные разносить начали. Можно ли было это тогда думать?!

Вот, батюшка вы мой, какова-то у о. Егора прозорливость!

Я знал эту неудачную бельгийскую эпопею. Совершилась она у меня на глазах и на моих глазах, не успевши расцвести, отцвела. Никакое человеческое предвидение не могло бы предусмотреть того заключительного краха, которым увенчалось увлечение обуявшей всех рудной горячкой; тем более нельзя было его предусмотреть, что в этом увлечении участвовал крупными капиталами практический Запад.

Большая вера маленького человека спасла его от разорения.

— Вы меня, мой батюшка, простите, коли что не так скажу, — продолжал Антоныч, — а к отцу Егору вам стоит поехать. Дива дивного там насмотритесь! Какие там дела на пустыре батюшка разделывает: храм выстроил большой каменный — хоть в губернию, дом строит для деревенских девочек-сироток, трехэтажный, тоже каменный. Школа там у него какая верстах в двух — им же выстроена. Стоит вам, отец родной, поехать на гулянках. Время теперь свободное — какие дела на праздниках? Взяли да и поехали!

Я решил ехать.

III.

В народе живет поговорка: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался». Бывал я на море, но или море не так было грозно, или глагол Божий еще не касался тогда моей души, но на

море я, помнится, Богу не молился. Черноземные поля моей родины, экономические грозы современной сельскохозяйственной жизни были для меня моим морем, на котором я вспомнил о Боге. Неустроенность, вернее — расстройство русской черноземной сельской жизни, необеспеченность жизни самого сельского хозяина и его семьи, зависящая от многочисленных причин, сплетающих изо дня в день над его головой роковую паутину, в которой безнадежно бьется его горемычное существование — все это заставило меня одно время серьезно задуматься о скорейшей ликвидации всех моих хозяйственных дел и искать новых путей для обеспечения себе безбедной старости. Назрели и другие вопросы внутренней моей жизни, на которые я сам не мог подобрать удовлетворительного ответа и тайну которых нельзя было открыть тем, кто в міру называл себя моими друзьями. Ко времени моего разговора с Антонычем всей этой душевной накипи собралось столько, что я прямо-таки обрадовался предстоящей поездке к отцу Егору. Велика и настоятельна была потребность высказаться, найти своей душе такого руководителя, который бы от Бога был призван врачевать раны бедствующих душ человеческих.

Таким человеком, по рассказам Антоныча, мне представлялся отец Егор...

Было ясное морозное утро, когда мы с Антонычем на другой день нового года, года три тому назад, выехали из Орла на Болхов, держа путь к о. Егору. Праздничный Орел уже весь проснулся. На улицах, которыми нам надо было

ехать, чтобы выбраться на простор большой дороги, встречались знакомые, но никто бы из них не признал в моей фигуре, закутанной в простую овчинную шубу, в компании с убогим на вид старичком Антонычем, того, кого в свете называют «человеком из общества». Ехали мы с Антонычем на одной лошади в простых деревенских розвальнях с наскоро сбитым задком, обшитым простой рогожей. Совсем по-простому была обставлена наша поездка: в кульке под сиденьем кое-какая провизия, четверка чаю, фунта два сахару да в ногах — клок сена для лошади: не то прасолы, едущие на ярмарку, не то кто из крестьян побогаче, с базара возвращающиеся домой, — вот на кого были мы с Антонычем похожи, когда наш конь, раскачиваясь на рыси размашистым перевальцем, заставлял нырять розвальни по ухабам орловских улиц.

Обыкновенно разговорчивый, Антоныч в дороге оказался неважным собеседником: как будто весь запас его красноречия израсходовался на убеждения меня в необходимости поездки к о. Егору. Казалось, теперь он сосредоточился на конечных ее результатах: оправдается ли в моих глазах репутация батюшки, сумею ли я с его простотой и верой отнестись к тому, что сам он признавал святыней. Может быть, в душе своей он и раскаивался, что подбил меня с ним ехать, боялся холоду, которым наш брат, вкусивший от плодов цивилизации, умеет иногда безжалостно обдать разогревшуюся теплотой веры душу простеца. Тщетно пытался я разговорить старика: он отвечал нехотя, односложно. Замолчал и я.

Мороз крепчал. Зимняя дорога из Орла на Болхов представляла собой точное подобие разбушевавшегося моря: саженные ухабы, выбоины, раскаты... Наши розвальни не хуже любой рыбачьей лодки метались как полоумные то вверх, то вниз, то вбок, то вовсе набок, а надежный конь все тем же размашистым, как будто ленивым, тротцем отхватывал у пространства убегающие версты.

Невесел зимний пейзаж черноземного большака: редкие деревнюшки, по крышу засыпанные снегом; ровная безбрежная снежная пустыня, изредка разрезанная бичом черноземных полей — глубокими оврагами; кое-где чернеющиеся вдали, точно оглоданные, рощицы, жалкие остатки былых лесов, былого приволья; встречные и попутные обозы, окутанные, точно дымочком, паром от усталых, выбивающихся из сил, заморенных клячонок. Не слышно стало на большаке резвого колокольчика, заливистых бубенцов господской тройки, еще недавно веселивших сумрачные ракиты, в два ряда, с обеих сторон, окаймлявшие большую дорогу. От ракит, и от тех почти не осталось воспоминания: деревенская бедность и распущенность срезали их под самый корень на топливо, пожгла их на корню ребячья безжалостная шалость. Под корень подрублен и старый помещичий быт. Кое-где еще маячат полуобгорелые пеньки прежнего приволья... Скоро и их не станет!.. Доброе старое ушло безвозвратно, а нового доброго что-то плохо видно...

Морозу надоело щипать нас с Антонычем за нос. Он схватился и за наши ноги, стал щекотать за спиной, ломить коленки.

— Хорошо было бы погреться, Антоныч!

— Вот этап, а за ним сейчас будет и Каменка! Там на постоялом и обогреемся. Двор хороший!.. Чайком побалуемся да и Воину (так звали нашу лошадь) дадим отдохнуть — небось ему все плечи, бедному, от ухабов разломило.

Среди поля, у самой дороги, стоит двухэтажное каменное здание. Стекла выбиты. На дворе, окруженном высокой каменной стеной, — ни души. Холодом и злобой веет от этих мрачных стен.

— Неужели здесь бывают арестанты?

— Отчего же им не бывать? Бывают.

— А как же стекла-то? Ведь там ветер гуляет хуже, чем в поле.

— Стекла-то? А долго дело их позаткнуть. Небось не замерзнут. Ведь это не дворец, а этап: чуть стало холодно — марш в дорогу! Дорога-то, она тебя живо разогреет!

Коротко и ясно! Гордиев узел устройства тюрем Антоныч разрубил не без некоторой логики: «не дворец, а этап!»

Очевидно, бедному Антонычу не были своевременно преподаны основы тюрьмоведения. Ну, да на то он и Антоныч!..

IV.

— К отцу Егору жаловать изволите? — спросил меня, подавая самовар, хозяин постоялого двора, пока мой спутник во дворе под навесом убирал Воина: накрывал попоной и за решетку яслей накладывал ему его порцию зеленого, душистого сена.

— К нему!

— Батюшка удивительный! Великий, можно сказать, батюшка. Много у него народу бывает. И из господ и из купцов тоже к нему ездят. Большое от него людям утешение!.. Доброе дело надумали!

— А вы хорошо батюшку знаете?

— Батюшку-то? Я-то? Да кому же и знать его так, как я его знаю! Еще как поступал в Спас-Чекряк, в село, то есть ихнее, они нам очень хорошо известны; батюшка у нас постоянно останавливался, как в Орел ездил. И первый раз он у нас останавливался, как из Орла к своему месту с матушкой своей ехал... Не чаялось мне тогда ему живым быть... А что вышло-то!..

— Почему не чаялось?

— Уж больно квел* был — кровью кашлял. Думалось: где ему вытерпеть на таком месте, на котором и здоровые-то не уживались: село-то — уж больно плохое!

— Чем же оно так плохо?

— Э, батюшка! — вмешался в наш разговор подошедший Антоныч. — Чем плохо село? Тем оно и плохо, сударь мой, что жить там попу не при чем. Село — рвань какая-то, прости Господи! Народ беднеющий, к храму мало приверженный. Да и где ему к храму прилежать, когда от села до храма версты две не то три будет киселя месить! Какая погода, а в непогодь-то и не соберешься!

Компания наша собралась за мирно кипящим самоварчиком. Антоныч разложил из ку-

* Орловское выражение, значит — слабый.

лечка на стол немудрые снеди. Пригласили и хозяина присесть с нами.

— Вы, — обратился к Антонычу хозяин, — видно, у отца Егора бывали, — вам, стало быть, и рассказывать нечего, какая в Чекряке для священника допреж была жизнь погибельная. А вот барин не знают, так не поверят, что там можно было с голоду насидеться. Церковь — развалюшка, старая-престарая. Дом для священника — одна слава, что дом: решето, а не дом — на дрова продать — денег напросишься. Скудость во всем такая, что не приведи Бог. Для священников место, прямо надо говорить, погибельное. Оттого там до отца Егора никто и не уживался.

— Ну, а он-то как там ужился?

— Стало быть, на то дана ему была от Бога такая сила: благодать ему Господь послал! Батюшка отец Амвросий Оптинский к тому же благословил: с того пошел и жить на пользу нам, грешным. Теперь увидите сами, чего только отец Егор на своем пустыре не понастроил. Дела там у него не человеческие, а прямо Божьи творятся! В народе к нему вера крепка больно.

— Чем же он внушил к себе такую веру?

— Не он внушил — Бог внушил! Разве может на себя человек что принять, если ему не дано на то будет власти от Бога? Ведь это вы, господин, и сами понять можете! Священников у нас в епархии человек до тысячи наберется, а батюшка Егор один. Те, которые и на виду, а он в захолустье, а народ к нему льнет. Кто же, как не Господь, путь к нему указал народу? Прозорливцем слывет он у народа. Да как и не слыть,

когда все по его словам сбывается?! Я и на себе, и на людях испытал, каковы слова-то батюшки. Примеров много, всего не упомнишь... Вот, скажем, недавно к нему одна болховская мещанка, мне знакомая, ходила. Осталась она после мужа бедной вдовой с малыми детишками. Пришла к отцу Егору, плачет-разливается: «Что мне, — говорит, — батюшка, делать? Есть-пить с малыми детьми мне нечего, а отойтить от детей в услужение нельзя — детей не на кого оставить». «Купи, — говорит батюшка, — корову, молоком детишек корми, а остальное продавай — вот и сыта будешь». «Рада бы, — говорит, — купить, да не на что». А батюшка ей: «На, — говорит, — тебе двадцать рублей, на них и корову себе купишь».

Пошла это она от него да думает: «Где же за двадцать рублей купить такую корову, которая и самих бы кормила, да и на сторону молока еще давала? И за полсотки такой коровы не купишь!» — Смотрит — у самого Болхова мужик ведет корову. — «Стой! продаешь корову?» — «Продаю!» — «Какая корове цена?» — «Двадцать рублей!» Отдала деньги, привела корову домой, а она, глядь, с полным молоком. По молоку корове сто рублей цена. Прознала про эту покупку соседка ее, баба с достатком, да и позавидовала. Пошла, никому слова не говоря, к отцу Егору да и стала ему жаловаться, что ей с малыми детьми есть-пить нечего. Батюшка дал ей 18 рублей на покупку коровы. А у ней у самой, у ехиды, своя корова была. Пришла она домой, ан своя-то корова — здоровенная была —

кверху пузом валяется — издохла, значит. Тут баба моя свету не взвидя скорее назад к батюшке каяться: «Обманула я вас, окаянная! Господь меня покарал за мою зависть подлую». Простил ведь батюшка. «Ступай, — говорит, — да вперед людям не завидуй, а на деньги, которые тебе дал, купишь себе корову». Так и вышло — ни полушки баба не приплатила.

А то еще вот: вдовец и вдова в Болхове, из купцов, задумали между собою в законный брак вступить. Поехали к батюшке за благословением. Батюшка их благословил. «Бог, — говорит, — вас благословит, женитесь, только не этим мясоедом». Едут от него нареченные-то да между собой рассуждают: дорого нам то, что батюшка благословил венчаться. Но не все ли равно — этим ли мясоедом или другим! Повенчались на этот мясоед, вопреки батюшкиным словам. Приехали от венца ко двору, а от дома-то одни головешки дымятся; пока от церкви доехали, дом-то и сгорел как свечка.

Вот, батюшка, каково его не слушать, когда за советом к нему ездишь!

А сколько он добра делает и не перечесть, кажется!

Есть у нас в Болхове купец богатый. Народу он на своем веку обидел без конца. Своим родным и тем не давал пощады: только попадись — давил да гнул кого попадя. Нищих немало понаделал. Под старость богомолен стал: жертвователем заделался, на монастыри да на церкви кушами стал отваливать. Прослышал он, что отцу Егору из денег стало тесненько: зачал свой храм,

что теперь в Чекряке, каменный, а на достройку выходит недохватка. Поехал к батюшке наш богатей да и говорит ему: наслышаны мы, мол, что деньгами вы нуждаетесь, так пожалуйте вам от меня на построение храма 20 тысяч от нашего усердия. А батюшка ему: «храмы Бог строит, а мы, люди, у Него приказчики. По-людскому, по-приказчичьему, спасибо тебе на жертве, ну а Хозяин твоих денег брать не велит». — «Как так?» — «Да очень просто; деньги ваши больно человеческими слезами подмочены, а такие Богу неугодны. Родные твои кровные от тебя по міру с протянутой рукой гуляют, а ты думаешь у Бога от их слез деньгами откупиться! Не возьму от тебя и миллиона; возьму, когда ублаготворишь тобой обиженных».

Что ж бы вы думали? Ведь привел в совесть богатея-то нашего: теперь всех своих родных, кого обидел, на ноги ставит — дворы им строит, деньгами оделяет. Сторонних, им обиженных, и тех разыскивает, чтобы обиды свои выправить.

Вот как наш батюшка людей на путь направляет! Не соберешь и не расскажешь всего, что слышишь, или сам, бывает, видишь из дел батюшкиных. Одно слово — великий пастырь Божий.

Пока шла беседа, Антоныч так и впивался в меня своими серенькими глазками. Казалось, они так и говорили, смаргивая от времени до времени набегающие слезинки умиления: ну, не прав ли я был, когда звал тебя к отцу Егору? Видишь, что про него и другие говорят? Не у меня одного такая вера в батюшку. Уверуй и ты,

маловерный, в силу Божью, которая в Его слуге совершается!..

Удивительное дело — духовное богатство верующей христианской души! Всякое другое достояние люди стараются удержать для себя; это же расточается рукой неоскудевающей. Даже богатство любви и дружбы, чувств, наиболее возвышенных из всех человеческих чувств, никто делить с посторонним не станет, а будет беречь их для себя и для того человека, к которому он эти чувства питает, ревниво их укрывая от чужого глаза. О материальных благах и говорить нечего — ими делятся только праведники. Богатство же веры только тогда и может считаться богатством, когда человек им делится с ближним. Горько бывает не то, когда черпают из сокровищницы твоей веры, а то, когда твоим сердечным раздаянием пренебрегают.

Такое чувство, должно быть, испытывал и Антоныч, когда выслеживал, не подметит ли во мне зарождения той веры, которой и сам он пламенел.

Подметил ли он что во мне? Только повеселел мой Антоныч.

В Болхов мы приехали поздно ночью, вернее — под самое утро. До батюшки в Чекряк оставалось верст 15–17. Надо было покормить Воина и самим отдохнуть. Решили с Антонычем выехать в Чекряк часов в восемь утра, чтобы поспеть к отцу Егору часам к десяти, когда, по своему обычаю, батюшка в церкви начинает читать канон молебный к Пресвятой Богородице.

V.

— Туда ли едем, Антоныч?

— Ну, вот еще! К батюшке едем и вдруг заплутаем! Небось за добром, а не за худом едем... Плутать! Когда же это видано? Едем Бога ради и плутать будем! Тоже скажете! Вот сейчас будет деревня, а за деревней — лощинка, за лощинкой — лесок, а за леском сверток* к батюшке, а там и усадьба его самая будет. Диви** бы я тут ни разу не был, а то ведь тоже зимой ездили.

Действительно, вскоре на бугре показалась деревня. Зимняя дорога среди снежной пелены желтела в гору мимо крестьянских гуменников. Стояло ослепительное морозное утро. На гумнах молотили хлеб.

— К отцу Егору эта дорога будет?

— К отцу Егору? Та-то, та-то, батюшка! Из Болхова-то вы маненечко крючку дали... ну да и тут проедете. Вон за горкой — сарайчик, за сарайчиком дорожка низом пойдет, лощинкой значит. Там тебе будет лесок, а за леском и на батюшку сверток налево будет. Дорога одна. Другой дороги нетути. Езжайте с Господом!..

— Видишь, Антоныч. Промахнулись мы с тобой — крюку дали, а ты говорил — не заплутаем.

— Да и то не плутаем. Говорят, дорога одна. А что крюку дали, так брешут они, прости Господи! Дулебы*** они были, Дулебы и есть! То — дорога одна, то — крюку дали — эх, деревня!

---

* По-орловски — поворот.

** Если бы.

*** Дулебами в Орловской губернии зовут жителей Болхова с уездом.

Бодро поскрипывая подковами и взметая тонкую морозную пыль, выбрался верный слуга Воин к сарайчикам и крупной рысью, точно чуя близкий отдых, помчал нас вниз к лощинке, темневшейся на снежном покрове своим перелеском..

— Вот тебе и отец Егор!..

Антоныч как-то сразу, неожиданно, перешел со мною на «ты», снимая шапку и крестясь на показавшийся за небольшою рощицей, на бугорке, высокий белый каменный храм, внезапно точно выросший своим ярко-зеленым куполом из блистающей яркими искрами снежной пустыни.

У меня замерло сердце. Отчего оно замерло? В предчувствии ли того, что сейчас, лицом к лицу, я предстану перед силой Божией, избравшей для своего проявления никому неведомый, пустынный, заброшенный уголок великого Русского царства, забытый, уничиженный, презренный всеми, даже пастырями своими покидаемый, точно зачумленный? Из понятной ли боязни встретиться и, быть может, даже говорить с человеком избранным, для которого по благодати Божией открыто сокровенное человека?..

Кажется, будь я один, без Антоныча, я с места бы вернулся домой, не заезжая в Чекряк. Но как было не взглянуть на того, кто, в глазах простых сердцем, заменил им в этой юдоли плача старца Амвросия, великого печальника горя русского!

Жутко мне было, но вместе с тем и радостно. Это-то радостное побороло все остальные чувства...

— Видишь за лесочком-то церковка красненькая? Это батюшкина, в которой он и доднесь служит: большой-то храм еще не отделан. А вот и дом для сироток! Ишь какую махинищу воздвигает! А вон и «странная», где мы с тобой остановимся. Слава Тебе, Господи, доехали! Слезайте, батюшка. Я лошадку-то наскоро отпрягу, повожу ее маленько да под навес поставлю, а вы бегите скорее в церковь: кажись, уже прошел батюшка... Эй, милые! прошел батюшка в церковь? — обратился Антоныч к бегущим богомолкам.

Те что-то впопыхах ответили и промчались мимо.

— Прошел и есть. Бегите скорей! Эк, дело-то какое! Ну как опоздали?! Да бегите же! Я сейчас одним махом сам примчусь!

Я подхватился точно на пожар и через могилки, насеянные по дороге от «странной», побежал прямо в красневшуюся передо мною церковь.

VI.

Маленькая, тесная церковка, вида весьма древнего, уже была переполнена народом, когда я запыхавшись вбежал по верхним ступеням ее убогого крыльца. Народ стоял все более простой — мужики да бабы; было больше баб. Кое-где темным пятном на красневшем фоне разноцветных платков и желтых нагольных полушубков выделялись шубы городского купеческого покроя. Таких было немного.

Я подошел к свечному ящику. Нестарая, повязанная черным платочком женщина продава-

ла свечи. Я заметил, что все выложенные на ящике свечи были двухкопеечные. Народ подходил, брал свечи, клал деньги, но сдачи не требовал: клали и пятаки и двугривенные; прозвенел чей-то полтинник...

Я тоже положил не то рубль, не то полтинник.

Народу было много, но тишина стояла полная. Все были сосредоточенно серьезны и молчаливы.

Я взял три свечки и, пробираясь через толпу, пошел их ставить к местным образам в иконостасе. За левым клиросом у какого-то образа уже теплилось множество свечей и было заметно, что вся масса народа ютилась и жалась к этому образу. Батюшки в храме не было видно.

Положив поклон, я поставил свечку Святителю Николаю.

Несмотря на тесноту в церкви, в ней было холоднее, чем на открытом воздухе. От холода восковая свечка ломалась в руках при постановке в подсвечник. Перед образом Богоматери свеча моя, уже поставленная, свалилась и зажженным концом упала на шитое полотенце, украшавшее Лик Пречистой...

Из-за моего плеча порывисто протянулась чья-то рука, успевшая вовремя подхватить падавшую свечку... Я оглянулся и... обомлел от неожиданности: в пол-оборота от меня стоял сам батюшка... По век не забыть мне того впечатления, какое оставила в моей душе эта первая моя с ним встреча! Я был потрясен; даже испуган, как если бы из образа Иоанна Крестителя, ка-

ким его обыкновенно пишут на иконах, вдруг вышел сам Предтеча Господень. Облик отца Егора в старой, заношенной ризе, обвисшей на его высокой, сухощавой фигуре мятыми складками потертой от времени парчи; его темные с большой проседью волосы, закинутые со лба назад непослушными, мелко вьющимися, точно крепированными прядями, с одной прядкой, непокорно сбившейся на дивный, высокий лоб; реденькая бородка, небольшие усы, открывающие характерный, сильный рот, в котором так и отпечатлелся характер стойкий, точно вычеканенный из железа; небольшие глаза, горящие каким-то особенным ярким внутренним огнем, и взглядом, глубоко, глубоко устремленным внутрь себя из-под глубоких, резких складок между бровями — вся фигура отца Егора поразила меня сходством с тем, кто по преданию рисуется нашему верующему представлению, как «глас вопиющего в пустыне». Та же пустыня окружала отца Егора, но только не та знойная берегов Иордана, а наша холодная, снежная... Правда, со времен Крестителя успел остыть и огонь души человеческой!..

Привычной, твердой рукой батюшка поставил мою свечку и, не глядя на меня, не глядя ни на кого, пошел оправлять и зажигать сам лампадки перед образами.

Я стал у правого клироса, где было немного посвободнее от толпы, прижавшейся ближе к левому. Глаз не мог я оторвать от отца Егора. Вихрем в голове моей проносилась вся история Христовой Церкви на земле, вся история ее млад-

шей дочери, Православной Русской Церкви, исполненная дивных образов ее верных воинов, несших ей победные венцы в борьбе с внутренними и внешними врагами, с врагами земными и врагами злобы поднебесной...

Передо мною, очевидно, был один из таких воинов.

Порывистой, быстрой походкой отец Егор вошел в алтарь. Через минуту он вышел оттуда, неся в руках аналой и толстую книгу в старинном кожаном переплете... Толпа почтительно и бесшумно подалась назад и открыла доступ батюшке к левому клиросу, сзади которого перед иконой Царицы Небесной уже горели бесчисленные свечи.

Все молящиеся как-то насторожились в благоговейном молчании...

Тихо, проникновенно и вместе властно раздался призыв отца Егора:

— Три поклона Божией Матери!

И вся толпа, как один человек, во главе с батюшкой, разом опустилась троекратно на колени.

Где-то в отдаленном углу церкви раздалось чье-то всхлипывание. Многие как опустились на колени, так и остались в этом положении...

Среди всеобщей тишины, нарушаемой изредка глубокими вздохами, стал читать батюшка молебный канон к Пречистой, поемый во всякой скорби и обстоянии:

«К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии, и припадем, в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози

на ны милосердовавши, потщися — погибаем от множества прегрешений, не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо и Едину надежду имамы!»

И опять:

«К Богородице прилежно ныне притецем...»

Какой проникновенный, исполненный беспредельной веры голос читал эти чу́дные, покаянные слова! Толпа замерла. Казалось, вся ее бесчисленная скорбь слилась в одно общее молитвенное напряжение и голос отца Егора уже не был его голосом, а голосом всей этой народной груди, захлебывающейся от едва сдерживаемых рыданий; и слезы, бесшумные, тихие слезы текли из глаз многих.

«Моление теплое и стена необоримая, милости источниче, мірови прибежище, прилежно вопием Ти: Богородице Владычице, предвари и от бед избави нас, Едина вскоре предстательствующая».

Это была теплая, неотступная просьба. Чудилось, что Та, к Кому относилась эта просьба, была тут, с нами, что Она слышала нас, слушала благосклонно Своего верного служителя, скорбела с нами нашими скорбями. Веровалось, что Она нас, рабов Своих, «не отвратит тщи», что не тщетны наши на Нее надежды...

Прочел батюшка часть канона, взошел на солею, снял стаканчик лампады от образа Божией Матери и с лампадой этой в руках, не глядя ни на кого, все с тем же устремленным в глубь себя взором, пошел по народу, знаменуя маслом из лампады на челе и руках молящихся Крест Господень.

— Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа! Как звать?

— Андреем, батюшка... — Фекла, батюшка!..

Антоныч оказался около меня; на щеках следы слез.

— Смотрите, как батюшка-то маслицем крестит. Ведь ни на кого не смотрит, а никого не обойдет, всех маслицем помажет. У кого разве есть грех великий на душе, нераскаянный, того только и обойдет. Да это редко бывает. Был, сказывают, такой случай, так тот, кого батюшка обошел, тут же, говорят, на людях и покаялся... К нам идет: встаньте с колен, батюшка!

Я встал. Отец Егор, близко не дойдя до меня, пошел в сторону...

Неужели я такой грешник? Мне жутко стало.

Отец Егор внезапно очутился около меня.

— Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа! Как звать?

— ...Сергий! — я чуть не забыл от неожиданности своего имени. Батюшка помазал мне крестообразно лоб. Я подал мои руки. Он сам перевернул их ладонями кверху. На ладонях сделал тот же знак креста и пошел дальше.

Масло потекло у меня по лбу. Мне стало неприятно: зачем он это делает? Ведь не всякому, подумалось мне, может нравиться запах лампадного масла и это ощущение на лице жирного, липкого. Никто этого не делает. Бьет на оригинальность, и притом еще весьма нечистоплотную. Скверно у меня стало на сердце... Посмотрел я на соседей, посмотрел на Антоныча:

не замечу ли на чьем лице того же ощущения брезгливости? У всех на лицах было одно выражение — серьезного, сосредоточенного благоговения.

Мне до боли стало вдруг стыдно: или веруй по заповеди Христовой, как младенец, или не место тебе здесь, среди этих простых и чистых сердцем, верующих, не мудрствуя лукаво, своему Богом поставленному пастырю. Я почувствовал себя виноватым и перед своей совестью, и перед этими окружающими меня «младенцами». Не дух ли гордости, самомнения, не дух ли противления Богу, тайно в каждом из нас гнездящийся, открыл протестующе свое мрачное пребывание, лишь только знамение Креста Господня коснулось меня рукой благодатного пастыря? При этой мысли душа моя как-то просветлела... а уже среди все той же благоговейной тишины в храме опять стали звучать слова канона.

«Предстательницу Тя живота вем и Хранительницу тверду, Дево, и напастей решащу молвы, и налоги бесов отгоняющу: и молюся всегда от тли страстей моих избавити мя...»

Остальную часть канона до самого конца я простоял без лукавого мудрствования.

Батюшка еще три раза прерывал чтение канона, обходя молящихся с лампадами от Спасителя, Николая Чудотворца и с Евангелием, которым он благословлял каждого с какою-то особой проникновенностью, давая его целовать и затем возлагая его на голову богомольца. Жутко стало мне, когда, благословив Евангелием каждого в отдельности, он взошел на амвон и крес-

тообразно, широким крестом осенил им всю церковь; точно словом Божиим он изгонял из храма всю нечисть наших душевных помышлений, а может быть, — кто это знать может, — и видимых его духовному взору врагов нашего спасения. Скрытое от нас для нашего земного испытания, для испытания нашей веры, не может не быть открыто подвижникам веры, прошедшим всякие искусы и победившим. При последней трубе обетований наших будет ли міp глумиться над тем, чего теперь не видит, не понимает и отвергает?!

Благословив по окончании чтения канона молящихся крестом, как и с Евангелием, подходя к каждому богомольцу, отец Егор прочитал молитвы на освящение воды, снес аналой на солею, вынес из алтаря копие, употребляемое при проскомидии, и небольшую луженую кастрюлечку, взял их в обе руки и сам стал перед аналоем. Народ столпился перед ним. У каждого в руке была какая-нибудь посуда, наполненная водой. Степенно, без толкотни и давки, богомольцы подходили к батюшке и подавали ему свою посудинку. Батюшка брал ее, выливал воду в свою кастрюлечку, погружал в нее копие, делая им в воде троекратно крестное знамение.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! На что берешь воду?

При этих словах батюшка выливал освященную воду через леечку обратно в поданную посуду.

— Девочка моя вот уже третий годок от Покрова с печки не поднимается. Как захвора-

ла, все лежит да лежит: вся ужо иссохла, бедная. Помолитесь, батюшка!

— Как звать твою девочку? Каких лет?

— Пятнадцати годочков, батюшка! с Великого поста шестнадцатый пошел. Зовут Парасковьей.

— Параскевой! Помолюсь — Бог поможет: у Бога милости много.

— Я уж ее, батюшка, и по докторам возила, и в больницу клала — все нет помоги! Хужеет девочке.

— Бог даст, твоя девочка скоро выздоровеет. Каяться надо: грех небось есть на твоей душе, в котором не повинилась? Господь иногда в детях за нераскаянный грех родительский взыскивает.

— Всем грешна, окаянная! Благословите, батюшка, у вас поисповедоваться!

— Бог благословит! Останься, пока народ схлынет!

Какая-то молодая бабенка сует батюшке в руку целую четвертную бутыль.

— На что берешь воду? Куда столько?

— Батюшка! Я — дальняя. Себе беру, да соседи просили. Твоя водица-то скольким от болезней помогает. Беспременно наказывали и на ихнюю долю воды твоей хоть по чуточки принести.

— Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа! Что ты воду моей зовешь? Не моя она, а святая, Самим Богом через меня, грешного священника, освященная. Господь через нее по вере помогает людям в болезнях.

— Простите, батюшка!

— Бог простит!

— Батюшка! муж со мной больно плохо живет!.. — Батюшка! сын ушел, пятый годок не шлет весточки!.. — Батюшка! благословите мне лавку открыть!.. Батюшка...

И на все запросы, на всякий крик сердечного, давно наболевшего горя у отца Егора находилось слово привета, утешения, совета. В каждом его слове, в каждом совете его чувствовалось такое знание человеческого сердца, такое проникновение в самую глубь народного быта, душевной жизни народа, что ни один подходивший, иногда приступавший к нему с глазами, красными от невысохших слез, не уходил от него с лицом непросветленным. Чувствовалось, что каждый получал свое утешение и именно то, которого жаждала и без отца Егора не находила его скорбная, измученная душа. Говорят, отец Амвросий обладал именно этим свыше ниспосланным даром.

Около часу простоял я в своем уголке, с невыразимым волнением наблюдая эту удивительную, никогда не виданную картину. Холод в церкви пронизал меня наконец сквозь теплый полушубок, а волна ищущих совета и утешения не только не отливала, а еще, казалось, все возрастала: уходил один, на его место приходило двое, трое. Двери храма отворялись поминутно, и холодный ветер с надворья врывался беспрепятственно, леденя внутренность и без того холодной церкви. Я чувствовал, что мерзну, а батюшка, казалось, не чувствовал ни мороза, ни усталости — все тот же бодрый и участли-

вый его голос раздавался по церкви. Что за удивительная сила духа! И этот-то человек «уж больно квел был — кровью кашлял!»

Антоныч, уже успевший добраться до батюшки, с двумя бутылочками святой воды (одну прихватил, добрый старичок, для меня), побежал своей торопливой, семенящей походкой в «странную» хлопотать мне о самоварчике. Я хотел дождаться выхода отца Егора из церкви, чтобы просить его принять меня отдельно от других богомольцев, но и меня мороз выгнал вслед за Антонычем греться в «странную». Народу еще много оставалось в церкви; были и желающие исповедоваться. Отцу Егору труда оставалось еще по крайней мере часа на три.

«Странная» отца Егора — довольно длинное одноэтажное здание. Оно было все переполнено народом. Нам с Антонычем был отведен нумерок — маленькая, тесная комнатка в одно окно с убогой мебелью. Вся постройка выглядела довольно ветхой. Пахло сыростью... Не за житейским комфортом едут к отцу Егору!

Антоныч уже готовил мне чай, сидя за кипящим самоварчиком.

— А ты что ж чай не пьешь?

— А я у батюшки благословился исповедоваться. Грехи-то ему сдам — назад легко будет ехать.

— Когда же приобщаться? Завтра обедни не будет!

— А запасными-то? Христос один. Может, сегодня же и благословит Господь сподобиться за молитвы батюшки.

— Как же это так, Антоныч, без подготовки? Ведь поговеть надо, в церковь походить!

— Э, батюшка! Мы — люди дорожные, а дорожные — что больные! Да я ведь разве самовольно — я с благословения отца духовного. И то сказать: сколько ни готовься — не приготовишься по грехам своим до самой гробовой крышки! А благословит Бог, сразу чист станешь. Ты к Нему, к Богу-то милосердному, не лезь со своим достоинством, а говори Ему: раб я Твой смердящий и недостоин я, но во всем да будет воля Твоя! Вот и вся подготовка! Сокрушение нужно, мой батюшка, от всего сердца! Так-то!

О, если бы Господь дал каждому из нас проникнуться всей глубиной высказанной истины! Не утратило ли сердце современного человека способности сокрушаться о своей греховной грязи перед чистотой бесконечной?!

VII.

Недолго просидел я за самоваром и опять ушел к церкви — боялся пропустить выход отца Егора. В церковь я не пошел, а остался ожидать его выхода на паперти: я видел все для себя важное, а стоять в церкви и выслушивать человеческие горести, поверяемые пастырю, мне казалось уже недостойным любопытством. Но еще долгих часа два пришлось мне дожидаться выхода батюшки: исповедники его задерживали. От начала канона прошло часов пять. Наступили ранние зимние сумерки. Хотя на дворе было теплее, чем в церкви, я опять начал дрогнуть; а отец Егор все еще не выходил.

Прошли из церкви мимо меня две одетые по-городски женщины.

— Скоро выйдет батюшка?

— Должно быть, сейчас — в церкви, кажется, больше никого нет!

Я остался один. Начинало темнеть. Весь народ попрятался от крепчайшего мороза по теплым уголкам, где кто мог найти себе местечко. Прошло еще с четверть часа томительного ожидания. От пронзительного холода я начал дрожать как в лихорадке: мороз предательски забрался под полушубок. Наконец взвизгнула на застывших тяжелых железных петлях дряхлая дверь, и отец Егор вышел из церкви, разговаривая с каким-то человеком. Он сам запер церковные двери, попробовал, хорошо ли заперт замок, и, заметив, вероятно, мое ожидание, стал прощаться со своим собеседником.

— Бог благословит! Поезжайте с Богом! Пошли вам Господь милость Божью! — говорил батюшка, пока тот принимал его напутственное благословение.

Я тоже подошел под благословение. С каким-то особым, если можно так выразиться, дерзновением, широким иерейским крестом он благословил меня. Мы вдвоем пошли рядом. Легонькая, потертая ряска на вытертых от времени простых овчинах, старый вязаный шарф на шее, на голове облезлая меховая шапка меха совершенно неопределенного — совсем бедный, бедный дьячок из беднейшего прихода. И рядом с этим — трехэтажный дом для сирот, новый трехпрестольный храм! Этот не «своих си» ищет!

— Батюшка! Я — дальний, можно вас побеспокоить на дому? — мне очень с вами нужно переговорить!

— Милости просим, пожалуйте! Пошли Господь милость Божию! Поговоримте, поговоримте!

По дороге к дому отца Егора навстречу нам подбегали богомольцы — кто принять благословение, кто с вопросом, кто опять за советом. Точно чутьем каким учуяли, что идет батюшка: выползли из теплых закоулков, где сидели спрятанными. Господи! как это сил хватает у этого человека! Что за удивительное терпение!.. Только у самого дома оставили его в покое.

С отцом Егором мы вошли в дом через кухню. Серенькая обстановка дома вполне подходила к батюшкиному одеянию. На столе приготовлена несложная трапеза: в поливной глиняной полумиске лежит нарезанная крупными кусками вареная, давно уже остывшая говядина, «христославная» черствая лепешка из плохой ржаной муки, банка из-под французской горчицы с простой горчицей... Других «разносолов» не было.

— Погрейтесь, пока я переоденусь, у печки, а то вы, я вижу, застыли.

У меня, действительно, от холода даже коленки дрожали.

В кухню кто-то вошел. Послышался разговор. Чей-то недовольный голос раздался довольно громко:

— Да дайте же вы, наконец, хоть поесть батюшке!

— А как же покойничка-то? Ведь его проводить надобно!

— Не уйдет ваш покойник. Надо ж пожалеть живого-то человека — ведь не железный! — долетали до меня негодующие восклицания.

Из внутренних комнат вышел отец Егор и прошел мимо меня, направляясь в кухню.

Я стоял и грелся около печки. В комнате было довольно холодно. Прибежал карапуз-мальчик лет двух. Вся рожица замазана кашей. Посмотрел на меня удивленно, не то испуганно, и затопал обратно своими неверными ножонками. В соседней комнате возились дети. Вошел батюшка.

— Вот дело-то какое! В село надо ехать поднимать покойника, пока еще не вовсе стемнело. Вы уж меня простите! Зайдите вечерком, часиков в восемь.

Я рад был этой отсрочке: хотелось разобраться в своих впечатлениях. Я не мог не признаться себе, что обстановка домашней жизни отца Егора на меня подействовала расхолаживающе: в моей голове как-то не могло связаться представление о духовности с кучей ребятишек, с обстановкой захолустного семейного священника, самого, казалось, заурядного «попа», да еще «попа» времен отживших. Теперешние священники в селах, особенно из молодых, куда на вид развитее и образованнее, ближе и по обстановке и по развитию нашему брату из «цивилизованных»! Что мне, человеку видавшему всякие виды и еще находившемуся под гипнозом разных, так называемых европейских, идей,

мог дать Чекряковский батюшка? Потрясающее впечатление первой встречи незаметно для меня предательски стушевалось: замазанная кашицей рожица, «христославные» лепешки — назойливо лезли в глаза, низводя образ отца Егора с высоты, на которую его вознесло мое воображение... Конечно, только воображение?!

VIII.

Совсем остыл мой пыл к отцу Егору, когда часу в восьмом вечера я пришел к нему для условленной беседы. Надо будет, думалось мне, отделаться от нее под каким-нибудь благовидным предлогом, попросить благословения да завтра ехать пораньше домой, тем более, что Антоныч успел «сдать свои грехи» и причаститься. Душа моя испытывала тягостное чувство разочарования и даже некоторого озлобления: за что, в самом деле, я перенес муку зимнего путешествия, без сна, без еды, лишенный малейшего признака удобства, к которому привыкло мое избалованное, изнеженное тело?

У батюшки меня опять просили подождать: кто-то был у него в гостях. Тонкая перегородка отделяла меня от жилых комнат. Слышался разговор о самой что ни на есть обыденщине деревенской жизни. Голос отца Егора вмешивался в разговор такой заурядный, такой безынтересный.

Ну что я приехал искать себе здесь? Что удовлетворяет какого-нибудь Антоныча, может ли дать удовлетворение мне?! Я злился. Полчаса, проведенные в ожидании, показались неделей.

В начале девятого часа вышел за мною отец Егор, такой приветливый и ласковый, что у меня немного отлегло на сердце. Я попросил благословения, и как-то сразу на душе стало легче и радостнее.

Не успели мы с отцом Егором усесться за столиком в его гостиной, как он меня буквально, что называется, с места огорошил таким вопросом, который в немногих словах охватил все сокровенное моей души, всю ее многолетнюю тайную скорбь, все то главное, о чем я хотел было вести с ним беседу, пока еще не полонял моего сердца сомневающийся дух противления. Я остолбенел. Слезы подступили к самому горлу. Откуда ему все это открыто? Тайна моей души читалась им, как в открытой книге; и речь простая, исполненная теплоты и ласковой задушевности, лилась целительным бальзамом, врачуя незажившие раны, бодря мою унылую душу. Я молчал, а слезы тихо катились, изумленные, радостные...

Я не могу рассказывать об этой беседе...

Так вот она, эта прозорливость! Совершившееся превзошло все мои ожидания. Но как обнаруживался этот благодатный дар?! Батюшка все время говорил не то полувопросами, не то полуутверждениями: он точно хотел скрыть значение этого дара, усиливаясь словам своим, представлявшим для меня целое откровение, придать форму обыкновенной интимной беседы старшего с младшим.

Скажу одно: я получил полное утешение — мне был дан ответ на все мучительные запро-

сы моего сердца. Не так-то это легко было сделать...

— Ну, как вам понравилась наша церковка?

— Дивная, батюшка! Не одно столетие, должно быть, пережила она? Такие церкви теперь только на картинках разве рисуют.

— Правда ваша — древний храм! Я застал в нем антиминс, освященный еще во времена царевны Софии Алексеевны. Совсем заваливалась церковь-то, когда я поступил сюда на служение.

— Как это вам Бог помог устроить все, что мне довелось здесь у вас видеть?

— Сила Божия в немощи нашей совершается. Пока человек рассчитывает на свои силы, до тех пор нет проявления соспешествующей силы Божией. А вот оставили тебя твои силы, ближние твои отступили от тебя, нет спасающего: тут-то и возопи с верой и смирением! А Бог-то, Он тут как тут. Скор и внезапен Он, Милосердный, на помощь всем, призывающим Его во истине. Кажется: вот-вот затоптали человека люди и обстоятельства; а он возопил к Богу из глубины душевной, и вот — где топтавшие?! Моя жизнь прошла через такие-то искусы. Когда петля, казалось, захлестывала меня, помог Господь, да как помог-то! через старца Амвросия — блаженная ему память, угоднику Божью!

— Как же это, батюшка, случилось?

— Извольте, расскажу! Я из этого тайны не делаю, да и нельзя делать тайны из проявлений Божественной силы и благости. К тому же и касается вся эта история больше отца Амвросия, чем меня, многогрешного... Немощь

нашу вы уже изволили видеть. Со дня моего поступления в здешний приход я уже успел, по милости Божией, кой-что восстановить, коечто поисправить. Но когда я сюда приехал, меня оторопь взяла — что мне тут делать? Жить не в чем, служить не в чем. Дом — старый-престарый; церковь, пойдешь служить, того и гляди — самого задавит. Доходов почти никаких... Прихожане удалены и от храма и от причта. Народ бедный; самим в пору еле прокормиться... Что мне было тут делать?! Священник я в то время был молодой, неопытный, к тому и здоровьем был очень слаб, кровью кашлял. Матушка моя была сирота бедная, без всякого приданого. Поддержки, стало быть, ни оттуда, ни отсюда не было, а на руках у меня еще были младшие братья. Оставалось бежать. Так я и замыслил.

На ту пору велика была слава отца Амвросия. Пустынь Оптинская от нас верстах в шестидесяти. Как-то по лету — ночь бессонная — взгомозился я от думушек... Ни свет ни заря, котомку за плечи да и пошел к нему отмахивать за благословением уходить мне из прихода. Часа в четыре дня я уже был в Оптиной. Батюшка меня не знал ни по виду, ни по слуху. Прихожу в его келью, а уже народу там — тьмы: дожидают выхода батюшки. Стал и я в сторонке дожидаться. Смотрю — он выходит да прямо меня через всех и манит к себе:

— Ты, иерей, что там такое задумал? Приход бросать? А? Ты знаешь, Кто иереев-то ставит? А ты бросать?! Храм, вишь, у него

стар, заваливаться стал! А ты строй новый, да большой каменный, да теплый, да полы в нем чтоб были деревянные: больных привозить будут, так им чтоб тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай да дурь-то из головы выкинь!.. Помни: храм-то, храм-то строй, как я тебе сказываю. Ступай, иерей. Бог тебя благословит!

А на мне никакого и знака-то иерейского не было. Я слова не мог вымолвить.

Пошел я домой тут же. Иду да думаю: что же это такое? Мне строить каменный храм? С голоду дома чуть не умираешь, а тут храм строить! Ловко утешает, нечего сказать!

Пришел домой: кое-как отделался от вопросов жены... Ну что ей было говорить? Сказал только, что не благословил старец просить перевода. Что у меня тогда в душе происходило, кажется, и не передашь! Напала на меня тоска неотвязная. Молиться хочу — молитва на ум нейдет. С людьми, с женой даже не разговариваю. Задумываться стал.

И стал я слышать и ночью и днем — больше ночью — какие-то страшные голоса. «Уходи, — говорят, — скорей! Ты один, а нас много! Где тебе с нами бороться! Мы тебя совсем со свету сживем!..» Галлюцинация, должно быть...

— Батюшка, я верую!

— Ну да! Что бы там ни было!.. Только дошло до того, что не только во мне молитвы не стало, — мысли богохульные стали лезть в голову; а придет ночь — сна нет, и какая-то сила прямо с постели стала сбрасывать меня на пол, да не во сне, а прямо въяве: так-таки поднимет

и швырнет с постели на пол. А голоса-то все страшнее, все грознее, все настойчивей: «Ступай, ступай вон от нас!»

Я в ужасе, едва не мешаясь рассудком от перенесенных страхов, опять кинулся к отцу Амвросию.

Отец Амвросий, как увидал меня, да прямо, ничего у меня не расспрашивая, и говорит мне:

— Ну, чего испугался иерей? Он один, а вас двое!

— Как же это так, — говорю, — батюшка?

— Христос Бог да ты — вот и выходит двое! а враг-то — он один... Ступай, — говорит, — домой, ничего вперед не бойся; да храм-то, храм-то большой каменный, да чтоб теплый, не забудь строить! Бог тебя благословит!

С тем я и ушел.

Прихожу домой; с сердца точно гора свалилась. И отпали от меня все страхования. Стал я тут и Богу молиться. Поставишь себе в церкви аналойчик за левым клиросом перед иконой Царицы Небесной, затеплишь лампадочку, зажжешь свечку да и начнешь в одиночку в пустом храме канон Ей читать, что теперь читаю. Коечто из других молитв стал добавлять.

Смотрю: так через недельку, другую — один пришел в церковь, стал себе в уголку да со мной Богу вместе молится; там — другой, третий, а тут уже и вся церковь полна стала набираться. А как помер батюшка отец Амвросий, народ его весь начал к Чекряку прибиваться: советов от меня да утешений ищут: без отца Амвросия-то жутко стало жить на своей вольной волюш-

ке. Трудно человеку в наше время — без руководителя! Ну да я — какой руководитель! Вот был руководитель и утешитель — это отец Амвросий! Тот и впрямь был всяких недугов душевных и телесных врачеватель!.. Впрочем, по вере ищущего, Господь по обетованию Своему не отказывает человеку в его прошении во благо и через недостойных пастырей, «Его бо есть и миловати нас и спасати», Ему и слава, и благодарение во веки веков. Аминь.

Я вспомнил многострадальный день отца Егора, исполненный невероятного терпения любви и кротости... И ты-то, родной, считаешь себя, по глубокому твоему смирению, недостойным! Что же тогда мы? мы, уже почти возложившие на свою десную и на чело начертание апокалипсического зверя?!

Отец Егор умолк. Надо было прощаться; приближалась полночь. Пятнадцатичасовой трудовой день отца Егора должен же был когда-нибудь кончиться, хотя ни во взгляде, ни во всей фигуре батюшки не было видно и признаков малейшего утомления.

Я вспомнил, что хотел его спросить о своих делах. Рассказал ему о них, высказал свои соображения о их устройстве, свои опасения за будущее...

— Помолимся завтра. Бог поможет, что-нибудь и посоветую! — Я подошел под благословение и поцеловал благословляющую меня руку. Отец Егор неожиданно и к великому для меня смущению поцеловал мою.

Смирение души великой!

IX.

К позднему зимнему рассвету удалось мне забыться тревожным сном переутомления и от тяжелого, беспокойного пути, и от пережитых впечатлений. Всю ночь скрипели двери «странной»: народная волна то отливала из Чекряка, то вновь приливала — шли и ехали, уходили и отъезжали почти безостановочно, скрипя полозьями саней, позвякивая бубенчиками. «Странная» была переполнена, а народ продолжал прибывать, несмотря на усиливающийся мороз и легкую «пыльцу»*, шумевшую в поле.

Милоть Илии на Елисее! Благословение отца Амвросия на подвиги отцу Егору! Сила Божия, совершающаяся в немощи!.. Веру народную не обманешь, не подкупишь; она, как вольная птица, знает врожденным инстинктом, где вить свое гнездо. Вьет она его там, где вольнее пища, куда труднее доступ хищнику, где «не в сильном ветре, раздирающем горы и сокрушающем скалы, не в землетрясении, не в огне, а в веянии тихого ветра» ей является Господь, как являлся некогда Илии Фесвитянину, великому пророку Израиля...

Антоныч успел причаститься в то время, как я стоял на паперти, дожидаясь выхода отца Егора. Погруженный в свои думы, я не заметил, как он проскользнул мимо меня. В нашем тесном нумерке, свернувшись калачиком на коротком, жестком диванчике, он проспал всю ночь безмятежным сном младенца. Да он, сподобив-

* «Пыльца» — начинающаяся метель.

шийся принять Господа в великом и страшном Таинстве Святаго Причащения, действительно имел право быть младенцем.

Наутро канон и последующие беседы с народом у отца Егора не были так продолжительны. Часу в третьем дня, идя той же знакомой тропой из церкви к его дому, отец Егор обнял меня правой рукой за плечо, поглядел на меня серьезно и вместе ласково и сказал:

— Дела своего не бросайте, земли не продавайте! Помните, сила Божия в немощи совершается. Что задумали было, того не делайте. Бог и те же люди помогут! Годок, другой трудно будет, надоедно, а там и сами не заметите, как все устроится. Ведь могут быть и урожаи лучше, и цены выгоднее! Не правда ли? ведь могут?.. Пошли Господь милость Божию! Езжайте с Господом! В земле ищите и дохода и утешения — Господь благословит! Только не сомневайтесь!..

После всего виденного и испытанного мне уже было не до сомнений. Скажи мне в ту пору отец Егор идти в Орел босиком, я бы не задумался ни минуты это исполнить.

Через час Воин уже вез нас с Антонычем обратно на родину.

По возвращении домой я совсем было свалился больной в постель от бессонных ночей и тягостей зимней дороги. Святая вода отца Егора за сутки меня оправила и поставила на ноги.

С милым моим спутником, Антонычем, мы мирно вновь взялись за свой труд.

X.

Прошло месяца два. Наступил март. Настала ранняя, по времени года, весна. Дожди и яркое солнце пригрели бугорки, зашумели вешней водой овраги, стали синеть и вздуваться мелководные наши речонки и реки.

В самом начале распутья я получил от некоего бельгийца, прикосновенного к когда-то нашумевшему на всю Россию кожинскому* делу, письмо, по которому было видно, что бельгийские капиталы были не прочь вступить со мною в некоторые деловые отношения. В ответном письме я просил своего корреспондента пожаловать для личных переговоров. Еще мой ответ не успел дойти по назначению, как горничная моя утром рано мне доложила, что меня хочет видеть какой-то иностранец.

Это был мой бельгиец, бедовый и юркий мужчина лет тридцати, с профилем, напоминающим Наполеона I. Из беседы с этим завоевателем конца XIX века выяснилось, что он инженер и явился ко мне как представитель бельгийской акционерной компании, до которой дошли слухи, что в моем имении находятся залежи огнеупорной глины. Компания эта поручила ему удостовериться в справедливости этих слухов и затем купить у меня имение для устройства грандиозного кирпичного завода, «avec un capital de cinq millions de francs, monsieur»**.

---

* Кожин, бывши липецким предводителем дворянства, спекулировал на своей и крестьянской железной руде.

** С капиталом в пять миллионов франков, милостивый государь!

Для меня затевалось совершенно неожиданно новое дело. Взяты были образцы глины и отправлены в Бельгию. Через короткий сравнительно промежуток времени оттуда были присланы весьма утешительные вести: анализ глины дал прекрасные результаты и мне предложили за мое имение свыше четырехсот рублей за десятину. В то время в нашей местности цена за десятину не превышала двухсот рублей. Бельгиец, ведший со мною переговоры, был уполномочен заключить со мною нечто вроде предварительного договора впредь до приезда специального уполномоченного из Бельгии.

«Что же это отец Егор-то?» — подумалось мне.

Я передал все нужные для договора планы и документы своему бельгийцу, но договора писать все-таки не решился без совета отца Егора. Подробно и обстоятельно написал я ему письмо в Чекряк, спешно прося его совета и благословения.

Стоял разгар весеннего распутья. Шла полая вода. Мосты на дороге в Болхов частью были сорваны, частью затоплены. Мое письмо к отцу Егору взялись доставить с обратным ответом за пятнадцать рублей и то только потому, что староста вольных ямщиков, оказалось, питал большую веру в батюшку. Другие не брали письма ни за какие деньги.

Без ответа от отца Егора я на сделки с бельгийцем не решался, несмотря на то что нетерпеливый иностранец подгонял меня, что называется, «во всю».

Надо ли говорить, что я ему не открывал истинной причины своей нерешительности: такие причины разве могут идти в счет между людьми дела?!

До известной степени я переживал муки Тантала. Ответа от отца Егора не было, хотя я знал, что мое письмо ему доставлено. Мне был даже передан его словесный ответ:

— Сам ему почтой напишу!

Так прошел месяц, другой... Бельгиец меня заваливал письмами и телеграммами. Наконец назначен был и день приезда ко мне уполномоченного из Бельгии, а ответа от отца Егора не было.

Наступили веселые дни веселого мая. Я решился ехать сам в Чекряк.

Отец Егор меня встретил словами:

— А письмо-то ваше я получил. Небось вы на меня посердились маленько: ответ-то мой вам к спеху был нужен. Уж вы меня простите! Я и писать к вам собирался; да сяду писать, возьму перо... а писать-то что? Ведь дела-то нет никакого! Ведь правда? Нет ведь дела никакого?

— Как же, батюшка, нет? Дело сейчас только за мной да за вашим благословением!..

А отец Егор, не слушая меня:

— Ведь дела-то нет никакого! Вот и отложил я к вам писание-то свое: думаю, посердится, а там и преложит гнев-то свой на милость!

Потом оказалось, что с бельгийцами у меня, действительно, никакого дела не вышло: состоялось Высочайшее повеление о Кожине*. Блуд-

* Кожин был уволен повелением этим из предводителей дворянства.

ливые бельгийские капиталы оказались трусливы как зайцы; и планы мои, вероятно, украшают теперь, в качестве воспоминаний о русских варварах и далекой Татарии, кабинет на родине моего бельгийского инженера.

О нем я уже не имел с тех пор ни слуху ни духу. Таков-то отец Георгий Коссов из села Спас-Чекряка Болховского уезда Орловской губернии.

Не стоит ли одесную его один из тех Ангелов, которых в последние дни Господь пошлет собирать своих верных со всех четырех ветров земли?!

14 мая 1903 года

9.

ОДНА ИЗ ТАЙН БОЖИЯГО ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА. СВЯТАЯ РУСЬ

Искатель града невидимого
иеромонах скита
Оптиной Пустыни
отец Даниил (Болотов)

Во дни великого патриарха Александрийской церкви, Афанасия, в городе Констанции, на острове Кипре, епископом был один из замечательнейших прозорливцев Христовой Церкви, блаженный Нифонт. Истинно пророческого духа был этот великий муж и видел духовными очами своими самое отдаленное будущее так, как мы не можем видеть и настоящего...

— Как, — спросит читатель, — неужели мы не видим настоящего?

— Не видим, — отвечу я, — а если бы видели, то давно бы уже облеклись во вретище и покаялись в тяжких согрешениях, которыми прогневали едва ли не до конца правосудие Божие. А где покаяние наше?.. Не видно его что-то?..

Так вот, этого-то зрителя тайн Божественного домостроительства и вопросил однажды преподобный Григорий, ученик его:

— Спрошу тебя, отец, — открой мне, — есть ли еще на земле святые Божии подвижники,

которые бы, сияя добродетелями, как Ангелы, были бы подобны Антонию Великому, Иллариону, Павлу и другим многим, явным и тайным, — их же знает один Бог?

И отвечал Блаженный:

— Сын мой! До скончания века не оскудеют святые. Но в последние годы святые эти скроются от людей и будут угождать Богу в таком смиренномудрии, что в Царстве Небесном явятся выше первых чудоносных отцов. Будет же им такая награда за то, что в те дни не будет пред их очами никого, кто бы творил чудеса, и люди сами от себя восприимут усердие и страх Божий в сердцах своих.

Духовная ночь ниспала на грешную землю! Глухая, беспросветная, черная ночь! Тяжелые, мрачно нависшие тучи заволокли далекий горизонт и с севера, и с юга, и с запада, и с востока; нависли грозовые тучи и над нашей головой... Душно, тягостно, давит грудь, трепещет боязливое сердце... Грома еще не слышно; но сгустившаяся туча дрожит от огненных вспышек где-то высоко над тучами реющих молний. Душа замирает, не видя, но чувствуя, как близятся еще далекие, неслышные громы небесные и как уже горит пожаром разгорающихся стихий там где-то глубоко-глубоко, высоко-высоко над тучами разгневанное небо, опускающееся, чтобы сжечь и землю и все дела земли — «блудницы великой, с которою любодействовали цари земные, и от великой роскоши которой разбогатели купцы земные, ибо грехи ея дошли до неба, и Бог воспомянул неправды ея» (Апок. 18, 3 и 5).

Ой, страшно!

Уйдем от этой ночи, скроемся в домы наши, отыщем трепетной рукой в божничке страстную свечку — скорей, скорей зажжем ее пред нашей домашней святыней, пред Ликом предвечного Агнца, Понесшего на Себе грех міра, — наш грех; падем ниц, обливаясь слезами, пред Пречистой Заступницей рода христианского...

Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево!..

Зажжем же скорее наши свечки! Не стало елея в светильниках наших: побежим скорее к купующим — авось успеем!.. Помилуй нас, Боже, помилуй нас.

Свечки наши — это те неведомые міру, но Богу ведомые святые угодники Божьи, которые, как прозревал некогда Блаженный Нифонт, не оскудеют до скончания века; они скроются от людей, но не укроются от благоговейного взора и последних христиан, таких же, как они, странников и пришельцев на земле, как и они, не имеющих града зде пребывающего и взыскующих града грядущего, — невидимого града в небесных обителях Отца Небесного. Горят эти свечечки воска ярого чистым пламенем Божественной любви и веры еще и в наше лукавое и многобедственное время; и кто, хотя бы спотыкаясь на каждом неуверенном шагу и падая, идет по тому же, что и они, пути, от того не утаится их смиренномудрие: его найдет по дороге к «невидимому граду» испытующее око

усталого и немощного их спутника, как бы ни укрывало оно себя тайной «вертепов и пропастей земных». Пусть не заглядывает туда высокомерное презрение «одевающихся в мягкие одежды» и пирующих в раззолоченных чертогах міра; но мы с тобою заглянем туда, дорогой мой читатель! Зажжем же эти свечечки, поставим их в свещник и выставим на маленькое наше окошко: во тьме сгустившейся ночи свет из малого оконца далеко будет виден, — глядишь, — на его яркий огонек и набредет, с Божьей помощью, какой-нибудь измученный ложью блуждающих огней мирского болота, отчаявшийся уже в своем спасении путник.

Дай Бог!

I.

В воскресенье 25 ноября 1907 года, в половине второго пополудни, в Скиту Оптиной Пустыни, отлетела к Господу праведная душа иеромонаха о. Даниила, в міру — потомственного дворянина Димитрия Михайловича Болотова, свободного художника Петербургской академии художеств. Отец Даниил происходил из того рода Болотовых, который во дни слета Екатерининских орлов дал известного творца «Записок Болотова», а в наши дни — четырех иноков: его самого, брата — схимонаха и сестер — игумению-схимницу и схимонахиню.

С отцом Даниилом Господь свел меня лет 8–9 тому назад, когда мне впервые довелось посетить великую духом старчества Оптину Пустынь. На него, как на выдающегося члена святого братства, указал кто-то мне из Оптинских монахов в ответ на мою просьбу — дать мне возможность побеседовать с таким иноком, который мог бы мне помочь распутать сети коварных противоре-

чий между «злой наукой» міра с ее делами и деятельным христианством. Когда монах этот назвал мне фамилию о. Даниила, в моей памяти мгновенно восстал давно забытый облик молодой, красивой и оригинальной по складу ума девушки, которую я часто во дни ранней моей юности видал в доме покойной моей матери. У нас она известна была под именем Sophie Bolotoff. Блеснул этот облик светящимся метеором и исчез навсегда с горизонта моей родной семьи; и только уже много лет спустя, когда и моего оголтелого сердца коснулось дыхание христианской жизни, отыскался для меня вновь след этого метеора, но уже на ином небе и между другими звездами; в житии великого Оптинского старца, о. Амвросия, отыскался он. Но самого метеора уже не было: он унесся в премирное пространство первой игуменьей основанного старцем Амвросием Шамординского женского монастыря, схимонахиней Софией.

Вспомнилась мне эта страничка давнишней моей жизни, и подумалось: не брат ли о. Даниил этой Sophie Bolotoff?

О. Даниил оказался, действительно, ее родным братом.

Общность ли воспоминаний, связанных с почившей сестрой-игуменией, или другое что, не менее общее в душах наших на почве христианского искания пути к «невидимому граду», — не знаю, но вышло так, что я сердечно сблизился со Старцем. Он переступал за шестидесятую грань своего возраста и уже более десяти лет был монахом; я стремительно мчался, гони-

мый вихрем моей жизни, к сороковому моему лету и никогда и в мыслях не имел стать монахом. Но перед ним и мною лежал один путь: им познанный, а мне желанный — Христос. На Нем мы сошлись. Им и в Нем полюбили друг друга...

По академии отец Даниил был товарищем, если не ошибаюсь, Репина и Васнецова. Портретист по специальности, он в свое время был в немалой славе в избранном и высокопоставленном петербургском обществе. Не была эта слава многошумящей, как слава Репина, не блистала она сиянием духовного гения богатыря самобытной русской кисти Васнецова: слава художника Болотова была из тех, которая дает уверенность в завтрашнем дне, и день этот окружает почетом, обеспечивает хорошим заработком, а вечер жизни — старость озаряет радостью тихого покоя.

В монастырь он пошел уже немолодым человеком, в преполовении века: ему исполнилось ровно пятьдесят лет, когда дверь скитской кельи отгородила его от дел міра. Что привело его в это преддверие христианского рая? Искание этого рая, искание «града невидимого», Небесного Иерусалима, по пути к которому много веков шла Святая Русь благочестивых царей, благоверных цариц, князей, бояр, купцов и смердов — всех лучших строителей земли Русской, всей той ее соли, которая была истинной, еще не обуявшей солью земли, светом міра. Этого «невидимого града» с детских лет искала и жаждала хрустальная душа отца Даниила. Не от нижних, а от вышних было его пламенное сердце, горевшее деятельной апостольской верой; и это-

то сердце безошибочно и верно указало ему и легчайший путь к «невидимому граду» — в отвержении от міра и от всего, яже в міре.

«Я был девятилетним ребенком, — сказывал мне о. Даниил, — и жил со своей семьей в тульском имении моих родителей. Дом наш в деревне был старинный помещичий дом: из передней — зала, из залы — гостиная, целая анфилада так называемых парадных комнат, огромных, со старинною громоздкою мебелью, и мало уютных. Жилая половина была в стороне, и в нее вела из залы дверь, открывавшаяся в длинный коридор. Первая комната в этой половине, если считать от залы, была для приезжих, и в ней обыкновенно стояли большие приданые сундуки моей матери, окованные жестью. В этой комнате было одно «италианское» окно почти во всю ширину ее наружной стены. Мы — дети, когда уже станет темно, всегда очень боялись проходить по вечерам мимо этой «приезжей» комнаты, и родители наши, воспитывая в нас мужество, часто командировывали нас, когда смеркнется, с разными поручениями из парадных комнат в жилые. Едва преодолевая страх, мы должны были бегать мимо этой до сердцебиения жуткой «приезжей». Я хорошо помню и даже, кажется, сейчас чувствую, как трепетно сжималось тогда мое детское сердце.

И вот, раз я вижу сон: будто меня поздно вечером зачем-то послали через этот страшный коридор в спальню. С трепетом отворил я дверь из залы и принимаюсь, прежде чем перешагнуть через порог, мысленно себя успокаивать: чего,

мол, бояться? Разбойникам зайти неоткуда — все окна и двери заперты кругом; да и волк по той же причине ниоткуда не пролезет — чего тут бояться?.. С этими мыслями я отважно вступаю в коридор. Дверь в «приезжую» открыта, и сквозь италианское ее окно льется яркий лунный свет уже позднего вечера. Только это я стал пробираться мимо двери «приезжей», как на меня вдруг пахнуло холодом и сильный порыв ветра дунул на меня с такою силою, что я перепугался до полусмерти. Смотрю: италианское окно раскрыто настежь, и наружный воздух свободно врывается с ветром в страшную комнату... Куда тут девалась моя смелость!.. Да так и разбойники и волки могут залезть! — испуганно заколотилось в моем сердце, и я точно приковался от страха к одному месту... В то же мгновение вижу: в открытое окно влетает в ярком сиянии Ангел. Крылья белоснежные сверкают ослепительным блеском. Стан и плечи опоясаны орарем, как у диакона перед причащением; одежды, точно тканные из света. Рост величественный, и сам Ангел красоты неописанной. В руках у Ангела была большая плетеная корзина.

Влетел Ангел в комнату, поставил корзину на пол и рукой манит меня к себе. Страх мой мгновенно прошел, и мне вдруг все стало интересно. Я доверчиво вошел в комнату, и Ангел взял меня и посадил в корзину. Я сел в нее, и ее края скрыли меня до самого подбородка. Взял мой Ангел корзину в руки, взмахнул крыльями и вылетел со мною вместе вверх к поднебесью. И видел я, как мы поднимались, как летели над

макушками деревьев, как сверкали огоньки в окнах родного дома и жилых хозяйственных построек, как мы летели все выше и выше и как постепенно стушевывались где-то далеко внизу очертания усадьбы, окрестных деревень и, наконец, самой земли. Над нами темнело одно ночное небо с серебряной луной и сверкающими звездами, а под нами непроницаемой завесой стояла непроглядная ночь. И в таинственной тишине неудержимого, могучего полета, среди необъятного пространства, я, замирая от жуткого и необъяснимо сладкого чувства, возвысил из корзины свой детский голосенок и спросил:

— Куда ты летишь, Ангел?

— К Богу! — услыхал я ответ.

И мы понеслись еще быстрее, еще стремительнее кверху. И вдруг ночь сменилась ярким светом, бесконечно ярче света земного солнечного дня.

Кругом нас — ярко-голубой воздух и ничего другого: одно неизмеримое, неописуемое пространство... И мы летим все выше и выше...

Среди этого воздушного голубого простора впереди себя я вижу огромный дуб с громадными ветвями, и дуб этот срублен; стоит рядом с ним и его пень; а кругом все тот же неизобразимый воздушный простор неоглядного неба... Долетел Ангел до этого дуба и остановил свой могучий полет, вынул меня из корзины и посадил на пень, а сам сел рядом со мною на ствол срубленного дерева... А за Ангелом — ветви дуба, густые, широковетвистые...

Я опять спросил Ангела:

— Где мы, Ангел?

— На полдороге к Богу! Отдохнем здесь, а там... опять полетим дальше! — ответил мне мой Хранитель.

Долго ли, коротко ли мы так сидели: только вдруг я чувствую, что Ангел меня легонько толкнул своим коленом. Я взглянул на него и вижу, как он внезапно точно весь подтянулся и одними очами с трепетом показывает мне от себя вправо, за ветви дуба. Я взглянул туда, а Ангел, продолжая очами указывать на то же место, шепчет мне тихо, чуть слышно:

— Бог!

И за ветвями дуба, в невероятном, именно неприступном свете увидел я облик «Ветхаго Денми» невыразимой, непередаваемой благости. От этого света я не мог Его разглядеть подробно; видел только как бы в треугольнике. Лицо неописуемой красоты, доброты, любви, милости и совершенства такого, которому нет никакого подобия на земле и быть не может... и с этим я проснулся».

II.

— Еще с раннего детства, — сказывал мне в одну из многочисленных с ним бесед старец Даниил, — у меня была склонность, очевидно, уже врожденная ко всему, что так или иначе касалось вопросов веры и Церкви. В детстве, конечно, не было мне никакого дела до вопросов: детскому умишку все в этой области было ясно, и вся вера сводилась к Божьему храму, к Богу, к Богородице, к Ангелам да к святым угодникам —

и вся она представляла собою совершенно реальный мiр, отнюдь не менее действительный, чем весь окружавший мое детство видимый мiр. Мiр этот, недоступный и непостижимый большинству современных умников, для детского моего сердчишка — был не только понятен, но даже и доступен, потому что жил в сердце и им властвовал почти — как очевидность, ну, как например: воздух, вода, небо, мать, как отец или брат и сестры. Божий храм мне был до такой степени свой, так чувствовал я себя в церкви как дома, что раз, лет трех или четырех, я забрался даже через открытые Царские врата в алтарь во время Богослужения и там стал ручонками забавляться напрестольной одеждой, пока моей проделки не заметили и с ужасом не вывели проказника из алтаря... Как теперь видите, эта детская проделка не лишена была таинственного значения и знаменовала мое теперешнее иеромонашество; но тогда она не была истолкована в этом смысле, и мне порядком за нее попало.

Настроение всей окружавшей меня родной семьи было глубоко религиозное, и, с тех пор как я начал учиться и жить уже сознательною жизнью, вместе с внешним учением ум мой стал питаться словом Божественного Писания и творений св. Отец. В этом великом деле образования христианской души мне особенно помогала моя старшая сестра, Мария, несколько лет тому назад окончившая свою подвижническую земную жизнь схимонахиней Макарией в Шамординском монастыре. С ней вместе мы читали Слово Божие, вместе с ней, несмотря на наш юный воз-

раст, углублялись, в мерах нашего юного разума, в дивные откровения святоотеческого писания. Так проходило мое детство, так пролетали дни моей беззаботной юности, пока не стукнуло мне семнадцати лет, когда настало время определять меня к делу; а дело это было — живопись, к которой у меня дарование определилось с тех пор, как я научился брать карандаш в руки. Свезли меня в Петербург и определили в Академию художеств. Поселился я жить в Петербурге на Васильевском острове, поближе к своей академии, и стал усердно заниматься живописью. Но и в шумный Петербург, несмотря на мои юные годы, я привез с собою ту же духовную настроенность, которой меня наградило мое детство. Вечера после занятий в академии я по большей части проводил дома, изредка навещая добрых знакомых да кое-когда поигрывая с товарищами на биллиарде. Мало с кем в Петербурге находилось у меня общего: не вмещал в себя дух веселящейся столицы того, чем привыкла питаться и жить душа моя, и я сиднем сидел в своей комнате, предаваясь излюбленному с детства чтению. Не тянул меня обольстительной приманкой своих развлечений этот, по выражению Оптинских старцев, «безгрешный город», безгрешный потому, что «ни в чем для себя греха не знает»; а я уже знал значение греха, знал и наказание за грех смертью. Не смерти я хотел, а жизни вечной, которую тоже знал по вере, и по вере своей к ней всей душой стремился.

У хозяев квартиры, от которых я снимал комнату «со столом и с мебелью», кроме меня, были

и еще жильцы — семья, состоявшая из мужа и жены, которые почему-то все никак между собою не могли поладить; и часто до слуха моего в одинокую мою келью доносились их споры, шум, гневные окрики, а иногда даже и грохот едва ли не рукопашной свалки... Есть же, право, на свете такие супружеские пары, которые, соединясь друг с другом навек, из супружеского мира и согласия, каким должен быть всякий правильный христианский брак, умеют создать совершенное подобие нескончаемой войны и раздора. Таков был союз и моих соседей... Сначала меня тревожило это немирное соседство; но дни шли за днями, и как человек с некоторым терпением ко всему привыкает, так привык и я к обычным ссорам моих сожителей. Привык же я к этому до того, что уже мог спокойно заниматься излюбленным моим чтением творений христианского духа. Читал же я их обыкновенно так, как советуют св. Отцы Церкви; если — говорят они — в уединенном чтении твоем Слова Божия встретится тебе нечто неудобовразумительное и ты, не имея доброго и мудрого наставника, не поймешь его, то не останавливайся над ним, но смиренно, попросив просвещения и вразумления от Отца светов, продолжай свое чтение далее и будь уверен, что в следующий раз, когда дойдешь до непонятого тобою места Священного Писания, оно станет тебе понятным.

И вот, в один вечер сидел я за Библией, читая Евангелие от Матфея, и остановился над словами Спасителя нашего: «И Царь скажет им в ответ: так как вы сделали это одному из сих

братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). «Что бы это, — подумал я, — могло бы значить? Как это так: Бог, Творец, Святой, Безгрешный, Независимый, Самодовлеющий — и так Себя равняет с человеком, что как бы даже отождествляет Себя с ним? Может ли быть, чтобы, не накормивши или не напоивши заведомого для меня злодея, я бы не накормил и не напоил Его Самого, Царя и Бога моего?..» Такая, говорю, мелькнула у меня мысль в голове. За ней, несомненно, стали бы роиться и другие — да они было и зароились, — но я тотчас же остановил «бурю помышлений сомнительных», поступив по правилу св. Отцов, и стал читать дальше... В это мгновение обычная соседская распря между супругами внезапно с чего-то обострилась: раздались гневные восклицания страшных угроз, поднялся шум переходя от угроз к действию — начиналось что-то вроде драки... В ту же минуту в голове моей ярко нарисовалась картина возможной уголовщины: убийство, участок, полиция, следователь, суд; я — в свидетелях — словом, во мгновение ока я попал в фантастический вихрь всевозможных бедствий; а бедствия эти могли осуществиться на деле, потому что глава этой супружеской четы был характера бешеного и, когда выпьет лишнее, — что с ним случалось нередко, — то уже себя не помнит... Молнией из сердца в голову ударила мысль: беги на помощь слабейшему!.. У изголовья моей постели висело небольшое распятие — деревянный крест с вырезанным на нем рельефом Спасителя. Распятие это следовало со мною повсюду: куда бы я ни

шел или ни ехал, я прятал его на грудь под жилетом; размера распятие это было небольшого, и за жилетом его не было видно. Схватил я этот крест к себе на грудь, кое-как застегнул сюртук и, перекрестившись, кинулся умиротворять соседей. И была пора: еще бы мгновение, и муж успел бы раскроить жене череп тяжелым бронзовым подсвечником, которым он уже замахнулся на нее, когда я вскочил к ним в комнату.

— Что вы делаете? — крикнул я не своим голосом. — Остановитесь! Ведь вы ее убьете! И это сильный-то над слабым!.. Грех, грех!

Смертельный удар, занесенный над головою уже валявшейся на полу бедной женщины, был отведен моим внезапным, как буря, появлением. Женщина поднялась с пола; и в ту же минуту с бешеным воплем «Ах ты, мальчишка, молокосос!» муж со всего размаху швырнул мне в голову подсвечник. Направленный удар не пришелся по голове, — я инстинктивно откинулся назад, —а хватил меня в грудь с такою силою, что я пошатнулся и едва не слетел с ног, а безумец выскочил вон из комнаты.

Кое-как успокоил я бедную мученицу, посидел с нею, мысленно благодаря Бога, что Он не допустил совершиться убийству, и вернулся в свою комнату, все еще взволнованный тяжелой семейной драмой, которой мне довелось быть участником.

Сбежавший муж в эту ночь домой не возвращался.

Когда я несколько пришел в себя от пережитого волнения и стал раздеваться, то вспом-

нил, что у меня под сюртуком крест. Бережно ощупал его, и хотел было его вынуть, и тут заметил, что он расколот надвое; и надвое был переломлен распятый на нем Спаситель: весь направленный на меня обезумевшей рукой убийственный удар Он принял на Себя.

И мгновенно я понял тут слова Его: «Что сотворите единому от малых сих, то Мне сотворите».

А на другой день вчерашний безумец явился ко мне, смиренно принося извинение за свое буйство. И с той поры у соседей моих стало что-то совсем тихо: у Господа, вы ведь сами знаете, всего много.

III.

Как живой стоит передо мною почивший Старец. Вижу его несколько сутуловатую, высокую, худощавую фигуру, с головой, волнующей при каждом порывистом движении уже поредевшие серебряные пряди длинных, седых волос, обрамляющих высокое, белое, как будто из слоновой кости выточенное, чело, из-под которого любовно и кротко, но вместе и проницательно глядят лучистые добрые глаза. Вижу его красивые, тонкие пальцы с благородно очерченными ногтями, с таким искусством владевшие артистическою кистью и вместе с таким благоговением и верою слагавшиеся в именословное перстосложение, когда кто подходил под его иерейское благословение, слышу его глубокий и несколько глуховатый басок, так приветно встречавший всякого, кто переступал порог его заваленной в совершен-

ном беспорядке всякой неразберихой кельи, где чего-чего только не было: эскизы карандашом, этюды красками, палитры, кисти, краски, книги, иллюстрации, бутылки с фотографическими ядами, судки с остатками братской пищи, самоварчик не желтой уже, а зеленой от времени и недостатка ухода меди... Там, на мольберте, — начатая и еще неоконченная икона; рядом, на другом — этюд головки; а на стуле, на ящике с красками — кусок белого хлеба и яичная скорлупа от яичка, которое скушал о. Даниил немножко в отступление от строгого скитского устава — чего-чего только не валялось и не уживалось вместе в самом хаотическом беспорядке в «вертепе и пропасти земной» этого странника и пришельца, этого гражданина Небесного Иерусалима — града невидимого...

— А, вот это кто! — гудит басок в ответ на молитву входящего — «Боже наш, помилуй нас», с которою входят посетители монашеской кельи.

— Так это вот кто! О мой добрый, хороший мой!

И когда Старец бывал в особенном духе, то это восхищение переделывалось им и как будто обращалось не к мужчине, а к женщине; и басок гудел еще нежнее, еще приветливее:

— О добрая моя, хорошая моя! Не забыла еще старого Даниила?

И, несмотря на доброту и благоуветливую мягкость характера Старца, во всей его фигуре, в резких очертаниях его характерного лица было что-то сильное, львиное, но льва кроткого, того льва, который в «невидимом граде» ляжет рядом

с ягненком, «Герасимова льва», иже при Иордане-реце возил на себе воду для братии Преподобного.

— Наш добрый дяденька! — звали его Шамординские монашки от стара до мала, производя родство это от своей первоначальницы — игумении, матушки Софии, сестры Старца: она — матушка им, а он — брат ее и, стало быть, им — дяденька. Так и оставался им, семистам сестрам, отец Даниил «дяденькой» до самой своей смерти.

— Ну разве не лев — наш о. Даниил! — воскликнул раз один юноша — академик старшего курса Киевской Духовной академии, прослушав в моем нумере Оптинской гостиницы одну из многочисленных бесед — проповедей, которые, в духе чисто апостольском, любил перед всякой аудиторией развивать этот позднейший из чистейших преемников благодати апостольского учительства и служения. «Добрый дяденька» и «кроткий лев» — это был весь о. Даниил, монах и художник, интеллигент и искатель «невидимого града», теперь уже его обретший в том Царстве, где несть болезнь, ни печаль, но жизнь бесконечная.

Я сказал, что батюшка о. Даниил любил проповедовать перед всякой аудиторией, где бы она для него не собиралась, кто бы только не пожелал его слушать. И он постоянно был на проповеди Божьей славы, Божьего Слова, настаивал на истине и во время и не во время, пел Богу своему, дондеже бысть. При покойном великом старце, о. Амвросии Оптинском, по болезненности своей редко выходившем из кельи, на о. Данииле лежала, с благословения Старца,

обязанность приводить к вере и истине тех из смущенных духом интеллигентов, которых тянула в Оптину к старцам еще не уснувшая навеки совесть, стенящая и плачущая об утрате Бога. Обремененный недугом, сотнями посетителей всякого звания и духовного устроения, духовным окормлением многих монастырей и своей обители Оптинской, великий Старец не всегда мог уделять достаточно времени, чтобы разбирать сложную махинацию сомнений и мудрствований интеллигентной души, и такую душу он часто доверял переработке пламенно-красноречивого и верующего о. Даниила. В летнее время, когда и до сих пор еще бывает в Оптиной большой наплыв паломников к Оптинским старцам, а во дни старца Амвросия и того больше, о. Даниил почти не живал в своей скитской келье; его разбирали, как говорится, нарасхват: то на гостиницу, а то и просто в отъезд из монастыря к окрестным помещикам, в числе которых были люди высокого положения в свете, богатые или знатные, собиравшие под свой гостеприимный кров на летний отдых едва ли не со всех концов России представителей и представительниц расшатанной в своих устоях русской мысли. И там, где, казалось, уже совсем замирало религиозное чувство, искаженное современными лжеучениями или равнодушием к вере, гремело и там апостольское слово о. Даниила. И к слову этому прислушивались, и слово это чтили...

— Было это лет сорок тому назад, — так однажды сказывал мне о. Даниил. — Я был мо-

лодым художником и жил в Петербурге. Направление шестидесятых годов в области духа вам известно. На ту пору сила этого направления была настолько значительна, что из слоев образованных она стала проникать и в простой народ. Хотя по званию своему потомственного дворянина и по свободной профессии художника я должен был быть представителем этого духа, но, благодаря моей настроенности, уже вам известной, веяние его не коснулось моего сердца.

Немножко одиноко было мне с такою настроенностью в петербургском обществе, но так как я был человек общительного характера и нетерпимостью своих суждений в то время еще не отличался, то меня зачастую приглашали на вечеринки к добрым знакомым. Я не всегда отказывался от этих приглашений и иногда на вечеринках этих засиживался и до поздних петухов по большей части за религиозными спорами; эта область всегда была моей стихией.

Случилось мне раз каким-то образом засидеться в одном знакомом доме у Таврического сада. Было что-то около двух часов ночи. Вышел я из гостей и попал в прескверное положение: за вечер прошел мокрый снег, облившийся затем дождем, — и вся эта петербургская каша схватилась легким морозцем с добрым сквознячком, на перекрестках доходившим до степени шторма. На улице ни одной души: ни пешей, ни конной и ни одного извощика. При таких-то скверных обстоятельствах мне от Таврического сада предстояло добираться до 12-й линии Васильевского острова, где находилась моя квар-

тира, что представляло собою добрых 7–8 верст пути, по образу пешего хождения. Памятной осталась мне эта ночь!..

Но вдруг, среди необозримого пустыря совершенно безлюдной улицы, в зловещем вое ветра я, к великой своей радости, услыхал звон копыт об обледеневшую мостовую и стук колес приближающегося экипажа. Вскоре показалась и извощичья пролетка, запряженная добрым рысаком. Хозяин запряжки сидел под поднятым верхом пролетки и, видимо, направлялся на отдых. Я его окликнул; он взглянул из-под верха и махнул рукой, что означало нежелание его рядиться со мною, и хотел уже было продолжать свой путь далее... Я бросился к нему с воплем:

— Ради Бога, свези меня домой. Что хочешь возьми, только довези меня до дому!

— А где дом-то ваш?

Я сказал.

— Эва, к рожну какому! Нет, барин, не по пути: ко двору пора!

Несмотря на кажущуюся решительность отказа, я уловил в голосе извощика нотку соболезнования и пристал к нему, что называется, с ножом к горлу. Смягчилось извощичье сердце, и я, облегченно вздохнув, через минуту уже катил по направлению к своей 12-й линии.

Путь был неближний, а петербургские извощики — народ разговорчивый. Прокатив меня один небольшой перегон доброй рысью, мой извощик посдержал свою лошадь и пустил ее легким труском, а сам, обернувшись ко мне в пол-оборота, повел со мною такую беседу:

— Дивные дела творятся на свете, господин! Слышь, сказывают, что господа Бога отменили: ни души, мол, нет, ни Бога, и всему делу, по-ихнему, выходит голова — обезьяна. Диковинное дело. Жили-жили люди, всё в Бога верили, а вон оно что напоследок вышло!.. Надысь вот, не хуже тебя барина возил, видать, что из ученых, из «образованных»: уж он мне толковал-толковал об этом об самом; и теперь я будто и сам вижу, что дураки мы все были: ведь и впрямь, Бога-то нет.

— Откуда же ты это взял?

— Да вот от него, от барина-то этого самого!

— Ну, да ведь то — барин: ему и книги в руки. Ты-то сам как об этом думаешь?

— Чего ж тут думать? Кто Бога видел? Я вот не видал, ты не видал, кого ни поспросишь — никто не видал. А не видали, значит, чего не видали, того, стало быть, и нет.

— Эк ты какой! А Америку ты видел?.. Нет! стало быть, и Америки нет?

— Я-то хоть не видал, зато другие видели.

— Ну, другие видели, а ты им поверил?

— Как же не верить, когда видели. Да вон о ней и в книгах пишут: ну, значит, и есть она, эта самая Америка.

— Ну вот, друг милый, так-то люди и Бога видели и тоже о Нем в книгах писали и пишут. Стало быть, и по-твоему должно выходить, что Бог есть.

— Какие ж это люди Бога видели?

— А Божьи угодники! Они и Господа Иисуса Христа видели, и Богородицу, и других свя-

тых Божьих. А что видели, о том и говорили и писали.

— Ну уж этому, барин, трудно что-то верится! Америку там твою, раз она на земле, нетрудно видеть: поехал туда на чугунке, что ли, или там на пароходе — вот и увидал. А Бог-то, разве к Нему доедешь, чтобы на Него поглядеть?

— Зачем же к Нему ехать, когда Он везде?

— Везде?.. Отчего же ни ты, ни я, ни иные прочие, кого я ни спрашивал, Его не видели?

— Оттого, что не теми глазами смотрели.

Этот ответ мой так озадачил возницу, что он даже попридержал лошадь и оборотился ко мне почти уже всем корпусом...

— Глазами не теми? — недоверчиво и с полунасмешкой переспросил он меня. — Ну, барин, ты уж это, видно, тово! Какими ж еще глазами смотреть-то?

— А ты, брат, не дивись тому: у человека есть и другие глаза, кроме тех, которыми ты вот теперь на меня смотришь. Эти глаза — плотские, а то есть глаза духовные: ими-то только и можно видеть и Бога и Святых Его.

Извощик повернулся ко мне спиной и, махнув кнутом, дал ходу своей лошади. Но, должно быть, слово мое, как ни показалось оно ему диким и безумным, а все-таки работало в его сердце. Проехал он одну улицу и опять стал придерживать лошадь, а там вновь заговорил со мною, но уж без насмешки в голосе:

— Задал же ты мне задачу, барин!.. Глаза какие-то другие в человеке нашел, каких ни у

кого нет. Какие такие глаза? Неужто ж человек, по-твоему выходит, четырехглазый?

— А ты думал — двуглазый? Конечно, четырехглазый. Да мало того: не только четырехглазый, но и четырехухий.

— Ну, это ты, барин, похоже, с ума, что ль, свихнулся — зачитался, видно; это с вашим братом, говорят, бывает.

— Твое дело: хочешь меня слушать — слушай; а не хочешь — я к тебе не навязываюсь.

Очевидно, мои слова задели за живое моего совопросника: он опять повернулся ко мне почти всем корпусом и, пристально взглянув на меня, — насколько позволял ему видеть меня свет уличных фонарей, — заговорил со мною с явным на сей раз любопытством:

— Ну и чудной же ты, погляжу я на тебя, барин! Таких я, признаться, еще и не видывал. Сказывай: как это, по-твоему, люди с двумя глазами и с двумя ушами да бывают четырехглазые и четырехухие. Сказывай, а мы послушаем!

— А вот как!.. Ты теперь, как меня свезешь в 12-ю линию, куда поедешь?

— Домой!

— А дом твой где?

— Да на извощичьем дворе. Где ж извощичьему дому-то и быть в Питере?

— А еще у тебя дом есть?

— Известно есть: на родине в Калуцкой губернии, при всем хозяйстве — мы тоже не какие-нибудь бездомные.

— И жена у тебя есть, и дети на родине-то?

— Как не быть? Сказал тебе: живем при всем хозяйстве.

— Ну, теперь послушай же меня, да послушай внимательно, что я тебе говорить буду!.. Вот свезешь ты меня в 12-ю линию, пойдешь к себе на извощичий двор, отпряжешь лошадь, задашь ей корму, сам чем-нибудь поужинаешь и завалишься спать. А кругом тебя — всё извощики, и все спят, храпят, и воздух небось тяжкий, и темно, и грязно... Так это?

— Так.

— Слушай теперь дальше! Лег ты спать. Ни о чем ты теперь не думаешь, разве только о том, сколько ты денег за день наездил, да есть ли тебе барыш, да сыта ли будет лошадь. А то и вовсе ты ни о чем не подумаешь, только бы заснуть поскорее да получше выспаться... Ну вот, заснул ты, и — диво! — лег ты спать на извощичьем дворе и вдруг видишь, что ты у себя на родине, в деревне. Видишь ты свою бабу, ребятишек, там, своих видишь. Мало того: заводишь с бабой своей разговор о том, о сем, что, значит, до вашей деревенской жизни касается. И баба твоя тоже с тобою говорит; и ты все, что она тебе сказывает, слышишь... Там, глядишь, корова твоя с поля вернулась, замычала — и ее ты видишь и слышишь. Мальчонка твой маленький, глядишь, бегал, бегал да споткнулся, упал и ушибся — заплакал: и ты все это видишь и слышишь. Бывало с тобой так-то?

— Чудной ты, право: ну как же не бывать? Бывало.

— Ну, а если бывало, то должен ты теперь знать, как так бывают люди и о четырех глазах, и о четырех ушах.

— Как так! Мне это что-то невдомек.

— Да очень просто: ведь сам же говоришь, что видал и слыхал свою бабу, пока сам был на извощичьем дворе в Питере, а баба твоя далеко в деревне. Говори: видел ведь и слышал?

— Видать видел и слышать слышал. Да ведь то во сне!

— А ты не виляй, что сон. То-то и чуднее еще, что сон: во сне-то у тебя небось глаза закрыты; закрыты они у тебя или нет?

— Известно, закрыты.

— Какими ж ты тогда глазами видишь?

— Как какими?

— Ну да — какими?

— Известно, своими!

— Да ведь они у тебя закрыты?

— Известно, закрыты.

— А видишь?

— Вижу.

— И слышать слышишь?

— И слышать слышу.

— Ну, понял ты теперь, что у человека есть и другие глаза, и другие уши, которыми он так же может и видеть и слышать, но только не всегда, а когда его тело и душа находятся в особом состоянии? В такое состояние простые, обыкновенные люди приходят только во сне, и только во сне и может их душа смотреть своими, а не телесными глазами. Отчего так — только во

сне? Да оттого, что мы, люди плотские, только и думаем, только и живем, что плотскою жизнью, плоть свою развиваем и холим, а о душе нисколько не думаем, способности ее не развиваем и даже не знаем, какие есть у нее и способности-то.

— Чудеса! А ведь правда. Диковинный ты человек, барин! Экое слово загнул! и ведь правда истинная... Так, по-твоему, значит, и Бога так-то можно видеть, и угодников святых? О душе только, значит, надо больше заботиться, чем о теле, глаза душе открывать. Только как же это сделать?

— Да так, как это сами Божьи угодники делали. Ты вот простой человек, и вся думка твоя только о простом: о хозяйстве, о бабе, о прибытке да о хлебе насущном. О чем твои думки, о том и видения теми-то твоими глазами, которые видят только тогда, когда другие твои глаза спят. А вот у угодников Божиих, которые ни о чем мирском и телесном не пекутся, а всю жизнь свою посвящают Богу, у тех эти вторые, духовные глаза благодатью Божиею открываются так, что они и мiр духовный видят наяву так, как мы наши сонные видения. И Бога Христа Спасителя они так-то могут видеть и видали, и Богородицу, и других себе подобных Божиих угодников видеть сподоблялись, да не в призраках или мечтаниях, а истинно, въяве. Вот, друг ты мой, эти-то святые, которые не чета ни нам с тобою, ни тому барину, что тебя ученым своим глупостям учил, эти-то вот святые, имея открытые Богом свои очи, все это нам для укрепления веры и

передали. Они передали, а мы, зная, что в устах их не было лжи, а только одна святая правда, им всем сердцем и поверили. И знаем мы, и веруем твердо, что если и сами поведем подобную праведную и богоугодную жизнь, то и мы тех же небесных видений можем удостоиться, если только то будет угодно Богу... И вот, друг мой милый, многие из нас Америки не видали, а было время, что и вовсе об ней не знали, а поверили на слово, что она есть, первому, кто в ней побывал, а по нем и другим, там побывавшим; а ведь те люди, бывает, и жизни-то были неправедной и лживой. А ведь поверили ж? Как же нам не верить тем, кто и жизнью своею, и смертью удостоверил свою святость?.. Понял ли ты, друг, теперь мои речи?

— Ну, барин! Теперь, кажись, ты на всю жизнь задачу задал. И понял я и не понял, а вижу, что твоя правда... Спасибо тебе, родной, на речах твоих сладких!

Тут уж и 12-я линия была близко, и, подъехав к моей квартире, мы душевно распростились с моим совопросником. Он было и денег с меня не хотел брать; насилу уж я уговорил его взять хоть полтинник. О результате же этой беседы мы только на том свете узнаем.

IV.

Было это жестокой зимой 1905 года. Не морозами, не вьюгами жестока была зима та, а событиями недоброй памяти. Бушевало тогда российское море: забастовки всякого рода, вплоть до забастовок умалишенных и калек в домах

призрения и благотворительности; кровавые бунты в Москве, Петербурге, в Одессе, в Екатеринославе, Киеве, Кронштадте... А в Оптиной, куда на эти безумные дни водворила меня и укрыла милость Божия, тихо-тихо было под снежным саваном ослепительной зимы, только что засыпавшей все дороги и тропинки из осатаневшего в дикой злобе міра. Закрылся путь оттуда в тихую обитель Царицы Небесной. До Оптиной ли было тогда разгоревшемуся пламени страстей человеческих?!

В келье о. Даниила, в знакомом уже читателю художественном ее беспорядке, приветливо и игриво кипел и мирно бурлил «зеленый» самоварчик, наставленный своеручно самим хозяином; и мы вдвоем с батюшкой попивали чаек с вареньицем происхождения, несомненно, шамординского и изделия одной какой-нибудь из семисот его «племянниц». Отец Даниил был в духе беседы, а это знаменовало, что я не уйду от него, не сорвавши какого-нибудь цветка его удивительного богословствования. Разговор зашел о смуте в умах современного человечества.

— Одурели, мой батюшка, современники наши, — так повел свое слово о. Даниил, — и, думается мне, едва ли не навовсе одурели. Думаю же я так потому, что дурость-то эта пошла от самого корня бытия, от понятий о Боге. Отвергли теперь люди Богодарованное Откровение, извратили его на свой, едва ли не бесовский, лад до полнейшего извращения всякой истины. Не вылезть им, боюсь, из того болота, в котором они увязли со своими ножками да с чужими

рожками. Удивления достойно, как спутались теперь умы в понятиях о взаимоотношениях человека к Богу и обратно: прямо не знаешь, изумляться ли и негодовать или уйти в затвор да плакать. Особенно в смуте этой повинна богословствующая баба; а ее теперь среди воюющей на Бога интеллигенции развелось видимо-невидимо. С этим бабьем мне летом довольно-таки пришлось повозиться в имении одной нашей соседки, знатной и правоверующей старушки. Сама-то она — раба Божия и верная старческая дочка; ну а уж окружающие ее, которые летом из Петербурга и из нашей губернии собираются под ее воскрилия!.. Вот, не угодно ли, образчик наших с дамами собеседований, на которые меня удостаивают приглашением по той причине, что старушка хозяйка верит моей способности обращать заблудшие души в лоно Православия... Зашла речь о любви, о милосердии Божием, о его безграничности, о всепрощении; знаете, в том духе, который на руку одним ворам и убийцам, но от которого кровь стынет в жилах у рядового христианина. Я позволил себе противопоставить и одно из других свойств Премудрости Божией — правосудие. На меня с места напали, доказывая, что Православие совсем не понимает Бога: Бог есть любовь, а православный Бог — инквизитор. Перед этим поддельным богом, придуманным для устрашения порабощенного жрецами человечества, православная доктрина поставила с одной стороны воображаемый рай, а с другой — ад и заставила инквизитора этого совать людей туда и сюда по своему про-

изволу. Какая же это, изволите видеть, по-их-нему, любовь, которая за миг земной, хотя бы и грешной, жизни наказывает вечной мукой, да еще в утонченной жестокости какого-то вечного огня и неусыпающего червя... И пошло и поехало тут — по-нашему — кощунство, а по-их-нему — «критика», что ль, «чистого разума», уж и определить не умею. «Где ж, — кричали мне, — милосердие вашего Бога? Взгляните на эти скорби, разочарования, обиды, притеснения всякого рода, которыми так полна человеческая жизнь, из-за которых, невольно озлобляясь, падают и, по-вашему, гибнут человеческие души; часто, если только не всегда, причины этих падений лежат вне человека, — неужели же ему нести ответственность за следствия?»

Многое было наговорено тогда мне, бедному монаху, чего даже и не упомнишь, но что не без дьявольского таланта изложено в еретической энциклопедии графа Толстого, этого кумира современного безумия. Вижу я, что меня припирают к стене князи и княжны и судии человеческие требуют ответа. Отвечать им от Писания — они из писания признают только толстовское лжеевангелие. Что тут делать?.. Выждал я, когда иссяк поток их красноречия, перекрестился мысленно да и повел свою речь так:

— Вот, — говорю, — я вас выслушал до конца, но так ли я вас понял? Что хотели вы мне доказать? Что Бога нет, и Он придуман своекорыстными жрецами? или что Он есть, но не благ? Или же, — что Он есть и что Он благ, но какой-то другой, а не Православный, т. е. не

такой, о каком к исходу уже второй тысячи лет неизменно учит Православие, ложно, по-вашему, хотя до сих пор и неопровержимо, истолковывая Его любовь, милосердие и правосудие? Заметьте, — и правосудие, потому что и оно есть Одно из свойств предвечной Софии — Премудрости Божией. Так, стало быть?.. Ну-с, а я теперь вам, милостивые государыни, поведу свой сказ о Боге Православном так же, как и вы, от примеров повседневной жизни, от подобия, постараюсь вам показать, что Бог есть, что Он благ, что Он правосуден и что только Православие и разумеет Его истинно таким, как Он есть, конечно, в пределах о Нем Откровения и нашего отменно ограниченного разума. У нас, в Оптинском Скиту, перед окнами моей кельи около храма, растут два высоких бальзамических тополя. Семнадцатую уже весну наблюдаю я за жизнью этих творений Великого Художника и очень хорошо, поверьте, изучил внешние проявления этой благоуханной жизни. Вот-с, вижу: пришла весна, начало пригревать теплое весеннее жизнерадостное солнышко, стали на тополях разбухать почки... Как же они в то время хорошо пахнут, аромат-то от них какой в то время бывает!.. Затем, вижу: закапали крупные алмазы теплого весеннего дождичка... сильнее, все сильнее — глядь! а из почки-то уж клюнул клейкий благовонный листочек... Там ветерок поднялся, сперва тихенький, ласковый, смотришь, — усилился, стал шуметь, перешел в ветер: закачались тополевые ветки, стали друг о дружку тереться тополевые листочки, к родимой ветке прижиматься

и с соседками ее шушукаться. Весело им и радостно: крепко держатся родимые ветки за родное дерево — нечего бояться ни ветра, ни бури!.. А там — не успеешь взглянуть, — ан, листики выросли уже в листья, покрыли и украсили родимое дерево, укрыли от непогоды небесных птичек, дали в летний зной прохладу и тень человеку... Знакома ведь и вам такая картина?.. Ну, конечно, за весну не одна, так другая ветка и с почками и с листьями возьмет да и обломится, отвалится от ствола, смотришь — и валяется на земле под деревом до своего времени... А над всей этой картинкой Божьей природы сияет теплое-претеплое, любовное солнышко... Видели вы, сударыни, что сотворило это солнышко с ветвями, которые на стволе удержались?.. Ну-с, а то же солнце, что же оно, оставаясь таким же любовным, сделало с теми, с отломившимися ветками? А вот что! Пока те, которые крепко за свое дерево держались и естественно развивались в первозданной красоте своей, эти гибли: ветер их сорвал, дождь намочил и, смешав с грязью, заставил гнить; а пригрело солнышко — высушило и обратило в прах... Неужели же это животворящее солнце вы назовете инквизитором? «Аз есмь Лоза истинная, а вы — рождие», ветки, — сказал Господь. Будете добровольно держаться двухтысячелетнего дерева Православной Христовой Церкви, как держались грешные и многогрешные ваши предки, — и разовьет вас от силы в силу Бог — Солнце духовное, во всю красоту разовьет Он вас, от Него вам и здесь данную и там, в той высшей жизни, обещанную.

А отломитесь — неужели же скажете по совести, что только для одних вас нет Его милосердия. В Православной Церкви живет вся полнота Христова. Он ее создал, Он ее укрепил, ее не сломить ни вам, ни даже вратам адовым.

Я не спросил о. Даниила, каково было впечатление слушателей от его проповеди: с меня довольно было и моего впечатления.

Видишь ли ты, читатель, моего батюшку?

V.

Без малого четыре месяца пришлось мне прожить в Оптиной в те страшные для России, а для всего міра роковые, дни. Почему роковые, — я, если Богу будет угодно и буду жив, поведаю моим читателям в свое время*, а теперь обращусь пока опять к возлюбленному моему Старцу.

— Батюшка! — спросил я однажды в эти памятные дни. — Почему и как оставили вы мір и стали монахом? Почему вы именно скит Оптинский выбрали местом своего отрешения от міра?

— Обыкновенно принято там в міру думать, — отвечал мне старец, — что в монастырь нашего брата загоняют неудачи, разочарования в жизни, больше же всего, с легкой руки поэтов, — несчастная любовь. У меня в жизни ничего подобного не было. Я только следил с духовной точки зрения за этапами своей жизни и по ним судил, куда ведет меня, душу мою,

* Это время настало: смотри последнюю статью этой книги «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле».

Рука Божия. Это незримое тайноводительство чувствуется всякой христианской душой, если только она внемлет голосу своей божественной совести и не оплотянилась до той степени, что всю свою жизнь сосредоточивает на куске насущного хлеба да на низменных удовольствиях. Мое благодатное детство, юность моя в беседе с Отцами и детьми Церкви, — брат — монах, сестры — монахини — все это, да и многое другое, вело, вело меня да и привело к старцу Амвросию в Оптину. Он был духовным отцом и Старцем сестры моей, игумении Софии, он определил ей ее подвиг, он же и меня привел к тихой пристани. Помните Ангела, несшего меня в корзине к Богу? Помните срубленный дуб, за ветвями которого я увидел Бога? Так вот, дуб этот оказался Старцем Амвросием, а пень дуба — моя скитская келья... В жизни моей, кроме этого знаменательного сонного видения, были еще и другие, не менее знаменательные. Вот что привиделось мне во дни моей юности и что тоже оставило во мне глубокий след на всю мою жизнь.

Видел я луг, и на лугу протянулась тропинка. Мне надо идти куда-то к определенной цели, и другой дороги, кроме этой тропинки, нет. Иду я, и в руках у меня плетеный хлыстик. Только вдруг вижу: на тропинке, оборотясь ко мне страшною пастью, сидит невероятной величины лев с громадною косматою гривой. Я остановился в ужасе. Обороняться нечем: не хлыстиком же! Кругом — пустыня. Помощи ниоткуда. Посмотрел я, посмотрел да и думаю: двух смертей не бывать, а одной не миновать — обойду-ка я,

попробую, это страшилище, авось оно сыто и меня не тронет. И обошел я его с правой стороны. Обошел да и гляжу назад. Смотрю: лев обернул в мою сторону голову, и смотрит мне вслед, и, видно, хочет за мною потянуться, да не может, и только рычит протяжно так, бессильно и жалобно... «А! — думаю. — Так вот ты какой! Только пугаешь, а никакой тебе силы не дано». И пошел я себе спокойно тою же тропинкою дальше. А дальше, опять впереди меня, смотрю: тигр на той же тропинке смотрит на меня свирепыми, кровожадными глазами; и вот-вот готов этот тигр на меня прыгнуть. Я было опять сробел, да вспомнил льва и уже смелее обошел это пугало и тоже справа. Оглянулся: тигр смирнехонько лежит на своем месте... Пошел дальше. Вижу: стоит на тропинке истукан на удивительно затейливом и красивом пьедестале и уходит истукан этот головою своею в небо. Подивился я такому чуду. «Эка, — подумал я, — штука! И на что и кому она такая нужна?» И обошел я этого истукана уже без всякой боязни, но только слева, а не справа.

На этом — сновидение мое кончилось. Как ножом врезалось оно в мою память, хотя я и не очень-то уяснял себе его значение. Сознавал я только одно, что лев и тигр — это на тропинке моего пути к небу мои и человеческие страсти; истукан головою уходящий в небо — моя и тоже человеческая гордость, которая на затейливом пьедестале науки и знания воздвигла себе престол и думает быть равной Всевышнему. Сознавал я, что мне этим сновидением дано знать,

что каким-то образом обойду эти препятствия. Но как? Этого я уразуметь не был в состоянии.

И еще я видел сон, когда уже был художником, окончившим академию. Собирались мы, художники, бывало, в трактирчике около академии и за чайком отдыхали от трудового дня в беседах об искусстве и о разных других материях высокого полета. Чтобы размять утомленные сидячею и стоячею работою члены, поигрывали мы и на бильярде — все в том же трактирчике.

Как-то раз, вернувшись домой поздно ночью из этого места художнического отдохновения и почитав кое-что из творений св. Отцов, которыми я и тогда не переставал интересоваться, я лег спать и опять увидел нечто знаменательное.

Видел я себя идущим по берегу какой-то широкой и бурной реки. Волны так и бегают косматыми барашками, обгоняя друг друга, сталкиваясь между собою и рассыпаясь жемчужными брызгами... На моем берегу, на котором я стою, составлены пирамидой бильярдные кии, а у меня в руках тоже кий; и мне надо непременно перебраться на тот берег... Через реку, вижу, положено на столбах одно бревно, все мокрое и осклизлое от водяных брызг. От моего берега бревно это укреплено на столбах на высоте человеческой груди, и другие люди, которых я тоже вижу и которым нужно так же, как и мне, на тот берег, берут из пирамиды кии, подставляют их к бревну, по ним влезают на него и, балансируя с киями в руках, стараются пере-

браться через реку. Большинство скользят и падают с бревна в воду, со страшными усилиями вновь на него вскарабкиваются, опять скользят, опять падают и тонут уже безвозвратно в бурном течении.

Смотрел я, смотрел на эту трагедию да и задумался... Как тут быть?.. «Стой! — думаю я. — Да ведь я же умею плавать. Чем мне лезть на скользкое бревно и с него неизбежно свалиться в воду, поплыву-ка я сразу через реку». Так я и сделал и в несколько взмахов очутился на другом берегу. Стал я на песке, смотрю: а на мне платья-то моего и нет и я полуголый остался в одном нижнем белье...

Запали мне в сердце эти сновидения, вспоминался мне часто и мой Ангел, носивший меня в корзине к Богу, и говорило мне сердце, что неспроста они и что рано ли, поздно ли, а должно будет совершиться их исполнение. Я ждал, а жизнь шла своим порядком, рассеянная, поверхностная — художническая, словом, жизнь.

В то время сестра моя, София, уже была готова принять монашество. Вызвала она меня к себе из Петербурга и повезла к о. Амвросию. И когда я увидел в первый раз великого Старца в его келейной обстановке, сломленного своим тяжким многолетним недугом, лежащим на диванчике, когда я увидал эту толпу труждающихся и обремененных, которая изо дня в день стремилась и жалась к его страдальческому ложу — я сразу вспомнил сон своего раннего, далекого детства... «Так вот он, — сказал я себе, — мой срубленный дуб, так вот они, его

многолиственные ветви!..» А тут еще батюшка меня встретил словами:

— А ну-ка, Димитрий Михайлович, расскажи мне, какой ты сон видел!

Я рассказал свои сны, свое духовное неустройство... А мысль все одно и все неотступно твердила: вот он, твой полупуть к Богу, вот тот дуб, за ветвями которого ты узрел свет Самого Триипостасного! Из темной ночи вынес-таки тебя незримо и таинственно твой Ангел на могучих своих крыльях к светлой радости познания и служения истине.

А батюшка меня спрашивает:

— А зеленые листья были у твоего дуба или уже поблекшие?

— Кажется, уже блекнуть начинали.

— Ну, так торопись же, Димитрий Михайлович, переплывать свою реку, раз умеешь плавать: пора проститься с міром, с его львами, тиграми и истуканами. Посиди при мне на пенечке моего монастырского дерева, пока еще не облетели с него листья!

Батюшка меня тут же поисповедовал и благословил в обратный путь, но с тем, чтобы я торопился устроить все свои дела, выполнить все заказы по портретной живописи и немедля возвращаться в Оптину.

Год потребовался мне для сведения и заключения счетов с міром. Не хотел он меня отпускать от себя: заказы так и сыпались, один другого заманчивее, почетнее, выгоднее. Сам Айвазовский принял горячее участие в моих быстрых и внезапных успехах; но пень старого дуба,

сила Амвросиевой благодати перетянули. И вот, я — в Скиту, которому пригодился данный мне Богом талант, расписываю во славу Божию святые храмы Оптиной и Шамординой и уже чую тот вожделенный берег за той уже пролетевшей половиной моего пути, к которому меня, снявши с пня и посадив вновь в корзину, понесет в великом и страшном полете к Богу мой пока еще незримый Ангел-Хранитель.

VI.

Если использовать весь запас моей памяти об импровизаторском проповедничестве этого двустороннего художника кисти и слова, то мог бы выйти целый отдельный томик образцов его вдохновенного красноречия. Подойдем же теперь к тому моменту жизни на земле о. Даниила, который подвел конечный итог его земному странствованию и повел его в град невидимый, столь вожделенный его праведной христианской душе.

В августе 1907 года выяснилось, что мы с женой призваны поселиться, доколе угодно будет Богу, на святой земле Оптиной Пустыни. На Покров Пресвятой Богородицы мы уже окончательно переехали туда на постоянное жительство, и тут связь моей духовной дружбы с о. Даниилом спаялась последним, крепчайшим звеном той непрерывной цепи, которая впервые сковалась лет девять тому назад.

Ослабел наш Старец. «Лев преподобного Герасима» только минутными вспышками вдохновения изредка напоминал прежнего льва пламенного красноречия; но «добрый дяденька» ос-

тавался все тот же и как будто сделался еще добрее, если бы только можно было о. Даниилу стать добрее, чем добра и благостна была его духовная природа. Его доброта только стала тогда как будто беспомощнее, и он, как дитя, не столько мог сам давать, сколько к себе требовать ласки; и когда мы поселились в Оптиной, он стал частенько похаживать к нам за этой лаской из своей скитской одинокой кельи, еле-еле передвигая свои усталые, отходившиеся уже на белом свете ножки. Болезни в нем никакой не было; он просто таял, как догорающая свечка, но иногда, как это и бывает с огоньком такой свечки, он внезапно вдруг вспыхивал ярким пламенем былой энергии, и опять по-былому лилась горячая речь и гудел вдохновенный басок его проникновенного слова. Несмотря на двадцать лет отрешения своего от міра, он болел его скорбями и ужасался перед той враждой и злобой, которая разделила людей на партии, готовые по взаимной ненависти своей истребить друг друга.

— Ну, не глупы ли люди? — возмущался Старец. — Смотрите, как они разделяют себе подобных на лагери и партии, извергающие из себя пламя взаимной ненависти! Только возродившийся из пепла демон богоотступничества и нового язычества мог создать такое деление. Истинное христианство его не знает да и знать не может. За всякую скорбь, за всякое лишение, претерпеваемое здесь за Имя Христа или ради Христа обещано сторичное воздаяние и здесь и на небе; да кем обещано-то? Самим Богом, слово Которого есть непререкаемая истина. Ну вот,

пришли ко мне в первый раз вы. Я вас не знал раньше. Допустим, что не знаю и теперь. Ни мысли ваши, ни намерения, ни цель вашего знакомства со мною неизвестны. Не знаю я, кто в лице вашем переступил порог моей кельи; но христианин во мне наперед уверен, что вы — друг, и не только друг, но и благодетель. Вошло с вами добро любви ко мне, несете вы для меня дары вашей дружбы: вы, так сказать, мне платите наличным рублем из раскрывшейся для меня вашей кошницы. Но если не доброе, а злое таит против меня ваше сердце, то мнимым злом этим вы мне ходатайствуете сторичное вознаграждение от Того, Кто обязался заплатить сторицею все мои убытки. Зло, от вас на меня находящее, это уже не рубль, а сто рублей по векселю или здесь, или на том свете. И вексель этот мне непременно будет оплачен там, в небесном банке Самим Богом, лишь бы я разумел, что от меня требуется одно — смиряться, терпеть и любить ненавидящих меня и обидящих напрасно... А теперь что? — негодовал о. Даниил. — Смотрите, уже и света Божьего не стало видно от дыма и смрада ненависти, разносимой по всем ветрам и делами и словами, особенно развратным печатным словом! Куда идет міp?

— К антихристу, батюшка! — вставил я свое слово.

— Да, — к нему! И поверьте мне: он близок, презренный, гораздо ближе, чем многие думают. Современной анархии только и по плечу, что власть диавола на месте благого ига Христа... Вспоминаю я проповедь одного иерея, которую мне

довелось раз слышать во дни моей академической молодости. Случилось мне быть у литургии в Андреевском соборе на Васильевском острове... Туда я часто хаживал, и там же был протоиереем и мой духовник, о. Александр*, муж высокой духовной жизни... Вместо «запричастного», вышел на амвон говорить слово какой-то священник в епитрахили, но не из местных соборян, которых я всех знал. Видно было, что он откуда-то был прислан своим начальством говорить в соборе очередную проповедь, и это «откуда-то», судя по внешнему облику проповедника, не было модным местом богомоления того петербургского общества, которое одно только и усвоило себе это именование. По обличью своему вышедший на амвон пастырь-проповедник был, что называется, из простеньких и даже захудалых: рясочка на нем была едва ли не многошвейная; епитрахильку ему в соборе сунули старенькую, расхожую, многодержанную; да и сам-то он был какой-то серенький — не то старичок, не то преждевременно увядший, выцветший, облетевший человек лет сорока — пятидесяти, тяпнувший на своем веку всякой нужды и горя и не по годам состарившийся. Такие священники в былые времена ютились на окраинных бедных приходах столицы среди чухонского и мелко-чиновничьего населения Гавани и Охты. Взошел этот проповедник на солею как будто не очень смело, но и без робости, хотя перед ним, как нарочно, в этот день стояла толпа богомольцев что ни на есть из

* Пишущий эти строки не уверен, что таково было имя духовника о. Даниила, а переспросить теперь уже не у кого.

сливок Василеостровского «общества»: разряженные барыни, офицерская молодежь; были и военные генералы, а если судить по седине бакенбард и осанистой представительности, то и штатских особ не ниже IV класса табели о рангах было немало. Вся эта благополучная, довольная светская толпа уже шумливо вступила между собою в беседу и, конечно, менее всего расположена слушать такого неизвестного и непредставительного проповедника... Грешен, и я тогда подумал: «Ну, что ты, бедняга, найдешь сказать, чтобы заставить слушать себя это собрание?» — и жалко мне стало его, и грустно. Тем не менее что-то меня выдвинуло из толпы к нему поближе, и я стал у правого клироса, так что мне и его да и толпу было прекрасно видно...

— Братие и сестры! — начал было довольно скромно свою проповедь священник; но, заметив, что обращение его не произвело никакого впечатления на праздную толпу, он вдруг уже громко и со властью воскликнул:

— Братия, а братия! Прислушайтесь-ка к тому, что сказало вам ныне чтенное Евангельское слово!

Все как-то разом встрепенулись и замолкли. А он продолжал:

— Если не все из вас, зде стоящих, это слово слышали, то я уж для всех повторю его, чтобы оно поглубже запечатлелось в сердцах ваших, ибо грозно и многозначительно слово это. Слушайте же! Словом сегодняшнего Евангелия Господь зовет всех вас, грешников, в свои объятия. «Приидите, — зовет Он, — ко Мне вси

труждающиися и обремененнии, и Аз упокою вы». Это в одном Евангелии говорит Он так, в том, которое посвящено ныне празднуемому Св. Церковью Преподобному. Слышите ли, как призывает вас Бог? Он не только зовет, но Он просит, умоляет, обещает награду, обещает упокоить, дать душе вашей всякое удовлетворение, такую награду, о которой святой апостол Павел уверяет нас, и око не видело, и ухо не слышало, ибо нет на земле по величию и радости подобной награды. Мало того, Творец наш Небесный обещает нам Сам даже слугою нашим быть, если только мы отзовемся на глас Его, нас к Себе призывающий — помните? «В дому Отца Моего, — говорит Он, — обители многи суть, а если не так, то Я пойду приготовить вам». Видите: Сам слугою вам быть хочет — иди только в объятия Мои, которые Я перед тобою открываю, ибо «приходящего ко Мне не иждену вон». Примечайте же, что вам, христианам, верующим в Него, уготовано: какая честь, какая радость, какая великая награда только за то, что вы отозвались на зов Его, взяли на себя Его благое иго и легкое Его бремя и научились от Него Его смирению и кротости. Запомните же, что эти блага, этот безмерный почет уготован только вам и никому более... Ну, теперь обратим свой слух к другому сегодняшнему, дневному Евангелию, вещающему о конечном Страшном Суде Господнем и о воздаянии коемуждо по делом его. И тут вы слышите сладчайший зов Господень, но уже не как призыв и мольбу, а как определение по

Божественному нелицеприятному суду Его. «Приидите, — глаголет Господь, — благословеннии Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания міра». И здесь Господь дает уже окончательное подтверждение тому, что Царство вечной жизни и радостного блаженства, Царство покоя уготовано вам, и наследниками его вас зовет Он, утверждая ваше на него право по закону как бесспорных наследников. Ну чего бы, казалось, и вернее, и лучше всех этих обетований, которым не миновать исполниться, ибо они — глагол Божий! Так нет же! Он нас зовет — мы не слышим и слушать не хотим; Он умоляет — мы не внемлем; Он предлагает все средства к получению уготованного Царства — мы их отвергаем и даже не желаем ими воспользоваться, пренебрегая очищающими нашу скверну Таинствами Церкви, не желая жить жизнью христианской. Кто же виноват будет в том, что вы услышите иной, грознейший глас Бога нашего: «Отойдите от Меня все творящие беззакония, не вем вас; идите в огнь вечный, уготованный диаволу и аггелам его?» Видите: то блаженное Царство от века уготовано вам, а огнь — не вам, а диаволу с его отпадшим от Бога воинством. Вы не захотели идти к Богу, ну и отправляйтесь тогда... Аминь!»

Надо было видеть о. Даниила, когда он со свойственной ему силой, откуда-то вновь вернувшейся, вспоминал эту проповедь неизвестного смельчака священника!..

— И что ж? — спросил я батюшку. — Слушатели не растерзали проповедника?

— Да, — ответил он. — Впечатление он произвел и на меня и на толпу огромное. Теперь бы его, конечно, растерзали если не в клочья, то в газетах; но тогда время было хоть и плохое, да все же не теперешнее: целее был христианин, была еще чутка к добру и злу человеческая совесть...

— А знаете, — помолчав немного, сказал о. Даниил, — что мне вдруг пришло в голову: должно быть, очень приблизилось к нам время Страшного Суда и кончины века...

— Что это вам вздумалось?

— Да уж не говоря о многом, что ясно свидетельствует о спелости земной жатвы для уборки ее в житницу Божию, заметьте, как исполнилось ныне Слово Господне о том, что человек сам от слов своих осудит или оправдает себя. Помните в Евангелии от Матфея в главе 12 в стихах 36-м и 37-м что сказано? — «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься». Теперь обратите внимание, что в день Страшного Суда Господь — Судия, как пастырь стада, отделяет овец от козлищ, — одних по праву сторону, а других по левую; овец — направо, козлов — налево. Еще: помните притчу, тоже относящуюся к последнему Суду, о пшенице и плевелах? В этой притче «жатва есть кончина века», во время же жатвы Господь скажет жнецам — Ангелам Своим отобрать пшеницу от плевел. Итак, сведите вместе все это Богооткровенное знание: не заметите ли вы открывающейся в

нем тайны величайшей трагедии самосуда над самим собою современного человека?.. Не знаю, как вы, а мне ярко теперь выраженное деление человеческого рода на два враждебных лагеря — **правых** и **левых** представляется глубоко знаменательным и в высочайшей мере трагичным: **это ведь полная картина Страшного Суда над овцами и козлищами, над правыми и левыми.**

Уборка урожая, видимо, близ, при дверях; и как мало кто хочет это видеть!..

VII.

14 ноября, в день Рождественских заговен, о. Даниил пришел к нам и объявил:

— Насилу треплюсь, а все к вам тянет. Стар стал, слаб стал!.. Сегодня исполнилось ровно двадцать лет, как я вступил под благодатный кров Скита Оптиной Пустыни. Приехал я пятидесяти лет, а теперь мне семьдссят. В нашем роду 70 лет — предельный срок, до которого мы доживаем, а за его пределом жизнь гаснет: стало быть, и мой срок пришел — пора домой!

И было по всему видно, что пришла, действительно, пора старцу собираться в путь ко граду невидимому, в тот путь, из которого еще никто не возвращался, но куда каждого из нас призывает любовь Божия и все те, кто нас любил, кого мы любили, кто раньше нас ушел туда и был удостоен стать блаженным гражданином Небесного Иерусалима. О вера наша, о любовь и премудрость Божия!..

И в этот приход свой к нам обронил о. Даниил жемчужину из неистощимой сокровищницы бла-

годатных впечатлений пути своей жизни. Сидел он у меня на мягком кресле, под окном моего кабинета, у самого рабочего стола, на котором я пишу теперь во славу Божию и в честь почившего Старца хвалебные эти строки. Сидел он молча, сосредоточенно и вдруг говорит:

— Да! Человеку суждено единою умрети, а потом — суд. Этот суд ко мне уже приблизился. Но будет и другой — Страшный Суд, всемирный и живым и мертвым. Приблизился и этот. Я вам не рассказывал, кажется, своего сновидения, о котором мне сердце говорит, да во многом и жизнь показала, что оно благодатно и, стало быть, истинно. Я уже говорил вам, что когда я жил в Петербурге, то постоянно ходил к церковным службам в Андреевский собор, настоятель которого был моим духовником. Так вот, в то уже давно прошедшее время, увидел я такой сон, почти даже видение: где-то в знакомой мне стране, даже на каком-то очень знакомом месте, но которого я, однако, признать в точности не могу, вижу я, строится громадный, изумительный по красоте и необычайной, ослепительной белизне, величественный храм. Строителей его не вижу, но вижу и знаю, что храм строится и работы в нем не прерываются ни на мгновение. Так прекрасен был храм этот, что я, как художник и любитель чистой красоты, настолько им заинтересовался, что пожелал войти внутрь постройки. И только сделал я шаг вперед, чтобы войти в открытые западные врата храма, как был властно удержан на месте какой-то невидимой силой и чей-то голос сказал мне:

— Стой! Никто не войдет сюда иным путем, как этим: смотри!

И я увидел, что пред вратами храма стоит аналой; на аналое — Крест и Евангелие, а за аналоем, как во время исповеди, стоит мой Андреевский духовник протоиерей в епитрахили и поручах... «А, — подумал я, — так вот оно что: туда, значит, нельзя войти без покаяния и исповеди!» — и я смиренно подошел к протоиерею. А уже около него стояло и толпилось множество народу, который так же, как и я, хотел приникнуть внутрь того храма. Была ли мне тогда исповедь или нет, — того я не помню, но ясно помню, что духовник накрыл меня своею епитрахилью, дал мне поцеловать Крест и Евангелие, и я уже беспрепятственно и смело вошел во врата храма. И, войдя в него, я остановился как бы в некотором благоговейном ужасе: одним взглядом окинул я сразу все строящееся здание — и внутренний его вид, и наружный — и увидел, что оно уже почти окончено постройкой, что стены его выведены почти до купола и что даже сводится и самый купол. Но не из камней, как мне издали казалось, возводилось это удивительное здание, а из человеческих тел, плотно уложенных рядами, точно притесанных друг к другу; и головы этих тел служили внутренней и внешней облицовкой стен этого храма... Храм из человеческих тел и голов! Это было зрелище до того поразительно-величественное и потрясающее, исполнено оно было такого глубокого пророческого значения, как мне это даже в то время и во сне показалось, что убоялось

мое сердце и вострепетало от этого видения... И кто-то невидимый повел меня по лестнице подмостков, и привел меня к иконостасу, и указал мне то место, на которое должен был лечь и я как новый камень дивного здания. И увидел я, что это место было во втором ярусе иконостаса, где обычно пишется лик Апостольский... Хотел было я подняться повыше, чтобы с самого верха осмотреть здание, но не мог...

— Тут твое место! — сказал мне невидимый... и я проснулся.

Видение это было мне лет сорок, если не больше, назад, но и до сих пор оно хранится моею памятью, как будто я его видел только сегодня. Тогда же, конечно, я понял, что храм этот должен был представлять собою созидание вечной Церкви Христовой; понял я, что здание это уже вот-вот будет готово; понял и то, чем все это должно кончиться — все это я тогда же понял; но место, мне, недостойному, уготованное, я уразумел только теперь перед исходом моей грешной души из грешного моего тела: недостойный я иерей, но благодать, мне данная в священстве, идет преемственно от тех великих, чьи святые лики пишутся во втором ярусе священного иконостаса... Кто бы мог тогда подумать, что в питерском художнике кроется будущий Оптинский иеромонах?.. Дивны дела Твоя, Господи!..

VIII.

Жемчужина эта была последним мне на земле даром о. Даниила.

Несмотря на день ото дня усиливавшуюся слабость, Старец все еще был на ногах и, хотя с остановками в пути от скита до монастыря, которые он называл «станциями», он продолжал ежедневно ходить то к нам, то к больному монаху о. Герасиму, то к больной фельдшерице, редкой по душевной красоте рабе Божией, приютившейся, как и мы, у Оптинской ограды, под крыло святой Обители. Последний раз мы встретили о. Даниила, Божьего старца, у калитки наших ворот, когда он с трудом на ослабевших своих старческих ногах подвигался к нам, чтобы дать, должно быть, нам последнее свое целование; но мы шли к вечерне перед исповедью и только вернулись с ним на одну минуту к себе в дом распорядиться, чтобы его в наше отсутствие напоили чаем: было уже морозно, и Старец озяб. Это было последним его выходом из кельи, с этого вечера он ослабел уже до того, что его и по келье водили под руки. Но все-таки, хотя и с посторонней поддержкой, Старец ходил до последней своей минуты, до той минуты, когда над ним стали читать канон на исход души.

Накануне его смерти я пришел к нему за час до скитской всенощной, которую хотел отстоять в Скиту. Старец сел на камышовом кресле около стола; за этим столом мы, бывало, много раз пивали вместе чай из «зеленого» самоварчика и вели тихие беседы. Перед о. Даниилом стояла миска с ушицей: ее в комнатной печке изготовил ему сосед его по келье, монах о. Иов. Но Старцу было уже не до ухи: он тяжело

дышал и, видимо, томился. Меня он узнал, обрадовался и даже как будто оживился.

— А, вот кто пришел! О мой добрый — пришел навестить: спасибо!

Ласково и с нежной любовью такими словами встретил меня Старец.

— Батюшка! — сказал я. — Вам сегодня, точно, как будто получше?

— Нет! Слабею... дышать трудно. Боли никакой нет, а вот дышать трудно... Пора домой!.. Боже, милостив буди ми грешному!..

И, повторяя вместе с каждым вздохом стесненного дыхания эти слова мытаревой молитвы, Старец склонил свою голову к моей голове (я сидел с ним рядом) и плотно ко мне прижался, как малый ребенок к родимой матери.

— Вот, так мне лучше... Дышать лучше!

И действительно, дыхание его как будто стало свободнее.

— Скажите женке вашей милой, — вполголоса, прерывистым шепотом говорил он мне, — что я умираю, что я очень, очень благодарен ей... что я посылаю ей мое благословение... и там за нее буду молиться...

У меня слезы ручьем полились из глаз... Тут опять Старец стал томиться и пожелал прилечь на свою постельку, на твердое иноческое свое ложе. Его подняли и довели до той кельи, которая двадцать лет служила ему спальней.

— Вот, хорошо! — сказал он, упавши своим изможденным, точно выветрившимся телом на тонкий, как лист, тюфяк своей кровати... Я побыл в келье минуты две-три. В Скиту заблагове-

стили ко всенощной. Я подошел к постели Старца; о. Иов его окликнул:

— Батюшка, благословите Сергея Александровича!

Старец приподнял свою высохшую ручку для благословения и совсем упавшим голосом, но ясно прошептал:

— Бог благословит!

Этими святыми словами заключились все мои беседы с отцом Даниилом. В живых я его уже более не видел... Ночью в два часа его приобщили Святых Таин.

— Молю Бога, — сказал он, причастившись, — чтобы Святые Его Тайны укрепили меня настолько, чтобы дойти до кельи о. игумена и благословить в последний раз племянниц.

Его племянницы, Долинины-Иванские, дочери единственной мирской сестры о. Даниила, — послушницы в Шамординском монастыре.

И Господь его укрепил и исполнил его предсмертное желание; его могли довести до кельи о. Скитоначальника, где он в полном сознании благословил двух юных племянниц и мою жену, поспешившую к нему принять его последнее благословение. Всех он узнал, всех утешил своею любовью, сколько сил для любви оставалось в его обращавшемся в землю теле. Это было часа за три до его кончины.

Перед самой кончиной, всего за несколько минут, когда уже над ним читали отходную, скитский иеродиакон Моисей* спросил умирающего Старца:

---

* Теперь иеромонах Оптиной Пустыни.

— Батюшка, вы узнаете меня?

— Узнаю, — ответил он. — Дьякон!

Отцу Моисею показалось, что он сказал не «дьякон», а — «Яков», и он возразил:

— Не Яков, батюшка, а Моисей!

— Да, да! Иаков, сын Иосифа! — подтвердил Старец и закрыл глаза.

Что хотел он этим сказать, но это осталось тайной; то не был предсмертный бред, потому что на следующий затем вопрос о. Моисея «А чувствуете ли вы, батюшка, страх перед смертью?» — Старец внятно ответил:

— Иду к Господу: чего ж мне бояться?.. Он сказал: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные...» Я потрудился... иду... к Господу!

Это были последние на земле слова подвижника любви, слова и веры. Совсем уже ослабевшей рукой он донес до помертвевших губ свое распятие, верного и неизменного спутника своего на пути к граду невидимому, коснулся его холодными устами, и... вдруг, широко раскрыв тускнеющие очи, остановил он устрашенный взгляд свой на какой-то невидимой точке, трижды вскрикнул тонким младенческим голосом: а! а! а!.. и благоглаголивые уста с тихим последним, едва заметным вздохом сомкнулись и замолкли, унеся тайну предсмертного страха и восклицания навеки.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Перед смертью о. Даниил пожелал принять схиму. Узнав об этом желании, отец Игумен-скитоначальник пошел к Старцу.

— Отец Даниил! — спросил он. — Ты желаешь, чтобы мы тебя посхимили?

— Желаю.

— Будь по-твоему, — сказал о. Игумен, — но ответь мне сознательно и твердо: может ли и силен ли Господь восставить тебя от одра болезни, по принятии схимы, здравым?

— Конечно, может.

— А можешь ли ты, восстав здрав, исполнить все обеты схимы? Откажешься ли ты совсем от міра, которому ты проповедуешь? Затворишься ли в келлии своей и не выйдешь более никогда за скитскую ограду, как бы ни был ты нужен там, в міру, с которым ты немолчно беседуешь?

— Да?! — задумался Старец.

— Ну, вот, видишь, отец, — продолжал Игумен, — ты, видимо, сам этого вопроса решить не можешь. А я знаю тебя, знаю, что ты не откажешься от своей проповеди и от общения с людьми за монастырской оградой, которые тебя любят. Что же ты принесешь Господу, если нарушишь обеты схимы?

— Да, страшно! — ответил Старец. — Нет! Уж лучше так, без схимы!..

Так иеромонахом и отошел о. Даниил к Господу, отказавшись от высшего монашеского чина ради любви к тем, кого он любил и по плоти и по духу и кто сам его любил в міру и жаждал его вдохновенного слова. Был он апостолом Слова, апостолом и отошел в обители Отца Небесного. На том только свете узнаем мы, какое звание выше; но знаменательной мне показалась та

часть видения им человеческого храма, над разгадкой которой он при жизни своей не задумывался и которая объяснилась мне только с его смертью:

«Хотел было я подняться повыше, чтобы с самого верха осмотреть все здание, но не мог... «Тут твое место!» — сказал мне невидимый... и я проснулся...»

Да, он проснулся теперь, возлюбленный наш Старец, от сна призраков грешной земли там, на своем месте, в Небесном Иерусалиме, граде невидимом; и верится и хочется верить, что высоко то место в Очах Творца и Бога нашего. Ему же да будет от нас слава и благодарение за все во веки. Аминь!

10.

НЕБЕСНЫЕ ОБИТЕЛИ

Тяжело стало жить на свете исповедническому христианству. Беды от сродников, беды от лжебратий — беды и напасти отовсюду. Самые благие по виду намерения обращаются во зло, и зло всех видов, всех именований железным, все теснее и теснее сдвигающимся кольцом стремится прервать последнее дыхание правды на земле. Брат христианин, да не утушит пламени твоей веры, да не охладит пыла твоих упований видимое и только внешнее торжество преходящего мирового зла над вечным светом Божественной истины! Нам, исповедникам веры Христовой, не дано иметь в жизни этой «града зде пребывающа», а заповедано «взыскание грядущего». Конечное торжество зла на земле и видимое его воплощение в лице уже предчувствуемого многими верными антихриста будет и конечным торжеством Господа нашего Иисуса Христа и Его истины на «новой земле, под но-

вым небом, идеже правда обитает». Отступит смерть, заключится диавол и аггелы его в «озеро огненное», погибнет от дыхания Уст Искупителя сын погибели, человек греха — антихрист, и конечное уступит место бесконечному в неизмеримой, неисследимой, неописуемой вечности.

Твердо и все тверже и тверже стой и укрепляйся в этой надежде, брат мой! Слово Божие не мимо идет, и скорее небеса прейдут, нежели не исполнится малейшее из обетований Божиих.

А ждать уже недолго.

В одну из поездок моих к рабам Божиим, еще и доселе сеющим пшеницу Божию чистую в простых сердцах, смиренных знанием, но великих верою (не о себе я тут веду речь), довелось и мне, искателю, встретить на пути своих паломничеств дивную Старицу, уже не человека, а почти ангела во плоти. Она жива еще и до сих пор, эта великая душа в многострадальном, изможденном без малого тридцатилетнею болезнью теле. Народ зовет ее «Параскевой болящей», знает ее давно и давно привык ее любить и верить ее вдохновенному слову живой и деятельной любви к ближнему. От праведника до разбойника всяк человек, переступающий порог ее кельи, ближний чистой ее душе, родной ее любвеобильному сердцу.

Не раз и я бывал на беседе у этой дивной рабы Божией.

Не забыть мне никогда святости взгляда ее уже потухающих от бремени лет и тяжести неисцелимого недуга очей. Повек мне не забыть

внезапно вспыхнувшего в их глубине яркого луча неземного света, которым она просветила меня при первой моей встрече с нею. Где я уже видел этот взгляд? Чьи земнородные очи так на меня глядели?.. Серафимовы то были очи: так с портрета преподобного Серафима у Елены Ивановны Мотовиловой взглянул на меня батюшка, когда дал мне, незнаемому и странному, в дар до сих пор — вот уже пять лет прошло — сохранившийся апельсин Дивеевской игумении Марии. Святая чистота и ясность неба отразились в этих очах, в этом дивном взгляде. Так ли будут смотреть там друг на друга спасенные и родные души? Там — великое, незнаемое, но такое близкое сердцу слово!.. Обители небесные!.. О вы, вожделенные исстрадавшемуся от земной неправды сердцу! Благословенные!..

— Что ж, — говорила мне «болящая Параскева», — тут мало времени поскорбишь, поплачешь, а там зато возрадуешься, да еще как возрадуешься-то!

— Матушка! Крест-то свой трудно уж очень нести — тяжелее он кажется крестов других людей-то!.. Вот в будущее смотришь — за Родину скорбишь, за себя, за семью: что ждет всех нас, что грозит России? Ведь во многое уже проникает сердце... Тяжко жить на свете!

— А ты себя знай! Чего о других судить да рядить? За мір скорби, да и себя не забывай готовить. Скоро всех позовет Господь к ответу, и ты своего ответа не минуешь. Оттого тебе да и другим крест-то стал больно тяжек, что антихрист близко и сатане власть дана большая.

— Я и сам это чувствую, да не могу смирить сердца; слишком уж оно к земле привязано.

— Вот что тебе скажу я: не дано нам знать времен и сроков «их же положи Отец во власти Своей», но о близости Страшного Суда и временах близких к антихристу нам рассуждать даже заповедано. «От смоковницы, — говорит Господь, — возьмите подобие... » Так-то, верно я тебе говорю, что он уже в міре. Во что обратили матушку-Россию, страну нашу православную, его безумные слуги! Да вот, чего тебе еще больше. Наш монастырь, в котором я свой начал полагала, весь от матушки игумении до последней послушницы обращался к Оптинским старцам. При старце Макарии, предшественнике батюшки о. Амвросия Оптинского, игуменьей у нас была Павлина, великой души старица и раба Божия. Так ей батюшка, отец Макарий, как-то раз сказал по духу: «Вот что, мать, ни ты, ни дети твои со внуками до антихриста не доживут, а правнуки твои узрят пришествие Господа во славе». Сосчитай-ка: не пришло ли уж время правнукам матушкиным на свет объявиться...* А все-таки скорбеть тебе не о чем: хоть и страшное приходит время, но скорбями всякая христианская душа в рай входит. Всяк призывающий Имя Господне спасется. А как там хорошо-то...

Светлая радость дивного видения озарила святое личико праведницы. У меня захолонуло на сердце...

— Матушка, что же там-то...

* Игуменья Павлина скончалась, сколько помнится, 65 лет в 1875 году.

— Одно скажу: несказанно хорошо, сладко... Нет у людей слов, чтобы передать о той радости, которая ожидает там любящих Бога. Молись — у Господа милости много.

«Болящая» замолкла и закрыла глазки. Светленькая, просветленная каким-то внутренним сиянием не то созерцания чего-то необычайно радостного, не то благодатной силой молитвы, лежала она на своем страдальческом, многолетнем одре тяжкого недуга. Я тихонько, боясь нарушить безмолвие святыни, вышел из полумрака ее кельи, озаренной тихим мерцанием огонька лампады.

Да, несомненно есть они у Бога, эти небесные обители, которых так у Него много и которые готовит Сам Христос, Спаситель міра, всем призывающим Его святое Имя во истине.

Смерть, — где твое жало! Ад, — где твоя победа!

«И если бы в жизни этой привременной, — говорит великий тайновидец преподобный Серафим, — тело твое было бы струп один, и в язвах твоих заживо кишели черви, и вся храмина твоя исполнена была гнетущим тебя смрадным червем, то все это ты ни во что бы почел, если бы узрел радость блаженства будущей жизни...»

Ему ли не были открыты все тайны Божественного домостроительства нашего спасения...

Прошло немного дней после моей беседы с «болящей Параскевой», Господь привел меня в Скит Оптиной Пустыни. В его затишье, невдалеке от смиренной его деревянной церкви, ютится место вечного упокоения скитских молитвен-

ников. Ничем не выделяется эта спелая нива Божьих избранников от окружающего ее тихого отшельнического міра: ни ограды, отделяющей мір отошедших от міра живущих, ни пышных памятников с многоречивыми эпитафиями, ни склоненных над могилами плакучих ив, которыми в замену своих слез так любит осенять свои могилы веселье жизнерадостного міра...

Все тут общее между живыми и мертвыми за общей, отделяющей их от внешней суеты оградой. Да оно и понятно: живые мертвецы монашеских обетов, для которых смерть — приобретение, зачем им чуждаться своих мертвецов. Пловцы мятежного житейского моря, к чему им заграждать себе желанный вход в безмятежную пристань...

Любил я в мои редкие... редкие — увы, посещения Оптиной навещать этот тихий приют «странников и пришельцев». С чем сравнить чувство задумчивой, как бы самоотрешенной грусти, навеваемое каменными и чугунными плитами с полуистертыми временем и непогодой краткими надписями: «Иеромонах Иона», «Монах Варнава»...

Отошла тайна одной жизни, наступила тайна другой... Что-то теперь зрят они, міру безвестные, Богом любимые, что зрят они там, за этой глубокой синевой участливой ласки бездонного, беспредельного, необъятного неба?!

Обители небесные ихже око не виде, ухо не слыша и на сердце не взыдоша благая, яже уготова Господь любящим Его.

Лет 8–10 тому назад, вскоре после кончины батюшки о. Амвросия, на скитском братском

кладбище до последней Архангельской трубы, под смиренным могильным холмиком, скитская братия упокоила последние останки того, кто при жизни был любим под именем монаха Николая, более известного под прозванием Турка. Кто он был в міру, откуда явился в Оптину, никому из скитян, за исключением старца Амвросия и скитоначальника Анатолия, не было известно. Нерусское произношение выдавало, что не русский он был родом; по произношению и по смуглому обличью закрепили за ним его прозвище, и с ним ушел он в свою могилу.

Вот что поведал мне о монахе Николае Турке один раб Божий из мирских, капитан и вместе комендант одной из больших узловых железнодорожных станций; важнее же всего — искренний и беззаветный искатель правды Божией.

«Среди скитской братии в Оптиной Пустыни довелось мне, — сказывал так мой комендант, — свести знакомство с одним монахом. Удивительный был он человек и необыкновенно-цельного христианского, аскетического миросозерцания. Довольно сказать, что в Скит он явился в чине полковника не то генерального штаба, не то артиллерии полковником, словом, из ученых и еще сравнительно молодым человеком — лет 35, не больше. И чего, по мирским понятиям, этому странному человеку было нужно? Редко ведь кому так, по внешним признакам, жизнь улыбалась, а он пришел в Оптину, да так там и остался. Тогда еще в Скиту начальствовал о. Амвросий. Необычно, в расцвете сил и быстрой служебной карьеры, поступил в монастырь мой полковник;

необычно и повел свою жизнь в монашестве. Был там в Скиту великий простец из самых простых монахов; нес он послушание привратника, был уже он человек годам к шестидесяти, а может, и более, и был замечателен только вечно благодушным настроением да еще тем, что лето и зиму — круглый год — сиживал у скитских врат, на своем посту, без шапки да за трапезой мешал в свою миску разом все кушанья, которые и ел только для виду. Простец он был великий и не без затаенного юродства. Над ним добродушно посмеивались, но более внимательные замечали в нем глубокого делателя молитвы Иисусовой. Звали его Борис. Вот этого-то Бориса и взял себе в образец смиренномудрия ученый полковник, духовное же делание свое на пути монашеском вручив руководству отца скитоначальника, великого старца о. Анатолия.

Теперь оба эти светильники монашеского духа уже отошли в святые обители Отца Небесного.

Поначалу не все доверяли искренности и чистоте намерений моего полковника — думали, вероятно, что его сердце искало духовно-чиновной карьеры: иеродиакон, иеромонах, архимандрит, а там, пожалуй, и епископ — на эту духовно-иерархическую лестницу можно было бы, по мнению некоторых, и променять военную карьеру; но недоверчивости скоро пришлось уступить место другим чувствам: монах Варнава* (так в монашестве звали полковника) упорно отказывался от всяких монашеских отличий и около

* Имя вымышленное, из опасения оскорбить чувство смирения о. иеромонаха.

десяти лет вел уединенную, молитвенную жизнь, не выходя из подражания смиренномудрию Бориса и послушания Старцу-скитоначальнику.

Отошли в селения праведных скитоначальник о. Анатолий и древний уже старичок привратник, а монах Варнава все оставался тем же рядовым монахом, пока не наступил час воли Божией и не вывел его, нового делателя, на пожелтевшую, уже близкую к зрелости ниву Господню пастырем словесных овец Его богоизбранного стада.

Вот этот-то о. Варнава мне поведал и дивную повесть о монахе Николае Турке. Я постараюсь вам рассказать ее речью самого о. иеромонаха. Выслушайте ее, запечатлейте ее поглубже в вашем сердце и, придет время, поделитесь ею с теми, кто еще не утратил великого сокровища простой чистой веры.

«Жил я уже в Скиту довольное время, — сказывал мне о. Варнава, — вы ведь хорошо знаете нашу скитскую жизнь: тихая, безмятежная жизнь! Да и может ли она быть иной, когда всякая скорбь истинному монаху в радость и тот только монах, кто, как старый лапоть, оттоптан и истрепан... Но особенно хорошо в лунные благовонные летние ночи: чувствуешь и слышишь в эти ночи, как живет и дышит и поет вечную славу своему Богу земля-кормилица. Выйдешь из кельи: кругом благоговейная, премудрая тишина. Тихим огоньком перед святыней образов теплятся по братским кельям неугасимые лампады. Весь воздух скитский напоен ароматом его цветов, смолой его соснового бора,

благоуханием молитвенных воздыханий тайных рабов Божиих. Чистые сердца, неведомые враждебному для них міру... Сколько еще их по православным обителям!..

В одну из таких ночей зашел ко мне в келью монах наш, ныне покойный Николай, которого мы все звали Туркой. Странный он был; всегда застенчивый и молчаливый, болезненный и как-то всех сторонившийся человек, хотя мы все его как-то невольно любили. Ни к кому по кельям он не ходил даже днем, а тем более ночью, но на этот раз его приход ко мне не мог показаться мне необычайным: о нем я уже был предварен скитоначальником о. Анатолием. Незадолго до прихода ко мне Николая Турка, о. Анатолий призвал меня к себе да и говорит:

— Знаешь ли ты, что у нас в Скиту, по великой милости Божией, есть свой Андрей Христа ради юродивый...

— Как это так, батюшка?..

— Да, есть у нас такой человек, который в теле ли или не в теле, — Бог знает, — но был еще при жизни восхищен в небесные обители. Это наш Турка. Я благословлю ему прийти к тебе в келью, а ты его расспроси хорошенько да и запиши с его слов, что от него узнаешь. Только держи все это в тайне до его смерти.

И вот, в эту летнюю лунную ночь зашел ко мне по послушанию этот раб Божий и на своем ломаном русском языке поведал мне свое сказание о тех небесных обителях, которые ему были показаны его Ангелом-Хранителем... Что это было за дивное сказание! Сердце мое тре-

петало от нечеловеческого прилива неизреченной радости торжествующей, оправданной надежды. А речь лилась из уст Николая, и лицо его светлело и светлело, пока не стало прямотаки сиять каким-то необычайным внутренним светом. И жутко мне было, и страшно, и понеземному радостно.

Что говорил он мне, всё это найдете в житии преподобного Андрея Христа ради юродивого. Для меня был важен только вид его бесконечного торжества, славы, отпечатлевшейся на его сияющем лике угодника Божия. Так мог говорить только истинный тайнозритель. Я мог только от времени до времени голосом, прерывающимся от неописуемого волнения, просить его продолжать, не умолкать говорить... Но он уже кончил и только прибавил со светлой, блаженной улыбкой:

— Ну, что ты еще знать хочешь, чего еще допытываешься... Придет время — сам увидишь. Что еще тебе сказать, да и как сказать тебе... Ведь на человеческом языке нет тех слов, которые могли бы передать, что там совершается, ведь на земле и красок-то тех нет, которые я там видел. Как же тебе все это передать... Ну, вот послушай, что я тебе скажу: ты знаешь ведь, что такое хорошая музыка... Ну вот я слышал ее, только что слышал: она у меня звучит в ушах, она поет в моем сердце — я ее все еще продолжаю слышать. А ты ее не слыхал. Как же, какими словами могу тебе рассказать о ней, чтобы и ты по моим словам мог бы ее слышать и со мною вместе ею наслаждаться?.. Ведь не

можешь.... Так и того, что я там видел, невозможно пересказать человеку... Довольно с тебя и того, что это так...

Последние слова он сказал мне с какой-то особой силой и точно с угрозой...

Умер наш Николай, и только после его смерти о. Анатолий открыл нам, что был за угодник Божий:

— Не думайте, что это был простой смертный. Простому смертному не дается такой милости от Бога. Наш Николай был мучеником за Имя Христово и за исповедание Его Святого Имени. Когда его омывали после кончины, то все тело его оказалось исполосованным страшными рубцами. Из него ремнями вырезали мясо на его родине, в Турции, за его обращение ко Христу, заставляя отречься от нашего Спасителя. Он не отрекся и с Божией помощью избег дальнейших страданий от руки мучителей. К нам, в Оптину, его прислал из Шамордина о. Амвросий, которого Николай нашел по его всероссийской славе*, и знали о нем, кто он и что он, только великий Старец да я, недостойный духовник его».

В дни скорби, переживаемые теперь страдающей Родиной, ввиду грядущих тягчайших искушений, надвигающихся зловещей угрозой на верных детей Св. Церкви, да послужит моя немудрая, но истинная повесть эта к укреплению духа и веры моего брата-читателя. Не имеем мы «града зде пребывающа»; все упования наши —

* О. Амвросий последние полтора года своей жизни проживал в устроенном им Шамординском женском монастыре.

не от міра сего, который еще прежде, чем возненавидеть нас, возненавидел Того, Кто обетовал нам в дому Отца Своего приготовить нам нетленные обители. И теперь, когда все заботы міра устремлены на создание земного благополучия, царства всеобщей сытости и удовлетворения низших животных потребностей человека, обрати, брат мой, свой взор к небесному, духовному, высшему... Вмале поскорби, поплачь, и да утешит, и да упокоит тебя милость Господня во веки веков бесконечная там, где ты призван к вечному царствованию с твоим Господом, в тех небесных обителях, где и теперь уже радуются все святые Божии и с ними Оптинский простец — Николай Турка.

Царское Село, 23 июня 1905 г.

11.

БЛИЗ ГРЯДУЩИЙ АНТИХРИСТ И ЦАРСТВО ДИАВОЛА НА ЗЕМЛЕ

Господи, оружие на диавола крест Твой дал еси нам: трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу его.

(Октоих 8-го гласа)

Писания Божественная извествуют должника быти сего, иже сам что приемши туне от Господа иным сего не изъявляет: зане аки нечто украде от Церкви, егда утаевает могущее пользовати иных.

(Св. Амвросий Медиоланский. Четь-Минеи. Октябрь 14-й. Житие Мчч. Гервасия, Протасия и Кельсия)

Знаешь признаки антихристовы, не сам один помни их, но и всем сообщай щедро.

(Св. Кирилл Иерусалимский)

I.

Грозные предчувствия. Мировое значение России. Первые шаги XX в. Серафимовы дни и их значание. Записки Мотовилова: беседа прп. Серафима о Царской власти, о злоумышляющих против нее и о бедствиях Православной Церкви. Что *ждет* Россию и мiр?

Молиться надо!..

Что-то грозное, стихийное, как тяжелые свинцовые тучи, навалилось непомерною тяжестью над некогда светлым горизонтом Православной России. Не раз омрачался он: с лишком тысячелетняя жизнь нашей родины не могла пройти без бурь и волнений в области ее духа, но корабль Православия, водимый Духом Святым среди ярившихся косматых волн, смело и уверенно нес Россию к цели ее, намеченной в

Предвечном Совете. Стихали бури: и по-прежнему, в безбрежном просторе вечности, в неудержимом своем беге к определенной цели, наш православный корабль рассекал смирявшиеся и вновь покорные волны.

Бог избрал возвеличенную Им Россию принять и до скончания веков блюсти Православие — истинную веру, принесенную на землю для спасения нашего Господом Иисусом Христом. Мановением Божественной Десницы окрепла Православная Русь на диво и страх врагам бывшим, настоящим и... будущим, но только при этом непременном условии — соблюдения в чистоте и святости своей веры.

С непонятной жаждой новизны стремились мы вступить в новый XX век. Точно некая незримая сила толкала нас разорвать необузданным порывом цепи, связующие наше настоящее со всеми заветами прошлого, насильнически вынуждая забыть, что только в великих заветах прошлого и было заложено зерно той жизни и значения, которыми мы пользуемся в этом видимом міре. Наши первые враги на пути нового столетия ознаменовались ярко и резко выраженными стремлениями сбросить с себя ярмо устоев нашей духовной жизни, — и в безумии своем мы первый удар нанесли под самое сердце свое, в наше Православие. Эпопея воинствующей толстовщины, проповеди непризнанных лжеучителей, направленные к разрушению семейных начал, к осквернению таинства брака; наконец, в недавние дни откровенная и открытая проповедь «свободного совращения из Православия» и им

подобные, как туча отравленных змеиным ядом стрел, пущенная несметною ратью из вражеского стана, укрепленного почти поголовным равнодушием к вере наших отцов, закрыла от нас, кажется, навсегда свет Самого Солнца правды...

Так писал я в 1901 году в книге моей «Великое в малом», с ужасом внимая отдаленным громам надвигавшейся на Россию и на мiр грозы роковых бедствий. И не один я слышал эти приближавшиеся громы: слышали их все веровавшие Богу своему в простоте детского сердца и не внимавшие обольстительным учениям премудрости века сего, учениям бесовским; слышали все, от среды которых не был отъят «Держай» — благодать Духа Святаго*, подаваемая одним только смиренным и послушным овцам Христова стада; слышала их вся Церковь верных, чуждых церковного обновления в прикровенно-антихристовом духе. Все слышали, но не все говорили открыто, потому что не все умели говорить, как бы хотели.

Большинство братий наших умело только молча страдать и молча плакать в незримой мiру тишине своей уединенной к Богу молитвы.

И вскоре, в дни плача нашего и нашей великой скорби, даровал нам Господь нового великого заступника и ходатая, преподобного отца нашего Серафима Саровского.

---

* И с нею неразрывно связанная благодать помазания от Духа Святаго, даруемая Православному Самодержцу во время Священного Его коронования на Царство. Отсюда, при утрате веры в Бога, — отступление от неверных Св. Духа и отъятие от них Самодержавной Царской власти.

И в великие Саровские, Серафимовы дни, когда казалось, что само небо спустилось на землю и лики Ангельские с ликами певцов земли «среди лета пели Пасху», воспевая хвалу Богу, дивному во святых Своих; в те дни для верного и чуткого сердца православного русского человека благоволил Господь воочию явить тайну величия и мощи России, тайну, заключенную в единении Помазанника Божия — Царя с его народом и со Христом, без Которого никто ничего творить не может, а народной души чрез Царскую веру и свою — с Богом и Его Преподобным, великим к Богу ходатаем за Православную землю Русскую.

Бог говорил в Сарове с народом Своим, новозаветным Израилем, с Россией, последней на земле хранительницей Православной Христовой веры и Самодержавия, как земного отображения Вседержительства во вселенной Самого Триипостаснаго Бога.

И через самого Преподобного говорил России Господь слово Свое о том же, о том, как нужно ей хранить и оберегать во всякой чистоте и святыне великую ту тайну, которой крепка была Россия от смутных своих дней даже до сего дня.

Напомним России слово это устами самого Преподобного. Не поможет ли напоминание этого Русским людям оглянуться на себя и опомниться, пока еще не поздно, пока не услыхали еще они грозных слов Божиих:

«Се, оставляется дом ваш пуст!»

Вот что в ночь с 26-го на 27 октября 1844 года в Саровской пустыни было записано симбир-

ским совестным судьей, Николаем Александровичем Мотовиловым, близким человеком и сотаинником преподобного Серафима:

«...А в доказательство истинной ревности по Бозе приводил батюшка Серафим святого пророка Илию и Гедеона и, по целым часам распространяясь о них своею Боговдохновеннейшею беседою, каждое суждение свое о них заключал применением к жизни собственно нашей и указанием на то, какие мы и в каких наиболее обстоятельствах жизни можем из житий их извлекать душеспасительные наставления. Часто поминал мне о святом царе, пророке и Богоотце Давиде и тогда приходил в необыкновенный духовный восторг. Надобно было видеть его в эти неземные минуты! Лицо его, одушевленное благодатью Святаго Духа, сияло тогда подобно солнцу, и я, — поистине говорю, — глядя на него, чувствовал лом в глазах, как бы при взгляде на солнце. Невольно приводил я себе на память лицо Моисея, только что сошедшего с Синая. Душа моя, умиротворяясь, приходила в такую тишину, исполнялась такою великою ревностью, что сердце мое готово было вместить в себя не только весь род человеческий, но и все творение Божие, преизливаяся ко всем божественною любовью...

— Так-то, ваше Боголюбие, так, — говаривал Батюшка, скача от радости (кто помнит еще сего святого Старца, тот скажет, что и он его иногда видывал как бы скачущим от радости), — «избрах Давида, раба Моего, мужа по сердцу Моему, иже исполнит вся хотения Моя...»

Разъясняя же, как надобно служить Царю и сколько дорожить его жизнью, он приводил в пример Авессу, военачальника Давида.

— Однажды он, — так говорил батюшка Серафим, — для утоления жажды Давидовой прокрался в виду неприятельского стана к источнику и добыл воды и, несмотря на тучу стрел из неприятельского стана, пущенных в него, возвратился к нему ни в чем невредимым, неся воду в шлеме, сохранен будучи от тучи стрел только за усердие свое к Царю. Когда же что приказывал Давид, то Авесса ответствовал: «Только повели, о Царю и все будет исполнено по-твоему». Когда же Царь изъявлял желание сам участвовать в каком-либо кровопролитном деле для ободрения своих воинов, то Авесса умолял его о сохранении своего здравия и, останавливая его от участия в сече, говорил: «Нас много у тебя, а ты, Государь, у нас один. Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты был жив, — Израиль цел и непобедим. Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?..»

Батюшка отец Серафим пространно любил объясняться о сем, хваля усердие и ревность верноподданных к Царю и, желая явственнее истолковать, сколько сии две добродетели христианские угодны Богу, говаривал:

— После Православия они суть первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия.

Часто от Давида он переводил разговор к нашему великому Государю Императору* и по

* Николаю I.

целым часам беседовал со мною о Нем и о царстве Русском; жалел о зломыслящих противу Всеавгустейшей Особы Его. Явственно говоря мне о том, что они хотят сделать, он приводил меня в ужас; а рассказывая о казни, уготовляемой им от Господа, и удостоверяя меня в словах своих, прибавлял:

— Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь их обратится на главу их, и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обагрится реками кровей, и много дворян побиено будет за великого Государя и целость Самодержавия Его; но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского.

Однажды, — так пишет далее в тех же своих записках Мотовилов, — был я в великой скорби, помышляя, что будет далее с нашею Православною Церковью, если современное нам зло все более и более будет размножаться, и, будучи убежден, что Церковь наша в крайнем бедствии как от преумножающегося разврата по плоти, так равно, если только не многим более, от нечестия по духу чрез рассееваемые повсюду новейшими лжемудрователями безбожные толки, я весьма желал знать, что мне скажет о том батюшка Серафим.

Распространившись подробно беседою о святом пророке Илии, он сказал мне на вопрос мой между прочим следующее:

— Илия Фесвитянин, жалуясь Господу на Израиля, будто он весь преклонил колена Ваалу, говорил в молитве, что уж только один он, Илия, остался верен Господу, но уже и его душу ищут изъяти... Так что же, батюшка, отвечал ему на это Господь? — «Седмь тысяч мужей оставих во Израили, иже не преклониша колен Ваалу». Так если во Израильском царстве, отпадшем от Иудейского верного Богу царства и пришедшем в совершенное развращение, оставалось еще седмь тысящ мужей, верных Господу, то что скажем о России? Мню я, что во Израильском царстве было тогда не более трех миллионов людей. А у нас, батюшка, в России сколько теперь?

Я отвечал:

— Около шестидесяти миллионов.

И он продолжал:

— В двадцать раз больше. Суди же сам, сколько теперь у нас еще обретается верных Богу!.. Так-то, батюшка, так-то: ихже предуведе, сих и предъизбра; ихже предъизбра, сих и предустави, ихже предустави, сих и блюдет, сих и прославит... Так о чем же унывать-то нам!.. С нами Бог! Надеющийся на Господа, яко гора Сион, и Господь окрест людей Своих... Господь сохранит тя, Господь — покров твой на руку десную твою, Господь сохранит вхождение твое и исхождение твое отныне и до века; во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию.

И когда я спросил его, что значит это, к чему говорит он мне о том, — К тому, — ответствовал батюшка отец Серафим, — что таким-

то образом хранит Господь, яко зеницу ока Своего, людей Своих, **то есть православных христиан, любящих Его** и всем сердцем, и всею мыслию, и словом, и делом, день и нощь служащих Ему. *А таковы* — **хранящие всецело все уставы, догматы и предания нашей Восточной Церкви Вселенской и устнами исповедующие благочестие, Ею преданное, и на деле во всех случаях жизни творящие по святым заповедям Господа нашего Иисуса Христа**.

В подтверждение же того, что еще много на земле Русской осталось верных Господу нашему Иисусу Христу, православно и благочестно живущих, батюшка отец Серафим сказал некогда одному знакомому моему, — то ли отцу Гурию, бывшему гостиннику Саровскому, то ли отцу Симеону, хозяину маслищенского двора, — что однажды, быв в духе, видел он всю землю Русскую, и была она исполнена и как бы покрыта дымом молитв верующих, молящихся к Господу...»

Рассказанное здесь со слов записей Мотовилова относится по времени к началу 30-х годов прошлого столетия. С тех пор прошло почти восемьдесят лет.

Время бежит; беззакония умножились, проникли даже в самое сердце народное. С развитием в народе грамотности не столько Слово Божие распространялось среди «малых сих», сколько слово человеческое, «премудрость века сего», «наука зла». Уже не дымом благовонным молитв верующих, молящихся к Господу, покрывается Русская земля, а угольным смрадом

фабрик, заводов, паровозов, омерзительною вонью бензиновых моторов, реющих над облаками, бороздящих молниеподобно во всех направлениях землю. Весь этот чад гордости человеческой, как вызов Богу, несется к небу от злобы и проклятий социальной ненависти, развившейся на почве борьбы бездушного капитала с замученной, озлобленной и непрестанно озлобляемой душой фабричного и заводского рабочего и дьявольски искусно обезземеленного уже дворянина и обезземеливаемого крестьянина, выкидываемых злым духом века сего на холод и голод улицы, в ряды всемирного бесприютного пролетариата.

Сохранили ли мы Православие? Бережем ли Церковь Святую?

Бережем ли Богом дарованное Самодержавие?

Охраняем ли мы всею силою любви своей Боговенчанного?

Нет.

Что же ждет Россию за измену вере и верности отцов своих?

Что ждет весь мір с падением Православия и Самодержавия в России?

Пусть на вопросы эти ответит то жестокое и страшное, что последует за сим в дальнейших главах настоящего очерка.

Не снимается с тебя твоя воля, читатель: хочешь — верь; не хочешь — не верь! Но, прочтя со вниманием то, что в очерке этом изложено и не мною вымышлено, сверь изложенное со Словом Божиим, с современными тебе миро-

выми и русскими событиями и — считай себя своевременно предуведомленным.

Молитвами Богородицы и всех Святых, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных.

II.

Знаменательное движение в области вселенской церковной религиозной мысли. Епископ Графтон и его записка. Уния англиканской и восточной Православной Церквей. Энциклика Пия X. Кризис римско-католической Церкви. Принц-аббат Макс Саксонский. Общецерковное ожидание конца міра и явления антихриста.

Начало XX столетия ознаменовалось чрезвычайно важным и в высшей степени знаменательным движением в области вселенской церковной религиозной мысли, которое на короткое, правда, время поразило общественное внимание, даже современного міра, вообще мало склонного к углублению в вопросы религии и Церкви и в соотношение их к запросам и ожиданиям человеческого прогресса и цивилизации. В самый разгар увлечений мнимыми победами культуры, когда вдумчивому наблюдателю стало достаточно ясным стремление оматериализованного человеческого духа поставить свой престол наравне с Божиим и стать равным Всевышнему, когда даже в России, избравшей Божественное Откровение Христа в руководство для своей государственной жизни, стало заметным, а теперь едва ли и не преобладающим торжество антихристианского духа, когда даже

в ней стало возможным преклонение целой массы поклонников пред Львом Толстым*, как пред кумиром и «единым истинным христианином» — в это самое время раздался вещий голос Вселенской Церкви, призывающий путем пересмотра и определения своих верований к устранению из них всего самоизмышленного и на почве истины, к соединению всего христианского міра в одно необоримое духовное стадо. Так в 1901 или 1902 году Константинопольская Вселенская Патриархия возбудила вопрос о том, нет ли уже достаточно подготовленной почвы для признания православия старокатоликов. В свою очередь англиканская Церковь также проявила усиленную деятельность в тех же интересах церковного объединения. С особенной же силой это стремление к единству сказалось в американской епископальной Церкви, выразившись в записке ее представителя, епископа Графтона, посетившего Россию в 1903 году.

«Кажется, — так писал еп. Графтон в этой записке, — если мы не ошибаемся, ныне, вместе с возвышением духа ревности к Церкви, у всех христиан возрастает желание сблизиться между собою, **и это в такое именно время, когда стали яснее обнаруживаться многообразные козни сатаны и возможно уже стало видеть знамение Сына Человеческого, предреченное Спасителем міра**».

В развитие идеи сближения христиан всего міра между собою и соединения Церквей в Единую Вселенскую Церковь, в Англии в 1905 году

* Умершим в отлучении от Церкви.

была учреждена «уния англиканской и Восточно-православной Церквей», с 1907 года имеющая свое отделение и в Америке. Председателем этой унии со стороны православных в Америке состоит преосвященный Рафаил, епископ Бруклинский, а со стороны англикан — Э. Паркер, епископ Нью-Гемпширский*. Уния эта развивает все большую и большую деятельность, и уже видится то время, когда при внешнем враждебном давлении на христианскую Церковь, обе ветви англиканской и американской епископальной Церквей сольются с Греко-Российским Православием.

Престол католического Рима не только не остался чужд общему голосу западной Церкви, но со свойственной ему властностью и резкостью в одной из папских энциклик, изданных вскоре по восшествии на папский престол Пия X, высказал и предвидение роковой мировой развязки в лице явления **уже родившегося в міре, по мнению Римского первосвященника, антихриста**. «Внимательный наблюдатель, — так говорит помянутая энциклика, — не может не исполниться опасения, что уже не далек конец міра и что антихрист уже пришел на землю: с такою резкостью всюду попирают религию и борются против Богооткровенной веры, с такими

* По сведениям «Московских Ведомостей», почерпнутым из нью-йоркской газеты «Свет» (№ 40), в конце 1910 года в Цинциннати состоялось собрание этой унии, представленное духовенством и мирянами англиканской Церкви из Китая, Японии, Южной Америки, Африки, Австралии. Одних епископов было 106 500 священников и несколько тысяч мирян. Нашему еп. Рафаилу была предоставлена честь благословить собрание.

усилиями стараются порвать какие бы то ни было отношения человека к Богу. Напротив, — и это по апостолу признак антихриста, — человек самого себя поставил на место Бога».

Еще упорствует в надменности своей гордый Рим и в лице князей своей церкви еще не идет на соединение с Православным Востоком иначе, как только в образе лицемерной унии или не менее лицемерного так называемого «русского католичества» под главенством «непогрешимого» папы-царя. Но и ветхого Рима многовековое упорство ломается извне и изнутри под напором торжествующего масонства, модернизма, мариавитизма и искреннего стремления в лучших сынах римской Церкви к познанию истины.

Так, недавно принц Макс Саксонский, католический аббат и известный теолог, в исследовании своем о якобы «схизме» Православной Греко-Российской Церкви, пришел к открытому заключению, что Восточная наша Церковь не отступила ни от одного из догматов и не привнесла ничего самоизмышленно-нового в чистоту исповедания Вселенской Апостольской Церкви.

Таким образом, с великою радостью для православноверующего сердца надлежит отметить, что все подразделения и ветви христианства, в которых сохранилась и еще горит священная искра искания чистой христианской истины, обращают свои взоры и упования на наш Православный Восток, сохранивший в себе во всей полноте всю чистоту первоначальной

соборно-апостольской истины и не допустивший в свои недра ничего из новшеств Церквей Запада. И в то же время с любовью и вместе со страхом, умеряемым христианской надеждой, отмечаем, что религиозная мысль Запада в стремлениях своих обрести чистую христианскую церковную истину, ближайшею своею целью поставляет найти пути к объединению в Православной всех ветвей Вселенской Христовой Церкви, основанием к тому выставляя **чаяние предреченного Спасителем явления знамения Сына Человеческого, опасение близкого конца міра и явления міру антихриста** в качестве беззаконного вершителя судеб отступившего от Бога человечества.

III.

Слово прп. Ефрема Сирина об антихристе

Что же говорит Православный Восток по поводу предвидения западными Церквами близкого конца міра и явления міру антихриста? Определил ли он, кто будет этот антихрист? Что говорит он о времени явления его?.. Св. Ефрем Сирин в «Слове на пришествие Господне, на скончание міра и на пришествие антихристово» рассуждает так*:

«С болезнью сердца начну речь о том бесстыднейшем и ужасном змие, который приведет в смятение всю Поднебесную, и в сердца чело-

* «О последних событиях, имеющих совершиться в конце мира», изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни.

веческие вложит боязнь, малодушие и страшное неверие, и произведет чудеса, знамения и страхования, «якоже прельстити, аще возможно, и избранныя» (Мф. 24, 24), и всех обманет ложными знамениями и призраками чудес, им совершаемых. Ибо попущением Святаго Бога получит он власть обольщать мiр, потому что исполнилось нечестие мiра и повсюду совершаются всякого рода ужасы. Посему-то Пречистый Владыка за нечестие людей попустит, чтобы мiр был искушен духом льсти, потому что *так восхотели человеки — отступить от Бога и возлюбить лукавого**.

Велик подвиг, братие, в те времена, особливо для верных, когда самим змием с великою властью совершаемы будут знамения и чудеса, когда в страшных призраках покажет он себя подобным Богу; будет летать по воздуху, и все бесы, подобно Ангелам, вознесутся пред мучителем. Ибо с крепостию возопиет, изменяя свой вид и безмерно устрашая всех людей. *Тогда, братие, окажется огражденным, непоколебимым имеющий в душе верный знак — святое пришествие Единородного Сына Бога нашего***, — как скоро увидит сию неизреченную скорбь, отвсюду приходящую на всякую душу, потому что совершенно ни откуда нет у ней ни на земле, ни на море никакого утешения, ни покоя; как скоро увидит, что весь мiр в смятении, что каждый бежит укрыться в горах и одни умирают от голода, другие истаевают, как воск, от жаж-

* Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

** Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

ды, — и нет милующего; как скоро увидит, что всякое лицо проливает слезы и с сильным желанием спрашивает: «есть ли где на земле Слово Божие», и слышит в ответ: «нигде!» Кто перенесет дни сии, кто стерпит невыносимую скорбь, как скоро увидит смешение народов, которые от концов земли идут увидеть мучителя и многие поклоняются мучителю, с трепетом взывая: «Ты наш спаситель!» Море мятется, земля иссыхает, небеса не дождят, растения увядают, и все живущие на востоке земли от великого страха бегут на запад, а также живущие на западе солнца бегут на восток. Бесстыдный же, прияв тогда власть, пошлет бесов во все концы смело проповедовать: «Великий царь явился во славе; идите и видите его!» У кого же будет такая адамантова душа, чтобы мужественно перенести все сии соблазны? При одном воспоминании о змие прихожу я в ужас, помышляя в себе о той скорби, какая постигнет людей в сии времена, помышляя о том, сколь жестоким к человеческому роду окажется сей скверный змий и сколько злобы еще большей будет он иметь на святых, которые могут противостоять его мечтательным чудесам. Ибо много найдется тогда людей благоугодивших Богу, которым в горах и местах пустынных можно будет спастися многими молитвами и сердечным плачем. Ибо Святой Бог, видя их несказанные слезы и искреннюю веру, умилосердится над ними, как нежный Отец, и соблюдет их там, где они укроются; между тем как всескверный змий не перестанет отыскивать святых и на земле, и на

море, рассуждая, что уже воцарился он на земле и все уже подвластны ему. И не сознавая своей немощи и той гордыни, от которой пал, замыслит, несчастный, воспротивиться в тот страшный час, когда Господь приидет с небес. Впрочем, приведет в смятение землю, устрашит всех ложными *чародейными** знамениями.

*В то время, когда приидет змий, не будет покоя на земле; будут же великая скорбь, смятение, замешательство, смерти и глады во всех концах***. Ибо Сам Господь наш Божественными устами изрек, что «такая скорбь не бысть от начала создания» (Мк. 13, 19). Мужественная нужна будет душа, которая бы могла сохранить жизнь свою среди соблазнов. Ибо если человек окажется хотя несколько беспечным, то легко подвергнется нападениям и будет пленен знамениями змия лукавого и хитрого.

Много молитв и слез нужно нам, чтобы кто-либо из нас оказался твердым в искушениях, потому что много будет мечтаний, совершаемых зверем. Он сам богоборец и всех хочет погубить. Ибо такой способ употребит мучитель, что *все должны будут носить на себе печать зверя****, когда во время свое, т. е. при исполнении времен, приидет он обольстить всех знамениями; и в таком только случае можно им будет покупать себе снеди и все потребное, и поставить надзирателей исполнять его повеления. Заметьте чрезмерную злокозненность зверя и ухищре-

* Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

** Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

*** Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

ния его лукавства, каким образом начинает он с чрева, чтобы человек, когда будет приведен в крайность недостатком пищи, вынужден был принять печать, то есть злочестивые начертания не на каком-либо члене тела, но на правой руке, а также на челе, чтобы человеку не было уже возможности правою рукою напечатлеть крестное знамение и также на челе назнаменовать святое Имя Господне или славный и честный Крест Христа Спасителя нашего. Ибо знает, несчастный, что запечатленный Крест Господень разрушает всю силу его; и потому кладет свою печать на правую руку человеку, потому что она запечатлевает крестом все члены наши; а подобно и чело, как свещник, носит на высоте светильник света — знамение Спасителя нашего. Ибо для того, без сомнения, употребляет таковой способ, чтобы Имя Господа и Спасителя да и неименуемо было в то время; делает бессильный (обольститель), боясь и трепеща святой силы Спасителя нашего. Ибо если кто не будет запечатлен печатью зверя, тот не пленится и мечтательными его знамениями. Притом и Господь не отступает от таковых, но просвещает и привлекает их к Себе.

Поелику Спаситель, вознамерившись спасти род человеческий, родился от Девы и в образе человеческом попрал врага святою силою Божества Своего, то и он умыслит восприять образ Его пришествия и прельстить нас. Господь наш на светоносных облаках, подобно страшной молнии, приидет на землю, но не так придет враг, потому что он отступник. Действительно от девы,

только оскверненной, родится его оружие, т. е. антихрист; но сие не значит, что сам враг воплотится; придет же всескверный, как тать, в таком образе, чтобы прельстить всех; придет смиренный, кроткий, ненавистник неправды, — как сам будет говорить о себе, — отвращающийся идолов, предпочитающий благочестие, добрый, нищелюбивый, в высокой степени наружностью своею прекрасный, постоянный, ко всем ласковый. При всем этом, с великою властью совершит он знамения, чудеса и страхования и приимет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его народ. Не будет он брать даров, говорить гневно, показывать пасмурного вида, но благочинною наружностью станет обольщать мiр, пока не воцарится. Поэтому, когда многие народы и сословия увидят такие добродетели и силы, тогда вдруг возымеют одну мысль и с великою радостью провозгласят его царем, говоря друг другу: «Найдется ли еще человек столь добрый и правдивый?» И скоро утвердится царство его, и в гневе поразит трех царей. Потом вознесется сердцем и изрыгнет горечь свою этот змий, смятет вселенную, подвигнет концы ее, всех притеснит и станет осквернять души, не благоговение уже в себе показывая, но при всяком случае поступая как человек суровый, жестокий, гневливый, стремительный, беспорядочный, страшный, отвратительный, ненавистный, мерзкий, лютый, губительный, бесстыдный, который старается весь род человеческий вринуть в пучину нечестия. Многочисленные произведет он знамения, но ложно, а

не действительно. И в присутствии многолюдной толпы, которая будет восхвалять его мечтательные чудеса, издаст он крепкий глас, от которого поколеблется место, где собраны предстоящие ему толпы и скажет: «Все народы, познайте мою силу и власть!» В виду зрителей будет переставлять горы и вызывать острова из моря, но все это обманом и мечтательно, а не действительно. Впрочем, прельстит міp, обманет многих; многие поверят и прославят его, как крепкого бога.

Тогда сильно восплачет и вздохнет всякая душа; тогда все увидят, что несказанная скорбь гнетет их день и ночь, и нигде не найдут пищи, чтобы утолить голод. Ибо жестокие надзиратели будут поставлены на место, и кто только имеет у себя на челе или на правой руке печать мучителя, тому позволено будет купить немного пищи, какая найдется. Тогда младенцы будут умирать на лоне матери; умрет и мать над своим детищем, умрет также и отец с женою и детьми среди торжища, и некому похоронить и положить их во гроб. От множества трупов, поверженных на улицах, везде зловоние, сильно поражающее живых. С болезнью и воздыханиями скажет всякий поутру: «Когда наступит вечер, чтобы иметь нам отдых?» Когда настанет вечер, с самыми горькими слезами будут говорить сами в себе: «Скоро ли рассвет, чтобы избежать нам постигшей скорби?» Но некуда бежать или скрыться, потому что все будет в смятении — и море и суша. Глады, землетрясения, смущение на море, страхования на суше. Множество

золота и серебра и шелковые одежды не принесут никому пользы во время сей скорби, но все люди будут называть блаженными умерших, преданных погребению, прежде нежели пришла на землю эта великая скорбь. И золото, и серебро рассыпаны на улицах, и никто до них не касается, потому что все омерзело.

Но все поспешат бежать и скрыться, и нигде им не укрыться от скорби; напротив того, при голоде, скорби и страхе, будут угрызать плотоядные звери и пресмыкающиеся. Страх внутри, извне трепет. День и ночь трупы на улицах. Смрад на стогнах, зловоние в домах; голод и жажда на стогнах, глас рыдания в домах. С рыданием встречаются все друг с другом — отец с сыном, мать с дочерью. Друзья на улицах, обнимаясь с друзьями, кончают жизнь; братья, обнимаясь с братьями, умирают. Увядает красота лица у всякой плоти, и вид у людей — как у мертвецов. Все же поверившие лютому зверю и принявшие на себя печать его — злочестивое начертание оскверненного, — приступят вдруг к нему и с болезнью скажут: «Дай нам есть и пить, потому что все мы истаеваем, томимые голодом, и отгони от нас ядоносных зверей». И этот бедный, не имея к тому средств, с великою жестокостию даст ответ, говоря: «Откуда, люди, дам вам есть и пить? Небо не хочет дать земле дождя, и земля также не дает вовсе ни жатвы, ни плодов». Народы, слыша это, возопиют и прольют слезы, не имея утешения в скорби; напротив того, другая неизреченная скорбь приложится к их скорби; а именно та, что так

поспешно поверили мучителю. Ибо он, бедный, не в силах помочь и себе самому, — как же он им может оказать милость? В те дни великое будет горе от многих скорбей, причиненных змием, от страха, и землетрясения, и шума морского, от голода, и жажды, и угрызения зверей. И все принявшие печать антихристову и поклонявшиеся антихристу, как благому богу, не будут иметь никакой чести в Царстве Христовом, но вместе с змием будут ввержены в геенну.

Но прежде нежели будет сие, Господь, по милосердию Своему, пошлет Илию Фесвитянина и Еноха, чтобы они возвестили человеческому роду благочестие, дерзновенно проповедали всем боговедение, научили не верить из страха мучителю, говоря и вопия: «Это лесть, о человеки! Никто да не верит ей нисколько, никто да не повинуется богоборцу, никто из вас да не приходит в страх, потому что богоборец сей скоро будет приведен к бездействию! Вот святой Господь грядет с неба судить всех поверивших знамениям его». *Впрочем, немногие тогда захотят послушать и поверить сей проповеди пророков**.

Многие из святых, какие только найдутся тогда в пришествие оскверненного, реками будут проливать слезы к Святому Богу, чтобы избавиться им от змия, с великою поспешностью побегут в пустыни, и со страхом будут укрываться в горах и пещерах, и посыплют землю и пепел на главы свои, в великом смирении молясь день и ночь. И будет им даровано от Святаго

* Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

Бога сие: благодать Его отведет их в определенные для сего места, и спасутся они, укрываясь в пропастях и пещерах, не видя знамений и страхований антихристовых, потому что **имеющим видение без труда сделается известным пришествие антихриста**. А кто имеет ум (обращенным) на дела житейские и любит земное, тому не будет сие ясно; ибо всегда таково свойство привязанного к делам житейским — хотя и услышит, но верить не будет и даже погнушается тем, кто об этом будет говорить. А святые укрепятся, потому что отринули всякое попечение о сей жизни.

Восплачут тогда — и вся земля, и море, и горы, и холмы; восплачут и светила небесные о роде человеческом, потому что все уклонились от Святаго Бога и поверили лести, приняв на себя вместо животворящего Спасителева Креста начертание скверного и богоборного. Восплачут земля и море, потому что в устах человеческих прекратится вдруг глас псалмов и молитв; восплачут великим плачем все церкви Христовы, потому что не будет священнослужения и приношения.

По исполнении же трех с половиною лет власти и действий нечистого, и когда исполнятся соблазны всей земли, приидет наконец, по-сказанному, Господь, подобно молнии, блещущей с неба, приидет Святый, Пречистый, Страшный, Славный Бог наш с несравненною славою в предшествии Его славе чинов Архангельских и Ангельских; все же они — пламень огненный; и река (потечет) в страшном клокотании, полная

огня; Херувимы с поникшими долу очами и Серафимы, летающие и закрывающие лица и ноги крылами огненными, и с трепетом взывающие: «Возстаните, почившие, се пришел Жених!» Отверзутся гробы, и во мгновение ока пробудятся все колена земные и воззрят на святую лепоту Жениха. И тьмы тем и тысячи тысяч Архангелов и Ангелов — бесчисленные воинства возрадуются великою радостью; святые и праведные и все не принявшие печати змия и нечестивца возвеселятся. Мучитель со всеми демонами, связанный Ангелами, также все принявшие печать его, все нечестивые и грешники связанные будут приведены пред судилище. И Царь дает на них приговор вечного осуждения в огонь неугасаемый. Все же не принявшие печати антихристовой и все скрывавшиеся в пещерах возвеселятся с Женихом в вечном и небесном чертоге со всеми святыми в беспредельные веки веков».

IV.

Цель настоящего труда. Лжемессии Израиля. Запись под 1848 годом из летописи Оптиной Пустыни. Слова Оптинского старца Макария. Письмо игумена Антония (Бочкова). Предсказание Оптинского старца Макария Белевской игумении Павлине.

Приведя в предшествующей главе церковно-авторитетное мнение преподобного Ефрема Сирина о личности антихриста, его явлении, деяниях, состоянии міра во дни его, о Втором славном пришествии Господа нашего Иисуса Христа и Страшном Суде Его, я предлагаю ин-

тересующимся подробной разработкой этого вопроса обратиться к ученому труду об антихристе профессора Московской Духовной академии Беляева и к вышеупомянутой брошюре, интересной как по месту ее составления (Оптина Пустынь), так и потому что автор ее, один из Оптинских иеромонахов, при составлении ее пользовался если не сотрудничеством, то, во всяком случае, благословением и указаниями великого Оптинского старца Амвросия. Цель настоящего труда не научно-богословское исследование данного предмета, а скромная попытка рядового христианина и верного сына Православной Церкви представить возможно подробный и полный отчет во всем том, что о ясных признаках возможности близкого явления антихриста и конца міра стало ему **достоверно** известным или от старческих преданий современных нам подвижников православно-христианского духа, или из общения с людьми одинаковой с ним настроенности и упований, хотя и высших по духовному развитию в меру возраста Христова и, наконец, по личным наблюдениям над явлениями духа и знамениями времени, которые по тем или другим причинам привлекли на себя внимание автора предлагаемого очерка.

Прошли века со времени приведенного выше свидетельства об антихристе прп. Ефрема Сирина; пронеслись над человечеством сокрушительные бури в области вечного его духа; не раз христианский мір содрогался в трепетном ожидании явления «презренного», «человека греха и сына погибели»; и жестоковыйный, до времени

ослепленный Талмудом, каббалой и богоборством ветхозаветный Израиль успел за это долгое время восторженно принять и с отчаянием отвергнуть 25 лжемессий*, которых со дней Мессии Истинного ему тщетно представляло его фарисейство и книжничество, — а настоящий антихрист не явился до сих пор даже и нам, сынам XX одряхлевшего в беззакониях века; не пришел и Спас наш судити живых и мертвых...

«Где обетования пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (2 Пет. 3, 4).

Между тем тихое веяние Духа Святаго уже предваряло смиренномудрие верных о том, что исполняются «времена и лета, ихже положи Отец в Своей власти».

В Летописи повседневной монастырской жизни святой Оптиной Пустыни, не без воли Божией ставшей со смертью Льва Толстого известной всему міру, записано под 1848 годом следующее: «С наступлением 1848 года настали бедствия в Европе почти повсеместно. Во Франции 24 февраля — революция, ниспровержение законной власти, республика. От Франции разлился сей адский поток в смежные земли, кроме России. Везде мятежи, нестроения. В России:

---

* (*Drumont.* La Tance Juive. P. 126) Аббаты Леманы насчитали 25 лжемессий: Февда, в Палестине в 45 г.; Симон Волхв, в Палестине 34–37, Менандр, в те же года; Досифей в Палест. 50–60; Вар-Кохба, в Палест. 138 г.; Моисей, на Крите, 434; Юлиан, в Палест. 530 г.; Сириец, в царствование Льва Исавра, 721 г.; Серен, в Испании 724 г.; другие во Франции, в Персии, в Аравии, в Моравии, в Месопотамии, в Австрии, в Индии, в Голландии и последний Саббатай Цеви в Турции в 1668 г.

холера, засуха, пожары... 26 мая, в среду, в 12-м часу дня загорелся губернский город Орел... Сгорело 2800 домов; на воде барки сделались добычею пламени. В Ельце сгорело 1300 домов...»

В той же Летописи под тем же годом читаем: «Июнь 24-е число. Четверток. Праздник в Скиту дня Рождества св. Иоанна Предтечи. Пополудни в три часа зашла страшная туча с молнией и громовыми ударами с юго-запада при 20° тепла. Она разразилась страшною бурею с проливным дождем и градом. От этой тучи во многих местах Козельского уезда* произошли разрушения, в особенности же в Оптиной Пустыни. На церквах Казанской и Больничной разломало на части железную крышу, сорвало кресты; на колокольне поколебало главу со шпилем и вырвало кровельный лист; на корпусах трапезном и братском, что возле колокольни, и на казначейском повредило железные крыши; во многих других местах повредило черепичные крыши и изгороди, поломало множество садовых плодовых деревьев. В Скиту упавшею сосною повредило башню, что на конном дворе; а с юго-западной стороны тоже упавшею сосною разбило два каменных столба в скитской ограде. А в монастырском лесу поломано и вырвано с корнем до двух тысяч самых толстых сосен. Страшная буря! Никто не запомнит такой!»...

По поводу этой бури великим старцем Макарием** Оптинским, учителем старца Амвро-

---

* Калужской губернии, где расположена Оптина Пустынь.

** Скончался 7 сентября 1861 года и погребен в Оптиной Пустыни.

сия, были сказаны следующие многознаменательные слова:

«Это страшное знамение Божьего гнева на отступнический мір. В Европе бушуют политические страсти, а у нас — стихии. Началось с Европы, кончится нами».

Разбирая архив Скита Оптиной Пустыни, я нашел в нем между прочим замечательное письмо игумена Черменецкого монастыря, Антония (Бочкова), писанное в том же 1848 году Оптинским старцам:

«Благодарю о. Иоанна*, что меня вспомнил и потрудился написать. Кажется, теперь и раскольникам и православным следует подумывать не о своих личных делах, а о грядущем Божием гневе на всех, который может, яко сеть, захватить всех живущих на земле. Революция во Франции не есть частное зло, а только воспламенение тех подкопов, которые подведены под всю землю, особливо европейскую, яко хранительницу просвещения и духовного и мирского. Теперь страшен уже не раскол, а общее европейское безбожие. **Времена язычников едва ли не оканчиваются**. Все Европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой от уз страха и покорности заповедям Божиим. Посмотрим, что сделает этот род XIX века, сбрасывающий с себя оковы властей и начальств, приличий и обычаев. Посмотрим, каков будет этот новый Адам в 48 лет, который теперь воз-

* Иеросхимонах Иоанн из бывших раскольников, впоследствии подвижник — апологет Православия и обличитель раскола. Скончался в скиту Оптиной Пустыни 4 сентября 1849 года.

рождается из европейской благородной земли, какова будет эта зловещая птица, высиженная из гнезда парижского? Это яйцо уже давно положено: оно еще в 1790-х годах согревалось и вылупившийся Наполеон хотя и обжег себе крылья на пожаре московском и как будто мы вместе с ним простились и с войной, и с общими потрясениями, но, видно, это был только один болтун, а настоящий высидок явится в наше преблагополучное время, во дни мира и утверждения. **Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот — Россию, то, чего нам ожидать, судите сами**. Я не смею угадывать, но только прошу премилосердаго Бога, да не узрит душа моя грядущего царства тьмы»*.

Тогда еще не было дано восторжествовать свободной Европе над Россией: Самодержавие было в крепких руках Императора Николая I; на страже Православия стояли два Филарета — «святой и мудрый» — и сонм иерархов, как звезды на тверди небесной. «Держай» Апостола Павла (2 Фес. 2, 7) не был еще взят от среды.

Прозревая это, великий Оптинский старец Макарий говорил игумении Белевского женского монастыря, Павлине, испуганной проявлениями

* Игумен Антоний (Бочков) происходил из именитого петербургского купеческого рода. Отец его был петербургским городским головой. Игумен Антоний получил утонченно европейское образование и посвятил себя и его на служение Богу. На склоне лет, во время одной из московских эпидемий он испросил себе разрешение ухаживать за больными в чернорабочей больнице, там заразился сыпным тифом и скончался, положив душу за други своя.

в тех же годах отступления от Христовой веры руководителей Русского народа:

— Ни ты, ни дети твои, ни внуки до времен антихристовых не доживут, а правнуки твои пришествие Господа во славе узрят.

Игумения Павлина скончалась в конце 70-х годов прошлого столетия лет шестидесяти восьми от роду... Не годятся ли ей в правнуки деятели и вершители судеб современной России?..

V.

Письмо бывшего обер-прокурора Святейшего Синода, графа Александра Петровича Толстого в Оптину Пустынь об одном замечательном сновидении. Толкование его старцем Амвросием Оптинским.

В 1866 году бывший обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, писал в Оптину Пустынь:

«Один благочестивый священник Тверской епархии видел во сне обширную пещеру, слабо освещенную одною лампадою. В пещере много духовенства. За лампадой образ Божией Матери. Перед образом стояли в облачениях: архипастырь Московский Филарет (находящийся в живых) и покойный протоиерей г. Ржева, отец Матвей Константиновский, родитель означенного священника, в жизни своей отличавшийся особым благочестием. Все стоят в безмолвии и страхе. У входа в пещеру — сам священник и одно мирское лицо, духовный сын о. протоиерея; оба они дрожат, а войти не смеют. Среди безмолвных молений слышатся

ясно следующие слова: «Мы переживаем страшное время — доживаем седьмое лето». С этими словами пробуждение в большом волнении и страхе. **Сон повторяется до трех раз все тот же, без малейшего изменения, явный и страшный.** Ни священник, видевший это, ни духовный сын отца Матвея — оба решительно ничего не понимают — ни что значит сон этот, ни кем он послан...»

В Оптиной Пустыни тогда старчествовал преемник о. Макария, великий старец Амвросий, святая жизнь которого, мудрость и прозорливость известны Православной России едва ли не в той же степени, в какой прославлен был Богом в среде верных великий молитвенник и чудотворец земли Русской, отец Иоанн Кронштадтский. Старец отец Амвросий на письмо графа Толстого дал такой ответ:

«...Чтобы не оставить вас без ответа, скажем несколько, как думаем об этом, основываясь на свидетельстве Божественных и святоотеческих писаний.

Были примеры, что некоторые доверялись всяким снам, впадали в обольщение вражие и повреждались. Поэтому многие из святых возбраняют доверять снам. Св. Иоанн Лествичник в 3-й степени говорит: «Верующий сновидениям во всем неискусен есть, а никакому сну не верующий любомудрым почесться может». Впрочем, сей же святой делает различие снов и говорит, каким верить можно и каким верить не должно, «Бесы, — пишет он, — нередко в ангела светла и в лицо мучеников преобразуются и показуют нам в сновидении, будто они к нам

приходят; а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостию и возношением; и сие да будет тебе знамением прелести. Ибо Ангелы показуют нам во сне муки, и суд, и осуждение, а пробуждшихся исполняют страха и сетования. Когда мы во сне верить бесам станем, то уже и бдящим нам ругатися будут. Тем только верь снам, кои о муке и о суде тебе предвозвещают; а если в отчаяние приводят, то знай, что и оныя от бесов суть» (Отд. 28).

А ближайший ученик Симеона Нового Богослова, смиренный Никита Стифат, еще яснее и определеннее пишет о сновидениях. Он во 2-ой сотнице, в главах 60-й, 61-й, 62-й и 63-й, говорит: «Одни из сновидений суть простые сны, другие — зрения, иные откровения. Признак простых снов такой, что они не пребывают в мечтательности ума неизменными, но имеют мечтание смущенное и часто изменяющееся из одного предмета в другой; от таковых мечтаний не бывает никакой пользы, и самое то мечтание по возбуждении от сна погибает, почему тщательные и должны это презирать.

Признак зрений таков, что они, во-первых, бывают неизменны и не преобразуются от одного в другое, но остаются напечатленными в уме в продолжение многих лет и не забываются. Во-вторых, они показывают событие или исход вещей будущих, и, от умиления и страшных видений, бывают виновны душевной пользы, и зрящего, по причине страшного неизменного видения зримых, приводят в трепет и сетование; и потому видения таких зрений за великую вещь должно вменять тщательным.

Простые сны бывают людям обыкновенным, подверженным чревоугодию и другим страстям; по причине мрачности ума их, воображаются и наигрываются им разные сновидения от бесов. Зрения бывают людям тщательным и очищающим свои душевные чувства; люди эти через зримое в сновидении благодетельствуемы бывают к постижению вещей Божественных и к большему духовному восхождению. Откровения бывают людям совершенным и действуемым от Божественнаго Духа; такие люди долгим и крайним воздержанием и подвигами и трудами по Бозе достигли степени пророков Церкви Божией, как говорит Господь чрез Моисея: «Аще будет пророк в вас, во сне явлюся ему и в видении возглаголю к нему» (Числ. 12, 6). И чрез пророка Иоиля (2, 28): «И будет по сих: излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши, и старцы ваши сония узрят; и юноты ваши видения увидят» (Добротолюбие 7, 2). На основании слов смиренного Никиты, означенное сонное видение можно отнести к числу зрений.

Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей Церкви, в которой свет веры едва светится, а мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества, превосходящего делами своими древнее язычество, всюду распространяется, всюду проникает*. Истину эту подтверждают слышанные слова:

*Заметь, читатель, что обличительные слова эти сказаны великим Старцем 44 года тому назад: дивись долготерпению Божию, но бойся им злоупотреблять, ибо Бог поруган не бывает.

«Мы переживаем страшное время». Живой святитель и покойный протоиерей, в облачении молящиеся вместе пред иконою Божией Матери, дают разуметь, что и прочее виденное духовенство было двоякое: видно, достойные пастыри, живые и отшедшие ко Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви, и те, и другие, умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она Всевышний Покров Свой над бедствующею Церковью нашею и да защитит, и да сохранит слабых, но имеющих благое произволение ко спасению. Оба стоящие у входа в пещеру, которые дрожали от страха и войти не смели, может быть, означают людей, с живым участием, со скорбию и даже со страхом взирающих на печальные события настоящего времени в отношении веры и нравственности, но не прибегающих к Царице Небесной и не молящихся Ей о покрове и помощи, подобно молившимся в пещере.

Слова — *«мы доживаем седьмое лето» — могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста*[*], *когда верные чада Единой Святой Церкви*[**] должны будут укрываться в пещерах и только всесильные молитвы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследований слуг антихриста. *Настоящему времени особенно приличны слова апостольские: «Дети, последняя година есть*[***], и якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша:

[*] Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).
[**] Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).
[***] Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

от сего разумеваем, яко последний час есть» (1 Ин. 2, 18). В настоящее время некоторые уже добровольно принимают печать антихриста на челе и на десной руке, потому что, ради светских приличий и мирских выгод, стыдятся ограждать себя крестным знамением; и сперва поступают так в обществе ради стыда и ради человекоугодия, а потом от обычая не полагают на себя крестного знамения и дома перед вкушением пищи и пития и в других случаях, чем сотворяют радость великую врагам душевным, для которых они, будучи неограждены силою Креста и молитвы, делаются игралищем и посмешищем.

*Седьмое число в церковной численности великое имеет значение**. Срок времени числится седмодневными неделями. Православная Церковь содержится и руководствуется правилами седми Вселенских Соборов. Седмь Таинств и седмь дарований Святаго Духа в нашей Церкви. Откровение Божие явлено было седми Асийским Церквам**. Книга судеб Божиих, виденная в Откровении св. апостолом Иоанном Богословом, запечатана седмью печатями. Седмь фиал гнева Божия, изливаемых на нечестивых, и проч. ... *Все это седмеричное исчисление относится к настоящему веку и с окончанием оного должно окончиться****. *Век же будущий в Церкви означается осьмым числом*****. *Шестой* псалом в Псалтири имеет над-

* Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

** Смотри об этом в брошюре Л. А. Тихомирова «Апокалипсическое учение о судьбах міра» (Редакция «Московских Ведомостей»).

*** Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

**** Курсив наш (С. Нилус — *Ред.*).

писание такое: «Псалом Давида в конец песнех, о осьмом», — по толкованию, — о осьмом дне, т. е. о дне всеобщего воскресения и грядущего Страшного Суда Божия, боясь которого, пророк молит во умилении сердца Бога о оставлении грехов: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажеши мене» и проч. Неделя Антипасхи, или Св. Фомы, в Цветной Триоди называется неделею о осьмом, т. е. вечном и нескончаемом дне, который уже не будет прерываться темнотою ночей. «Нощи не будет тамо» («тамо» — в Небесном Иерусалиме), — говорится в Откровении (22, 5).

Блажен, кто сподобится наслаждаться блаженством блаженного и нескончаемого дня сего, еже буди всем нам получити благостью и милосердием и человеколюбием Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, Ему же подобает слава и держава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцем и Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

VI.

Еще знаменательное сновидение и письмо о нем в Оптину Пустынь гр. А. П. Толстого. Толкование сновидения старцем Амвросием Оптинским.

За десять лет до злодейского умерщвления Царя-Освободителя Александра II, 7 июля 1871 года в Оптиной Пустыни от того же графа Александра Петровича Толстого было получено письмо с описанием такого сновидения:

«Как будто нахожусь в своем доме и стою в прихожей; далее — комната, в которой на простенке между окон находится икона в большом размере Бога Саваофа, издающая ослепительный свет, так что из другой комнатки (т. е. прихожей) нельзя было смотреть на нее. Затем еще далее комната, в которой находятся протоиерей Матвей Александрович (Константиновский) и митрополит (уже покойный) Филарет; и эта комната вся наполнена книгами: по стенам от потолка до пола книги; на длинных столах грудами книги... И мне непременно нужно пройти в эту комнату, но меня удерживает страх, как пройти через такой поражающий свет. Но необходимость принуждает преодолеть страх, и я с ужасом, закрыв лицо рукою, перехожу первую комнату и, войдя в следующую, вижу протоиерея Матвея Александровича в переднем углу. Он читает книгу. А ближе к двери стоит митрополит, одетый в простую черную рясу; на голове скуфейка; в руках разогнутая книга; и головой показывает мне, чтобы и я нашел подобную книгу и развернул ее. В то же время митрополит, поворачивая листы своей книги, говорит:

— **Рим. Троя. Египет. Россия. Библия.** Вижу, что и в моей книге крупными буквами написано: «Библия».

Тут сделался шум, и я проснулся в большом страхе. Много думал, — что бы все это значило?.. Мне сон этот кажется грозным, и лучше бы ничего не видать. Нельзя ли опытных в духовной жизни спросить о значении этого снови-

дения? Самому мне внутренний голос объясняет сон, но объяснение такое ужасное, что не хотелось бы согласиться с ним».

Объяснение старцем Амвросием этого сновидения:

«Кому показано было это замечательное сонное видение и кто слышал тогда многозначительные слова, тому, по всей вероятности, и внушено было чрез Ангела-Хранителя объяснение виденного и слышанного, как и сам он сознается, что ему внутренний голос объяснял значение сна. Впрочем, и мы, как вопрошенные, скажем свое мнение, как о сем думаем.

Видение ослепительного света от иконы Господа Саваофа, и в следующей затем комнате виденное множество книг, и стоящие там с книгами покойные — митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович, и произнесенные одним из них слова — «Рим, Троя, Египет, Россия, Библия» — могут иметь такое значение:

Во-первых, все касающееся до сотворения міра, судьбы народов и спасения людей Господь Вседержитель открыл избранным святым мужам, пророкам и апостолам, просветив их светом Своего Божественного познания, а ими все это передано людям и написано в Библии, то есть в книгах Ветхого и Нового Заветов.

Во-вторых, множество других виденных там книг может означать то, что все сказанное в Библии прикровенно и неясно — объяснено другими избранными от Бога святыми мужами, — пастырями и учителями Единой Соборной Апостольской Православной Церкви.

В-третьих, что митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович видены были с книгами в руках, может означать то, что они в продолжение своей жизни поучались о судьбах человечества не из простых книг человеческих, в которых нередко встречаются мнения неправильные, вводящие в заблуждение, а из книг библейских; и сказанное в Библии прикровенно и неясно толковали не по своему разумению, а как объяснено в книгах мужей Богодухновенных и просвещенных свыше светом Божественного познания. К сему они побуждали и видевшего, чтобы и он на всё искал объяснения не в простых книгах человеческих, а в книгах святых и Богодухновенных Отцев Православной Церкви.

В-четвертых, что протоиерей Матвей Александрович стоял в переднем углу, который обычно признается молитвенным, может означать, что сказанным образом он не только поучался, но и молился о вразумлении свыше.

В-пятых, слова *«Рим, Троя, Египет»* могут иметь следующее значение: Рим во время Рождества Христова был столицею вселенной и, с возникновением патриаршеств, имел первенство чести, но за властолюбие и уклонение от истины впоследствии подвергся отвержению и уничижению. Древняя Троя и Древний Египет замечательны тем, что за гордость и нечестие наказаны — первая разорением, а второй различными казнями и, наконец, потоплением фараона с воинством в Чермном море. В христианские же времена, в странах, где находилась Троя, основаны были две христианские патриархии —

Антиохийская и Константинопольская, которые долгое время процветали, украшая Православную Церковь благочестием и правыми догматами; но впоследствии, по недоведомым судьбам Божиим подверглись владычеству варваров — магометан и доселе несут это тяжкое рабство, стесняющее свободу христианского благочестия и правоверия. А в Египте, вместо древнего нечестия, в первые времена христианства такое процветало благочестие, что пустыни его населялись десятками тысяч монашествующих, не говоря уже о численности и множестве благочестивых мирян, от которых они происходили. Но потом, по причине распущенности нравов, и в этой стране последовало такое оскудение в христианском благочестии, что в некоторое время в Александрии патриарх оставался только с одним пресвитером.

В-шестых, после трех знаменательных имен — «Рим, Троя, Египет» — помянуто имя и **России**, которая в настоящее время хотя и считается государством православным и самостоятельным, но уже элементы иноземного иноверия и неблагочестия проникли и внедриваются и у нас, угрожая тем же, чему подверглись вышесказанные страны. Затем следует «Библия»; другого государства не помянуто. Это может означать, что **если и в России, ради презрения заповедей Божиих и ради других причин, оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, то есть в Апокалипсисе св. Иоанна Богослова**.

Справедливо видевший это сновидение замечает, что объяснение, которое ему внушает внутренний голос, ужасно. Страшно будет Второе Пришествие Христово и ужасен последний суд всего міра, но не без великих ужасов будет перед тем и владычество *антихриста*, как сказано в Апокалипсисе: «И в тыя дни взыщут человецы смерти и не обрящут ея, и вожделеют умрети, и убежит от них смерть» (Апок. 9, 6). **Приидет же антихрист во времена безначалия, как говорит апостол,** *«дондеже держай от среды взят будет»* (2 Фес. 2, 7), то есть, когда не будет предержащей власти».

VII.

Прозорливость святых. Прп. Серафим Саровский — о конце міра и об антихристе. Старец Глинской пустыни схиархимандрит Илиодор и его видение «звезд»... «Бдите и молитеся». Слова о. Иоанна Кронштадтского. Знаменательные слова старца Амвросия Оптинского, сказанные им в 1882 или 1883 году. Слова митрополита Филарета Московского архимандриту Антонию.

Зреть судьбы Божии времен ненародившихся, говорить о будущем, как о настоящем, предуказывать грядущие события как гнева, так и милости Божией не может никто даже из гениальных людей; но для праведника, для Божьего угодника, облагодатствованного Духом Святым, завеса над будущим Рукой Всеведущего приоткрывается в мерах, допускаемых Божественным Промыслом для пользы человеческой души и для целей вечного ее спасения во Христе Иису-

се Господе нашем. Тогда к духовным очам святого прозорливца безвидно приближается перспектива вечности и отдаленнейшее грядущее зрится ими, как настоящее.

Таким прозорливцем чина пророческого был преподобный Серафим, чудотворец Саровский.

Не обошел и он, угодник Божий, сказанием своим о тайне антихриста и кончины міра. Вот что было им сказано одной из близких ему по духу Дивеевских первонасельниц — монахинь*:

— Вот, матушка, когда у нас (в Дивееве) будет собор, тогда московский колокол Иван Великий сам к нам придет. Когда его повесят да в первый раз ударят в него и он загудит, — и батюшка изобразил это голосом... — тогда мы с вами проснемся... О, во, матушки вы мои, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху... А народу-то, народу-то со всех сторон, со всех сторон!..

Помолчав немного, продолжал батюшка:

— Но эта радость будет на самое короткое время. Что далее-то, матушка, будет: такая скорбь, чего от начала міра не было...**

И светлое лицо батюшки вдруг изменилось, померкло и приняло скорбное выражение; спустя головку, он поник долу, и слезы струями потекли по щекам его.

Еще говорил Преподобный:

— Когда век-то кончится, сначала антихрист станет с храмов Божиих кресты снимать и все монастыри разорит; а к вашему (Дивееву) подой-

* См. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря.

** Срав. Евангелие Мк. 13, 19.

дет-подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба: ему к вам и нельзя взойти-то, нигде не допустит канавка. Так прочь и уйдет*.

— Я, убогий Серафим, — так еще сказывал Преподобный своим Дивеевским «сиротам», — мог бы обогатить вас, но это не полезно вам. Я мог бы и золу превратить в злато, но не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее время у вас будет изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему.

И еще так говорил Преподобный:

— И какая радость-то будет!.. Но мы не доживем, и я не доживу, как собор-то у вас пятиглавый будет. Только и ты, матушка, не узришь, как это совершится. Какая великая радость-то будет! Среди лета запоют Пасху, радость моя!.. Приедет к нам Царь и вся фамилия. Дивеево-то лавра будет, Вертьяново** — город, а Арзамас — губерния...

После слов этих заплакал Преподобный и сказал:

— Но тогда жизнь будет краткая: Ангелы едва будут успевать брать души. А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю; кто даже

* В Дивеевском женском монастыре, основанном прп. Серафимом, при жизни еще его и по его указанию была сестрами обители выкопана глубокая канава, окружающая в монастыре то место, на котором, по заповеди Преподобного, должны подвизаться одни только девицы. Место это было, по видению Преподобного, обойдено «стопочками самой Царицы Небесной», и где прошли пречистые Ее стопочки, там и выкопана канавка, которой не переступить поэтому и самому антихристу.

**Соседнее с Дивеевым село.

помогать ей будет, и те муки избавлены будут. Канавка же вам будет стеною до небес, и когда придет антихрист, не возможет он перейти ее: она за вас возопиет ко Господу, и стеною до небес встанет, и не впустит его. А колокол-то московский, который стоит на земле у колокольни Ивана Великого, он сам к вам придет и так загудит, что вы пробудитесь и вся вселенная услышит и удивится. — Таковы предсказания преподобного Серафима о конце міра, о временах его и сроках, о судьбе Дивеева и об антихристе. Суди, читатель, насколько исполнились они!..

На юге России еще и в наши дни, такие скудные верою и благочестием, процветала недавно (дай ей, Боже, процветать и теперь!), духовно окормляя своими старцами Христово словесное стадо, святая Глинская пустынь. Подвигом добрым подвизались в ней великие сокровенные, но верным ведомые рабы Божии, старцы-подвижники, и в хвалебном их числе, как солнце среди луны и звезд, сиял духовным разумом, добродетелью и прозорливостью духовидец, схиархимандрит Илиодор, почивший о Господе в конце семидесятых годов прошлого столетия, за несколько лет до мученической кончины Царя Александра II.

Сказывал о нем один из ближайших учеников его, духовник Глинской пустыни, иеромонах Домн*, лично известный составителю настоящего очерка:

---

* Скончался, как слышно, в 1908 году.

«Был у нас в Глинской пустыни высокой жизни старец Илиодор, схиархимандрит на покое, в числе учеников которого был и аз, грешник бедный. Незадолго до блаженной его кончины, за несколько лет до злодейского убиения Государя Александра Николаевича, собрались мы как-то раз, ученики его, к нему в келью. Было это вечером; в келье был полумрак; горели одни лампадки пред святыми иконами... Молча сидели мы при ногу учителеву, ожидая, когда сам Старец нарушит молчание. И вот, восклонил Старец голову, перекрестился, вздохнул и сказал: «Видите вы меня, чадца, скорбна... Читал я, чадца, в дни сии Апокалипсис св. апостола и тайнозрителя Иоанна Богослова. И возжелала душа моя уведать, доколе же Господу угодно будет долготерпеть всё умножающимся беззакониям міра. И был я, чадца, в духе; и се, вижу: восходит от востока на небе звезда великая и пресветлая и вокруг нее звезды яркие и великие. Прошла эта звезда по небосклону и склонилась к своему западу. И был ко мне голос: «Се, звезда Императора Благословенного!» И другую звезду, еще светлее, еще величавее увидел я восходящей на востоке, и вокруг нее звезды светлые. Прошла и эта звезда путь свой и тоже склонилась к своему западу. И тот же голос сказал мне: «се, звезда Императора Николая I». И посем взошла с востока звезда яркая; и был цвет ее, как цвет крови; вокруг же той звезды в спутниках ее были звезды тоже цвета кровавого. И не дошла звезда та до своего запада. Устрашилось серд-

це мое. И голос возвестил мне: «ее, звезда ныне царствующего Государя Александра Николаевича. Насилием сокращены будут дни его: убит будет Царь рукой освобожденного им раба среди бела дня, на стогнах верноподданной ему столицы». И опять увидел я звезду, восходящую с востока, и была та звезда ярче и величественнее всех прежде виденных мною звезд. Но и этой звезды дни сокращены будут. «Се, звезда Императора Александра III», — сказал мне голос... И после узрел я иную звезду...»

И не кончил Старец речи своей, прервал ее и заплакал. Потом, по малом времени, восклонил Старец свою главу и такое молвил великое и страшное слово: «Бдите и молитеся, чадца! нецыи от зде стоящих возжелают смерти, но смерть убежит от них»*.

Напоминать ли нам еще не отзвучавшие в сердцах многих слушателей грозные слова великого молитвенника земли Русской, отца Иоанна Кронштадтского?.. Вот они:

«...По-видимому, скоро наступит день Второго Пришествия Христова, ибо наступило предсказанное в Писании отступление от веры, хотя еще не открылся «человек греха, сын погибели» (Слово на 3-ю неделю В. поста. 5 марта 1907 г.).

«...Снова ли приходить на землю Христу? Нет, — полно глумиться над Богом, полно попирать Его святые законы! Он скоро придет, но придет судить мір и воздать каждому по делам... Может быть, скоро услышим грозную

* Срав. Апок. 9, 6 и проч. той же главы.

весть: «Се Жених грядет в полунощи» (Слово на Благовещение того же года).

Пишущему эти строки батюшка отец Иоанн лично говорил при последнем свидании 14 июля 1906 года в Николо-Бабаевском монастыре:

— Если не будет покаяния у русских людей, — конец міра близок!

Для верных чад Святой Православной Церкви довольно будет и тех свидетельств из уст праведников, которые мною были приведены выше, чтобы убедить их в том, насколько опасно и страшно время, которое мы переживаем, в каком покаянии и трезвении должны все мы проводить теперь дни свои, чтобы иметь чресла своя препоясана и светильники горящи. Только их и имеет в виду этот малый, но с великою любовью составленный труд мой. О, если бы он мог уловить в церковное лоно и тех из стоящих вне ее ограды, в ком еще не совсем погас святой огонь искания чистой истины!..

Но прежде чем отойти нам от святыни Богодухновенных речей великих подвижников Православной веры, я приведу здесь слышанное мною в святой Пустыни от одного из сотаинников великого Оптинского старца, Амвросия, такое сказание:

— **Что-то около 1882 или 1883 года, — точно года не упомню,** — так сказывал мне этот батюшкин современник*, — был я у Старца с ответными письмами для отправки их многочисленным духовным его детям и почитателям.

---

* Он жив еще и доселе, но я не уполномочен назвать его имя.

Вдруг Старец взглянул на меня. — **«Ныне, — говорит, — отец А., настоящий антихрист народился в мiр!»** — И, увидав мое недоумение и испуг, Старец вновь повторил мне ту же фразу.

О смысле и значении фразы этой суди сам, боголюбивый читатель!.. Таков голос о переживаемых нами временах и сроках православных пастырей и учителей деятельного подвижнического христианства. Мы не ошибемся, — кажется нам, — если скажем, что голос этот исшел от всего того, что может быть наименовано истинною солью Православной Христовой Церкви, той солью, которая еще «не обуяла» и не выкинута вон «на попрание людям». Не грозный ли это набат во все церковные колокола, зовущий к покаянию, бьющий странную тревогу ввиду надвинувшейся уже на Россию и с нею на весь мiр величайшей «скорби, какой не бывало от века, и не будет»?..

Чтобы положить печать конечной истинности на свидетельство праведных прозорливцев, которое приведено нами выше, мы дополним его словами величайшего церковного авторитета Русской Церкви, митрополита Московского Филарета.

«1867 года 1 октября, — так сказывал архимандрит Антоний, наместник Троице-Сергиевой Лавры, — за полтора месяца до кончины великого Московского святителя Филарета, был я у него с докладом...

— Видно, я скоро умру, — сказал мне Святитель, — в уме моем чувствую просвещение...

Боюсь самообольщения. Вижу я страшную тучу, идущую от Запада на Церковь и на Россию; но чем она разрешится, не вижу...»*

В конце 70-х годов прошлого .столетия, десять лет спустя по кончине Святителя, «разрешение» тучи дано было видеть старцам — Амвросию Оптинскому, Илиодору Глинскому и Иоанну Кронштадтскому. У нас имеются свидетельства, что зрение это было дано и многим другим праведникам; но, по слову Божию, довлеет нам этих трех современных нам свидетелей, чтобы подтвердилось и слово наше на пользу и укрепление веры возлюбленных братий наших по вере Христовой.

VIII.

В. С. Соловьев о кончине міра и об антихристе. В. Л. Величко о В. С. Соловьеве.

Теперь, как видели мы, голос Православия — истинный глагол Божий — стал голосом и западных Церквей. Особняком как лишенная таинств Апостольской Церкви еще держится Лютерова ересь, но и в ней вопрос об антихристе становится, по-видимому, в разряд вопросов наиболее жгучих и современных.

Ожидание близкого явления антихриста и кончины міра от предстоятелей Христовой Церкви перешло в умы и сердца наиболее чутких представителей мирской философской мысли,

* Архимандрит Антоний был духовником митрополита Филарета и личным другом и сотаинником. Слова эти извлечены из Записок игумении Евгении Озеровой (Московского Страстного Монастыря).

не порвавшей связи с Церковью, Глава коей Христос, без Которого «не может человек творити ничесоже»*. Таким чутким представителем философского умозрения, сохранившим связь с христианством, бесспорно, можно считать покойного Владимира Сергеевича Соловьева, имя которого как философа известно не в одной только России, но и во всем образованном міре. В высокой степени знаменательно, что завершительный момент его творческой деятельности вознес его до высот эсхатологического** прозрения, чрезвычайно ярко выразившегося в его предсмертном творении «Три разговора». Главный предмет, о котором трактует это творение — всемирно объединяющая **власть антихриста**, выросшая на **столкновении и смешении** исторических **добра и зла**, царящих над массой человечества. Какое значение придавал почивший мыслитель этому своему творению, видно из заключительных слов предисловия к нему. «Разнообразные недостатки, — так пишет он в заключении своего труда, — и в этом исправленном изложении достаточно мне чувствительны, но ощутителен и не так уже далекий образ бледной смерти, тихо советующий не откладывать печатания этой книжки на неопределенные и необеспеченные сроки. Если мне будет дано время для новых трудов, то и для усовершенствования прежних. А нет — указание на предстоящий исторический исход нравственной

---

* Ин. 15, 5.

** Эсхатологией называется богословское учение о кончине міра.

борьбы* сделано мною в достаточно ясных, хотя и кратких чертах, и я выпускаю теперь этот малый труд с благодарным чувством исполненного нравственного долга».

До какой степени почивший философ, при всей его громадной учености и дивной ясности из ряда выходящего ума, был объят идеей и предчувствием близости царства антихриста, это с редкой силой и живостью изображено другом его, Василием Львовичем Величко**, в его монографии «Владимир Соловьев. Жизнь и творения».

Вот что пишет он:

«Приблизительно за месяц до смерти, во второй половине июня 1900 года, сидя вечером у меня, Соловьев вдруг отвел меня в сторону и высказал, что в последнее время он охвачен особенно напряженным религиозным настроением, что ему хотелось бы при этом помолиться не в одиночестве, а присутствовать с другими людьми на богослужении. Я ему ответил, конечно, что надо радоваться этому приливу высокого чувства и пойти в церковь. Ответ его мне показался странным в ту минуту:

— Боюсь, что я вынес бы из здешней церкви некоторую нежелательную неудовлетворенность. Мне было бы даже странно видеть беспрепятственный, торжественный чин Богослужения. Я чую близость времен, когда христиане

* Добра и зла, явление антихриста и конец міра.

** Пережившим Соловьева не более как года на два или на три. Достойно внимания, что и Соловьев и Величко умерли в молодых еще годах и полном расцвете физических и духовных сил. Таинственна и загадочна была смерть эта.

будут опять собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима, — быть может, менее резким способом, чем в нероновские дни*, но более тонким и жестоким: ложью, насмешкой, подделками, — да и мало еще чем... Разве ты не видишь, кто надвигается? Я вижу, давно вижу...

Голос у него дрожал, в глазах была видна глубокая скорбь; исхудалое лицо и руки в черных перчатках (он тогда еще не совсем вылечился от нервной экземы) — все это производило тяжелое впечатление. Я тогда приписал болезни его последние слова. Потом я вспомнил, что слышал их далеко не в первый раз и слышал в такие минуты, когда не могло быть и речи ни о малейшем нездоровье, ни о каком бы то ни было нервном подъеме.

Еще лет восемь тому назад** он говорил о предстоящем пришествии антихриста, — сперва коллективного, а затем воплощенного в отдельном лице, — с тем же научным спокойствием, с каким геолог говорил бы о смене формаций или метеоролог о неизбежных климатических переменах. Он об этом не только говорил, но и писал, причем сперва у него проскальзывали указания на факты, которых он открыто еще не называл антихристовыми; затем

* В этом Соловьев ошибался: стоит только припомнить, что в Барселоне (в Испании) творили ученики и слуги масона Феррера, когда им удалось устроить в 1909 году забастовку и бунт в этой несчастной провинции. Не меньшими злодействами против исповедников Христовой веры отличилась и так называемая Португальская революция 1910 года.

** В 1893–1894 годах.

он употреблял это слово как нарицательное для группы характерных явлений и наконец написал в известных «Трех разговорах» прямо уже «Повесть об антихристе». Любопытно, что он однажды, прочитав приятелю в рукописи эту повесть, спросил его внезапно:

— А как вы думаете, что будет мне за это?

— От кого?

— Да от заинтересованного лица. От **самого**!

— Ну, это еще не так скоро.

— Скорее, чем вы думаете.

Приятель Соловьева, рассказавший мне это, и сам тоже немножко мистик, подобно всем верующим людям, добавил потом не без волнения:

— А заметьте, однако; через несколько месяцев после этого вопроса нашего Владимира Сергеевича не стало: точно кто вышиб этого крестоносца из седла.

Для характеристики почившего писателя, — продолжает В. Л. Величко, — вопрос о конце міра представляет особый интерес. Уже несколько лет тому назад он высказал мне глубокое убеждение в том, что последние времена близки. Главным признаком этого он считал современный фазис философской мысли, которой будто бы мудрено сказать что-либо действительно новое. В остальном, — в головокружительном техническом прогрессе, наряду с успехами анархии и буржуазным очерствением человечества, — он усматривал признаки, предсказанные Апокалипсисом.

Ему возражали, что Евангелие еще не принято всеми народами, а потому человечество, очевидно, не созрело до конца времен. Он отвечал, что условием этого последнего, согласно Писанию, будет не принятие, а лишь проповедание Евангелия всем народам, — а это, мол, уже почти завершено, так как нет неизведанных уголков земного шара, где бы не побывали миссионеры... От одного известного геолога и почвоведа я слышал однажды и передал Владимиру Соловьеву возражение, что с точки зрения геологической земля, мол, не готова для предсказанной Писанием катастрофы. Почивший мыслитель расхохотался:

— Мы — не рабы, а господа земли. Что годится для эволюциониста, то мне кажется пустяками. Представь себе, что четверо почтенных людей играют в винт, а в это время начинается пожар в квартире; неужели они скажут: не время, рано еще, мы не кончили последней партии?.. Для решения вопроса о кончине міра степень «зрелости» земной коры имеет не большее значение, чем партия винта.

Владимир Сергеевич признавал мечты о всеобщем прогрессе и т. д. не бесполезными с точки зрения подъема человеческой энергии, но сам-то считал это вздором, противоречащим христианскому учению, которое находит, что мір «лежит во зле»...

Мысль о близости всеобщего конца с каждым годом все более охватывала почившего мыслителя, высказывал он ее все более резко и нервно».

«Наступающий конец міра веет мне в лицо каким-то явственным, хотя неуловимым дуновением, — как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух прежде, чем увидит море», — так писал Соловьев в одном из писем своих к Величко еще за несколько лет до появления в печати его «Трех разговоров», вызвавших столбняк недоумения у большинства читающей публики, не знавшего да и теперь — увы — не знающего, какой огромный пролом в стене, скрывавшей великую беззакония тайну, сделала небольшая по объему статья эта.

IX

Киевская комета 1882 года. Тринадцатилетнее царствование Александра III. Его значение. Скорбь России. «Мир во зле лежит». Мудрость века сего как борьба против Бога.

Теперь — нечто из области личных моих впечатлений, которые, мне кажется, тоже до некоторой степени не лишены интереса для моего читателя.

Тому назад двадцать девять лет, стало быть, в 1882 году, спустя год после безумно-кровавого злодеяния, жертвою которого пал человеколюбивейший Государь Александр-Освободитель, и за год до Священного коронования Александра-Миротворца, я был в Киеве. Стояли чудные сентябрьские дни, на которые так щедра бывает иногда наша южнорусская осень. Уличная киевская жизнь кипела и била ключом: весь Киев от мала и до велика жил на улице; особенно Крещатик бурлил и шумел веселой, ожив-

ленной и впечатлительной толпой, той южной толпой, какой не встретишь обычно на городских улицах нашего севера. Под жарким солнцем юга родятся, растут и созревают характеры совсем иного типа, чем те, которыми дарит нас наше тусклое, туманное, холодное небо.

В те дни я был православным только по имени: довольно сказать, что прожив в Киеве, этой колыбели родного Православия, два с половиною месяца, я за все время своего пребывания в такой близости от благоухания лаврской святыни ни разу не был не только в Лавре, но даже и в церкви. И тем не менее я именно в Киеве и в те самые дни получил впечатление от одного события, которое мне особенно врезалось в памяти и которому впоследствии суждено было стать предметом моего христианского размышления.

Событие это было — комета; блестящая, яркая, огромная комета, появившаяся внезапно на юго-западном, помнится мне, горизонте киевского неба.

Теплыми осенними ночами весь Киев собирался к памятнику Св. Владимира наблюдать это таинственно-грозное небесное явление. От этого памятника оно особенно хорошо было видно во всей его ослепительно-величавой, устрашающей красоте.

Величественное и жуткое было это зрелище!..

Но скоро у пылких южан прошло увлечение этими наблюдениями, прошло так же скоро, как и возникло, — и сквер, разбитый у ног

Св. Владимира опустел настолько, что в период наибольшего расцвета этой небесной красоты почти все скамейки сквера были пусты: две-три темные фигуры наблюдателей да я четвертый — вот и все, кто из всего многолюдного Киева к тому времени не утратил интереса к блуждающей в бесконечном мировом пространстве неожиданной гостье киевского небосклона.

Двадцать девять лет прошло уже с тех дней, а грозное небесное явление еще и теперь перед моими глазами, что-то стихийное и страшное знаменуя, что-то великое и, как смерть, неотразимое предвозвещая.

И тогда, в те памятные киевские дни, комета эта не казалась мне чем-то случайным, как простое астрономическое явление, без влияния на жизнь не только планеты нашей, но и духа человечества, ее населяющего: история моей родины, как и мировая история, напоминала мне, что человеческое сердце не без оснований привыкло с незапамятных времен соединять с появлением на небе хвостатого знамения тяжкие предчувствия каких-то неведомых, но неизбежных угроз, сокрытых в таинственном грядущем. Конечно, человеку такого настроения, каким я был тогда, и в голову не могло прийти при наблюдении над дивным небесным знамением, что оно может иметь то или другое прикровенное значение для грядущих судеб Христовой Церкви на земле; но тем не менее сердце мое, помню, было смущено ожиданием чего-то, что грозящим призраком

скорбей и бед неясно для меня восставало в туманной дали будущего родины.

Тринадцатилетнее царствование великого Государя, в начале которого мною наблюдалась в Киеве комета, не оправдало моих предчувствий: Россия достигла в его дни такого величия, такой славы, перед которой померкла вся слава міра; слово Державного властителя православных миллионов заставляло подчиняться себе все, что могло быть втайне враждебно России; а явно враждовавшего на Россию не было — оно исчезло, скрылось в подполье сатанинских замыслов и на свет Божий показаться не дерзало. Только раз за все это безмятежное царствование подпольная злоба осмелилась прорваться наружу, но одного слова Венценосного Самодержца было довольно, чтобы отправить ее обратно в то подполье, из которого она осмелилась выйти. Подполье это была Англия; дерзновенная попытка нарушить мир Миротворца — столкновение англичан за спиною у афганцев под Кушкой, на нашей границе с Афганистаном.

Люди, имеющие много досуга, могут сколько угодно спорить и препираться между собою о значении для России этого великого царствования; для нас, православных подданных нашего Царя, плоды этого царствования были налицо: Россия и ее Царь-Миротворец были для всего міра частью того целого, что св. апостолом Павлом именовано словом *«держай»* — тем державным началом, которое в своей железной деснице содержало в повиновении и страхе все

политические стихии міра, со времен французской революции обнаружившие явную склонность к анархии, т. е. к безначалию. Державное это начало тем более подходило под определение апостола, что оно почивало всецело на ином, еще более высоком принципе, — на происхождении своем от Бога в Таинстве Помазания на царство царя земного от Царя Небесного по вере православной во Христа Господа, Искупителя міра. Для православного русского, верного сына Церкви, тем и важно и многоценно было это незабвенное царствование, что оно в лице России было истинным торжеством православного христианства над непросвещенным Христовой верой міром, отступившим от вечной Истины — Христа Господа.

Таково мировое значение царствования Александра III.

Не то ли предвозвещала киевская комета? Блестящее светило южной ночи не знаменовало ли собою тринадцатилетнего могучего блеска России? Не обмануло ли меня мое предчувствие?.. Допросите сердце России. Что оно ответит вам?

А вот что оно вам ответит, и ответ этот запечатлен, как свидетель неложный и неподкупный, в стенах Петропавловского собора: из серебра всенародной слезы слилось все то великое множество венков, которыми народная скорбь об утрате Великодержавного оковала не только гробницу его, но и всю усыпальницу наших Государей в твердыне крепости св. Первоверховных Апостолов. Не было в России ни

одного сколько-нибудь значительного местечка, ни одного содружества, которые бы не прислали на гроб великому Государю знака своей неутешной скорби об утрате того, в ком все, что было истинным сердцем России, привыкло видеть незаменимого хозяина, воплотившего в одном своем лице всю богатырскую историю Отечества, весь смысл и значение Русского народа. Скорбь об усопшем Царе была истинно скорбью всенародною. Россия дрогнула и застонала, точно в предчувствии чего-то неотвратимо-грозного, что могла бы остановить только та державная рука, которой не стало.

В те скорбные дни я все еще был питомцем либеральных веяний шестидесятых годов и все еще продолжал жить в отчуждении от великих и святых идеалов моего народа; но и меня сразила весть о кончине Царя-Богатыря, и мое сердце вострепетало. И то же чувство скорби испытывалось вокруг меня решительно всеми — людьми всех званий, всех состояний, всех партий, хотя того, что теперь именуют партиями, в то время, слава Богу, еще не существовало.

И тут я впервые в своей жизни почувствовал и уразумел сердцем, что в великие исторические моменты народной жизни глас народа бывает, действительно, гласом Божиим.

И сердце России скорбью об утрате великого своего Богатыря ответило и моему сердцу: предчувствие мое стало предчувствием всенародным.

Блуждающее светило ночи не предвозвещало доброго.

«Егда рекут мир и утверждение, тогда внезапу нападет всегубительство».

Мир был, мир охранялся могучей рукой, великодушным сердцем.

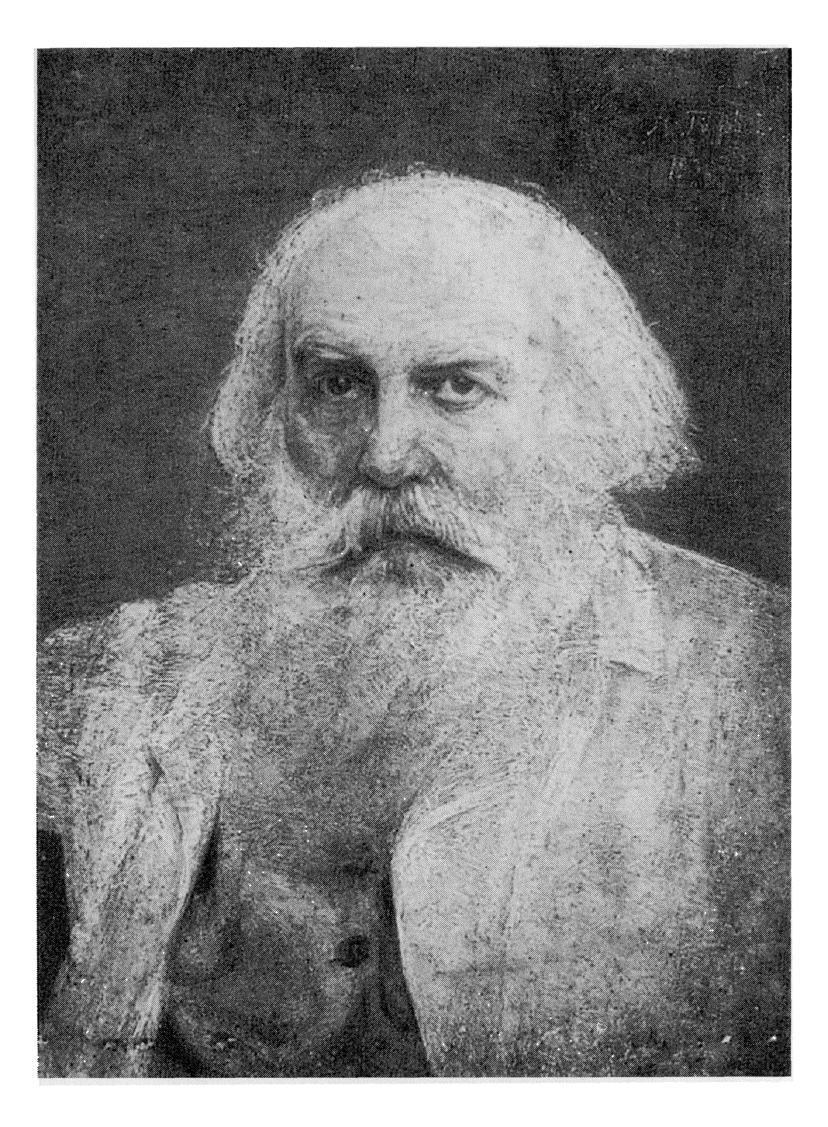
Умерло сердце, бессильно опустились могучие руки...

Вечная память! вечная память! вечная память!.. Кончина великого Царя была зарей и моего духовного возрождения. Держась принципов, враждебных всему духу царствования Александра III, отчего я не порадовался, а наоборот, отчего дал я безотчетной, но жгучей скорби водвориться в сердце, казалось, неприязненном всему тому, чем так велико было окончившееся царствование?

Непонятное стало ясным, когда в исканиях истины я обратился к матери Церкви: от нее, от духа ее, я получил свое возрождение в жизнь новую, от нее приобрел разумение земного и горняго в тех пределах, которые доступны ограниченному уму человеческому, и моему в частности. Тайна за тайной стали открываться моей человеческой немощи, в которой совершалась великая сила Божия, и только в этой силе великой **я и познал, что міp и вся яже в міре, — былое, настоящее и будущее, — могут быть уяснены и постигнуты во всей сущности только при свете Божественного Откровения** и тех, кто жизнь свою посвятил ему на служение в духе и истине, в преподобии и правде. И вот, из этого чистейшего источника я узнал впер-

вые, что на земле нет и не может быть абсолютной правды, что была такая правда на земле, но Тот, Кто был сама Истина, распят на кресте; что мір во зле лежит, что он и все его дела осуждены огню; что будет некогда новое небо и новая земля, где будет обитать правда, но что перед водворением этого Царства правды под новым небом и на новой земле должен явиться антихрист, который будет принят евреями как мессия, а міром — как царь и владыка вселенной. А затем перед моими духовными очами, просветленными учением Церкви и ее святых, стали открываться картины прошедшего, настоящего и даже будущего в такой яркости, в такой силе освещения внутреннего смысла и значения мировых событий, что перед яркостью их потускнела и померкла вся мудрость века сего, ясно открывшаяся мне, как борьба против Бога, как апокалипсическая брань на Него и на святых Его. Как мне открылось это, читатель мог видеть из предшествующих глав настоящего очерка, увидит и из последующих, если только не закроет намеренно или предубежденно духовных очей своих.

Текст книги Сергея Нилуса «**Великое в малом. Записки православного**» публикуется по изданию Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. Сергиев Посад, 1911.



Сергей Александрович Нилус.
Живописный портрет. 1928

Вид Дивеевского монастыря. Начало XX века

Первоначальница Дивеевского монастыря матушка Александра (Мелюкова)

Икона Божией Матери «Умиление»,
перед которой скончался отец Серафим

Николай Александрович Мотовилов,
служка Божией Матери и Серафимов

Последняя игумения Дивеевского монастыря, матушка Александра (Траковская)

Блаженная Паша Саровская

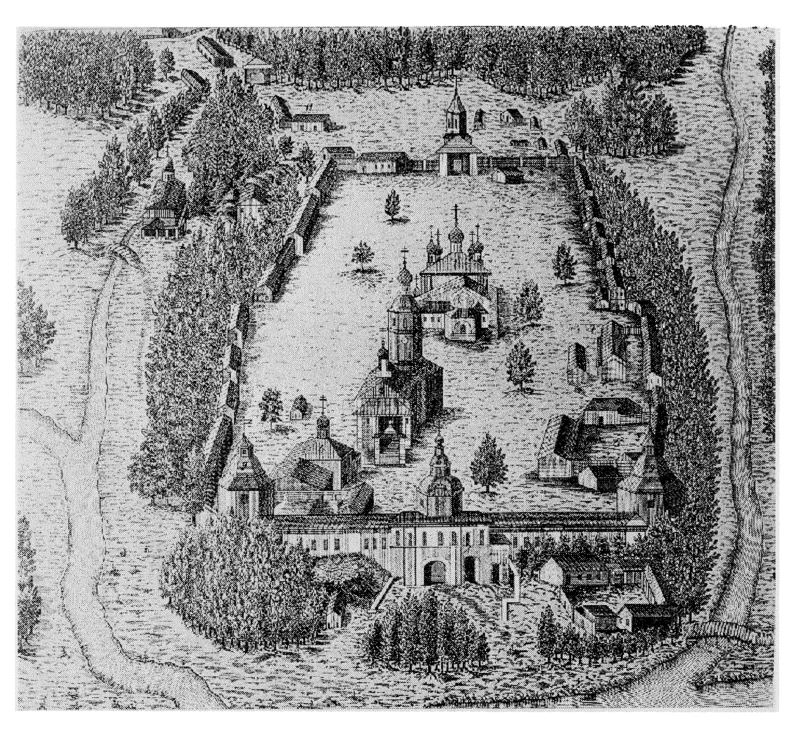
Саровские торжества

Встреча Государя Императора Николая II с народом во время Саровских торжеств

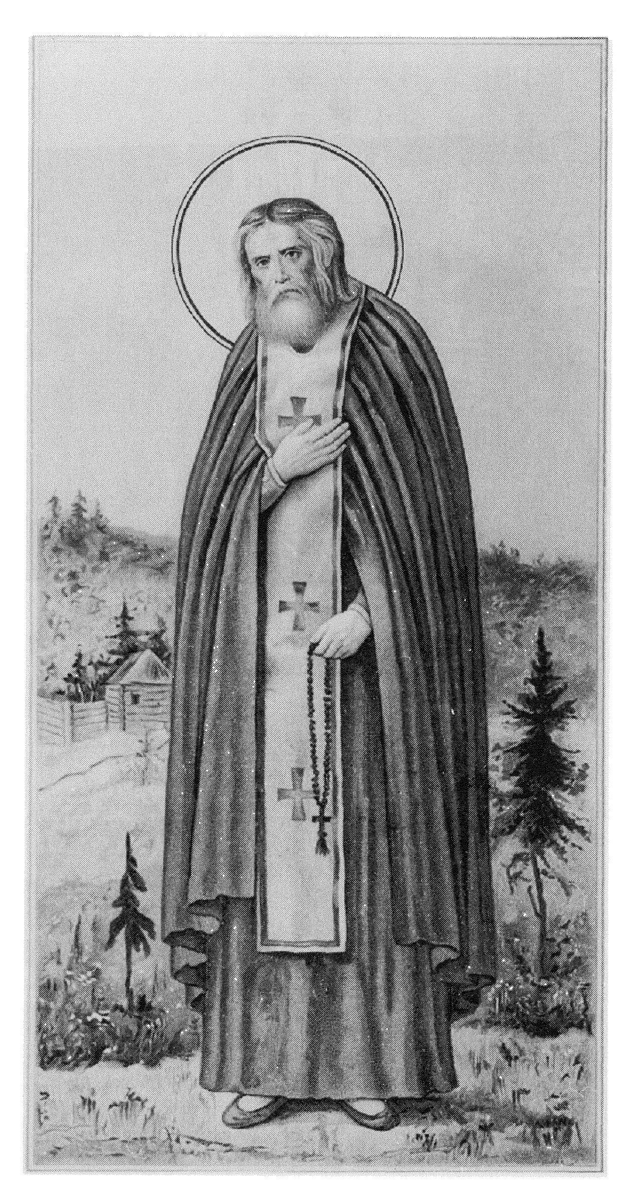
Государь Император
Николай II

Изнесение святых мощей
преподобного Серафима Саровского

Икона Божией Матери «Феодоровская» с припа́дающими святыми Митрополитом Московским Алексием и преподобным Серафимом Саровским. Феодоровский Государев Собор в Царском Селе



Вид Саровской пустыни. 1764



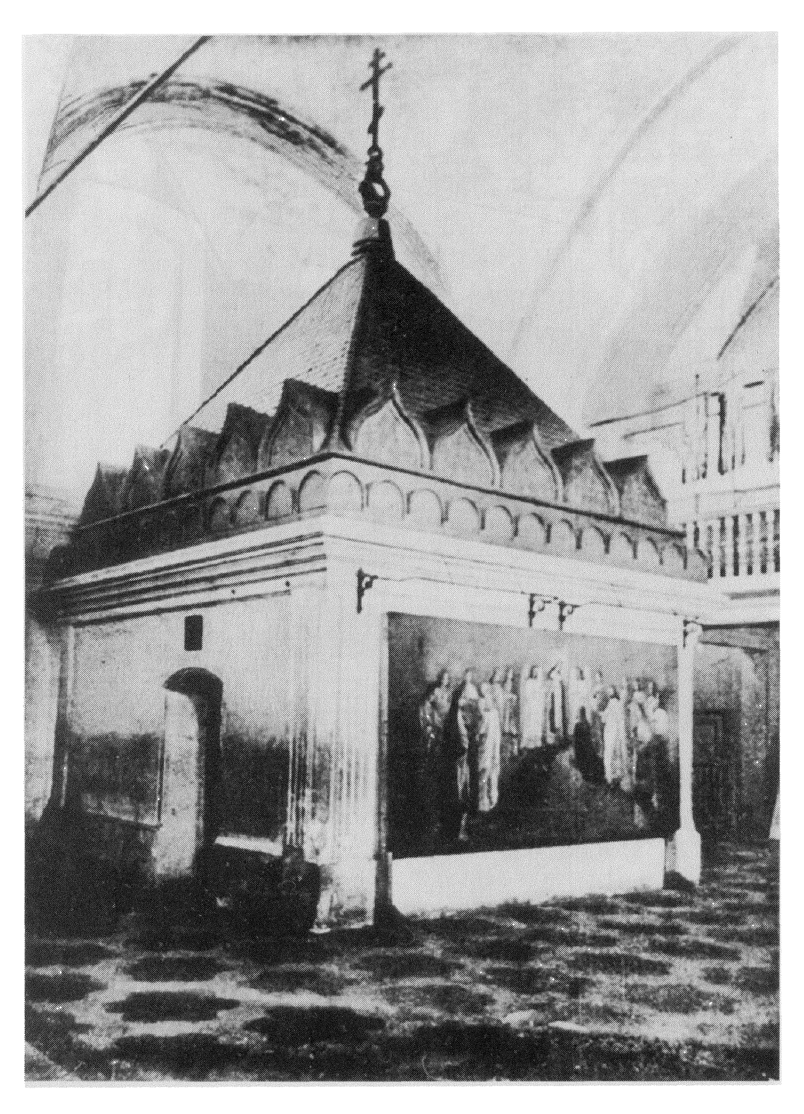
Преподобный Серафим Саровский.
Иконное изображение. 1904

Внутренний вид Саровской пустыни.
Начало XX века

Успенский собор Саровского монастыря, где покоились святые мощи преподобного Серафима →

Дальняя пустынька Старца в Саровском лесу

Ближняя пустынька Старца невдалеке от обители



Келлия преподобного Серафима,
ставшая с 1901 года алтарем
Троицкого собора в Сарове

*Кончина батюшки Серафима
пред образом Божией Матери
«Умиление»*

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПАША,
САРОВСКАЯ ЮРОДИВАЯ

(Полное жизнеописание подвижницы)

Из посетителей Дивеевской обители кто не слыхал о Паше Саровской, кто не удивлялся ее странностям, кто не поражался ее речами, полными и детской наивности, и проникновенной мудрости, граничащей с прозорливостью.

Здесь мы решились представить краткий очерк жизни этой замечательной личности.

Паша, в міру Ирина, родилась в селе Никольском Спасского уезда Тамбовской губернии и была крепостною крестьянкою господ Булыгиных. Когда девице минуло семнадцать лет, ее против желания и воли выдали замуж за соседа, крестьянина Федора. Покорясь безропотно родительской и барской воле, Ирина вошла в семью своего мужа и сделалась примерной женою и хозяйкою. Родные мужа любили ее за кроткий нрав, услужливость, почтительность и трудолюбие. Большая домоседка, Ирина чуждалась деревенского общества и весь свой досуг посвящала молитве. Так прошло пятнадцать лет тихой

семейной жизни. По прошествии этих годов помещики Булыгины, нуждаясь в деньгах, продали Ирину с мужем соседним господам Шмидт. С этого времени начинается печальный период в жизни Ирины. Несчастья за несчастьями, как громовые удары, обрушиваются на голову этой женщины, и только глубокая религиозность спасает ее от отчаяния. Быть может, тоска по родному селу, быть может, непосильная барщина свела в могилу мужа Ирины. Господа Шмидт решили было вторично выдать Ирину замуж, но она наотрез отказалась: «Хоть убейте меня, а замуж больше не пойду». Видя ее непреклонность, помещики оставили ее в покое и сделали ее дворовою. Практичные немцы, они скоро заметили ее трудолюбие и честность и поручили ей наблюдать за домом. Но тут-то и стряслась беда над Ириною: пропали два господских холста. Прислуга, недолюбливавшая Ирину за ее честность и прямоту, показала, что кража — дело рук Ирины. Гнусная клевета имела успех: не разобравшие как следует дело помещики Шмидт решили примерно наказать мнимую воровку. В то темное, бесправное время суд и расправа с крепостными были строги и жестоки. По просьбе господ приехавший становой отдал приказ своим солдатам побить Ирину, а эти последние в излишнем усердии порвали ей уши и пробили голову.

Несчастье действует на людей различно смотря по степени их ума, а главное — нравственных сил: одних оно убивает, повергает в апатию или ожесточает. Это люди со слабою

волею, тратящейся на исполнение мелких прихотей, изменяющей им тогда, когда нужно бороться и терпеть, или это люди с узким и не вполне развитым умом, люди, не способные обсуждать своего положения, люди, выводящие общие правила из мелких случайностей и считающие себя какими-то несчастными избранниками, жертвами, гонимыми роком. Их бессильная злоба на то, что они называют судьбой, кажется им законным и великим чувством, и они всецело отдаются пороку. Других людей несчастье возвышает и очищает. В них спят несознанные ими самими душевные силы; чтобы пробудить эти силы, нужен иногда сильный толчок, который, разрывая связь человека с окружающим его внешним міром, принудил бы его оглянуться на себя и привести в известность свое внутреннее достояние. Таким толчком бывает несчастье. После него люди становятся любвеобильнее к другим: они полнее понимают чужие страдания и живее сочувствуют чужим радостям. Только таких людей и можно назвать людьми крепкими и нравственно здоровыми.

Если бы мы захотели теперь глубже заглянуть в душу Ирины и воспроизвести духовный облик этой изможденной страдалицы и самую внутреннюю жизнь ее, то, как на самые выдающиеся черты, характеризующие ее духовное настроение, мы должны указать на ее полнейшую кротость и всецелую преданность воле Божией. Да, в сердце ее теперь жил один Бог, кроткий, любящий, справедливый. Міръ с его злобою, ненавистью, несправедливостью потерял для

нее всякую цену. Ирине хотелось бы уйти туда, где Бог ближе к человеку и человек к Богу. И вот, влекомая религиозным чувством, она убегает от господ «нехристей» и уходит в Киев. Здесь, в сумрачных пещерах, при гробах подвижников-страстотерпцев чистая душа несчастной женщины нашла и покой и отраду. Но недолго продолжалось это блаженство. Господа Шмидт не могли равнодушно отнестись к побегу Ирины: с ее уходом они потеряли трудолюбивую и умелую прислугу. Не мудрено поэтому, что начались розыски, и полиция обнаружила местопребывание Ирины. Ее схватили и, как беглянку, прежде посадили в острог. Что представляли из себя тогдашние тюремные помещения и что должна вынести в них несчастная женщина, об этом едва ли нужно и распространяться. Об этом можно судить по тому, что всего каких-нибудь двадцать лет тому назад на тюремные помещения обратили надлежащее внимание. А раньше на них или просто не обращали никакого внимания, или спешили поскорее как-нибудь отвязаться от случайно возникавших вопросов. Тюрьмы представляли собой по большей части подвальные темницы, где содержались вместе и арестованные мужчины, и женщины; везде невероятная грязь и полное отсутствие мало-мальски сносного воздуха; прибавьте к этому циничность мужчин-арестантов, невероятную грубость тюремного начальства и служителей, и вы поймете, что должна была вытерпеть несчастная заключенница. Неизвестно, сколько времени томилась здесь Ирина, по распоряжению полиции

ее решено было отправить этапным порядком на родину. Путешествие предстояло не из легких. На этапных арестантов обыкновенно надевали железные нагрудники, которые летом обжигали, а зимою обмораживали руки и которые, по меткому выражению одного писателя, были «не в человеческую силу и не в лошадиную стать». Но вот страдание, по-видимому, окончилось. Ирину привезли к ее господам. Те, чувствуя свою вину и желая загладить свою жестокость, простили ее побег и сделали ее огородницей. Два года прослужила им Ирина верою и правдою, но она уже была не та, что раньше: киевские впечатления глубоко залегли в ее душу, ее снова потянуло к безмолвным пещерам, к старцам-отцам, которые сумели умиротворить ее смущенную душу. Сильно горело и билось в ней сердце любовью к духовной жизни, и вот она, несмотря на все пережитые ужасы тюрьмы и шествия по этапу, не выдержала и вторично убежала от своих помещиков. Снова начались полицейские розыски, и снова Ирину нашли в Киеве. Тем же порядком, с теми же злоключениями Ирину препроводили на родину. Господа встретили ее сурово и жестоко обошлись с ней. Разутую, полураздетую, без куска хлеба ее выгнали на улицу и запретили показываться на глаза.

Идти ей теперь в Киев, конечно, было непосильно и даже бесполезно в духовном смысле; участь ее решилась, и при помощи прозорливых подвижников Киевской Лавры она знала волю Божию... Несомненно, эти духовные отцы благословили ее на юродство ради Христа.

Пять лет она бродила по селу как помешанная, служа посмешищем не только детей, но всех крестьян. Тут она выработала привычку жить все четыре времени года на воздухе, голодать, терпеть и стужу и зной.

За неимением личных сведений от блаженной Паши, мы не можем сказать, где она жила до переселения в саровский лес, или она прямо удалилась туда из господской деревни. Несомненно одно, что в Киеве она приняла тайный постриг с именем Параскевы и оттого называет себя Пашей.

В саровском лесу она пребывала, по свидетельству монашествующих в пустыни, около 30 лет, жила в пещере, которую себе вырыла.

Говорят, что у нее было несколько пещер в разных местах обширного непроходимого леса, переполненного хищными зверями и медведями. Ходила она временами в Саров, в Дивеев, и ее часто видели на саровской мельнице, куда она являлась работать на живущих там монахов.

Безропотно переносила она здесь много различных лишений. Притерпелась и к одиночеству, и к ночным страхам, какие так естественно испытывать человеку в дремучем лесу среди непроглядной тьмы ночи. Пройдет, прокричит зверь, сломится ветка, зашумит буря в лесу, грянет гром, ливень забарабанит по листьям девственного саровского леса — все пугало и наводило страх. Кроме этих естественных страхов, было немало и необычных, которые наводил на подвижницу враг рода человеческого. Но все терпеливо переносила подвижница.

Не ушла она со своего поста, что ни случалось с нею.

Терпеливо несла она и труды, которые были необходимы для пропитания себя.

Необычайные лишения и молитвенные труды Паши походили на покаянный подвиг Марии Египетской, да и самый вид ее напоминал египетскую отшельницу. Окрестные крестьяне и странники, приходившие в Саров, глубоко чтили подвижницу; прося ее молитв, они приносили ей пищу и деньги, а она тотчас же раздавала это неимущим. Недобрые люди напали на подвижницу, надеясь найти у нее много денег. «Нет у меня денег», — отвечала разбойникам Паша.

«Нет у меня денег», — какие это чудные, золотые слова! Как они опять приближают Пашу к древним подвижникам и подвижницам! Многие из древних иноков не только не имели денег, но даже умирали, не видав их ни разу. Один сенатор, став монахом, не желая добывать хлеб насущный своими собственными руками, оставил у себя нечто из имущества. Святой Василий Великий сказал об этом сенаторе-монахе: «И сенатора ты потерял, и монахом не сделался».

У одного монаха после его смерти нашли сто златниц, которые он добыл, прядя лен. По суду старцев-монахов он лишен был погребения. Монах, взявший от мирянина три номисмы, отлучен был святым Григорием от Причастия. В обители преподобного Феодора Студита умер монах Василий, оставив после себя два сребреника. Это считалось таким грехом, что в обители назначена была особая молитва за умершего. И русские иноки

держались этих древних правил. У одного инока в обители Дионисия Глушицкого после смерти нашли десять небольших монет. Преподобный игумен, по примеру древних подвижников, приказал бросить эти деньги в гроб умершего в обличение ему. Иноки, испуганные страшным зрелищем, пали к ногам своего учителя и едва умолили изменить наказание. Деньги вынули из гроба и выбросили их вон из монастыря в грязное место, чтобы никто не смел к ним прикоснуться. Были и другие подобные примеры. И как понятно все это... Если всякому желающему быть совершенным заповедано Христом Спасителем идти продать свое имение и раздать нищим все до последней копейки, то иноку ли, отрекшемуся от міра и произнесшему пред Богом и людьми обет добровольной нищеты, собирать и копить деньги? Не будет ли это возвращением на «прежнюю блевотину»? «Закон уст Твоих для меня лучше тысяч злата и сребра», — вот что должны всегда помнить инок и инокиня.

Но возвратимся к Паше. Разбойники сильно избили ее, так что она лежала вся в крови. Целый год она была между жизнью и смертью, но потом оправилась, хотя последствия побоев не прошли совершенно. Боли проломленной головы и опухоль под ложечкой мучают ее постоянно, хотя она, по-видимому, не обращает на это никакого внимания и только изредка говорит себе же: «Ах, маменька, как у меня тут болит! Что ни делай, маменька, а под ложечкой не пройдет!»

Несмотря на тяжесть одинокой жизни и сопряженные с нею опасности, Паша долгое вре-

мя не хотела оставить своего лесного уединения. Очевидно, пустынная жизнь как нельзя более отвечала ее духовным потребностям, ее любви к Богу, ее стремлению к самоусовершенствованию. Да, пустыня — великая школа для подвижника!

В пустыне все располагает отшельника или отшельницу к Богомыслию. Ясный день, который в міре так часто манит людей на гулянье и развлечения, отшельнику говорит о любви Отца Небесного, Который солнце Свое посылает светить и злым и благим. Леса, воды, птицы, звери — все это располагает отшельника к служению Богу. Он смотрит на деревья и думает: «Эти деревья растут все выше и выше от земли; мне ли, созданному Господом для неба, пресмыкаться сердцем по земле?» Смотрит на ручей и думает: «О, если бы и моя жизнь текла так мирно, так светло, как течет этот ручеек! О, если бы камни преткновения и соблазна не возмущали души моей, как не возмущают ручейка камни, лежащие на дне его!» Смотрит на птиц небесных, слышит, как они с раннего утра до позднего вечера поют песнь своему Создателю, и думает: «Я ли, ради которого Слово Божие стало плотью, я ли перестану возносить слово хвалы и благодарения своему Творцу, Промыслителю и Искупителю». Так, пустыня и лес — лучшее место для молитвы и Богомыслия, и вот поэтому-то долгое время не расставалась с ними Паша.

В Дивеевский монастырь она пришла осенью 1884 года, и здесь-то обнаружился воочию всех

присущий ей дар прозорливости, хотя и прикрытый иносказательным образом. Подойдя к воротам монастыря, Паша со всего размаха ударила по столбу и проговорила: «Вот как сокрушу этот столб, так и начнут умирать, успевай только могилы копать». И что же? все увидели, что слова ее были вещими.

Вскоре умерла инокиня Пелагия Ивановна, несшая, как и Паша, тяжелый подвиг юродства Христа ради и имевшая огромное нравственное влияние как на инокинь Дивеевских, так и на мирян. За ней умер монастырский священник, а потом одна за другой несколько монахинь, так что сорокоусты не прекращались в течение целого года, а выпадали и такие дни, что хоронили и по две монахини за раз.

В настоящее время Паша поселилась в отдельном домике, расположенном близ монастырских ворот. В ее келлии стоит большая деревянная кровать с огромными подушками, но подвижница пользуется ею не для себя. Здесь покоятся ее куклы. Куклы свои блаженная любит, как малое дитя. Она с нежностью ухаживает за ними, кормит, моет, обшивает и наряжает их. Есть кукла, у которой от частого мытья отлетела вся голова. Прикрывая свои мысли иносказательными образами, Паша всякий раз, когда приходит время кому-нибудь умереть в монастыре, вынимает свою любимую куклу и начинает снаряжать ее как покойницу.

Келейная жизнь Паши представляет непрерывный молитвенный подвиг. Всю ночь напролет она стоит на молитве и только под утро дает

покой своему изможденному телу, но чуть забрезжит свет, как она уже встала и начала свою молитву. Молясь сама, она того же требует настойчиво и от окружающих ее. Боже избави, если кто из сестер проспит полунощный час! Паша нашумит, накричит, а иногда и поучит провинившуюся своей палочкой. Паша знает наизусть несколько молитв, но предпочитает молиться своими словами. Каждое свое дело она начинает не прежде, как испросивши Божие благословение. В важных случаях своей жизни она подходит к киоту с иконами и спрашивает: «Маменька, Царица Небесная! Можно ли сделать то-то, сходить туда-то?» И потом, сама дав утвердительный или отрицательный ответ, сообразно с этим начинает действовать. К иконам у нее особенная любовь: она засвечивает перед ними лампады, украшает их цветами, кладет пред ними любимые вещи свои, целует их...

Усердная молитвенница, она особенно любит молитву умную. Ее она соединяет со всеми трудами своими, особенно со жнитвом травы, так что пожать травы за кого-нибудь на ее иносказательном языке значит пойти помолиться за кого-нибудь. Жнитво ее часто имеет символическое значение. Замечено Дивеевскими сестрами, что если Паша сожнет и подаст посетителю лопух или какую-нибудь сорную траву, это предвещает близкое несчастье для гостя.

С посетителями, приходящими за духовным советом и просьбою помолиться, Паша обращается не одинаково: иных ласково примет, усадит, угостит чаем, поклонится даже в ноги, на

других накричит, выпроводив из своей келлии, пригрозит даже палкой. Ее духовный взор светел и отлично видит и различает истинное благочестие от напускного, фарисейского...

Пришел раз в Дивеев один странник, с виду очень смиренный, и просил Пашу принять его для духовной беседы. Юродивая долго отмалчивалась, а потом, когда странник настойчиво стал просить ее через одну из сестер, живших с нею, она стремительно выбежала на крыльцо, где поджидал ее странник, и со словами «Ханжа, злодей, душегубец» прогнала посетителя от своей келлии.

На сестер Дивеевских Паша оказывает глубокое нравственное влияние как своим непрерывным молитвенным подвигом, так и своими советами, строго соображенными с духовными потребностями той или другой инокини. Прекрасно сознавая, какое глубокое воспитательное значение для иноков имеет физический труд и как разрушительно действует на их внутренний мір праздность, Паша требует, особенно от молодых сестер, непрерывной работы. Горе тому, кого увидит она за праздною беседою. Не переносит Паша и нечистоплотности. «Это что такое, лентяйки, живо возьмите тряпку да сотрите пыль!» — кричит она монашенкам.

Привычка жить с природой, в лесу заставляет блаженную Пашу не только летом, но и раннею весною и позднею осенью уходить из обители в поле, в рощи и там проводить по нескольку дней в посте, молитве и телесных трудах. Как попечительная мать не забывает она и

тех Дивеевских сестер, которые по долгу послушания живут вне монастырской ограды, «в міру». Познавая по дару прозорливости духовные потребности этих «мирских черничек», она часто навещает их и руководит на пути спасения. Сестры глубоко почитают ее духовную опытность, с радостью принимают ее и упрашивают погостить подольше. К особенностям ее пути относится стремление постоянно переходить с места на место. Еще прежде, когда настоятельница Дивеева, глубоко почитая Пашу, предлагала ей поселиться в обители, подвижница всегда отказывалась: «Нет, никак нельзя мне, уж путь такой, я должна всегда переходить с места на место!» Вот и под старость Паша не сидит на одном месте, но путешествует из одной келллии в другую, из обители в монастырские хутора, «на дальние послушания», в Саров, на прежние свои излюбленные места!

Да! воистину странница на земле, гражданка Небесного Отечества, не имея здесь ни пристанища, ни источника земных благ и радостей, она своими словами (часто загадочными) и поступками (нередко странными) служит для инокинь Дивеева и его посетителей живым напоминанием о высшей цели жизни, обличая одних, утешая других, исправляя погибших, поддерживая слабых и малодушных, охраняя беззащитных! Испытывая всевозможные лишения, неизбежные в скитальческой жизни, она примером своей жизни призывает христиан заботиться более о едином на потребу, чем о тленных земных благах. Это добровольная мученица,

постоянно умирающая для міра, плоти и диавола ради жизни во Христе.

Как мы уже сказали, дар прозорливости украшает эту подвижницу благочестия.

Рассказывают, например, что однажды зашла Паша к священнику села Алмасова, у которого в это время по делам службы был дьячок той же церкви; обращаясь к последнему, она сказала: «Господин хороший, приищи ты себе кормилицу». И что же? Дотоле совершенно здоровая жена псаломщика неожиданно захворала и умерла.

Один из окрестных крестьян при покупке известки в Сарове обманом взял несколько лишних пудов. Возвращаясь домой, он встретился с Пашей, и блаженная не преминула обличить его: «Аль богаче думаешь быть, что беса потешил! А ты живи правдой, лучше будет...»

Пришла раз к Паше девушка-крестьянка из села Рузина, Аксинья. Ей давно хотелось поступить в число инокинь, но она не решалась сделать этого важного шага без совета Паши, к которой привыкла относиться с глубоким почтением. Но Паша, не выслушав ее как следует, прогнала домой со словами: «Нет тебе, девка, дороги в монастырь».

Та послушалась, но через несколько времени, побуждаемая семейными обстоятельствами, вторично пришла к Паше проситься в монастырь. «Братья и келлию поставят мне», — говорила она, думая склонить юродивую. Но та осталась непреклонною. «Глупая девка! Ты не знаешь, сколько *младенцев* выше нас», — сказала

она просительнице и с этими словами легла на лавке и вытянулась. Ничего не поняв из ее слов, девушка огорченная ушла из келлии Паши, думая все-таки поступить в обитель. Но вот в скором времени умерла ее сноха-вдова, оставив после себя маленькую дочку. Аксинье волей-неволей пришлось остаться в міру, чтобы заняться воспитанием сиротки-племянницы. Так сбылось вещее слово Паши.

Печатается по: Паша, Саровская юродивая. М., 1904.

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОЙ СТАРИЦЕ НАТАЛИИ

Вот и еще вновь прозябшая ветка из Дивеевского виноградника, возделанного преподобным Серафимом, Саровским чудотворцем!

Этот молодой побег, искусно пересаженный рукою опытного вертоградаря на новое место, скоро освоился с местной почвой, распустился пышно и оделся густой зеленой листвой. Это — Мелявинская женская община.

Храм юной общины устроен в честь иконы Божией Матери, называемой «Умиление». Пред этой самой иконой скончался преподобный Серафим.

Знаменательно то, что торжество освящения этого храма, в присутствии Дивеевских сестер и других инокинь, совершено было 13 февраля 1903 года, то есть как раз в то время, когда вся Православная Россия начала уже готовиться к великому и всенародному торжеству прославления благостнейшего Пестуна и Печальника Дивеевской обители. Так благому Провидению

Божию угодно было предварить всенародное торжество прославления угодника Своего созданием еще другой, новой отрасли из его наследия, которое он при жизни своей так заботливо и со всею любовию возращал, лелеял и оберегал.

Появление этой новой женской обители интересует и привлекает внимание многих вследствие своего родства со славной Серафимовской обителью, а главным образом — благодаря в Бозе почившей первоосновательнице, Старице своей, пользовавшейся при жизни вполне заслуженным авторитетом.

В свое время мы лично знали эту многочтимую Старицу и высоко ценим ее духовную жизнь. И теперь нравственно побуждаемся почтить ее память несколькими сочувственно-признательными строками и с отрадным чувством отметить появление на свет Божий ее обители.

Еще очень недавно, а именно 9 февраля 1900 года, мирно отошла к Господу эта хорошо известная посетителям женских обителей старица, девица Наталия, с 1848 года проживавшая в Серафимо-Дивеевском монастыре. Всю жизнь свою она служила особым избранным путем — путем «блаженных», а потому и именовалась всеми знавшими ее не иначе как «блаженной Наталией» или «блаженной Наташей». Этот весьма трудный и далеко не для всех понятный род служения и угождения Богу приняла старица Наталия еще в молодых годах, по благословению одного Киевского старца. Некоторыми странностями Старицы нередко смущались люди светские, не имеющие надлежащего понятия о бла-

женных. Дивеевское монастырское начальство еще в самом начале поступления Наталии в монастырь решило было совсем удалить ее из монастыря, благодаря упомянутым странностям; но накануне назначенного дня удаления благочинная монастыря, некто Татиана Бучумова, увидела во сне другую, чтимую уже тогда блаженную — Пелагию Ивановну Серебренникову. Серебренникова показала благочинной бумагу, где было крупными буквами написано: «Не трогайте Наталию: ей назначено здесь жить». Это видение навсегда решило участь блаженной: ее, действительно, не решались уже больше беспокоить и она провела всю жизнь в Дивеевской обители.

В последние три-четыре десятилетия образ жизни Старицы во многом изменился. Особых, выдающихся странностей ее не стало уже заметно. Но взамен этого началась и постепенно усиливалась ее подвижническая жизнь. Заключалась она в бденных, изо дня в день, сидениях сначала в притворах храмов, а затем в легких тесовых загородях-шалашиках, под открытым небом, во всякую непогоду, не исключая зимних вьюг и морозов. Весьма благоуспешно и с особой силою развился у блаженной и благодатный дар старчествования, благодаря которому она начала вести открытые и для каждого простеца доступные духовно-нравственные назидательные беседы, давать душеспасительные наставления и разного рода духовные советы и ответы на разные жизненные запросы и исключительные обстоятельства.

Любовь и расположение простого народа к Старице росли все более и более, желание видеть ее и беседовать с нею увеличивалось в народных массах все в больших и больших размерах. Ее постоянно осаждали толпы народа, жаждущего ее духовных бесед и наставлений, среди которых нередко можно было видеть и достаточное число интеллигентных лиц. Лицам, совсем ничего не слышавшим о Старице и в первый раз видевшим ее, на первый взгляд казалось непонятным, чем и как могла расположить к себе народные сердца эта ветхая, согбенная и удрученная летами Старица? Но это недоумение скоро сменялось чувством глубокого уважения, когда эти лица узнавали от других и сами лично убеждались, что старица Наталия выделяется своими многолетними продолжительными молитвенными бдениями, подвигами, постоянным чтением священных и духовно-нравственных книг, постом и молитвою. В ней обитал — если не во всей полноте, то все же в большой мере — дух старца Серафима и оптинского старца Амвросия: иначе она не могла бы с таким успехом подвизаться на поприще старчествования, которое не без основания считается лучшим и отборным цветом монашества в мужских обителях, а в женских — прямо можно назвать таковое лишь редким исключением.

Место бесед старицы Наталии состояло, как мы упомянули уже выше, из тонкой открытой тесовой загороди рядом с кельей. Внутри этой загороди, или открытых сенок, кругом обложенная массивными книгами в кожаных переплетах,

покрытая ветхими рубищами, сидела блаженная Старица, часто безмолвно, глубоко погруженная в Богомыслие и молитву. Во все время открытых сидений Старица проводила день и ночь на одном месте: здесь она в свободные часы от бесед со странниками молилась, читала, писала; тут же, сидя на лавке, низко согнувшись, она засыпала на краткое время (как обыкновенно располагаются на ночь — так она никогда не ложилась). При ней находилось достаточное число послушниц. Но самую большую часть времени проводила со Старицей ее главная и любимая послушница Е. К-на, по указанию Вышинского затворника епископа Феофана ревностно служившая ей в продолжение 10 лет, вплоть до ее кончины. Открытые сидения у Старицы начинались обыкновенно с весны и лета, а затягивались, случалось, до глубокой зимы, несмотря на трескучие морозы. Когда же Старица перебиралась в свою келью, беседы ее с кем бы то ни было уже прекращались: в келье у себя она никого не принимала, кроме самых близких лиц. Уступая лишь усиленному желанию и просьбе некоторых, Старица переговаривалась с ними чрез вставленные двойные рамы в окне.

Свои беседы и наставления Наталия обосновывала главным образом на избранных текстах Священного Писания, изречениях святых Отцов и примерах из житий святых; недаром около нее во время ее открытых сидений всегда находились Библия, Добротолюбие, Четьи-Минеи и патерики. В беседах с блаженной сразу замечались ее разносторонняя духовная начитанность,

острая память, хороший навык извлекать нужное из прочитанного и уменье практически применять к делу приобретенные в разное время сведения и познания из Священного Писания и святоотеческой литературы.

Наружный вид блаженной всегда был одинаков. Верхнее одеяние ее постоянно было светлое, но крайне ветхое и запыленное. Положение тела согбенное. Лицо полузакрытое и всегда с поникшим взором. Пища ее была чрезвычайно скудная и в малом количестве; по средам и пятницам она и совсем ничего не вкушала, кроме антидора и теплоты с просфорой, каждодневно приносимых послушницами из церкви. Нижнюю одежду, по словам послушниц, она сменяла всего один раз в год, перед Пасхой или Благовещением. Строгое воздержание в пище и самоумерщвление плоти в разных видах делали Старицу неподражаемой в обители.

И вот эта самая блаженная Наталия незадолго до своей кончины, а именно 26 июня 1899 года, положила основание новой женской обители, в трех верстах от села Теплова Ардатовского уезда Нижегородской губернии. Место было приобретено старицей Наталией почти всецело на собственные средства. В селе Теплове оно известно под названием Мелявы, то есть мелкой речки, когда-то протекавшей по этой лесной равнине, но затем в конец обмелевшей и оставившей следы лишь в виде небольшого овражка. С этим местом связывались воспоминания об одном преступлении, история которого заслуживает полного внимания читателей.

В 80-х годах проживал в селе Теплове один благочестивый человек из крестьян, некто Иван Терентьевич Яшин. Он известен был как великий молитвенник, девственник и добрый наставник в духовной жизни, к которому многие крестьяне обращались за духовными советами.

На том самом месте, где теперь застроилась обитель блаженной Наталии, убили одного тепловского крестьянина, Андрея Губанихина. Народная молва негласно хотя и называла преступника, но судебные власти почему-то не раскрыли ничего.

И вот старшая сноха убитого, Наталья Губанихина, здравствующая и по сию пору, в то время женщина еще молодая, бойкая и энергичная, глубоко почитавшая И. Т. Яшина, отправилась к нему спросить его, продолжать ли розыски убийцы или оставить?

— Я пришла спросить тебя об одном деле, — проговорила Губанихина, входя в его избу.

— Хорошо-хорошо, — проговорил ласково, обычной скороговоркой Иван Терентьевич, — а вот я тебе расскажу сон-то свой. А ты вот сядька сюда, — указывая на лавку, пригласил он посетительницу.

И когда та прошла по горнице и села на переднюю лавку, он продолжал:

— Прихожу это я на Меляву — знаешь Меляву-то? Ну, и своим глазам не верю: такой неописуемой красоты златоглавый собор видел я там посреди других церквей, что просто чудо! А кругом раскинулась какая-то богатая иноческая обитель!.. Да ведь как явственно, явственно-

то видел, Наташа, — диво! — воодушевленно и с восхищением рассказывал Иван Терентьевич.

А когда Губанихина поведала о деле своего посещения, то он опять с тою же живостью проодолжал:

— А вот теперь я и понял, зачем мне этот чудный сон был! Понял, понял, истинно говорю тебе, Наташа!.. Оставьте искать душегубца! Не надо искать его! Совсем никакой пользы от того не будет ни вам, ни вашему покойничку. А вот на Меляве, поверь мне, будет со временем место святое, и вашему покойничку будет от этого хорошо!

Семья Губанихиных послушалась данного Иваном Терентьевичем совета: оставила розыски преступника и успокоилась, хотя рассказанный им сон долго оставался неразгаданным и несбывшимся. Но когда чрез 20 лет сверх всякого ожидания и подготовки вдруг началась постройка общины и храма на Меляве, тогда с редким удивлением стали вспоминать этот сон не только в семье Губанихиных, но и все те местные крестьяне, которые слышали в свое время об этом загадочном сне Ивана Терентьевича от Губанихиных.

Когда и каким образом явилась мысль и намерение у старицы Наталии основать свою отдельную от Дивеевской обитель — с точностью определить нельзя. Года за четыре до кончины старица Наталия приобрела пять десятин земли около села Нучарова Ардатовского уезда, где затем по ее указанию был выстроен большой дом. При виде этой постройки многие были уве-

рены, что тут блаженная хочет положить начало обители. Но старица Наталия, услыхавши об этих толках и гаданиях, сама поспешила разрешить этот интересовавший многих вопрос, заявив, что не на этом месте будет ее главная обитель, а на другом, — и то будет окружено лесом. В 1899 году почитателями старицы Наталии приобретено было по случаю и по сходной цене 200 десятин залежной, с мелкой порослью, земли вблизи села Теплова, которая, согласно предсказанию блаженной, действительно была окружена со всех сторон сосновым строевым лесом. Деньги были уплачены частию самой Старицей из собранных сбережений на этот предмет, частию ее благотворителями.

С великой заботою, неусыпною бдительностию и редким духовным проникновением следила Старица за первыми моментами созидания обители, этого столь трудного и ответственно-великого взятого на себя дела. Не выходя из стен Дивеевской обители, старица Наталия тем не менее делала много разных заочных распоряжений и указаний по устройству и распланировке построек в своей заведенной обители, так же как Саровский старец Серафим — в устроении Дивеевской.

Все сестры для новой обители избирались по усмотрению и благословению самой Старицы, и такой порядок продолжался вплоть до ее кончины. Нередко при выборе сестер с большой очевидностию выражался дар духовной прозорливости блаженной. Раз приходит к Старице издалека одна молодая девица для духовной бесе-

ды. Та охотно и с любовию приняла ее, долго беседовала с ней, а напоследок и совсем уговорила ее остаться у ней в качестве послушницы. Но Дивеевское монастырское начальство, и без того сильно тяготившееся в последнее время ее наличными послушницами, распорядилось немедленно выслать послушницу, не предварив о том Старицу. Последняя, лишь только узнала об этом, начала выражать свое недовольство, скорбь и сожаление такими неслыханными дотоле воплями и стенаниями, что бывшие ее послушницы совсем растерялись и потеряли головы, не зная, что делать и как пособить горю. Успокоившись несколько, блаженная, не обращая внимания на распоряжение благочинной, властно приказала отыскать и воротить ей новую молодую послушницу. Это твердое и властное приказание Старицы было исполнено: девицу разыскали и привели, хотя для этого и пришлось наводить справки на расстоянии не одного десятка верст. Водворенную таким необычайным порядком и с такою необычною душевною тревогою Старицы, юную послушницу после этого больше уже не тревожило монастырское начальство; и она, перешедши после кончины Старицы в ее новую обитель, в настоящее время вполне оправдывает надежды Старицы.

Чтобы успешнее объединить будущую общинную жизнь своих сестер, старица Наталия преподала им в разное время много всякого рода правил, наставлений и завещаний.

Когда старица Наталия начала заводить свою обитель, ей было лет 70, но силы ее, несмотря

на многотрудную, исполненную всяких лишений жизнь, не казались особенно слабыми. Но разные скорби и огорчения, постигшие ее вскоре после этого, сильно повлияли на ее здоровье. Некоторые из влиятельных Дивеевских сестер начали выражать сильное неудовольствие к ее начинаниям, усматривая в этом некоторое своеволие и нарушение монастырских правил и объясняя созревшие в голове Старицы планы особым влиянием на нее старшей послушницы. Монастырская администрация вскоре сочла нужным распорядиться поставить несколько караульных сестер, со строгим приказанием, чтобы последние ни под каким видом не допускали посторонних лиц и всякого рода посетителей к блаженной Наталии.

Эта и другие подобные строгие и незаслуженные меры сильно огорчали блаженную. Старица несколько раз собиралась переехать на Меляву, в свой родной, ею самой заботливо приготовленный укромный уголок (собственный ее корпус, в котором помещались ее замечательные массивные иконы), где давно с нетерпением и распростертыми объятиями жаждали встретить ее родные, близкие лица. Было одно время, что и готовые лошади стояли уже у крыльца ее кельи, но решиться оставить обитель, духовно окормлявшую ее много лет, она не могла без согласия и благословения местной начальницы; а этого-то последнего условия именно и не доставало ей теперь. Пишущему эти строки всего за месяц до кончины Старицы пришлось беседовать с нею в ее келье по некоторым вопросам

новоустрояемой обители. И вот между прочим, когда зашла речь о том, соберется ли Старица переехать на Меляву или нет, — на это она ответила так: «Утешь всех моих Мелявских и скажи им, что телом я хотя и в Дивееве, но духом — постоянно у них на Меляве...»

Незаметно наступил последний день жизни блаженной Старицы — 9 февраля 1900 года.

В наружности Старицы перед ее кончиной особых резких перемен не замечалось, кроме общей слабости и утомления. Первой заботой ее в этот день было — приобщиться Святых Таин, что она и исполнила с подобающим благоговением, а затем распоряжения по хозяйственной части покидаемой общины. К вечеру она сделалась заметно тревожной.

— Ах, мама, как мне что-то трудно! — не раз говорила она, обращаясь к своей любимой послушнице, которую по своей особой к ней расположенности называла всегда *мамой*.

А спустя некоторое время, вдруг неожиданно и взволнованно заговорила о своей обители:

— Мама, собирайся, поедем завтра на Меляву!

— Ах, матушка, сколько раз ты уже собираешься, а потом все раздумываешь и оставляешь! — с некоторым недоверием ответила старшая послушница, нисколько не подозревая настоящего смысла этих загадочных слов.

— Нет, мама, пора, пора уже: завтра поедем! — в том же загадочно-таинственном духе продолжала настаивать Старица.

Затем она велела молодой послушнице читать акафист Воскресению Христову. После чте-

ния акафиста, вполне успокоенная молитвой, старица Наталия объявила своим послушницам, чтобы они больше не беспокоили ее никакими разговорами и, по обыкновению, осенила их крестным знамением на сон грядущий; сама же приготовилась, как и всегда, проводить ночь сидя. Старшая послушница расположилась рядом со Старицей, другая — в ногах у нее, прочие вышли в другую комнату.

Едва успела только задремать старшая послушница, как сердце ее вдруг дрогнуло и болезненно сжалось; разбуженная щемящим предчувствием, она быстро взглянула на сидящую Старицу, но последняя, как бы нарочно избрав эти таинственные минуты полной тишины и безмолвия, тихо и мирно отошла уже к Господу... Это было в половине 12-го часа ночи. Блаженная встретила смерть, как воин на страже: в том самом положении, в каком привыкла она в продолжение многих лет проводить свой подвиг духовного бодрствования, — именно сидя.

Кончина блаженной, несмотря на то что ее можно было заранее предвидеть, как громовым ударом поразила ее послушниц, доселе живших за Старицей, как бы за каменной твердой стеной. Теперь они сразу почувствовали себя беззащитными сиротами. Им позволено было оставаться в монастыре только до погребения своей Старицы.

Погребение блаженной Наталии назначено было на 11 февраля. Тело блаженной при теснившихся толпах народа погребено было на почетном месте — против алтарной стены Троиц-

кого собора, рядом с местно-чтимой блаженной Пелагией. Послушницы блаженной тотчас же после погребения своей дорогой Старицы оставили Дивеевскую обитель и со скорбию на сердце отправились к сестрам на Меляву.

С этого времени для насельниц Мелявской обители началась новая, сиротливо-непривычная и трудная жизнь, — жизнь, полная всевозможных скорбей, огорчений и материальных лишений. Но с Божией помощью и по молитвам преподобного Серафима и своей старицы блаженной Наталии самая трудная пора теперь миновала. Община достаточно застроилась и украсилась храмом, в котором чуть не каждодневно совершается служба заштатным старичком священником, при достаточно стройном пении местных сестер, которых насчитывается в обители до 60. Началось уже ходатайство о формальном открытии общины. Будем верить, что ходатайство это будет удовлетворено и что дело старицы Наталии, как дело во славу Божию, принесет обильные плоды...

«Русский Паломник». 1904. № 29–30. С. 496–499, 516–519.

БЕСЕДА
ПРЕПОДОБНОГО
СЕРАФИМА САРОВСКОГО
О ЦЕЛИ
ХРИСТИАНСКОЙ
ЖИЗНИ

Предисловие С. Нилуса

Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, прошед верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святый, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати (Деян. 19, 1–7).

И вот, ныне я по влечению Духа иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня (Деян. 20, 22–23).

И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией (1 Кор. 2, 4–5).

А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проницает,и глубины Божии (1 Кор. 2, 10).

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия,потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно (1 Кор. 2, 14).

Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний (Откр. 1, 10).

За месяц до высочайшего повеления об ускорении производящегося в Святейшем Синоде дела о прославлении святого угодника Божия, Серафима Саровского, Господь привел меня опять в Саров и Дивеев. Из трех современниц отца Серафима, которых я встретил в первую свою поездку, я застал в живых одну только Елену Ивановну Мотовилову. Вскоре после моего отъезда, в 1900 году, отошла в селения праведных мать Ермиония; на Пасху, два года спустя, за ней ушла и мать Еванфия.

Сильно за эти годы сдалась и Елена Ивановна: согнулся стан, стали меркнуть еще так недавно светлые и проницательные очи. Серафиму не нужно уже земных свидетелей его праведности, он зовет их к себе в места вечного упокоения, видеть и разделять с ним его славу, ту нетленную и вечную, неувядающую славу,

которую Господь от века уготовал всем любящим Его, «идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют, яко солнце!»

Но свежесть ума и памяти не покинула еще родной старушки. Прошлое живет и расцветает в ее воспоминаниях, и время не имеет власти над ними!..

По просьбе моей, с разрешения игумении Елена Ивановна дала мне целый короб бумаг, оставшихся после покойного ее мужа Николая Александровича. Всякий, кто интересовался житием отца Серафима, должен знать это имя, которое так тесно связано с именем Батюшки и устроенной им Дивеевской женской обители. Непонятым жил этот человек, неоцененным и умер, но был он при жизни «служкой Серафимовым», как он сам любил называть себя, таким и после смерти остался. В бумагах его довелось мне найти такое сокровище, которое по справедливости может быть названо величайшим свидетельством веры. Этой драгоценностью, с сохранением всей своеобразности слога сороковых годов минувшего столетия, на котором она написана, я и желаю поделиться с православным читателем.

I.
Приглашение

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит... (Ин. 14, 12.)

«Однажды, — пишет в своих записках Мотовилов, — это было в Саровской пустыни вскоре

после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной общины Дивеевской*. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

— Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну, так, — сказала она, — иди к Батюшке; он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какою неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему в келью его. Батюшка отец Серафим встретил меня в самых дверях сеней своих и сказал мне:

---

* При Дивеевской общине в начале ее существования отец Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от своих трудов. От этой мельницы получила название «Мельничной» та часть обители, в которую по завету старца должны были приниматься одни лишь девицы.

— Я ждал ваше Боголюбие. И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь.

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для за-крывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских устроений. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте.

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие. На самую верхнюю ступеньку садиться извольте. — И, усадив меня, прибавил: — Ну вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Мантурова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий Старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой, ближайшей ко входу в сени сей кельи, келейник отца Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью, и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, отец Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святыню, но лишь для одного только батюшки Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня, я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же отца Павла, что Батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал Старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась

и батюшка отец Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие. Не взыщите. Вот сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью.

В келье этой своей монастырской он побеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, саровским гостинником, на другой день, после ранней обедни, ехать к нему в ближнюю пустыньку.

II.
Изволение Господне

Целую ночь проговорили мы с отцом Гурием про отца Серафима, целую ночь почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке отцу Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши, и целый день до поздней ночи, не пивши-не евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили к великому Старцу, и все отходили, не получив его благословения, а постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки отца Серафима, в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея из уездного города Нижегородской губернии Балахны и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне не-

тленно почивающего. Они решились с нами дождаться отворения дверей великого Старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам отец Гурий ввечеру, уже позднему наставшу, очень смутился и сказал мне:

— Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы*.

Но я сказал:

— Нет, батюшка отец Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки отца Серафима, хоть бы мне и голодною смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей кельи!

И батюшка отец Серафим, весьма немного погодя, действительно отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолвствую, а вот завтра — милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйте с отцом Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли.

---

* Надобно знать девственный саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы оценить естественный страх отца Гурия.

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал отцу Гурию:

— Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйте ко мне на ближайшую мою пажнинку — там меня обрящете, а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами Батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря не долготерпение целого дня, я хоть под конец да сподобился, однако же, не только узреть лицо отца Серафима, но и слышать привет его богодухновенных словес, так утешила меня. Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием неизобразимой! И, несмотря на то, что я целый день не пил и не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоенье, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличенья, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?

III.
Цель жизни христианской

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий Старец, — что в ребячестве вашем усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал отец Серафим, — не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот я,

убогий Серафим*, растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьяго. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «Во всяком языце бояйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть». И как видим из последовательности священного повествования, этот «делаяй правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли в Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра, и той ти

* Батюшка произносил свое имя, как все куряне, не Серафим, а — «Серахвим».

речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой».

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия, пришедшего в мiр грешныя спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал Евреям: «Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанного и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго и притом, как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие. Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божьяго.

— Как же стяжания? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то не понимаю.

— Стяжание все равно что приоберетение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею, и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: «Шедши купите на торжищи». Но когда они купили, двери в чертог

брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божьяго недоставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божьяго, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово»*. Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая соб-

* *Суть путие мнящиеся прави быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово* (Притч. 16, 25). Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их — путь к смерти.

ственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная, и третья бесовская — вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша — научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то, и как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная — в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим Единством священнотайне». Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывания с духом нашим Его Тройческаго Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божеству всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: «Вселюся в них и похожу, и буду им в Бога, и тии будут в людие

Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полунощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием! «В чем застану, в том и сужду», — говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто

станет! Вот почему сказано: «Бдите и молитеся, да не внидете в напасть», то есть да не лишитеся Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет, либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет, или случая сыскать не можно. А до молитвы это уже никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания*: когда по просьбе

* Житие преподобного Венедикта (память 14 марта): «Земледелец некий сына мала умерша на руку носяша приступи к Преподобному, моля его воскресить сына. Преподобный же преклоня колена с братией на молитву и глаголаша к Богу: «Господи, не на грехи моя презри, но на веру человека того, о воскресении сыновнем молящагося, и отдаждь душу телу сему». Еще же не скончавшейся святаго молитве, абие тело умершее нача в себе показывати силу. Святый же вземши за руку, возстави отрока жива и здрава и даде его отцу его.

отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!» — и воскресил его Господь. Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божияго, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздусе, Грядущаго со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делам его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То, что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни и небесныя и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим беседовать удостоиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны и очисти ны от

всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы всё стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйте, дескать, ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли», то есть явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и со другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но когда при всемогущей силе веры и молитвы соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творишь, а при наше-

ствии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божьяго на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядаяй все нечистое», и в общение с Ним не может войти никто же от скверны плоти и духа.

IV.
Стяжание благодати

— Ну, а как же, Батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите.

— Стяжавайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благости Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение — бдите и молитесь; много дает Духа Божьяго пост — поститесь; более дает милостыня — милостыню творите и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы бывало торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, — так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитеся», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего», то есть делающий дело Божие и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением. А дело Божие есть: да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа. Если рассудите правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе Божием вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божием, то, благословен Бог, не о чем горевать; хоть сейчас — на Страшный Суд Христов. Ибо в чем застану, в том и сужду. Если

же нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать, и доискиваться Его, и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногами моима».

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетельно. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия? Ибо, например, богатство земное при раздавании его оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более преумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаряныне: «Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный».

V.
Богоматерь — язва бесов

— Батюшка, — сказал я, — вот вы всё изволите говорить о стяжании благодати Духа Свя-

таго как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал Старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в раи», или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами»*. Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разго-

---

* В Апостольских Деяниях: *Прошедши чрез Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедовать слово в Асии. Дошедши до Мисии, предпринимали идти в Вифинию, но Дух не допустил их* (16, 6–7).

ворах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрех моих?» То есть как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святый со мной пребывает? Если бы я хулил Бога, то Дух Святый отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, и Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный, или, что то же, явная благодать Духа Святаго, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. И все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей, по гордости ума нашего, вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится, «вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной», что будто бы это значило, что

в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная от персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как, батюшка, святой апостол Павел утверждает: «Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествии Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мір посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божиими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы не имущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя не имущим. Когда же вдунул Господь в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях

своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек, премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божиему, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его, и беседу святых Ангелов, и язык всех зверей и птиц и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости — в раи, насажденном Им посреди земли. Для того, чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и пол-

ноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мір Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убо бе в міре, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа вовсе не было в мире, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только вне, и признаки Его пребывания в міре были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним, были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам, видя Бога и день Его, и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне,

отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божьего или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такой силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божьего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы пророчицы, сивиллы, которые обрекли свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной, и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбезному ее исканию причастными Духу Божьему, ибо сказано: «Языки, не ведующие Бога, естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: «Истинная от земли возсия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведующих Бога, а все-таки сохранялось

ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святый действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святый, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мiр.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности, пришел ли в мiр, обетованный Адаму и Еве, Плод Семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятаго Духа Божьяго 300 лет, потом на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мiра, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть, обето-

ванный міру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамову благодать Всесвятаго Духа Божия. Но мало сего — ведь говорил же Он им: «Уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мір; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет его в мір, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся ее силе и действиям. И вот эту-то самую огнедухновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем, верным Христовым, в Таинстве святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных Святой Церковью, местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: «Печать дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие ка-

кую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить? И если бы мы не грешили никогда после Крещения нашего, то вовеки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божьяго и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею вся-ческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устрояющего. Слово Божие недаром говорит:

«Внутрь вас есть Царство Божие, и нуждно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть, те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть их — такие люди являются потом действительно пред лице Божие паче снега убеленными Его благодатью. «Приидите, — говорит Господь, — и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их». Так некогда святый тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и «финицы в руках их», как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуиа». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей», — испраша страданиями и убелиша их в причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение міра, присно и доныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше на путие живота вечного во ответ благоприятен на Страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которую хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небес Денница.

Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

VI.
Благодать есть Свет

— Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, строптивы и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет вове-

ки». Имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи міра и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему міру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «В Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено: «И свет во тьме светится, и тьма его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при Крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: «Авва отче, не до конца прогневайся на нераскаянность эту!» А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой как о цели жизни христианской, я говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею, и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть Свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание.

Так Богоотец Давид сказал: «Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть, благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих! И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фавор. Великий свет объял Его, и «быша ризы Его, блещущие яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак, — сказано, — осени их». И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

VII.
Мир и теплота благодати

— Каким же образом, — спросил я батюшку отца Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто, — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум». Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не имеем этого разума Божественного, который не кичит (не гордится), ибо не от міра сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хощет всем спастися и в разум истины приити». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?..» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и проникнутые Им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «Изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную, на пользу всем верным — так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божьяго. Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием? Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою! Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли...

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы теперь в полноте Духа Божьяго, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя

сказал: «Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то Сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе: в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого Старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка отец Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир Мой даю вам, не якоже мір дает, Аз даю вам. Аще бо от міра были бысте, мір убо любил свое, но якоже избрах вы от міра, сего ради ненавидит вас мір. Обаче дерзайте, яко Аз победих мір». Вот этим-то людям, ненавидимым от міра сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете: «Мир, по слову апостольскому, всяк ум преимущий». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от міра сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим. Что же еще чувствуете вы? — спросил меня отец Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечал я.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши

и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца будто тают и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостию, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «...Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мір. В міре скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготовал Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготовлена там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь

еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «...Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...» Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никто не возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцовать и ездил на балы и танцовальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему?.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святаго согрей мя!» Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутри вас есть». Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее

положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит «не в препретельных земныя премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе...» Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, Батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого міра, чтобы вы сами, утвердившись в деле

Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему, — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он. — А все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам своим: «Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной мы всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к Отечеству Небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнять закон Христов. Господь Иисус лично

дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству Небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему один вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню

во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно, по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. «Един движет тысящи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «Вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруяй в Мя, дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое, ныне же просите и приимете...» Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь

Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала

рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою.

Послесловие С. Нилуса (к изданию 1903 г.)

На этом месте заканчивается мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого Старца! Пыль, галочьи и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма сторонних лиц — всё в одной куче, вперемешку одно с другим, и всего весу 4 пуда 25 фунтов. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?!

Разбирая этот хаос, натыкаясь на всевозможные препятствия — особенно почерк был для меня камнем преткновения, — я, помню, чуть не поддался отчаянию. А тут среди всей этой макулатуры нет-нет и блеснет искоркой во тьме

с трудом разобранная фраза: «Батюшка отец Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда я не вытерпел и взмолился: «Батюшка Серафим! Неужели же для того ты дал мне возможность получить рукописи твоего «служки» из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?»

От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу же нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость, и как знаменательными мне показались слова этой рукописи: «А я мню, — отвечал мне отец Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого міра...»

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда? Перед самым прославлением святых мощей того, кого Православная Церковь начинает просить:

«Преподобне отче Серафиме! Моли Бога о нас!»

19 мая 1903 г.

Послесловие С. Нилуса (к изданию 1911 г.)

Первое появление в печати рукописи Н. А. Мотовилова, озаглавленной мною «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском, в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым», вызвало, к великому для меня прискорбию и вместе в обличение «духа времени», много недоуменных толков даже в той среде, которая, по благодати учительства, должна была, казалось бы, стоять во главе угла Православной Церкви. Осуетившееся человеческое сердце по всем признакам не могло вместить в себе во всей полноте того откровения, которое заключали в себе драгоценные слова рукописного свидетельства сотаинника преподобного Серафима, и отказывалось принять и верить возможности проявления действия наития Святаго Духа Божия во всей полноте очевидности в смертном человеке.

— Вы с Мотовиловым проповедуете что-то вроде того сектанства Лабзина, которое процветало в известный период царствования Александра I, когда тоже благодать Духа Святаго хотели видеть только в очевидных ее проявлениях: в теплоте, свете и благоухании. Отсюда недалеко и до «прелести»! — Такие речи пришлось мне слышать вскоре после появления рукописи Мотовилова в печати.

Прошу простить меня всех православных, которых мой малый труд списателя мог повергнуть в соблазнительное недоумение, но вина моя только в том, что я не с достаточной силой подчеркнул, что чувственные проявления благодати Святаго Духа, почившего на преподобном Серафиме, были даны просветленному зрению Мотовилова лишь по молитве Старца; и по молитве же святого Старца как явление это, так и боговдохновенная эта беседа сохранена памятью Мотовилова «не для него одного, а через него для всего міра». Нет и не может быть ничего общего между самочинным сектантом Лабзиным и Мотовиловым, всю свою жизнь находившимся в общении и под руководством старцев, из которых один Святою Церковью прославлен как угодник Божий и преподобный, а другой (Антоний Воронежский) таковым смиренно почитается всеми православно верующими сердцами. Первый, и, можно сказать, основной признак сектанства и «прелести» есть самочиние, а этот-то именно признак и отсутствует в данном случае.

Но обратимся лучше по этому поводу к свидетельству самой Церкви в лице удостоверения ее преподобных. Вот что свидетельствует преподобный Феогност: «Хотя ты, постоянно пребывая в чистой молитве, невещественно соединяющей с Богом невещественный ум, и сподобился увидеть как в зеркале ожидающее тебя блаженное состояние по окончании здешней жизни, сподобился этого как принявший

обручение Духа и стяжавший Небесное Царство внутри себя яснейшим и определеннейшим очищением души, но не потерпи разрешиться от плоти, не предваренный известием о наступающей смерти. Молись прилежно об этом и будь благонадежен, что получишь это известие, когда приблизится кончина твоя, если то полезно»*.

По содержанию этих слов преподобного Феогноста святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем «Слове о смерти» рассуждает так: «Ощущение духовное, о котором говорит преподобный Феогност, называется очень справедливо в отеческих писаниях «извествованием», по свойству решительной достоверности. Оно производится наитием Божественной благодати, приемлющей в отеческие духовные объятия кающегося и недоумевающего грешника. Оно является в душе неожиданно, как новая жизнь, о которой человек доселе не мог составить себе никакого понятия. Оно освобождает души от насилия лукавых духов и страстей, изменяет всего человека, соединяет его с Богом, влечет всего человека в ту чудную молитву, которую возглашает к Богу из человека Дух Божий. Все кости такого человека рекут неизреченным духовным благодарением и славословием: «Господи, Господи, кто подобен Тебе? Ты избавляяй нища из руки крепльших его, и нища и убога от расхищающих его. Душа такого человека возраду-

* Аскетическое сочинение преподобного Феогноста помещено в «Христианском чтении», 1826. Ч. 23.

ется о Господе, возвеселится о спасении Его». Духовное ощущение это столь сильно, что, наполнив собою человека, отъемлет у него сочувствие ко всем другим предметам; короче сказать, оно есть водворение в душе Царствия Божия. Стяжавший это ощущение к тому не себе живет, но Богу. У подвергшихся самообольщению и бесовской прелести бывает мнение такого ощущения, и отличается от благодатного по противоположным ему плодам. Вспомним святого Дионисия Ареопагита, который в письме своем к монаху Демофилу поведал об ученике святого апостола Павла, блаженном Карпе, муже великом в добродетелях и по причине чистоты ума его очень способном к Боговидению. Карп был в таком духовном преспеянии, что никогда не начинал Божественной литургии прежде, нежели благодать Святаго Духа явно не осенит его»*.

Итак, да не будем более смущены в сердце нашем и будем под руководством и за молитвы старцев наших, наших духовных отцов, стяжевать благодать Духа Святаго в тех Ему одному доведомых мерах, в которых Ему благоугодно будет снизойти на нас, грешных. Необходимо надо помнить, что та мера наития Святаго Духа, о которой ведется речь преподобного Серафима и которая изображается великим его послушником Н. А. Мотовиловым, по выражению самого Преподобного, «не всегда и великим пустынни-

* *Игнатий (Брянчанинов), еп.* Сочинения. СПб., 1905. Т. 3: Аскетические опыты. С. 237.

кам подается Господнею милостью». О торжество нашей веры! Но то ли еще ожидает ее, когда исполнятся «времена и сроки»!..

Ей, гряди, Господи Иисусе!

Текст **«Беседы»** печатается по:

Беседа Преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни. Сан-Франциско, 1968. С. 7–47. Публикация Глеба Подмошенского. Последующие уточнения публикатора воспроизведены согласно «Русскому Паломнику» (1990, № 2. С. 72–92).

БОГОСЛОВСКИЕ ТОЛКОВАНИЯ «БЕСЕДЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ»

Архиепископ Вениамин (Федченков)

ОТКРОВЕНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Поразительное, воистину предивное Откровение дано Богом в лице преподобного Серафима. И сильнее всего — в этой чудесной «беседе». И Откровение это дано не для одной лишь Русской Церкви, но и всему мiру, как заявил и сам богоносный Угодник.

В самом деле: приникнем хоть немного к тому, что здесь описано верным очевидцем, Н. А. Мотовиловым. Здесь все чудесно, все поражает.

И прежде всего: как этот мирской человек мог записать подобную беседу с такою подробностью, ясностью и точностию? Если бы он был и ученый богослов, и тогда немыслимо было бы записать все, что здесь высказал Преподобный. Это возможно было только чрез дивное особое внушение Духа Святаго, как объяснил недоумевающему слушателю преподобный Серафим.

А если бы кто допустил предположение, что беседу составил и написал сам Н. А. Мото-

вилов — это было бы не меньшим чудом; потому что не только обыкновенному мирянину, но и ученому богослову наших дней не под силу было бы столь глубоко проникнуть в сущность Христианства, не говоря уже о благодатных проявлениях в Преподобном во время его преображенного состояния. Совершенно несомненно отсюда, что дивная по содержанию беседа эта является чудесным Божественным Откровением Духа Святаго.

Да так именно и свидетельствует святой Серафим: Мотовилов и не спрашивал его о предмете беседы — сущности Христианства, и никогда не говорил ему ничего. И сам забыл о своих прежних недоумениях. Преподобный же узнал об этом, напомнил ему и сказал, что Сам Господь открыл все это.

А потому вся беседа приобретает чрезвычайное значение, наряду с величайшими произведениями самых великих святых Отцов Церкви. И к какому вопросу ни подойдешь, все в ней поражает.

Начнем с самого главного, с разъяснения «сущности Христианства». Вот теперь все, читающие житие святого и эту беседу, стали повторять бойко и даже с легкомысленным дерзновением (будто мы и сами опытны в этих предметах) его слова: сущность — «в стяжании благодати Святаго Духа». Говорим мы об этом и в проповедях своих. Но давно ли эта мысль стала общим достоянием? Так ли думали прежде, всего лишь два-три десятилетия назад? Да так ли думают еще многие и теперь? А если и думаем так, то

понимаем ли всю глубину, ощущаем ли внутренним духовным опытом суть этой сущности — «благодать»? Не пустое ли еще для нас это слово? Не играем ли мы им, как неразумные и несмыслящие дети, с чужого голоса повторяющие непонятные им звуки и речи?!

Но благодарение Богу и за то, что хотя бы один из людей нашего времени не только знал, но и обладал во всей полноте этой сущностью — благодатию Святаго Духа.

Многие из нас почти и не слышали об этом; а если кто и слышал, то не дерзал думать, чтобы обладал этим «стяжанием», считая благодать Святаго Духа уделом разве одних святых... В самом деле, как многие из нас думали о Христианстве?

Христианство — это религиозное учение, предмет веры, догмат, которые нужно принять, хранить и исповедовать во спасение свое...

Христианство — это мораль, нравственные предписания о жизни, и в особенности о любви к ближним, которые нужно исполнять, чтобы в награду получить будущее блаженство.

Христианство — это обряды, церковный строй, религиозная организация, — с богослужением, храмами, иерархией, монастырями, постами и всем прочим бытом.

Христианство, — думают даже иные, — это одна из попыток социального земного устройства бедного мира.

Или во всяком случае — полезная теория для укрепления нравственных основ общества и государства.

Другие не боятся даже кощунственно заявлять, что Христианство есть пустая мечта, фальшиво утешающая несчастных бедняков нашей планеты несуществующим блаженством; и что в самом деле «небо пусто», и ничего, кроме земных наслаждений, нигде нет, и не к чему стремиться, кроме земли: *ешь, пей, веселись* (Лк. 12, 19). А кто думает иначе, тот *несчастнее всех человеков* (1 Кор. 15, 16).

Не весь ли почти мір теперь так мыслит? Все заняты политически социальным устройством. А Христианство беспомощно стоит в стороне, не имея сил вдохнуть жизнь в дряхлеющий мір... Пытаются иные, в частности, католическая церковь, и менее — протестантское исповедание, — содействовать экономическим реформам запутавшегося в кризисах міра; и полагают, будто в этом и состоит служение Христианства человечеству, особенно в наше время; не сознают они, что таким пониманием Христианства они свидетельствуют о собственном омертвении духовном и этим поют надгробную песнь своим исповеданиям.

Но не думая о других, всмотримся в себя, в нас, православных: кто же теперь думает о благодати — как главной цели нашей жизни? Да и знаем ли мы ее? Живем ли в Духе Святом?.. Непонятные слова... Чужие речи на незнакомом языке...

По вере, по традиции продолжаем пребывать христианами, ходим в церковь, исполняем «долг» говения, храним обряды, живем мыслью о будущем Суде...

И вдруг слышим преподобного Серафима: если кто внешне все это исполняет, не достигая благодатных результатов, хотя бы был и монах, тот — «черная головешка», из коей уже не может произрасти живого дерева...

Страшно мне становится...

Мертвая головешка...

А что же нужно? Нужно быть в благодати Животворящаго Духа... Без этого все напрасно: и добрые дела, и молитва, и девство. Всё — пустой колос без зерна.

Современный мiр, даже христианский, до такой степени ушел от истинного понимания Христианства, как благодатной жизни, что иным даже кажется, будто преподобный Серафим дал какое-то новое откровение или неведомое истолкование христианскому учению. Но это совершенно неверно. И Слово Божие, и творения святых Отцов Церкви говорили и говорят о той же самой сущности Христианства, как и богоносный батюшка, отец Серафим.

Учение его было и есть всегдашнее неизменное учение Христианства.

Но почему же, по словам Батюшки и Н. А. Мотовилова, многие духовные лица не могли вразумительно и основательно раскрыть основную истину Христианства?

Всякий книжник, — говорит Господь, — выносит из своего сокровища, или книгохранилища, то, что там у него есть или что ему хочется читать (Мф. 13, 52). И, следовательно, если мы не могли этого растолковать и внедрить другим, то ясно, что и сами недостаточно понимали сущ-

ность Христианства, забыли ее. Не понимали оттого, что не жили ею, как должно.

А в светском обществе многие сосредоточивались на общественном значении и силе Христианства; забывая слова Господа, сказанные им Пилату, представителю земного царства (Ин. 18, 36). Русское общество увлеклось созданием земного царства; постепенно увлеклось практически, а потом и идейно, материализмом, выродившимся в то богоборчество, свидетелями коему являемся мы теперь и в России и во всем мире, независимо от разных политических форм жизни.

Омирщение проникло и в Церковь нашу...

Ныне Господь очищает Свою Церковь горькими скорбями. Слава Богу!

Накануне этого-то омирщения, материализма, неверия и богоборчества, точно молния прорезал темную ночь міра величайший угодник, преподобный Серафим, своим житием и учением.

Сам он опытно ведал и показал всему міру эту жизнь во Святом Духе. Не у одного лишь Н. А. Мотовилова открылись тогда и после глаза: а и у великого множества епископов, пастырей, монахов, богословов, благочестивых мирян.

«Всему міру» нужно это дивное Откровение — предсказал сам Батюшка.

И действительно: не только нам, но еще больше инославному міру нужно это озарение, ибо в западном міре Христианство или совсем умирает, или же им пользуются для социальных перестроек жизни. И чем дальше, тем более стараются истолковать Христово Евангелие с одно-

сторонней точки зрения — его пользы для общественных и экономических задач жизни.

Какая слава для Православия, что именно оно возрастило такого великого Святого, подобного которому не знает католичество (а у протестантов вообще нет святых)!

Какая радость для нас, православных, что он жил в нашем веке, что лишь недавно померли видевшие его живым, — супруга Мотовилова, Елена Ивановна, дождавшаяся открытия мощей святого в 1903 году!

Мы сами слабо зрим благодать Святаго Духа; но мы чрезвычайно, безмерно счастливы и благодарим Бога, что среди нас, в наши дни жил человек, который воочию показал нам и всему міру что значит жить во Святом Духе!

Это не мечта, не благочестивое только желание, не теоретическое лишь учение, а подлинный несомненный факт, дивное событие, очевидная истина: был человек в полноте благодати!

Был, несомненно был!

И жил, несомненно жил во Святом Духе!

Через это мы видели Христианство въяве!

Как земля, орошенная обильным дождем после засухи, так и Христианство после преподобного Серафима оживает для нас, начинает зеленеть, светиться подлинным своим светом! «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне», — поет Церковь со святым Серафимом. Радуемся с ними и мы!

Должно сказать, что Саровский угодник не только великий Чудотворец, — но и всемирный

светильник Духа Святаго, — пророк Божий нашего времени!

Богу же нашему в Пресвятой Троице слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Архиепископ Вениамин

(в миру Иван Афанасьевич Федченков; 1880–1961)

— известный иерарх Русской Православной Церкви, архиепископ, впоследствии митрополит. Прошел долгий и сложный жизненный путь. После окончания Тамбовской семинарии поступил в Санкт-Петербургскую Духовную академию, которую закончил в 1907 году. Тогда же пострижен с именем Вениамин и вскоре рукоположен в иеромонаха. Занимался Библейской историей при своей же Академии. В 1910–1911 годах исполнял обязанности доцента при кафедре Пастырского богословия, гомилетики и аскетики все в той же Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1911 году назначен ректором Таврической семинарии, возведен в сан архимандрита. С 1913 по 1917 год — ректор Тверской Духовной семинарии.

На Всероссийском Поместном Соборе представительствовал от низших клириков. Осенью 1918 года избран членом Херсонского Церковного Собора. 10 февраля 1919 года хиротонисан во епископа Севастопольского, с согласия Патриарха Тихона поставлен викарием Таврической епархии. 1920 год ознаменовался для епископа Вениамина вступлением в Белое движение, он становится «епископом Армии и Флота»

на Юге России, от Крымского Синода назначен в Совет министров при генерале Врангеле. В ноябре 1920 года началась эвакуация войск генерала Врангеля и присоединившегося к ним населения. Вместе со своей паствой покинул Русскую землю и владыка Вениамин. Впоследствии жил в Болгарии, Сербии и в других западноевропей-ских странах. Председательствовал на Предсоборном Совещании в Константинополе перед Карловацким Собором. В 1921 году подготовил Карловацкий Собор. Состоял членом Русского Совета при генерале Врангеле, оставаясь епископом эмигрировавшей Армии, рассеянной по разным странам.

В 1922 году епископ Вениамин во исполнение указа Патриарха Тихона вышел из состава Украинского Синода и поселился в основанном им монастыре Петковице, в Сербии. В обители собралось 25 человек русской братии, среди которой были и новопостриженные монахи из солдат армии Врангеля. Следующие два года был епископом Карпатской Руси, находившейся тогда в составе Чехословакии, исполняя должность викарного архиерея.

В Сербию возвратился в 1925 году. Служил законоучителем при Русском и Донском Кадетских корпусах с местожительством в Петковицах. Вскоре епископа Вениамина вызвал митрополит Евлогий в Париж, назначив инспектором и преподавателем в Православном Богословском институте, носящем имя преподобного Сергия Радонежского. В 1925–1927 и в 1929–1931 годах он преподает в этом институте.

Не соглашаясь с уклонением владыки Евлогия от Русской Православной Церкви, епископ Вениамин создал в Париже и других городах зарубежья приходы Патриаршей Православной Церкви. В 1933 году епископ Вениамин был возведен в сан архиепископа и стал управлять епархией в США, с 22 ноября 1933 года — экзарх Русской Православной Церкви в США, архиепископ Алеутский и Североамериканский; 14 июля 1938 года получил сан митрополита.

После Второй мировой войны, в 1947 году, владыка Вениамин вернулся в Россию и был назначен на Рижскую и Латвийскую кафедры. В 1951–1955 годах управлял Ростовской епархией. 20 декабря 1958 года уволен на покой с пребыванием в Псково-Печерском монастыре. Скончался владыка 4 октября 1961 года.

О своей жизни митрополит Вениамин рассказал в книге «На рубеже двух эпох». М., «Отчий дом», 1994.

Публикуемый текст представляет собой **«Примечания архиепископа Вениамина»** к выпущенной в 1933 году в Париже книге о преподобном Серафиме:

Преподобный Серафим Саровский. Откровение о цели христианской жизни. По записи Н. А. Мотовилова и с приложением его же рассказа: Есть ли адския муки? — Париж, «Православное издательство», 1933. С. 30–35.

Н[иколай Петрович] П[опов]

БОГОСЛОВСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ «БЕСЕДЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ»

Предлагаемая вниманию благочестивого читателя «Беседа преподобного Серафима о цели христианской жизни» есть не собственноручное писание великого Старца, а запись, сделанная по памяти единственным слушателем этой беседы, симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым.

...Глубокий почитатель преподобного Серафима, Николай Александрович всегда пользовался особенною любовью его, называя себя «служкой Серафимовым». Необычным доверием и любовию с своей стороны платил ему и Преподобный, отечески неусыпно руководя его духовною жизнию и по мере возрастания и преуспеяния его в ней все больше вводя его как своего наперсника и друга в тайны своего духовного делания не для его личного только пользования, а для того, чтобы чрез него и для других стать в ряду Отцов и учителей Церкви в собственном смысле.

Такое именно назначение и значение имела и имеет, несомненно, и предлагаемая «Беседа преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни», происходившая в конце ноября 1831 года в

лесу, возле ближней пустыньки, в версте от Саровской обители.

В 1909 году М. А. Новоселов называет «Беседу» эту «целым событием, огромным по своему религиозному смыслу...» «Простота и вместе мудрость слов, — пишет он, — здесь чередуются в ней с явлением Духа и силы. Дух захватывает, когда, внимая сердцем таинственной беседе великого раба Божия, мысленно представляешь эту чудную и чудесную картину сошествия Святаго Духа на «убогого» Серафима и воистину треблаженного друга его на тихоснежной поляне уединенного Сарова. Как просто и вместе как необычайно; как естественно и вместе как чудесно! Рушится грань не только между мыслимым и являемым, но и между духом и плотью, ибо последняя, озаряемая и проницаемая Духом Божиим, как бы возводится в первоначальную светлость и красоту, в достойное жилище осияваемых благодатью душ».

От того дня и навеки немеркнущая небесная слава преподобного Серафима, явленная и являемая нам Господом в нетлении святых мощей Преподобного и неисчерпаемом море чудес его, — залог и непререкаемое ручательство истинности этих свидетельств о таком духоносном значении этой беседы Преподобного, как «слова святоотеческого».

Так для истинно и искренно верующих чад Православной Церкви. К сожалению, не так для тех, которые хотят и любят быть не чадами Православной Церкви, а судьями ее и самозванными учителями. Между таковыми нашлись

даже такие, которые увидали в «Беседе преподобного Серафима» не истинное, согласное с учением Слова Божия и святых Отцов Церкви учение — понимание сущности христианской жизни как жизни *духовной* — в Духе Святом, благодатною силою Его проходимой, а искажение этого учения в сектантском духе и направлении, в смысле мистицизма или западных квиетистов, или наших мистиков старого и нового времени — Лабзина, иоаннитов и др. В оправдание своего суесловия эти клеветники ссылаются на то, что «Беседа преподобного Серафима о цели христианской жизни» есть не собственноручное писание Преподобного, а запись по памяти, сделанная светским человеком.

Горько и больно, конечно, для истинно и искренно верующих чад Православной Церкви, отраду и утешение, ободрение и поучение, а то и полное духовное возрождение обретающих в этом духоносном слове преподобного Серафима, такое гнусное обвинение, исполнение самой невежественной лжи и злого лукавства, но оно, как крестный путь Господа, неизбежно для праведника в настоящем міре лжи и лукавства. В этом міре почти всегда так бывает, что, чем праведнее жизнь, чем больше страданий, чем выше и чище истина, тем яростнее нападение на нее и наглее клевета. О Самом Спасителе нашем Господе Иисусе Христе еще во дни Его земной жизни, когда одни говорили, что Он благ, *инии же глаголаху: ни, но льстит народы* (Ин. 7, 12). И это вполне понятно и естественно: *душевен человек не приемлет яже Духа Божия:*

юродство бо ему есть, и не может разумети, зане духовне востязуется (I Кор. 2, 14).

Неразумие же этих душевных людей — их крайнее духовное невежество и отсюда неспособность понимать, видеть в истинном свете «Беседу преподобного Серафима», говорящую о стяжании Святаго Духа как цели христианской жизни, сказывается во всем и, обличая лживость их речей, только еще ярче выставляет православную истинность этой «Беседы».

Они укоряют «Беседу» за то, что она записана светским человеком, забывая, что сами-то они, будучи в большинстве светскими по своему внешнему положению, берутся все-таки судить о духовных предметах. Но различие между светским и духовным человеком определяется не внешним положением их, не одеянием и вообще не одною внешнею жизнию, а внутреннею, и ею больше, чем внешнею. По учению св. апостола Павла, духовный человек есть тот, кто живет не по плоти, а по духу. *Сущий бо по плоти плотская мудрствует, а иже по Духу, духовная. Мудрование бо плотское смерть есть, а мудрование духовное живот и мир; зане мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покаряется, ниже бо может. Сущии же во плоти Богу угодити не могут. Вы же несте во плоти, но в дусе, понеже Дух Божий живет в вас. Аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 5–9). Вот истинные различия между духовными и светскими людьми, и с этой точки зрения иные духовные по своему внешнему положению и одеянию мо-

гут быть названы душевными, плотскими по своей жизни, мирскими, а мирские по одеянию и внешнему положению — духовными по своей духовной жизни. А такой именно, в собственном смысле духовный, и был Николай Александрович Мотовилов, имевший постоянное общение с людьми духовными по своей жизни — подвижниками и сам любивший посещать святые обители, Божии храмы, соблюдавший церковные уставы и часто приступавший к святым таинствам Церкви, особенно к святому причащению, как наставлял его во всем этом и преподобный Серафим и как читаем мы и об этом в записанной Н. А. Мотовиловым «Беседе» его.

Нет сомнения, что и сектанты мистического направления, и старого и нового времени, и западные и наши русские постоянно говорят о Святом Духе, об общении с Ним как сущности и конечной цели христианской жизни, как говорит об этом в своей «Беседе» и преподобный Серафим; но это общение не только не имеет ничего общего с тем стяжанием Святаго Духа, о котором проповедует преподобный Серафим, а есть совершенно противоположное ему явление, как противоположны между собою ложь и истина, подлинная монета и фальшивая, или подделка ее.

Знаток святоотеческих творений и толкователь посланий святого апостола Павла, глубокий богослов и вместе великий подвижник, епископ Феофан Тамбовский в своих «Письмах о духовной жизни», написанных по поводу писем (о духовной же жизни) Сперанского, в разъяснение разнообразных путей этой жизни в ее истинно

апостольском и святоотеческом понимании так между прочим говорит об общении с Богом как сущности христианской жизни, как оно понимается и достигается в Православной Церкви в отличие от так называемого мистического сектантства, в котором обвиняли Сперанского: «Наглядное оправдание его (Сперанского) от нареканий в квиетизме и мистицизме представляют его молитвенное обращение к Божией Матери, к Ангелу хранителю, его говение, исповедь и причащение, чтение Слова Божия и простое его понимание, а тем паче чтение житий святых. Все это такие занятия и действия, на которые ни за что не согласится самый плохой мистик и квиетист... Его (Сперанского) собственный язык, конечно, был язык православный, церковный, язык святых Отцов и «Добротолюбия». Они (мистики-сектанты) искали живого общения с Богом, но не тем путем искали, а главное, надеялись своими усилиями и как бы по праву завладеть тем, что надлежало принять как дар этой милости. В напряжениях этой самонадеянной самодеятельности разгоралось воображение и порождало мечательные ожидания, которые, как жарко желаемые, скоро показались и сочтены исполнившимися и цель трудов достигнутою. Все это раскрашивалось самыми привлекательными красками и представлялось в образах прелестных, в мечтательных, заоблачных созерцаниях. Писания их завлекают, ибо говорят о дорогих сердцу предметах, но они только манят, но ничего не дают. Это отличительная черта всех их. И истинная во Христе жизнь есть жизнь сокровенная

(мистическая). Апостол Павел называет ее *животом,сокровенным со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Но в явлении своем она очень проста. Неведомо, как приходит Дух и возбуждает к покаянию. Совершив потом этот внутренний переворот, Он потом вооружает верующее сердце на многотрудную борьбу со страстями, руководит в ней и помогает. Эта борьба есть у всякого, более или менее долгая и болезненная; она приводит к чистоте сердечной, ради которой верующий труженик удостаивается и яснейшего постижения истин Божиих, и сладостнейшего ощущения того и другого в таких чертах, какие определены в Евангелии и писаниях апостольских. Это последнее является уже в конце долгих трудов и многих испытаний как венец наградный. Мистики же за эту верхнюю точку совершенства прямо и преимущественно и хватаются и ее-то и живописуют, как она рисуется в мечтах их воображения, всегда в ложных красках».

Эту не короткую выписку о сущности и характере духовной жизни как общения с Богом, как она понимается Православной Церковью и сектантами, мы нарочито сделали из такого авторитетного духовного писателя-богослова, каков есть епископ Феофан, для того, чтобы для читателей «Беседы» преподобного Серафима яснее и несомненнее стала не только невежественная ложь не разумеющих истинного христианства клеветников Преподобного, а и подлинного Православия, святоотеческая истинность учения его о стяжании Святаго Духа как цели христианской жизни. Знающие житие Преподобного, его

«жестокое жительство» в пустыньке и многотрудные подвиги поста, покаяния и непрестанной молитвы не нуждаются, конечно, ни в каком разъяснении, как и насколько в этом житии сказалось истинно православное учение о сущности христианской жизни в его отличии от сектантского и ложно-мистического, а нуждающиеся в таком разъяснении найдут его в прекрасной книге Лодыженского «Свет незримый», где «сладостнейшие ощущения» Богообщения Преподобного как «венец наградный» раскрыты в их подлинном свете и в полной противоположности тому, что известно о мечтательных переживаниях, например, Франциска Ассизского, так восхваляемого Джеймсом в его «Многообразии религиозного опыта». А чтобы видеть, что это же именно истинное православное святоотеческое учение о сущности христианской жизни как стяжания Святаго Духа Божьего, а не сектантское какое мудрование излагается и в «Беседе», выпишем из нее хотя самое существенное для обличения сказанных обвинителей.

Правда, преподобный Серафим говорит здесь, «что молитва, бдения, пост и всякие добрые дела, сколько сами по себе ни хороши, однако не в делании их заключается цель христианской жизни; они служат лишь средствами, способами, чрез которые приобретается эта конечная цель, и цель эта есть приобретение человеком Святаго Духа Божия». Показав на деле Н. А. Мотовилову, что такое есть присутствие Духа Святаго, и показав это в наибольшей для естества человеческого мере, преподобный Серафим, однако, ска-

зал, что «он, Мотовилов, никогда более в своей жизни подобной великой силы присутствия Божия испытывать не будет, ибо и святые угодники Божии, употребившие подвижнические труды целой жизни, не всегда подобную силу Духа иметь удостаивались; но что если он, Мотовилов, когда-нибудь будет чувствовать что-либо подобное, хотя в малой степени, то знал бы, что это и есть присутствие с человеком Господа Духа Святаго. Ну а теперь, — прибавлял преподобный Серафим, — за нами дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся и на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии крепость, окрилотеют, яко орли, пойдут и не взалчут, пойдет от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений, ибо Царствие Божие, Дух Святый, приобретается подвижническим трудом, и так трудящиеся Его приобретают».

Подобно святым Отцам, преподобный Серафим говорил, что больше всего Дух Святый приобретается чрез непрестанную молитву, в которой необходимо пребывать в великой неотступности и духовной борьбе. «Как бы вы ни начали молиться, однако молитесь не переставая до тех пор, пока не почувствуете присутствия Духа Святаго. И всегда рассуждайте, в Духе Божием находитесь вы или нет? И если нет, то рассудите, по какой причине Господь Бог Дух Святый вас оставил, и вновь ищите Его, покаявшись, и не отставайте до тех пор, пока Он снова не будет с вами Своею благодатью. На

отгоняющих Его от нас, врагов наших, надо так нападать, покуда прах их возметется. И чем больше борьбы, и хотя даже поражений, а потом побед чрез то, что не отчаялись во всепрощающем милосердии Божием, а также чрез покаяние и причащение Пречистых Таин Христовых, — тем больших венцов еще в здешней жизни получить удостоимся».

Далее преподобный Серафим объясняет, что отступление от человека Духа Святаго бывает или по причине соделания человеком греха, или как испытание степени веры человека, и что прохождение истинно христианской духовной жизни, приобретение Святаго Духа Божия возможно не одними монахами, но и людьми, находящимися в условиях мирской жизни, притом обязательно православного вероисповедания, то есть имеющими правую, лишенную всяких заблуждений веру, сохраняющими заповеди Господа Иисуса Христа и предания и постановления Соборной Апостольской Церкви; вне этого никогда, нигде и ни в ком истинного проявления Духа Божия не было и быть не может.

Сам Господь наш Иисус Христос, говоря ученикам о Царствии Божием, сказал: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не умрут, прежде чем увидят Царствие Божие, пришедшее в силе», и вскоре после того, взяв с Собою трех учеников, на горе Фавор преобразившись пред ними, показал им, что такое есть Царствие Божие; в день же Пятидесятницы, в Сошествие Святаго Духа, все апостолы возымели о том ясное понятие. Древние христиане получали это

понимание чрез святых апостолов; так, апостол Павел, придя в Ефес (Деян. 19), нашел некоторых крестившихся, но не слыхавших о том, что есть Дух Святый; когда же апостол возложил на них руки и Дух сошел на них, то и они получили ясное познание о Духе Божием. После апостолов это познание передавалось последующим христианам чрез поставленных апостолами епископов. «Но, — говорит преподобный Серафим, согласно с преподобным Григорием Синаитом, — понимание это постепенно исчезало, вместо веры действенной приобрели веру невежественную, мертвую по Духу, и под предлогом просвещения зашли в такую тьму духовную, что не стали не только понимать этого, но и верить этому, и редко можно встретить человека, в котором находится истинное проявление духовной жизни».

То обстоятельство, что Н. А. Мотовилов получил это познание чрез отца Серафима, подтверждает мысль, выраженную всеми святыми Отцами, что точное познание о духовной жизни, о Духе Божием приобретается не иначе, как чрез *научение*, и «всякий, кто начинает это искание сам собой, без совета и указаний людей истинного духовного опыта, — легко впадает в прелесть, прельщается, мечтая и воображая различно, что все испытываемое и ощущаемое им и есть действие Святаго Духа; между тем как на самом деле это или измышление ума человека, область фантазии, или же действия духа тьмы». Крайне редко кто, подобно Максиму Кавсокаливту, получил это понимание прямо от Господа или Богоматери, а потому необходимо просить

Господа указать и искать наставника, украшенного не внешними иноческими подвигами, и не сединой преклонных лет, и не мудростью или ученостью сего міра, но человека, имеющего истинные дарования и дары Духа Святаго.

Нет, думается, нужды подробно разъяснять и доказывать, что учение преподобного Серафима о стяжании Святаго Духа как цели христианской жизни есть учение апостольское, изложенное в их богодухновенных писаниях, особенно же в Евангелии от Иоанна и Послании святого апостола Павла к Римлянам. Кто внимательно читал это Евангелие, тот не мог не заметить, что чрез все это Евангелие красною нитью, связующею и объединяющею собою разнообразные обетования Спасителя о блаженстве, к которому должны приводить человека заповедуемые Им пути жизни, с заповедью о любви во главе их, как и слово о цели пришествия Спасителя и существе принесенного Им спасения, проходит мысль о единении верующих в Него, как Единородного Сына Божия, с Ним, а чрез Него Единосущного Отцу, и с Богом Отцем, не только Духом Святым, а и в Духе Святом, или, что то же, о стяжании Духа Святаго как цели христианской жизни (см., например: Ин. 1, 16–17*; 3, 3–8; 4, 3–8; 4, 10–26; 6, 62–63;

* Достойно внимания, что первому митрополиту из русских, святому Илариону Киевскому, жившему на заре христианства в России (в XII в.) и великому подвигами поста и молитвы в пещере, ставшей родоначальницей Киево-Печерской лавры, принадлежит знаменитое «Слово о законе и благодати», в котором он разъясняет учение о сущности принесенного Христом спасения на основании и в смысле слов святого Иоанна Богослова: *закон Моисеом*

7, 37–39; 14, 16–20 и 26; 15, 26; 16, 7–15 и др.*). И мы знаем, что пока не пришел этот посланный от Отца вознесшимся к Нему Господом Иисусом в пятидесятый день по Его Воскресении Утешитель Дух Святый и не сошел на возлюбленных учеников Христовых, которых до того времени Сам Он научал тайнам Царствия Божия и которые на словах и тогда за него готовы были в темницу и на смерть, на самом-то деле не только отрекшись убежали от Него при взятии Его воинами и осуждении Его (Мф. 26, 33 и 56, 69–74), а и не всегда способны были даже усвоить Его учение о спасении и поверить Ему (см., например: Ин. 14, 5 и 8, 22; 16, 12, 17–18; Мф. 20, 21; Мк. 6, 52; Лк. 24, 11 и 21; Деян. 1, 6 и др.). Когда же Дух Святый сошел на них в виде огненных языков (Деян. 2, 3–6), они не только в тот же час вспомнили и усвоили, чему учил их Иисус Христос, а и тогда же смело шли за Него на суд и в темницу и потом пронесли это учение по всему міру, преподав его в оставленных ими писаниях в необъятной для мудрецов мира сего глубине и высоте, и, возрожденные и обновлен-

---

дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть (Ин. 1, 17); в полном соответствии с этим словом первого, так сказать, русского богослова стоит и то, что говорит в последнем по времени труде своем первейший современный богослов Н. Н. Глубоковский «Православие по его существу»: «Для Православия христианство является не учением, а жизнью таинственного общения с Богом во Христе и благодатного обновления от Духа Святаго в целокупном братстве верующих».

* Указание и разъяснение всех этих именно и др. мест и разъяснение их в данном смысле см. в статье священника И. Соловьева «Поклонение Богу в Духе и Истине» («Вера и Церковь». 1889, кн. IV–V).

ные духовно, с радостию шли на страдания и смерть, иногда самую по суду міра позорную и по немощи плоти мучительную, как на желанную, ибо смерти уже нет и видимая смерть есть лишь дверь ко Христу и вечной жизни. Особенно драгоценно в этом отношении для нас то, что мы знаем о более всех потрудившемся в апостольстве и, может быть, более всех страдавшем внешне святом апостоле Павле, который из гонителя христиан, дышавшего на них гневом, стал апостолом и, трудясь непомерными трудами, говорил: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе* (Флп. 4, 13), *ибо уже не я живу, живет во мне Христос* (Гал. 2, 20); *для меня жизнь — Христос, а смерть — приобретение* (Флп. 1, 21). В своем Послании к Римлянам, не напрасно именуемом некоторыми пятым Евангелием, выясняя сущность принесенного Иисусом Христом спасения, которого не имели язычники и не давал закон и которое должно обнять собою не только род человеческий, а обновить и возродить и весь видимый міp, он говорит именно о посланном Христом в міp Духе Святом, который упраздняет немощное закона, спослушествует нам в самих молитвах наших, оживления которым чает вся тварь, повинувшаяся тлению за повинувшего ее, и к стяжанию которого Он и зовет всех как к цели христианской жизни. В этом отношении преимущественное значение в самом Послании к Римлянам имеют 5, 7, 8 и следующие главы, кончая 11. *О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие*

Его (Рим. 11, 33), — заключает свою богодухновенную философию не по стихиям міра, а по Христе святой апостол Павел.

Верные слову апостольскому, истинные ученики Христа Спасителя, наследники Божии и сонаследники Христу, уже вошедшие в славу Его, преподобные отцы и учители наши, кроме жизни своей святой и Богоугодной, оставили нам и писания свои, в которых в наше наставление и поучение и изображали, как каждый из них способами, различными по видимости, но совершенно одинаковыми по внутреннему содержанию, шел по пути заповедей Христовых и тем восстановлял в себе Образ Божий, истлевший в нас страстьми... Остановив свое внимание на заповеди Господа о любви к Богу и ближнему, к которой сходятся все, как бы они ни были разнообразны, все угодники Божии начинали исполнение ее с утверждения в любви к Богу, ибо опытно познавали, что без нее не может быть и истинной любви к ближнему, а с преуспеянием в ней и стяжанием чрез нее Духа Святаго, содействием этого Духа легко достигается и истинная любовь к ближнему. Поэтому в писаниях их, хотя много говорится о посте, бдениях, молитве, о самопринуждении к смирению, о борьбе с помыслами и т. п., однако основанием всему всеми св. Отцами предлагается непрестанное памятование о Боге, как верный, испытанный способ для исполнения первой заповеди; проходя его долго и неуклонно, преуспевали они в любви Божией и приобретали чрез это то высокое духовное совершенство, которое заключается в явном соединении

человека с Богом, и при посредстве этого единения получали ту удивительную заповеданную Христом любовь к ближнему, которая, как дар Духа Святаго, всегда исполнена бывает дел милосердия, неосуждения, незлобия, кротости, не имеет гордости, тщеславия, зависти и т. д.

Различно исполнялось святыми Отцами это основное правило их духовной жизни — непрестанное памятование о Боге: одни из них точно и неуклонно исполняли для этого молитвенное правило, состоявшее в псалмопении, коленопреклонениях и других подвигах; другие, оставив внешние видимые подвиги, занимались непрерывно внутренней молитвой Иисусовой, даже тогда, когда заняты были теми или иными житейскими делами, как бы освящая их этою молитвою.

Различно именовали они и то явное соединение человека с Богом, которого достигали путем этого непрестанного памятования о Боге: одни называют его «умосердечной молитвой», другие — «чистой молитвой», третьи — «духовным художеством», иные — «благодатью, или созерцанием вещей духовных»; а многие выражались с большею ясностью и, подобно, например, Макарию Великому, называют его «стяжанием человеком Господа Бога Духа Святаго».

Знающие житие преподобного Серафима ведают, конечно, — повторим сказанное выше, — как в полной, чрезвычайной и в древние славные времена христианского подвижничества мере и силе проходил он этот боголепный путь жизни во Христе, Христовою любовью обнимая всех труждающихся и обремененных, скорбя-

щих и озлобленных, милости и помощи Божией требующих и всех Духом Святым преизобильно почивавших на нем, всячески утешая. В предлагаемой «Беседе» увидят они истинно святоотеческое разъяснение значения этого испытанного им пути в смысле стяжания чрез него Духа Святаго Божиего как цели христианской жизни и с трепетом душевным прочтут, конечно, о том видимом озарении его Духом Святым, которое так напоминает собою то, что говорит Господь о блаженстве праведников в Царствии Небесном, когда просветятся они, как солнце (Мф. 13, 43).

Справедливость настоящего заключения будет совершенно очевидною, если мы наперед «Беседы» предложим несколько соответствующих ей святоотеческих творений.

«Дух Утешитель, приемлемый в Крещении, дает нам, — свидетельствует по собственному изобильнейшему духовному опыту знаменитый основатель пустынножительственного подвижничества, главный поборник Православия против арианства святой Антоний Великий (живший с половины III до половины IV века), — дает нам силу действовать свято, чтобы опять возвести нас в первое славное состояние и сделать достойными получить вечнопребывающее наследие. *Ведайте, что, которые во Христа крестятся, во Христа облекаются* (Гал. 3, 27–28), получая благодать Святаго Духа. И Святый Дух в то же время как становится для них залогом наследия вечного Царства Небесного, научает их тому, как должно поклоняться Отцу в духе и истине (Ин. 4, 23). «Я молился о вас, — обнадеживает и

наставляет своих возлюбленных чад великий учитель, — да сподобитесь и вы получить того великого огненного Духа, Которого получил я... Он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны, отгонит от вас страх людей и зверей — и будет у вас небесная радость день и ночь, и будете в этом теле, как те, кои уже находятся в Царствии Небесном» (Добротолюбие. 4-е изд. Т. 1. С. 34, 35).

Преподобный Иоанн Лествичник, великий христианский подвижник VI в., оставивший нам в хорошо всем ревнителям благочестия известной «Лествице» изображение пути духовной жизни, говорит в ней: «Бесстрастие есть сердечное небо ума, которое все коварства бесов считает за детские игрушки... Оно есть Воскресение души прежде Воскресения тела... Истинно бесстрастным называется и есть тот, кто тело свое соделал нетленным, ум возвысил превыше всякой твари, все же чувства покорил уму, а душу свою представил лицу Господню... И сие совершенное совершенных несовершаемое совершенство (по слову вкусившего оное) так освящает ум и исхищает его от вещественного, что часто от жизни в теле восхищением на небо возносит к видениям... Кто сподобился быть в сем устроении, тот еще во плоти имеет живущего в себе Самого Бога, Который руководит его во всех словах, делах и помышлениях. Посему таковой через внутреннее просвещение познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас и будучи выше всякого человеческого учения, говорит: *Когда приду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 3).

«*Бог на то создал нас, чтобы мы соделывались общниками Божеского естества* (2 Пет. I, 4) и *причастниками Его присносущности и подобными Ему являлись* (1 Ин. 3, 2) по благодатному обожению, ради коего все сущее устроено и пребывает, и не сущее еще приводится в бытие и порождается» — так определяет цель человеческой жизни преподобный Максим Исповедник, великий христианский мудрец половины VII в. (см. «Умозрительное и деятельное», § 99). А указывая путь к этой блаженной цели, он начертывает его в таких словах: «Надлежит разумом вместо неведения к Богу возноситься» чрез познание его взысканием, вожделением очистив его от страсти самолюбия, только к Богу устремляться всем желанием; энергиею, отрешив ее от ненависти, усиливаться улучить единого Бога и создать в себе Божественную и блаженную любовь, с Богом соединяющую и Богом являющую Боголюбца, — любовь, которая из них, то есть из Боговедения и Богожелания, и ради которой они (§ 93). Любовь — вот «дверь», коею входящий вступает во святая святых и сподобляется быть достойным зрителем неприступной красоты Святой и царственной Троицы» (§ 97).

Преподобный Исаак Сирин — великий подвижник и писатель конца VII и начала VIII века, изображая последовательные ступени, которые проходит человек во внутреннем своем отношении к вопросам духовной жизни, говорит: «Человек, пока в нерадении (то есть не идет путем живой веры и не стремится к Богу Живому), боится часа смертного, а когда приблизится к

Богу, боится сретения Суда; когда же всецело подвинется впредь (то есть войдет в область чистой любви к Богу), тогда любовью поглощается тот и другой страх». Любовь эта сладостней жизни и, торжествующая над смертью, рождается, по словам святого Исаака, от истинного познания Бога, а истинное познание есть «ощущение бессмертной жизни, которая сама есть ощущение Бога». «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной», — молится Преподобный, показывая этой молитвой, что жизнь вечная доступна человеку и в этой грешной земле, что она не только предмет чаяния в будущем, но и ощущения в настоящем. Говоря в другом месте о сладости ночного молитвенного бдения, сирский философ свидетельствует, что «в эти часы душа ощущает оную бессмертную жизнь и ощущением ее совлекается одеяния тьмы и приемлет в себя Духа Святаго» (гл. 42).

«Кто, как должно, верует во Христа, тот имеет жизнь вечную в себе, которая есть благодать Господа нашего Иисуса Христа», — говорит святой Симеон Новый Богослов (живший в XI веке). «Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, что Христос Господь благодатию Святаго Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные (грехом) души наши и дает им жизнь, и дарует очи видеть Его Самого — бессмертного и нетленного живущим в нас. Постараемся же, — говорит святой подвижник, — сохранить Божественные заповеди и очистить сердца свои слезами и покаянием, да узрим Самого Христа — этот Божественный свет, и да стяжем Его еще здесь, в настоящей

жизни, да животворит Он души наши благодатию Всесвятаго Духа и да питает их сладостью чаемых благ Царствия Своего».

«Целью, — говорит он в другом месте, — всех живущих по Богу должно быть благоугождение Господу Иисусу Христу и примирение с Богом Отцем чрез приобретение Духа Святаго и чрез это получить спасение, ибо лишь в этом заключается спасение всякой души. И если у нас нет этого искания Духа Святаго, то напрасен всякий труд и суетно всякое делание наше; бесполезен путь, не ведущий к сему. Кто же обогатился сим небесным сокровищем, разумею, пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: *Аз и Отец Мой приидем и обитель у него сотворим* — тот по опыту знает, какую получил радость, какое сокровище имеет в сердце своем; беседуя с Богом, как друг с другом, дерзновенно стоит он пред лицем Того, Кто обитает в нем в свете неприступном. Кто верит тому, что я говорю, тот блажен; кто трудится, чтобы действительно приобрести это, — тот треблажен; кто же достиг и как сын дошел до Самого Бога, тот, чтобы не сказать мне нечто большее, — Ангел. Кто же думает, что имеет в себе Духа Святаго, на самом же деле не имея, тот, когда слышит, что, однако, действия Святаго Духа явно и ощутительно бывают в тех, которые действительно Его имеют, — никак тому не верит, ибо всякий по собственному духовному состоянию судит и о других. Но кто не сподобился приобрести сие благо, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что дело это невозможное. Будучи

обличаем и удостоверяем Святым Писанием, да знает таковой, что дело сие возможно, но по причине нарушения и неисполнения заповедей Божиих каждый сам себя лишает сего блага».

Святой Григорий Палама, архиепископ Солунский XIV века, прославившийся борьбой с варлаамитами в учении о несозданном свете Фаворском, говорил: «Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, тогда он соединяется с Богоначальною Троическою Единицею, затворяет всякий вход прелести, погрешению и заблуждению и становится выше плоти, міра и миродержителя. Избегши таким образом сетей их, всецело пребывает он в себе и в Боге, вкушая источающееся извнутрь духовное радование... Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Господь» (Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. С. 300–301). «Настоящая смерть, — говорит он же, — есть то, когда душа чрез соделание греха разъединяется с Духом Божиим; имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Обратно тому — жизнь души есть соединение с Духом Божиим. И не ревнующие стяжать Духа Святаго еще здесь, на земле, да не обольщают себя пустыми надеждами получить это там или как-нибудь сподобиться в то время человеколюбия Божьяго, ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования, время гнева и суда Божия.

Итак, надлежит постоянною молитвою стяжать Духа Святаго, и не только стяжать, но и сохранить, ибо есть такие, которые, получив о Нем понятие, опять Его потеряли, так как постоянное терпение в стяжании Его не все имеют».

Все эти собственными опытами духовной жизни добытые и Православною Церковью чтимые святоотеческие свидетельства об ней невольно припоминаются при чтении «Беседы преподобного Серафима о цели христианской жизни» как с этой беседой единомысленные и согласные, и, припоминаясь, как бы сливаются с нею в один голос Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви Православной.

Но мы не сказали бы самого главного в обоснование своей мысли об истинно церковном, святоотеческом характере и значении «Беседы преподобного Серафима о цели христианской жизни», если бы не привели свидетельства о сущности этой жизни как стяжании Святаго Духа из Творений одного из знаменитейших преподобных мужей IV века Макария Египетского в его «Беседах» и «Словах о Святом Духе». Мы нарочито отложили выписку этих свидетельств к концу, потому что «Беседа преподобного Серафима» представляет собой полное отражение не только мыслей, а и слов и выражений именно этого святого Отца, в Творениях которого это учение, изложенное пространно и проникновенно, более, чем у других, есть главное их содержание.

В своей книге «О совершенстве», которому обязаны все христиане (50 бесед и 7 слов), святой Макарий Великий говорит, что духовное со-

вершенство есть не иное что, как явное соединение с человеком Господа Духа Святаго, и во всех беседах подробно указывает на то, что это есть то самое, чего каждый христианин должен достигать в большей или меньшей мере. «Как ни прекрасны, — говорит он же, — пост, молитва и различные способы и подвиги, однако неразумно останавливать на них свое внимание, но, исполняя их, необходимо все свои прошения обратить на приобретение Святаго Духа Божия, ибо Его только пришествие может начать уничтожать постепенно греховные страсти, живущие в человеке и вести человека к совершенству».

Это о главной мысли «Беседы преподобного Серафима», а вот и всего вообще содержания «Беседы» касающиеся выдержки из Творений святого Отца.

«Адам, — так читаем мы в *Беседе 12*, — преступив заповедь, утратил Образ Божий, в котором состояло все его небесное наследие. Если золотую монету, имеющую царское изображение, обрежут, то пропадет золото, и изображение не придаст ей цены — так, подобно сему, произошло и с Адамом: лишился он Духа Святаго. Не говорим, что человек утратился, нет, но он умер для Бога, живет же собственным греховным естеством, Господь не входит с ним в общение».

(*Беседа 2*). «Посему невозможно разлучить душу с грехом, если Сам Бог не прекратит лукавый, греховный ветр, пребывающий в душе и теле. Но будем умолять Бога, чтобы дал нам «крилы голубины» Святаго Духа, да отлучится

от нас лукавый ветр — самый грех, живущий в нас, ибо Ему Одному возможно сделать это».

(*Беседа 3*). «Да будет предметом искания одно: *иметь Господа в уме*; работает ли кто, читает, молится ли — да имеет оное не престающее стяжание Святаго Духа, ибо не дано и невозможно человеку искоренить грех собственною силою; бороться с ним, противиться — в твоих силах, а искоренить может один Господь. А если не так, то какая нужда была бы в Господнем пришествии? Если же говоришь, что противная сила крепче и порок вполне царит над человеком и сроднился с ним, то обвиняешь в несправедливости Бога, который осуждает человека за то, что послушался сатаны. Посему утверждаем, что ум есть борец и борец равносильный».

(*Беседа 4*). «Вот мудрые пять дев поспешили взять елей в сосуды сердца своего, то есть подаваемую свыше благодать Святаго Духа, и могли войти с Женихом в небесный чертог; юродивые же не постарались, пока были еще во плоти, взять сего елея радости и за сие не допущены были в Царство. Так души, взыскавшие ныне необычайного для естества человеческого Святаго Духа, прияли елей небесной благодати и могут непреткновенно угодить Богу; души же, не приобретшие Духа Святаго, пресмыкаются мыслями на земле; сами по себе думают, что принадлежат Богу, но не прияв елея радости, не возродились Духом свыше, потому что не совлеклись духа міра. Вследствие преслушания первого человека приняли мы в себя греховные страсти и долговременным усвоением обратили их как бы в

природу, и теперь опять необычным даром Духа Святаго надлежит нам изгнать из себя сии страсти и восстановить первоначальную чистоту. Да потщится человек благоугодить Господу и на самом опыте ощутительно узреть небесные блага, невыразимое наслаждение в подлинном смысле, «их же око не виде, ухо не слыша и на сердце человека не взыдоша», — узрит человек Духа Господня, соделавшегося радованием и наслаждением достойных душ. Ибо все, что ни захочет, удобно для Духа Святаго и, преобразуясь, делается видимым для любящих Его. Когда хочет — бывает неизреченным упокоением; когда хочет — бывает огнем, пожирающим всякую нечистоту греха; когда хочет — бывает радованием и миром, чтобы души на самом опыте насладились благостью и сладостью Его. И душа, которая сподобится принять сию силу свыше, то есть Святаго Духа, отрешается от всякой мирской любви и освобождается от порока. Итак, посвятим себя исканию сего единственного блага. А если это покажется невозможным и неисполнимым (а такая мысль есть внушение злобы и препятствует нашему спасению), то приведем себе на память, как Господь давал прозрение слепым, целил всякую болезнь и воскрешал мертвых; кольми же паче душу, которая у Него просит милости, приведет к чистоте, даст Духа Святаго просящим у Него; сим убеждая нас к тому, чтобы непрестанно, неотступно, неутомимо просили мы у Него сего блага».

(*Беседа 5*). «Апостол Павел, рассуждая о сем небесном сокровище, то есть о Духе Божием, и

описывая чрезмерность скорбей, показывает, что каждый должен искать и что обязан приобрести, говоря: «Вемы бо, яко, аще земная наша храмина разорится, создание от Бога имамы — храмину нерукотворну на небесах». Посему каждый должен стараться приобрести оную храмину и верить, что приобретается она еще здесь, на земле. И те, которые суть в действительности христиане, радуются, исходя из тела, ибо имеют оную храмину нерукотворну; храмина же сия есть обитающий в них Святый Дух. И в какой мере приобретет каждый Святаго Духа, в такой мере будет в день всеобщего Воскресения и прославлено тело его. Поэтому должно верить и ожидать с великим терпением и надеждой, что ныне еще можем сподобиться принять в себя силу и славу Святаго Духа, и будем просить Господа, чтобы еще ныне нам сделаться причастниками оной славы и возыметь общение со Святым Духом. И ты, как скоро слышишь это, обрати внимание: подлинно ли это приобретено твоей душой? Ибо это не слова, произносимые мной просто, но дело истинно, в душе совершаемое явно. Горе душе, если, остановившись на своей природе, не имеет она общения с Духом Божиим, потому что умрет, не сподобившись вечной жизни. И это, повторяю, не просто произносимые слова, но дело духовной жизни, совершаемое в душе, достойной и верной».

(*Беседа 8*). «Благодать Духа Святаго действует в человеке различно, иногда возгорается и воспламеняется сильнее, а иногда слабее и тише; сверх того иным являлось светоносное одеяние,

которого нет на земле, ибо, как Господь с апостолами, вошедши на гору, преобразил ризы Свои и сделал их молниевидными, так бывало с оным одеянием, и человек удивлялся и изумевал. В иное время свет сей отверзал внутренний, глубочайший свет, и человек, поглощенный сладостью сего созерцания, не владел собой, но был как бы вне себя по причине преизобилующей любви и радости. И человек, которому показано сие и который изведал сие опытом, если бы это все продолжалось с ним постоянно, не мог бы принять на себя никакого домостроительства Слова, не согласился бы ни слышать, ни позаботиться о себе, но только бы стал сидеть в восхищении и упоении. Почему находиться постоянно в такой совершенной мере не дано человеку».

(*Беседа 9*). «Однако действенность благодати Святаго Духа совершается в душе великим долготерпением, когда человек подвизается в продолжение времени и целых лет, когда после многих испытаний окажется благоугодным Святому Духу. Душа приемлет дарование Святаго Духа после долговременного борения, после опытов великого терпения, после искушений и испытаний всякими скорбями, когда ни в чем не оскорбит Духа Божия — и сего причастными делаются только одни истинные христиане. Для сего необходимо, чтобы весь ум всецело принял на себя попечение об искании сего и с терпением пребывал в ожидании наития Святаго Духа».

(*Беседа 10*). «Души боголюбивые если за веру свою и сподобятся быть причастниками сего небесного веселия, то не полагаются на себя, почитая

чем-либо, но в какой мере приобретают Духа Божия, в такой мере по ненасытимости небесного ощущения с большим напряжением взыскуют оных. Они достойны вечной жизни, избавляются от страстей и в полноте приемлют озарение и причастие и общение со Святым Духом. Души же расслабленные и немужественные, потому что находятся во плоти, не стараются *не отчасти, но совершенно с полным ощущением и несомненностью* быть в общении с Утешителем — Духом Божиим, посему самому не приемлют избавления страстей. Приять же полную силу Духа возможно не вдруг; напротив того — многими трудами и подвигами после испытаний и искушений приемлют сие духовное возрастание и достигают даже до совершенной меры бесстрастия».

(*Беседа 11*). «Тот небесный Огнь Божественного Духа, который христиане здесь еще приемлют внутрь себя, — когда разрушится тело, начнет действовать вовне и снова сопряжет члены, совершит Воскресение. Так ныне верные души приемлют в себя сей Божественный и небесный Огнь, и сей-то Огнь производит в человеке *Небесный Образ*».

(*Беседа 14*). «Всякое видимое в міре дело делается в надежде получить пользу от труда, иначе напрасны и труды — так человек, проводя время в молитвах, и прошениях, и подвигах, должен ожидать Господа, когда придет и явит ему Себя, и не должен человек надеяться на свои труды, пока не придет Господь и не будет обитать в человеке *со всяким ощущением и действием Святаго Духа*».

(*Беседа 15*). «Христиане должны переносить скорби и внешние и внутренние брани, чтобы все побеждать терпением. Таков путь христиан: где Дух Святый, там, как тень, следует гонение и брань! Вы все, соделавшиеся причастниками Святаго Духа, ни в чем — ни в малом, ни в великом — не поступайте с пренебрежением и не оскорбляйте Духа Божия, чтобы не лишиться Его, ибо те, которые стали причастниками Его, если не будут осторожны, угасают».

(*Беседа 17*). «Те, которые приобрели небесный елей радования, приемлют печать нетленного Царства — Самого Духа Святаго Утешителя; сии могут взойти в меру совершенства и не дивятся тому, что будут царствовать со Христом в будущем веке, ибо, будучи еще во плоти, приобрели в себе сие ощущение сладости и действия Духа Святаго. Вкушение Святаго Духа производит неутолимую, почти духовную, жажду, которая по справедливости уподобляется жажде человека. И это, говорю, не одни слова, но действие Святаго Духа».

(*Беседа 18*). «Поэтому кто приобрел и имеет в себе сие небесное сокровище Святаго Духа, тот чисто может совершать всякую правду по заповедям. Через приобретение Духа Святаго душа производит плоды Духа и без всякого труда исполняет все заповеди Господни, чего ранее без него исполнить была не в силах».

(*Беседа 19*). «Сподобившиеся принять Духа Святаго бывают многообразно и различно путеводимы Им. Иногда они бывают обвеселены и радуются радостью и веселием неизглаголанным;

иногда бывают упокоеваемы божественным покоем; иногда, как бесплотные Ангелы, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность, находясь еще в теле; иногда бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые Духом; иногда плачут и молятся за все человечество, воспламеняемые к нему духовной любовью; иногда имеют такую духовную радость и любовь, что готовы вместить в сердце своем всякого человека, не различая злого и доброго. Иногда, получив истинное смирение, исходящее от Духа, готовы унижать себя перед всяким человеком и почитать себя последними и меньшими из всех; иногда делаются подобными сильному воину, выходящему на брань на врагов, чтобы победить их; иногда упокоеваются в великом мире и тишине, пребывая в одном духовном удовольствии, в неизреченном упокоении и благоденствии. Так разнообразно действует в человеке Святый Дух. Но сии перечисленные нами действия Духа проявляются в такой большой мере в людях, близких к совершенству, и совершаются непрерывно, так что одно действие Духа следует за другим. Так люди сии, водимые Духом Святым, уподобляются Христу».

(*Беседа 20*). «Если кто не имеет у себя божественной и небесной ризы, то есть силы Духа Святаго, как сказано: *Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов*, то да плачет и умоляет Господа, чтобы приять ему сию подаваемую с неба ризу, потому что покрыт великим стыдом страстей и бесчестия, кто не облечен в сию ризу Духа. Господь отвращается от душ, которые не облечены с полным удостоверением в

ризу Духа. Только силою Божественного Духа, сим одним врачеством может человек получить исцеление — по очищении сердца Духом Святым, и Господь обещал дать Духа Святаго просящим у Него! И не ложен Обещавший!»

(*Беседа 26*). «Человек может отречься от мира, удалиться, пребывать в молитвах и бдении, может любить Бога и братий — и это есть его собственное дело, но если ограничится он сими деланиями и не будет надеяться принять нечто иное, и не повеет на душу ветр Святаго Духа, то человек не принесет достойных плодов Господу».

(*Беседа 27*). «Христианство не есть что-либо маловажное: оно есть великая тайна, и тайна сия необычна для міра сего, ибо, говорит Апостол: «Вера наша не в препретельных человеческие премудрости словесех, но в явлении Духа и силы».

(*Беседа 29*). «Иные как скоро преступят с верой, то без их трудов, без потов и подвигов предваряют дарования и дары Духа Святаго. И сие дается Господом не без причины и не как случится, а по непостижимой некоей премудрости Его, а иным, хотя и удалились из мира, отреклись по Евангелию от всего и проводят время в посте и молитвах, — Господь не скоро дает сие благо, но медлит и удерживает сей дар. И сие не без причины и не как случится, но опять-таки по неизреченной премудрости для испытания веры их. Однако нужно верить, что, пребывая еще во плоти, сподобятся и они сей небесной благодати и сподобятся вечной жизни. Посему кто старается уверовать, тому надлежит мо-

литься, чтобы здесь еще приять Духа Святаго ему, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще возвратить человеку утраченное им — Духа Святаго, сотворить в душе человека Себе обитель. И кто не искал и не приял сего здесь, то по исшествии из тела отлучается уже в страну тьмы».

(*Беседа 32*). «Когда душа твоя будет в общении с Духом Святым и сия небесная душа войдет в душу твою, тогда совершенный ты человек в Боге, и наследник, и сын».

(*Беседа 37*). «Но если бы нашелся кто и возразил, что одни апостолы могли так явно приять Духа Святаго, а нам сие невозможно, то апостол Павел говорит: «*Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов*».

(*Беседа 38*). «*Вопрос*: если некоторые продают имения, отпускают на свободу рабов, стараются исполнить заповеди Божии, но не стараются в міре сем приять Святаго Духа, то неужели не войдут они в Царство Небесное? *Ответ*: это предмет тонкий для рассуждения, ибо некоторые утверждают, что Небесное Царство одно и геенна одна; мы же говорим, что много степеней, различий и мер и в Царствии Небесном и в геенне».

(*Беседа 41*). «Благодать Святаго Духа может в одно мгновение очистить человека и сделать его совершенным, однако начинает посещать душу постепенно для испытания человеческого произволения. И в продолжение времени и многих лет если душа ничем не огорчит Духа Святаго, то благодать Его пускает корни до глубочайших со-

ставов и помышлений души, пока вся она не будет объята всей благодатью Небесного Духа».

(*Беседа 42*). «Души, украшенные лишь мирскими знаниями, разумением и самым острым умом, подобны большим городам, не имеющим крепких стен от врагов, и потому мудрые века сего — Аристотель, Платон, Сократ — при всех знаниях своих уподобились сему, ибо опустошены были духовными врагами, потому что не было в них Духа Божия».

(*Беседа 43*). «Христиане обязаны иметь всегда памятование о Боге, ибо написано: «*Возлюби Господа Бога от всего сердца*», то есть не только когда ходишь в церковь, люби Господа, но, и находясь в пути, и беседуя, и вкушая пищу, имей памятование к Богу, любовь и приверженность к Нему».

(*Беседа 44*). «Господь наш Иисус Христос для того и пришел, чтобы изменить, преобразить душу, низложенную вследствие преступления греховными страстями, создать ее вновь собственным Своим Божественным Духом, влить в нее «вино новое», то есть Духа Святаго».

(*Беседа 49*). «Если кто ради Бога оставил все, отрекся от міра, распял себя самого, сделался странником, нищим, но вместо всего сего оставленного не обретет в себе Божественное упокоение, не облечется в ризу Духа Святаго, не познает в душе с несомненностью общение с Небесным Духом, не приобретет внутрь себя радость Духа — то стал он «солию обуявшей»; он жалок паче всех людей: и здешнего лишил себя, и Божественным не насладился, не по-

знал по действию Духа Божественных тайн. Посему если удалишься от всего житейского и прилежно будешь пребывать в молитве, то познаешь, что сей труд принесет тебе величайшую радость: Сам Бог вселится в тело человека, и Господь имеет у Себя прекрасную обитель — человека! Как небо и землю сотворил Он для обитания человеку, так тело и душу человека создал Он в жилище Себе, чтобы вселиться и упокоеваться в теле его, как в доме Своем».

(*Слово 3, гл. I*). «*Царствие Божие внутрь вас есть* — сими словами означается, что небесное веселие Духа Святаго в душах достойных выражается явственно, ибо души сии через действенное общение с Духом Божиим здесь еще приемлют начатки того веселия, той радости, того наслаждения, которого святые в Царствии Христовом приобщаться будут в вечном свете».

(*Слово 3, гл. XI*). «Утверждающим, что невозможно достигнуть совершенства и полного освобождения от страстей и сподобиться явного общения со Святым Духом, необходимо представить из Божественных Писаний и доказать, что говорят они ложно и худо знают дело, ибо Господь говорит: *Будите убо совершенни и вы, яко же Отец ваш Небесный совершен есть*, означая сим совершенную чистоту».

(*Слово 4, гл. XIII*). «Необходимо также позаботиться и испросить у Господа приобретение великой рассудительности, чтобы уметь входить в исследование многообразных козней лукавого, который обольщает человека благовидным представлением. Поэтому не поддавайся скоро вну-

шениям духовных сил, хотя бы это были и сами небесные Ангелы, но будь медлителен, ибо действия Святаго Духа не неявны и грех не может произвести оных, хотя бы и принял на себя личину добра; так если сатана и представит светлые видения, но не может при этом произвести доброго действия, и это служит точным его признаком: не может он произвести любви к Богу или ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости духовной, ни мира, ни духовного упокоения, ни успокоения мысли, ни усмирения какой-либо страсти, так как все бывает явным образом произведением Духа Божия; скорее всего сатана способен и силен внушить кичиние и высокоумие. Но как уксус и вино на вид похожи, а вкус различает свойство того и другого, так и душа по духовному в ней ощущению и действенности может различить присутствие Духа Божия от мечтаний лукавого».

(*Слово 6, гл. XXX*). «Прекрасное дело — пост; прекрасное дело — бдение, а равно прекрасны подвижничество и странническая жизнь, и все это есть начало жития Боголюбивого, но совершенно неразумно полагаться на одни подобные сим дела.

(*Слово 7, гл. XI и XII*). «Господь говорит: *Аз и Отец Мой приидем и обитель у Него сотворим.* И не тайно, не действенно, но в силе и истине совершается сие в сподобившихся. И ныне во тьме пребывает душа, которая не сподобилась еще, чтобы обитал в ней Господь и чтобы сила Благого Духа приосеняла ее *действенно*».

Н. П. [Николай Петрович Попов]

(ск. после 1935)

— археолог, историк культуры; заведующий отделом рукописей Синодальной библиотекой в Кремле, магистр богословия. Автор большого числа научных публикаций: Рукописи Синодальной библиотеки. Вып. 1. Новоспасское собрание. М., 1906; Автографы митрополита Макария, собирателя Великих Миней. СПб., 1913; Афанасиевский извод повести о Варлааме и Иоасафе. Б. м., 1926 и др. Рукописные версии «Беседы» Преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым Попов, возможно, получил от синодального ризничего, архимандрита Арсения (Леонида Ивановича Денисова, ск. после 1932), известного духовного писателя, автора капитального труда о жизни и чудотворениях Саровского подвижника, либо от Н. Потапова, лично общавшегося с Еленой Ивановной Мотовиловой в 1906 г. и составившего о ней воспоминания («Душеполезное Чтение», июль-август 1912). Версии «Беседы» приведены в книге Николая Попова «О цели христианской жизни. Беседа Преподобного Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым». (По собственноручным записям последнего с предисловием Н. П.). Сергиев Посад, 1914. Публикатор выставил тогда криптоним «Н. П.».

Текст **Богословского разбора «Беседы»** публикуется по: Серафимово послушание. Жизнь и труды Н. А. Мотовилова. Сост. А. Н. Стрижев. М, 1996. С. 215–246.

Преподобный Макарий Египетский

О СОКРОВИЩЕ ХРИСТИАН, ТО ЕСТЬ О ХРИСТЕ И О ДУХЕ СВЯТОМ, РАЗЛИЧНЫМИ СПОСОБАМИ ВЕДУЩЕМ ИХ К ДОСТИЖЕНИЮ СОВЕРШЕНСТВА

1. Если кто в міре очень богат и есть у него скрытое сокровище: то на сие сокровище и на богатство, какое имеет он, приобретает себе все, что хочет, и, какие угодно ему, стяжания в міре без труда достает, полагаясь на свое сокровище; потому что им без труда приобретается всякая вещь, какую только человек захочет иметь. Так и те, которые прежде всего взыскали у Бога, и обрели, и имеют уже небесное сокровище Духа, самого Господа, воссиявающего в сердцах их, — сим сокровищем, сущим в них Христом, приобретают себе всякую правду добродетелей и всякое обладание благостию заповедей Господних и тем же сокровищем присовокупляют себе еще большее небесное богатство. Ибо с помощию небесного сокровища, твердо полагаясь на обилие в них духовного богатства, исполняют всякую добродетель правды и силою невидимого богатства сущей в них благодати без труда совершают всякую правду и заповедь Господню. И апостол говорит: имея *сокровище сие в скудельных сосудех* (2 Кор. 4, 7), то есть, будучи еще во плоти, сподобились приобрести в себе оное сокровище — освящающую силу Духа. И еще: *Иже бысть нам премудрость от Бога, правда же и освящение и избавление.* (1 Кор. 1, 30).

2. Посему, кто обрел и имеет в себе сие небесное сокровище Духа, тот неукоризненно и чисто совершает им всякую правду по заповедям и всякое делание добродетелей уже без принуждения и затруднения. Поэтому и мы станем умолять Бога, взыщем и будем просить, чтобы и нам даровал сокровище Духа Своего, и таким образом возмогли мы неукоризненно и чисто пребывать во всех заповедях Его, чисто и совершенно исполнять всякую правду Духа, при помощи небесного сокровища, то есть Христа. Кто нищ и беден, истаевает голодом, тот, по причине нищеты своей, не может ничего приобрести в міре. Но кто имеет сокровище, тот, как сказно уже, без труда и болезни приобретает всякое стяжание, какое только захочет. Так и душа, которая обнажена и лишена общения с Духом и пребывает в страшной нищете греха, прежде причастия Духа, не может, хотя бы и желала, действительно сотворить духовный плод правды.

3. Впрочем, каждому надлежит понуждать себя к тому, чтобы просить Господа, да сподобит обрести и приять небесное сокровище Духа, и прийдти в состояние без труда и легко совершать неукоризненно и чисто все заповеди Господни, которых прежде не мог исполнять и при всем усилии. Ибо, пребывая нищим и нагим без общения с Духом, как мог приобрести таковые духовные стяжания, не имея у себя сокровища и богатства духовного? Душа же, чрез искание Духа, чрез веру и многое терпение обретшая Господа — сие истинное сокровище, произво-

дит плоды Духа, как сказано прежде, без труда и всякую правду и все заповеди Господни, заповеданные Духом, в себе самой и сама собою исполняет чисто, совершенно и неукоризненно.

4. Или воспользуемся еще другим подобием. Если кто богат и готовит дорогую вечерю, то тратит из своего богатства и из сокровища, какое имеет, и при великом богатстве не боится, чтобы у него был недостаток в чем-нибудь; и, таким образом, позванных им гостей веселит роскошно и пышно, предлагая им различные и необыкновенные снеди. А нищий и не имеющий богатства, если вздумает приготовить для кого вечерю, все берет взаем — и самые сосуды, и платье, и другие вещи, и едва только поужинают позванные, как обыкновенно могут у нищего, отдает потом каждому, что у него занимал — или сосуд серебряный, или одежду, или другую вещь. И когда таким образом раздаст все, что принадлежит каждому, сам остается и нищим и нагим, не имея у себя собственного богатства, которым бы мог увеселяться.

5. Так и обогащенные Духом Святым, поистине имея в себе небесное богатство и общение Духа, если возглаголют кому слово истины, и если сообщат кому духовное слово, и пожелают возвеселить души, то из собственного своего богатства и из собственного своего сокровища, каким обладают в себе, изрекают слово, им возвеселяют души слушающих духовное слово и не боятся оскудения у себя самих; потому что обладают в себе небесным сокровищем благостыни, из которого предлага-

ют снеди и увеселяют угощаемых духовно. А нищий и не приобретший себе богатства Христова, не имея в душе духовного богатства, источающего всякую благостыню слов и дел, и помышлений Божественных и неизглаголанных тайн, если и хочет изречь слово истины и увеселить некоторых из слушающих, то, в действительности и по самой истине не стяжав себе слова Божия, а только припоминая и заимствуя слова из каждой книги Писания или пересказывая и преподавая, что выслушал у мужей духовных, увеселяет, по-видимому, других, и другие услаждаются его словами; но, как скоро окончит свою речь, каждое его слово возвращается в свое место, откуда взято, и сам он опять остается нагим и нищим; потому что не его собственность то духовное сокровище, из которого он предлагает, пользует и увеселяет других, и сам он первый не возвеселен и не обрадован Духом.

6. Посему-то прежде всего с сердечною болезнию и верою надлежит просить у Бога, чтобы дал нам обрести в сердцах своих богатство Его, истинное сокровище Христово, в силе и действенности Духа; и таким образом обретши сперва в себе самих пользу и спасение и вечную жизнь Господа, потом уже, сколько у нас есть сил и возможности, будем пользовать и других, из внутреннего сокровища Христова предлагая всякую благостыню духовных словес и поведывая небесные тайны. Ибо так благоволила благость Отчей воли обитать во всяком верующем и просящем Его. *Любяй Мя*, — говорит Господь, — *воз-*

люблю его, и явлюся ему Сам (Ин. 14, 4); и еще: *Аз и Отец Мой приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Так восхотела беспредельная доброта Отчая, так благоволила недомыслимая любовь Христова, так обетовала неизреченная благость Духа. Слава неизреченному милосердию Святыя Троицы!

7. Сподобившиеся стать чадами Божиими и родиться свыше от Духа Святаго, имея в себе просвещающаго и упокоевающаго их Христа, многообразными и различными способами бывают путеводимы Духом, и благодать невидимо действует в их сердце при духовном упокоении. Но от видимых наслаждений в міре займем образы, чтобы сими подобиями отчасти показать, как благодать действует в душе таковых. Иногда бывают они обвеселены как бы на царской вечери и радуются радостию и веселием неизглаголанным. В иной час бывают, как невеста, божественным покоем упокоеваемая в сообществе с женихом своим. Иногда же, как бесплотные Ангелы, находясь еще в теле, чувствуют в себе такую же легкость и окриленность. Иногда же бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые и упоеваемые Духом, в упоении Божественными духовными тайнами.

8. Но иногда как бы плачут и сетуют о роде человеческом и, молясь за целого Адама, проливают слезы и плачут, воспламеняемые духовною любовию к человечеству. Иногда такою радостию и любовию разжигает их Дух, что, если бы можно было, вместили бы всякого человека в сердце своем, не отличая злого от доброго.

Иногда в смиренномудрии духа столько унижают себя пред всяким человеком, что почитают себя самыми последними и меньшими из всех. Иногда Дух постоянно содержит их в неизглаголанной радости. Иногда уподобляется сильному воителю, который, облекшись в царское всеоружие, выходит на брань со врагами и крепко подвизается, чтобы победить их. Ибо подобно сему и духовный облекается в небесные оружия Духа, наступает на врагов и ведет с ними брань, чтобы покорить их под ноги свои.

9. Иногда душа упокоевается в некоем великом безмолвии, в тишине и мире, пребывая в одном духовном удовольствии, в неизреченном упокоении и благоденствии. Иногда умудряется благодатию в разумении чего-либо, в неизреченной мудрости, в ведении неиспытуемого Духа, чего невозможно изглаголать языком и устами. Иногда человек делается как один из обыкновенных. Так разнообразно действует в людях благодать и многими способами путеводствует душу, упокоевая ее по воле Божией, и различно упражняет ее, чтобы совершенною, неукоризненною и чистою представить Небесному Отцу.

10. Сии же перечисленные нами действия Духа достигают большей меры в близких к совершенству. Ибо исчисленные разнообразные упокоения благодати различно выражаются словом и в людях совершаются непрерывно, так что одно действие следует за другим. Когда душа взойдет к совершенству Духа, совершенно очистившись от всех страстей и в неизреченном общении пришедши в единение и сраство-

рение с Духом Утешителем, и срастворяемая Духом сама сподобится стать духом, тогда делается она вся светом, вся — оком, вся — духом, вся — радостию, вся — упокоением, вся — радованием, вся — любовию, вся — милосердием, вся — благостию и добротою. Как в морской бездне камень отвсюду окружен водою: так и люди сии, всячески срастворяемые Духом Святым, уподобляются Христу, непреложно имея в себе добродетели духовной силы, внутренно пребывая неукоризненными, непорочными и чистыми. Ибо обновленные Духом как могут производить наружно плод порока? Напротив того, всегда и во всем сияют в них плоды Духа.

11. Посему будем и мы умолять Бога, с любовию и с великим упованием уверуем в Него, да подаст Он и нам небесную благодать духовного дара, чтобы сам Дух правил и путеводствовал нас к исполнению всякой Божией воли и упокоевал нас многоразличными способами Своего упокоения и чтобы, при таком благодатном управлении, и упражнении, и при духовном преспеянии, сподобились мы прийти в совершенство полноты Христовой, как говорит апостол: *Да исполнитеся во всяко исполнение Христово* (Еф. 3, 19): и еще: *дондеже достигнем вси в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова* (4, 13). Господь всем верующим в Него поистине и просящим у него обетовал даровать тайны неизреченного духовного общения. Посему и мы, всецело предав самих себя Господу, поспешим улучить упомянутые выше блага, посвятив Ему и душу и тело и пригвоздившись

ко Кресту Христову, соделаемся достойными Вечного царства, прославляя Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Текст печатается по: Преподобного отца нашего Макария Египетского духовные беседы, послание и слова. Сергиев-Посад, 1904. С. 157–163.

Иван Михайлович Концевич

СТЯЖАНИЕ БЛАГОДАТИ БОЖИЕЙ

Типы святых бесконечны и разнообразны. Каждый святой, даже одного типа, непременно имеет свои неповторимые индивидуальные черты, так как всякая личность неповторима: *И дам ему камень бел, и на камени имя ново написано, егоже никтоже весть, токмо приемляй* (Апок. 2, 17). Но что у них общего, так это наличие у всех момента полного самоотречения и следования за Христом, подвига ради Него по Евангельскому слову: *Иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 38).

Это единственный путь, вне его нет иного. Кто же стремится непосредственно к высоким духовным достижениям, оставляя в стороне подвиг самоотречения ради Христа, покаяния и трезвения, тот *прелазит инуде* (Ин. 10, 1).

«Цель земной жизни — стяжание Духа Святаго», — говорит преподобный Серафим. Ибо благодать Духа Святаго совершает очищение, освящение и преображение человеческого естества.

Для этого одной воли человеческой недостаточно, но и без усилий с его стороны благодать не совершает спасения человека: необходимо сотрудничество (синергизм) как человеческой воли, так и благодати Божией. Последняя начинает действовать с момента вступления подвижника на путь покаяния и правильного подвига и, подобно закваске в тесте, начинает проникать все человеческое естество, очищает, преображает его. Христос сказал: *Чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, в которую женщина взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все* (Лк. 13, 20–21). О таковом действии благодати в следующих словах повествует Макарий Египетский: «Благодать непрестанно сопребывает, укореняется и действует, как закваска, в человеке, и сие сопребывающее в человеке делается чем-то как бы естественным, как бы единою с ним сущностью».

Не всем доступна духовная высота — «острое житие святых». Бог не требует от всех святости, но желает всем спасения. Безграничная любовь Божия всех зовет на пир своей славы. И самого скромного труженика, получившего лишь один талант, проходящего свой жизненный путь в покаянии и смирении ждут «Объятия Отчи». Никогда не поздно вступить на путь покаяния: «Аще кто и во единодесятый час, да не устрашится замедления: любочестив бо сый Владыка, приемлет последняго, якоже и перваго: упокаевает в единодесятый час пришедшаго, якоже делавшаго от перваго часа. И последняго милует, и первому угождает, и сему дарствует,

и дела приемлет, и намерения целует, и деяния почитает, и предложения хвалит»*.

...Мы знаем лютость наших русских морозов, а жизнь в дупле дерева показывает, что отшельник, живущий в нем [преподобный Павел Обнорский], обходился без огня. Такая жизнь превышает человеческие силы, так как всякий должен был бы погибнуть в первую же стужу.

Это явление объясняет преподобный Серафим в своей беседе с Мотовиловым о стяжании благодати Святаго Духа. После того как их осияла видимым образом благодать Божия по молитве Преподобного, последний говорил Мотовилову: «Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а смотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет нас вопиять ко Господу: «Теплотою Духа Твоего Святаго согрей мя». Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мороза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Духа Святаго истканную». Теплотой Духа Святаго «согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза»... Эти слова относятся к

---

* Триодь Цветная. Огласительное Слово Иоанна Златоустаго.

российским отшельникам. Но в египетской пустыне картина была иная и характер проявлений помощи свыше иной.

В житии преподобного Онуфрия* находится описание путешествия святого Пафнутия по внутренней пустыне, где жили среди сыпучих песков, под жгучим солнцем отшельники (IV век). Это ряд вышеестественных житий. Эти анахореты, как впоследствии по их примеру и наши отечественные, ради Бога отказались от всего присущего человеческому естеству вплоть до инстинкта самосохранения и ввергли́сь в пучину милосердия Божия безоговорочно, храня лишь веру, горами двигающую. И эта вера как тут, так и там не оставалась неоправданной. Но у нас теплотою Духа Святаго спасались от мраза, а там — среди бесплодной пустыни внезапно возникают источники, вырастают пальмы с ветвями, плодоносящими каждый месяц. Преподобный Онуфрий говорил преподобному Пафнутию о подобных себе: «Бог посылает к нам святых Ангелов», которые приносят им пищу, изводят воду из камня и укрепляют их настолько, что относительно их сбываются слова пророка Исаии, говорящего: *Терпящии же Господа изменят крепость, окрылатеют аки орли, потекут и не утрудятся* (Ис. 40, 31). Но вопрос Пафнутия, как он причащается, Онуфрий ответил следующее: «Ко мне приходит Ангел Господень, который и приносит с собою Пречистыя Таины Христовы и причащает меня. И не ко мне одному

* Четьи-Минеи. 12 июня.

приходит Ангел с причастием Божественным, но и к прочим подвижникам, живущим ради Бога в пустыне и не видящим лица человеческаго; причащая, он наполняет сердца их неизреченным веселием. Если же кто-либо пожелает видеть человека, то Ангел берет его и поднимает к небесам, дабы он видел святых и возвеселился. И просвещается душа такого пустынника как свет, и радуется духом, сподобившись видеть блага небесная. И забывает тогда пустынник о всех трудах своих, предпринятых в пустыне. Когда же пустынник возвращается на свое место, то начинает еще усерднее служить Господу, надеясь получить на небесах то, что он сподобился видеть».

То же, что было в IV веке в пустыне египетской, повторилось в «русской пустыне», в саровских лесах в XIX веке.

«Некогда, читая слова Спасителя, — говорит преподобный Серафим Иоанну Тихонову, — что «в дому Отца Моего обители многи суть», я, убогий, остановился на них мысленно и возжелал видеть сии небесная жилища... И Господь, действительно, по великой Своей милости не лишил меня утешения по вере моей и показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный... видел неисповедимую красоту небесную и живущих там: великаго Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отец наших Антония Великаго, Павла Фивейскаго, Савву Освященнаго, Онуфрия Великаго и Марка Фраческаго и всех святых, си-

яющих в неизреченной славе и радости, каких око не видело и ухо не слышало и на помышление человеку не приходило, но какия уготовал Бог любящим Его»*.

Преподобного Серафима отделяют от преподобного Онуфрия 15 веков, но мистические явления одни и те же. Преподобный Серафим почти наш современник, мы знали еще лично видевших его. Это уже не таинственная далекая древность в тумане веков. Но именно теперь, когда уже у нас почти атрофировались духовные крылья и мы забыли, какие возможности таятся в нашем духе, был послан нам преподобный Серафим, во всей силе и духовной мощи великих древних отцов, чтобы мы вспомнили о своем Богосыновстве и стремились к безграничному совершенству Отца нашего Небесного: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Сам преподобный Серафим понимал так свое назначение: в только что приведенной беседе его с Мотовиловым он в заключение сказал последнему: «Мню, что Господь поможет вам навсегда удержать это (действие благодати) в памяти вашей... тем более, что и не для вас одних дано разуметь это, а чрез вас для целаго міра, чтобы вы сами утверждались в деле Божием и другим могли бы быть полезным»**.

Ко всему сказанному можно еще прибавить следующее: любовь является доминирующей чертой северо-восточных подвижников. «Любовь к

* *В. Н. Ильин*. Преп. Серафим Саровский. Париж, 1925. С. 125.

** *В. Н. Ильин*. Указ. соч. С. 123.

Богу и ближнему стяжав, закона и пророк исполняя главизну, ибо не любяй ближняго ниже Бога возлюбити может. Ты же, преподобне отче наш Павле, обоя исполнил еси» (6-я песнь канона преподобному Павлу Обнорскому).

Такой же исключительной любовью отличался и преподобный Серафим, всех приходивших к нему именовавший «радостью». Сходство это, однако, не случайно и не является простым совпадением. Хотя оба подвижника жили в разное время, их разделяет 400 лет, но роднит их то, что они оба опытно прошли тот же путь, ту же святоотеческую школу и увенчались тем же венцом добродетели — совершенной любовью.

Иван Михайлович Концевич

(13.10.1893 — 6.7.1965)

— духовный писатель, историк. Будучи студентом Харьковского университета, Концевич часто посещал Оптину Пустынь, беседовал с ее старцами. В Гражданской войне участвовал на стороне Добровольческой Армии, под огнем был контужен. Затем — долгий путь изгнанничества. В Галлиполи (Турция) окончил Военно-инженерное училище, после чего произведен в офицеры. Позже, после переезда во Францию, Ивану Михайловичу удалось окончить физико-математический факультет Сорбонского университета. В 20-е годы Концевич непрерывно поддерживал духовное общение с Оптинским старцем Нектарием. Богословское образование получил в Парижском Богословском институте

в годы Второй мировой войны. Первая большая публикация И. М. Концевича — монография «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси»— вышла в Париже в 1952 году. Восемь лет спустя увидела свет вторая книга Концевича «Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого» (Мюнхен, 1960). После кончины Ивана Михайловича его жена, Елена Юрьевна, при содействии Глеба Подмошенского (в монашестве игумен Герман), издала капитальный труд Концевича «Оптина Пустынь и ее время». Это поистине настольная книга каждого благочестивого читателя. Ныне все основные произведения духовного писателя размножены, либо переизданы, в России.

Приведенные тексты публикуются по книге:

И. М. Концевич. Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. Париж, 1952. С. 53–54, 127–130.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Михаил Александрович Новоселов

СВИДЕТЕЛЬСТВА О ДУХЕ СВЯТЕ

От *событий* в жизни духоносного Апостола (Павла. — *Сост.*) и его сподвижников, событий, связанных с явлением Духа, перейдем к *учению* Апостола о Духе Святом, как *существенной стихии* в жизни Церкви и отдельного члена ее, как *основном Источнике освящения, просвещения, научения.*

«Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу — о духовном, — наставляет Римлян Апостол. — *Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные — жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут. Но вы не по плоти живете,а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас»* (Рим. 8, 5–11).

Хотел я ограничиться только вышеприведенными стихами из восьмой главы Послания к Римлянам, но заглянув в дальнейшее содержание этой главы, увидел, что остановиться на начале ее нельзя: она вся исполнена свидетельств о Духе. В самом деле, внимайте следующим словам Апостола: *Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!» Сей Самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться* (Рим. 8, 14–17).

Видите, друзья мои, каковы действия и силы Духа. Ясно, что в Нем, в стяжании Его — вся

жизнь христианина. Недаром преподобный Серафим наставлял своего духовного друга Н. А. Мотовилова, что цель жизни христианина не в чем другом, как именно в *стяжании Святаго Духа Божъего.*

Святый Дух не дает нам удовлетворяться тварным, временным, преходящим: *Имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего* (Рим. 8, 23). Сей Святый Дух не чужд и всей твари вообще, ибо и в ней живет, по апостолу, чаяние лучшей, нетленной жизни, и она не примиряется с суетою міра сего: *Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих,потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем,* — утверждает боговдохновенный тайнозритель, — *что вся тварь стенает и мучится доныне* (Рим. 8, 19–22).

Дух подкрепляет нас в немощах наших (Рим. 8, 26), а так как сами «*мы не знаем, о чем молиться, как должно*», то *Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией* (Рим. 8, 26–27).

Наставник в молитве, поддержка в немощах наших, Утешитель является стражем и хранителем совести нашей, что исповедует тот же апостол: *Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом* (Рим. 9, 1).

И нужно ли удивляться этому, когда святой апостол, увещевая Коринфских христиан избегать блуда и жить в чистоте, так определяет достоинство и внутреннее содержание людей крещеных: *Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога?* (1 Кор. 6, 19). Этим сказано все, и мне, может быть, следовало бы покончить с писаниями Апостола языков, но не могу удержаться, чтобы не привести вам, мои дорогие, еще нескольких боговдохновенных строк из того же Послания к Коринфянам, тем более, что строки эти как нельзя больше отвечают основной теме нашей беседы, указуя на глубочайшее просвещение, даруемое Духом истины Своим причастникам и соделывающее их зрителями тайн Божиих, сокрытых от людей, Духу Святому не причастных, как бы ни пытались они своими силами проникнуть в эти неведомые человеческому уму тайны.

Слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, — пишет Апостол поклонникам таковой мудрости, — *но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: «не видел того*

глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» [Ис. 64, 4]. *А нам,* — продолжает Апостол, — *Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проницает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего никто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа міра сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень,* — заключает Апостол свое слово о духовном и душевном ведении (о чем пространно и глубоко пишет преподобный Исаак Сирин*), — *чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов* (1 Кор. 2, 4–16).

Из моря свидетельств о Духе Святом, как основном источнике истины, премудрости и всякой благостыни, свидетельств, коими полно Писание (будучи в целом само произведением Духа) вообще и писания апостольские в частности, я почерпнул одну каплю. Но и этой капли достаточно, чтобы удостоверить нас о всесторонней

* Слова подвижнические. 25–28 (о трех способах ведения) // Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии. 2-е изд. Сергиев Посад, 1893. С. 124–138.

действенности Духа в жизни Его причастников, особливо таких, как первые ученики Христовы, которые преизобильно прияли посланного им их Учителем Духа Истины.

Казалось бы, на этом можно остановиться — куда нам идти? Ты, Душе Святый, имаши глаголы Божественной Истины* и вещаешь их міру и просвещаешь ими взыскующих Истины. — И действительно, мы видим и в апостоле Павле, и в апостолах Петре и Иоанне и других полную и непоколебимую уверенность в безусловной правде тех откровений, которые, согласно обетованию Господа, они должны были получить — и получили — от пришедшего к ним Утешителя. Однако тот же изобиловавший множайшими дарованиями духовными Апостол языков идет к самовидцам Слова, Петру, Иакову и Иоанну, проверить свое благовестие. *Ходил я,* — пишет он Галатам, — *в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению и предложил там, и особо* [слав. «наедине»] *знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно лия подвизаюсь или подвизался* (Гал. 2, 1–2). О результатах этого нарочитого свидания апостолов святой апостол Павел так сообщает в том же своем Послании к Галатам: *Увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных (ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников), и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения,*

---

* Ин. 6, 68.

чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным (Гал. 2, 7–9).

Правда, согласно большинству авторитетных толкователей Священного Писания и как явствует непосредственно из самого текста Писания (см. 1-ю и 2-ю главы Послания к Галатам), святой апостол Павел ходил в Иерусалим не ради себя, не для того, чтобы самому увериться в истинности своего благовестия, которому он ревностно, самоотверженно и с большим успехом служил до этого путешествия в течение четырнадцати лет, *не советуясь с плотью и кровью* (Гал. 1, 16), а руководясь одним откровением, — но это обстоятельство нисколько не ослабляет той мысли, что откровение Духа требует для себя ***соборной проверки***. Дух Святый не только не отвергает этого способа утверждения в истине, но и ведет к нему, ибо апостол Павел ходил к самовидцам Слова «по откровению», о чем, как вы, надеюсь, заметили, он и сообщает Галатам (Гал. 2, 2). Пусть сам он в данном случае лично не нуждался в проверке себя старейшими апостолами, так как не сомневался в истине своей проповеди; но их духовная помощь все-таки нужна была ему *для большего успеха* этой проповеди. Получить санкцию своему благовестию со стороны «*почитаемых столпами*» (Гал. 2, 9) было существенно важно для Апостола языков: их авторитетное в глазах всех верующих одобрение благовестнических трудов Апостола должно было, с одной стороны, обезоружить многочисленных врагов его, с другой — укрепить верных, но немощных учеников, которые могли иногда приходить в

сомнение и смущение под влиянием враждебных Апостолу голосов.

Соборное действие потребовалось и для санкционирования значительнейшего явления в жизни первохристианской церкви — принятия в лице сотника Корнилия с его присными язычников в недра Церкви Христовой. *Услышали Апостолы и братия, бывшие в Иудее, что и язычники приняли слово Божие. И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними* (Деян. 11, 1–3). Апостол Петр, подобно апостолу Павлу, дает обстоятельный отчет в своих действиях, явно продиктованных Духом Святым (Деян. гл. 10 и 11). Смущенные общением Апостола с язычниками, верующие из иудеев, выслушав апостольское объяснение, *успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь* (Деян. 11, 18).

Тот же Дух истины побуждает Своих причастников к соборным действиям и иного характера, когда слышиться не мирное повествование о трудах благовестия и обсуждаются — может быть, и горячо — связанные с ним вопросы, а раздается резкое обличение неправды, хотя бы она исходила от «почитаемых столпами». *Когда же Петр пришел в Антиохию,* — пишет в том же Послании к Галатам апостол Павел, — *то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо, до прибытия некоторых от Иакова, ел вместе с язычниками; а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и*

прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски? (Гал. 2, 11–14). Сходятся два величайших духоносца, два «первоверховных» апостола, и один корректируется другим в своей апостольской деятельности и, может быть, в разумении Евангельской истины, содержимой **всецело** лишь **в соборности Тела Церкви**.

Поучительно взглянуть на отношения «столпов» веры Христовой к тем, кого можно назвать «рядовыми христианами», к таким, однако, не в пример нам, нынешним «рядовым» христианам, которые, имея обильное помазание Духа Святаго, «возгревали» его «добрым подвигом» жития своего. Первое послание свое «пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии»*, святой Петр заключает такими словами: *Сие кратко написаля вам... чтобы уверить вас, утешая и свидетельствуя, что это истинная благодать Божия, в которой вы стоите* (1 Пет. 5, 12). Как великий духоносец, он, с одной стороны, *удостоверяет*, что те, кому он пишет, стоят в истинной благодати; с другой — *подкрепляет* в них уверенность, что они — в истине.

Святой апостол Иоанн Богослов в первом своем послании пишет: *Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом* (1 Ин. 5, 10),

* 1 Пет. 1, 1.

и: *Вы имеете помазание от Святаго и знаете все* (1 Ин. 2, 20). Казалось бы, зачем писать имеющим помазание от Духа истины и знающим все? Между тем новозаветный тайно-зритель считает нужным писать — и объясняет, почему он это делает: *Я написал вам не потому, чтобы вы не знали истины, но потому что вы знаете ее* (1 Ин. 2, 21).

Подобно апостолу Петру, он своим духоносным авторитетом утверждает братию в том, что им открыто помазанием того же Духа. Он хочет укрепить в них веру в это помазание и верность ему: *Помазание, которое вы получили от Него* [Сына Божия], *в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте* (1 Ин. 2, 27). Помазание, пребывавшее в современных апостолу Иоанну христианах, «учило их всему», но заботливый наставник, возлежавший на персях Господа* и больше всех ведавший тайны Господни, считает необходимым авторитетно подтвердить, что это помазание «истинно и неложно». Это свидетельство, исходившее от возлюбленного ученика Господа, от почетнейшего члена Тела Христова, изобильно приявшего благодать Духа Святаго, было, конечно, и полезно, и утешительно для братии.

Наконец, наиболее целостное соборное действие наблюдаем мы, когда апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения дела о спосо-

* Ин. 13, 23.

бах и условиях принятия язычников в недра Церкви Христовой, и когда, всесторонне обсудив этот важнейший и насущнейший вопрос того времени, они изнесли согласное решение, указав и непогрешимый источник этого богочеловеческого согласия — в словах, ставших на все времена неизменной формулой истинной кафоличности: *Изволися Духу Святому и нам** — изрекли духоносцы.

Итак, первый век имеет живых и авторитетнейших носителей Духа — апостолов, которые проверяют друг друга и утверждают верных учеников своих, хотя и эти имеют непосредственное откровение Духа.

Свидетельства Духа истины с первых времен христианства начали запечатлеваться в Писании и жить в Предании и усвояться каждым христианином чрез внутреннее им приобщение благодатию Духа и личным подвигом, при взаимной соборной проверке.

Перенесемся из века апостольского в века святых Отцов и учителей Церкви и прислушаемся к тому, что там говорится о предмете, нас занимающем; посмотрим, изменились ли к тому времени взгляды и вышеуказанная практика первенствующей Церкви.

Чтобы не умножать слов и не растягивать до чрезмерности своего письма, я из множества согласных суждений рабов Христовых этой позднейшей эпохи приведу очень немногие, и прежде всего об основном источнике познания истины: тот ли он у них, что и у самовидцев Слова?

* Деян. 15, 28.

«Одно дело, — говорит Климент Александрийский, — что приобретено упражнениями и учением, и иное, что воспринято *через откровение верою. Только последний путь ведет к познанию Божественной Истины*, и она очень близка от нас, даже в наших жилищах, как свидетельствует боговидец Моисей»*.

«Научает нас, — утверждает блаженный Августин, — *внутренний* Учитель, научает Христос, Божественное вдохновение; где нет этого вдохновения и внутреннего просвещения, там тщетно действие слов извне»**.

«И если *Духа Божия* нет *в сердце* слушателя, — подтверждает также Григорий Богослов, — то напрасны рассуждения учителя, ибо если Тот, Кто научает, не находится *внутри*, то язык учителя, который вне, трудится *понапрасну*»***.

«Потому что, — заключает блаженный Иероним, — закон духовен, и нужно *откровение*, чтобы понимать его»****.

«Великие дела, — свидетельствует святой Афанасий, — творит ежедневно наш Спаситель: Он влечет нас к благочестию, склоняет к добродетели, пробуждает стремление к небесному, научает бессмертию, открывает познание Отца, дарует силу, смерть разрушающую, и Сам *Себя являет* каждому»*****.

---

* *М. А. Новоселов*. Забытый путь опытного Богопознания. 3-е изд. М., 1912. С. 9.

** Там же. С. 9.

*** Там же. С. 9–10.

**** Там же. С. 10.

***** Там же. С. 10.

«Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, — как бы изъясняет мысль святого Афанасия преподобный Симеон Новый Богослов, — что Христос Господь благодатию Святаго Духа приходит к нам, и воскрешает умерщвленные души наши, и дает им жизнь, и дарует очи *видеть Его Самого, бессмертного и нетленного, живущим в нас*»*.

«Как без глаз, языка, ушей и ног невозможно видеть или говорить, слышать или ходить, так *без Бога и от Него подаваемой действенности* равно невозможно соделаться причастником Божественных Таин и познать Божию премудрость или обогатиться по духу, — слышим мы от богоносного Макария Египетского. Мудрые у Еллинов, — продолжает развивать свою мысль св. Отец, — занимаются словесными науками и усердно проводят время в словопрениях, а рабы Божии, хотя и незнакомы бывают со словесными науками, усовершаются *Божественным ведением и Божиею благодатию*»**.

«Кто слышит только внешний и плотский голос, — поучает святой Лев Великий, — тот слышит тварь; Бог же есть Дух, и Его можно слышать *только чрез Духа*, так и Иисуса никто не может назвать Господом, как только Духом Святым»***.

Нужны ли еще свидетельства в подтверждение полного согласия святых Отцов с самовидцами Слова, апостолами — в учении о перво-

---

* *М. А. Новоселов.* Забытый путь... С. 37.

** Слово 5-е (О возвышении ума), гл. 15 // *Макарий Египетский.* Беседы. С. 413–414. — 237

*** *М. А. Новоселов.* Забытый путь... С. 10.

источнике Божественной Истины, каковым и те и другие единодушно признают *внутреннее откровение Духа Святаго*? Приведенные свидетельства так авторитетны и обнимают столь продолжительную эпоху жизни Церкви (III–XI вв.), что в них *необходимо* признать подлинное учение *святоотеческое*. Впрочем, для тех, кому показался бы слишком длинным период от XI века до нашего времени, я позволю себе, в подтверждение и поныне продолжающегося полного единодушия Отцов, вызвать свидетелем сей истины Богоносного отца почти наших дней, преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Вот что свидетельствует он в замечательной беседе со своим духовным другом Н. А. Мотовиловым: «*Истинная цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго*. Пост же и бдение, и молитва... и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства *для стяжания Святаго Духа Божьяго* <...>. Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть *вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго*».

«Так желал бы я, ваше Боголюбие, — внушает своему собеседнику Преподобный, — чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе ли Божием вы обретаетесь или нет... Если... нет, то надобно разобрать, от-

чего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и снова будет с нами Своею благодатию»*.

Со скорбью отмечает великий Духоносец утрату нами водительства Духа Божия, столь обычного в прежние времена, столь необходимого и естественного для истинных христиан. Указывает Преподобный и причины этой горестной утраты.

«Мы в настоящее время, — поучает в той же беседе угодник Божий, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: *И виде Адам Господа, ходяща в раи***, или когда читаем у апостола Павла: *Идохом во Асию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию,и Дух Божий иде с нами****. Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам».

Приведя несколько таких мест, Преподобный продолжает:

---

* *С. А. Нилус*. Великое в малом. 2-е изд. Царское село, 1905. С. 175, 183.

** Быт. 3, 8.

*** Деян. 16, 6–10.

«Некоторые <...> говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простора первоначального христианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние <...> ясно разумели».

«А все потому, — заключает преподобный Серафим, — что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши, и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией»[*].

Замкнуть ряд духоносных свидетельств я предоставлю авторитетному церковному учителю почти наших дней, епископу Феофану Затворнику.

«Всякий христианин — причастник Духа, — пишет этот мудрый воспитанник святых Отцов. — Это так необходимо, что кто Духа не имеет, тот и не Христов» («Мысли на каждый день года»)[**]. И в другом месте тех же «Мыслей» читаем: *Егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину* (Ин. 16, 13). Почему же в логиках не упоминается об этом источнике познания? Не удивительно, что в языческих логиках нет этого пункта, но почему нет его в христианских? Ужели христианин, когда начинает умствовать, должен перестать быть хрис-

[*] *С. А. Нилус.* Великое в малом. С. 184–185.

[**] *Еп. Феофан.* Мысли на каждый день года. 4-е изд. 1904. С. 161.

тианином и забыть о всех данных ему обетованиях, верных и несомненных?»*

Итак, «лучшее и вернейшее познание Бога — не то, которое выработано усилиями рассудка и выпотением мозга, но то, которое *возгорается от небесного огня в сердцах наших* и вносит в душу Божественный свет, более ясный и убедительный, чем все рассудочные доказательства»**. «Искать же Боговедения лишь в книгах и писаниях — значит искать живого между мертвыми***. Внутри себя ищи Бога! Он лучше всего распознается, так сказать, духовным *осязанием*. Мы должны стремиться *видеть* Его своими глазами, *слышать* своими ушами, и наши руки должны *осязать* Слово жизни. Ведь душа наша, как и тело, имеет свое чувство: ***Вкусите** и видите, яко благ Господь!* ****

Недаром святитель Тихон Задонский учит нас молиться Иисусу, Сыну Божию: «Даждь ми очи видети Тя! Даждь ми вкус вкусити Тя. Даждь ми ухание благоухати Тя..!»***** А «величайший христианский философ»******, преподобный Исаак Сирин утверждает, что «желать посредством

* Там же. С. 152–153.

** Процитированный отрывок принадлежит Оригену — см.: *М. А. Новоселов*. Забытый путь... Вышний-Волочек, 1902. С. 10.

*** Лк. 24, 5; процитированный отрывок принадлежит блаженному Августину — см.: *М. А. Новоселов*. Там же.

**** Пс. 33, 9.

***** *Св. Тихон Задонский*. Воздыхания грешныя души ко Христу, Сыну Божию // Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 1. М., 1875. С. 212.

****** Выражение И. В. Киреевского: «Исаак-Сирин, глубокомысленнейшее из всех философских писаний» (*И. В. Киреевский*. В ответ А. С. Хомякову. Полн. Собр. Соч. Т. 1. М., 1911. С. 119).

исследования и расспросов уразуметь *тайны* — есть *неразумие души*», которая «видит истину Божию *по силе жития*», ибо *«за сохранение заповедей* ум сподобляется *благодати таинственного созерцания и откровения духовного* (то есть подаваемого Духом. — *М. Н.*) *ведения*»*.

Простите, мои дорогие, что я несколько уклонился в подробности — и, говоря о коренном Источнике истинного ведения, заговорил и о путях к Нему.

Обращаясь к главной теме настоящего рассуждения, следует сказать, что все приведенные нами согласные свидетельства свв. Отцов и учителей церковных на протяжении всей истории Церкви непререкаемо удостоверяют, что *Божественное внутреннее откровение Духа* есть основной источник Богопознания, и потому они настаивают на необходимости и общеобязательности этого забытого нами пути Боговедения. В этом Отцы совпадают с апостолами — самовидцами Слова.

Михаил Александрович Новоселов

(1.VII.1864–17.I.1938)

— религиозный мыслитель, церковный публицист. Родился в Тверской епархии, в семье педагога. В студенческие годы — учился на историко-филологическом факультете Московского университета — Новоселов серьезно увлекался толстовством. Позже порвал с этим лже-

* Слово 55 (послание к преп. Симеону чудотворцу) // *Исаак Сирин.* Указ. соч. С. 262, 265.

учением и прекратил личное общение с писателем-еретиком. Круг исканий замкнулся, Михаил Александрович встал на истинный путь познания Бога Живаго. В 1902 году Новоселов энергично развернул издательскую деятельность по выпуску книжек и листков «Религиозно-философской библиотеки», распространяемых по всей России. Один из выпусков книжной серии (XXI, 1909) был посвящен беседе преподобного Серафима Саровского «О цели христианской жизни». Впоследствии выпуск религиозных книжек издатель перенес из Вышнего Волочка в Сергиев Посад. За свою полезную деятельность в деле просвещения народа светом Христовым М. А. Новоселов в 1912 году был избран почетным профессором Московской Духовной академии. Его издательский опыт оказался нелишним и в работе по совершенствованию образовательной программы Училищного совета при Святейшем Синоде, в состав которого его избрали. Для этих же целей Новоселов привлекался к участию в работе Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов. В разгар революционного самочиния и общей смуты М. А. Новоселов призывает верующих сообща защищать храмы от осквернения. Репрессивные органы безбожной власти, разумеется, не могли оставить на свободе столь ярого поборника Православия. Летом 1922 года в квартире Новоселова чекисты учинили обыск в отсутствие хозяина, и, чтобы спастись, Михаилу Александровичу пришлось перейти на нелегальное положение, проще сказать, уйти в «катакомбы». Скрываясь в

тверских и иных краях, Новоселов пишет своим друзьям обширные письма, в которых раскрывает широкий спектр богословско-философских проблем, выдвинутых современностью. За шесть лет «пребывания в катакомбах» (1922–1928) им было разослано не менее двадцати писем — предназначались они для распространения в среде верующих людей. Религиозный самиздат той поры сохранил для потомства ряд разнообразных копий с новоселовских писем.

Публицист был арестован властями в конце 1928 года, осужден как политический преступник (не принял «Декларации» митрополита Сергия, вдохновлял движение «непоминающих») на три года лагерей. Отбывал срок в Ярославском политизоляторе, где ему потом добавили еще десять лет тюрьмы.

Подводя злополучные итоги за 1927 год, Михаил Александрович Новоселов писал своим друзьям 31 декабря из пересыльной тюрьмы: «Святые дни дорогих нам воспоминаний совпадают ныне с особенно значительными событиями церковными. Не ошиблись те, кто год тому назад предсказывал, что 1927 год будет чрезвычайно тяжек для Церкви Божией. Из множества ударов, нанесенных ей в этом году, достаточно указать два, чтобы признать правильными эти предсказания: кощунственный разгром Сарова и жестокое опустошение Дивеева. Нужно ли разъяснять, что потеряли православные русские люди с уничтожением этих обителей? Кто хоть однажды побывал там и в прилегавшей к ним, также опустошенной, обители Понетаев-

ской, тот сердцем чувствует, какого источника религиозного воодушевления, духовной бодрости, особенно необходимых в наше тяжкое время, он лишился.

Насколько мне известно, лица, предрекавшие исключительную бедственность для Церкви Христовой в 1927 году, разумели бедствия именно подобные указанным. Но нас постигло в истекшем году испытание значительно, можно сказать, несравненно тягчайшее: накренился и повис над бездной весь церковный корабль. Небывалое искушение подкралось к чадам Церкви Божией. Новые сети раскинул князь мира сего — и уже уловил множество душ человеческих». (Автор письма имеет в виду «Декларацию» митрополита Сергия о лояльности священноначалия и паствы к безбожной власти большевиков.)

В июне 1937 года М. А. Новоселова перевели в Вологодскую тюрьму, там 17 января 1938 года и объявили приговор о расстреле. Так в мучениях окончил свою жизнь один из двигателей русской церковной жизни, видный деятель православной культуры. Упорно держится молва, не подтвержденная пока документальными свидетельствами, что М. А. Новоселов будто бы еще в начале 20-х годов принял тайный монашеский постриг с именем Марк, а в 1923 году был тайно поставлен во епископа; хиротонию в Даниловом монастыре над ним совершали архиепископы Феодор (Поздеевский), Арсений (Жадановский) и епископ Серафим (Звездинский). Так ли это все было — должно со временем проясниться.

«Свидетельства о Духе Святом» являются фрагментом семнадцатого письма М. А. Новоселова, посланного им из подполья в день Крещения Господня 1926 года.

Текст печатается по:
М. А. Новоселов. Письма к друзьям. Публикация и примечания Е. С. Полищука. М., 1994. С. 230–240.

Протоиерей Георгий Флоровский

ПОДВИГ И РАДОСТЬ

Оптина Пустынь была не единственным духовным очагом, как и «молдавское влияние» (старца Паисия. — *Сост.*) не было единственным, не было и решающим. Были и тайные посещения Духа. Во всяком случае, начало прошлого века в судьбах Русской Церкви отмечено и ознаменовано каким-то внутренним и таинственным сдвигом. Об этом свидетельствует пророческий образ преподобного Серафима Саровского, его подвиг, его радость, его учение. Образ вновь явленной святости оставался долго неразгаданным. В этом образе так дивно смыкаются подвиг и радость, тягота молитвенной брани и райская уже светлость, предображение уже нездешнего света. Старец немощный и притрудный, «убогий Серафим» с неожиданным дерзновением свидетельствует о тайнах Духа. Он был именно свидетелем, скорее чем учителем. И еще больше: его образ и вся его жизнь есть уже явление Духа.

Есть внутреннее сходство между преподобным Серафимом и святителем Тихоном. Но преподобный Серафим еще более напоминает древних тайновидцев, преподобного Симеона больше других, с его дерзновенным призывом искать даров Духа. Преподобный Серафим был начитан в Отцах.

В его опыте обновляется исконная традиция взыскания Духа. Святость преподобного Серафима сразу и древняя и новая. **«Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго».** И нет других целей, и быть не может, все другое должно быть только средством. Под елеем, которого не достало у юродивых дев Евангельской притчи, преподобный Серафим разумел не добрые дела, но именно благодать Всесвятаго Духа. «Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать... а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было». Так со властию противопоставляется **морализму — духовность**. Смысл и исполнение христианской жизни в том, что Дух вселяется в душе человеческой и претворяет ее «в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования». Все это — почти что слова преподобного Симеона, ибо **опыт все тот же** (и не нужно предполагать литературное влияние)... Дух подается, но и взыскуется. Требуется подвиг, стяжание. И подаваемая благодать открывается в некоем неизреченном свете (сравните описа-

ние Мотовилова в его известной записке о преподобном Серафиме).

Преподобный Серафим внутренне принадлежит византийской традиции. И в нем она вновь становится вполне живой.

Протоиерей Георгий Васильевич Флоровский

(28. 8.1893 — 11. 8.1979)

— богослов, философ, историк культуры. Из потомственной семьи священника. Окончил историко-филологическое отделение Новороссийского университета (1916). Преподавал исторические и философские дисциплины в Одессе; с января 1920 года вынужден скитаться на положении беженца, сначала в Болгарии, затем в Чехословакии. В 1926 году переехал в Париж по приглашению Свято-Сергиевского православного Богословского института, чтобы занять кафедру патрологии. Читанные в институте курсы составили фундаментальные труды: «Восточные Отцы IV века» (Париж, 1931) и «Византийские Отцы V–VIII веков» (Париж, 1933). Эти творения заняли видное место в русской богословской и патристической науке. Но главная книга протоиерея Георгия Флоровского (сан принял в 1932 году), вобравшая в себя все стороны жизни и культуры русского народа, связанные с Православием, — «Пути Русского Богословия», изданная в Париже в 1937 году.

В сентябре 1948 года о. Георгий Флоровский (к тому времени уже протоиерей) переезжает в

США, где семь лет занимается плодотворной педагогической деятельностью, являясь профессором и деканом Свято-Владимирской Духовной семинарии; одновременно преподает в Колумбийском университете. В 1956–1964 годах возглавлял кафедру истории Восточной Церкви в Гарвардском университете. Оставил заметный след в религиозной жизни Америки.

Текст фрагмента **«Подвиг и радость»** опубликован по книге:

Прот. Георгий Флоровский. Пути Русского Богословия. Париж, 1937. С. 391–392.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Преподобный Силуан Афонский

О НЕСОЗДАННОМ БОЖЕСТВЕННОМ СВЕТЕ И ОБРАЗАХ СОЗЕРЦАНИЯ ЕГО

Несозданный Божественный свет по природе своей есть нечто совершенно отличное от света физического. При созерцании его прежде всего является чувство живаго Бога, поглощающее всего человека; невещественное чувство — Невещественного; чувство умное, но не рассудочное; чувство с властною силою вторгающее человека в иной міp, но неизъяснимо осторожно, так что не улавливает человек того момента, когда с ним это совершилось, и не знает он тогда о себе — в теле ли он или вне тела. Он сознает себя при этом так действенно-сильно и

глубоко, как никогда в обыденной жизни, и вместе с тем забывает и себя и мір, увлеченный сладостью любви Божией. Он духом видит Невидимого, дышит Им, весь в Нем.

К этому сверхмысленному, всепоглощающему чувству живого Бога присоединяется видение Света; но Света совершенно иного по природе своей, чем свет физический. Сам человек тогда пребывает во свете и уподобляется созерцаемому Свету, одухотворяется им и не видит и не чувствует ни своей вещественности, ни вещественности міра.

Приходит видение непостижимым образом: во время, когда не ожидается; приходит не извне и даже не изнутри, а неизъяснимо объемлет дух человека, возводя его в мір Божественного света; и не может он сказать, был ли то экстаз (extasis), то есть исступление души из тела, потому что и возврата в тело он не замечает; так нет во всем этом явлении ничего патологического.

Действует Бог, человек — воспринимает; и не знает он тогда ни пространства ни времени, ни рождения ни смерти, ни пола ни возраста, ни социального ни иерархического положения, ни иных условий и отношений міра сего.

Пришел Господь, Безначальный Начальник и Свет жизни, милостиво посетить кающуюся душу.

❦❦❦

Свет Божественный созерцается независимо от обстановки и во мраке ночи и при свете дня. Благоволение Божие посещает иногда та-

ким образом, что сохраняется восприятие и тела и окружающего міра. Тогда человек может пребывать с открытыми глазами и одновременно видеть **два** света, то есть и свет физический и свет Божественный. Такое видение у святых Отцов называется видением **естественными** очами. Это не значит, однако, что акт видения Божественного света по всему аналогичен обычному психофизиологическому процессу естственного видения, то есть не значит, что свет Божественный, подобно физическому, независимо от того, какую научную теорию света мы примем, производит известное раздражение оптического нерва, которое затем переходит в психологический процесс видения, ибо свет Божественный **иной** по природе своей; это — свет ума, свет духа, свет любви, свет жизни.

Образом Божественного света в міре физическом является естественный свет. Подобно тому как видение окружающих нас предметов возможно только при свете, и если свет малый, то глаз едва различает предметы; если свет обильнее, то видит их лучше, и, наконец, при полном солнечном свете видение достигает известной полноты; так и в міре духовном всякое истинное видение возможно **не иначе**, как при свете Божественном. Но Свет сей не в равной мере дается человеку: и вера есть свет, но малый; и надежда — свет, но не совершенный; и любовь — свет, но уже совершенный.

Свет Несозданный, подобно солнцу, освещает духовный мір и дает видеть духовные пути, незримые иным образом. Без этого Света не

может человек ни разуметь, ни созерцать, ни тем более исполнить заповеди Христа, ибо пребывает во мраке. Свет несозданный несет в себе вечную жизнь и силу Божественной любви, вернее сказать, сам он есть и вечная жизнь и Божественная любовь.

Кто с силою и извещением не созерцал Несозданного света, тот истинного созерцания не достиг. Кто прежде видения Несозданного света дерзновенно «своим умом» простирается в созерцание тайн Духа, тот не только не видит их, но и путь к ним преграждает себе. Он будет видеть только маски и призраки истины, создаваемые им же самим или же приносимые ему сопротивною силою демонических мечтаний.

Созерцание подлинное приходит свыше беструдно, тихо. Созерцание духовное не есть то же, что и отвлеченное, интеллектуальное; оно качественно **иное**; оно есть свет жизни, даруемой свыше благоволением Бога, и органический путь к нему — не рассуждение, а покаяние.

⁂

Свет Божественный есть вечная жизнь, Царство Божие, несозданная энергия Божества. Он не заключен в тварном естестве человека; он иноприроден нам, и потому не может быть **раскрыт** в нас никакими аскетическими средствами, а приходит исключительно как дар милосердия Божия.

Мы спрашивали Старца: каким образом может человек из опыта своего познать сие? Бла-

женный Старец утверждал, что, когда Бог является в великом Свете, тогда невозможно никакое сомнение в том, что это Господь, Творец и Вседержитель. Но кто удостоился созерцать лишь малый свет, тот, если будет исходить не из веры свидетельству Отцов Церкви, а лишь из своего опыта, не может ясно познать его иноприродность по отношению к душе, и для него путем к этому познанию может явиться только дальнейший опыт повторных посещений и оставлений, которые научат его различать Божественное действие от естественного человеческого.

Если молитва человека впервые переходит в видение Божественного света, то созерцаемое и переживаемое им тогда столь ново и необычно для него, что не может он уразуметь ничего; он чувствует, что пределы его бытия невыразимо **расширились**, что пришедший Свет перевел его от смерти в жизнь, но от величия происходящего он пребывает в удивлении и недоумении и лишь при повторных посещениях уразумевает полученный от Бога дар. Душа при этом видении и после него бывает исполнена глубокого мира и сладостной любви Божией; нет в ней тогда стремлений ни к славе, ни к богатству, ни к иному какому-либо земному счастью и даже к самой жизни, но все сие ей кажется ничтожным, и «желанно влечется» она к живой беспредельности — Христу, в Котором нет ни начала ни конца, ни тьмы, ни смерти.

Из описанных выше двух образов созерцания Божественного света Старец отдавал предпочтение тому, когда «мiр забыт совершенно», то есть когда во время молитвы дух человека вне образов мiра вводится в область безграничного Света, ибо такое видение дает большее познание о тайнах «будущего века». В состоянии этого видения душа с великою действенностью переживает свое причастие к Божественной жизни, подлинно испытывает такое пришествие Бога, о котором человеческий язык не может говорить. Когда же кончается это видение по неведомым человеку причинам и так же независимо от воли его, как независимо и началось, тогда с некоторою медлительностью возвращается душа к восприятию окружающего мiра, и в тихую радость любви Божией привходит некая тонкая печаль о том, что снова будет видеть она свет этого физического солнца.

Человек — образ Божий, но спрашивается: что в нем является образом Божиим? Или иначе: в чем заключается этот Образ? В теле? В психическом или психофизическом строении человека? В тройственности его душевных сил или проявлений?.. Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен. Какие-то преломления и отблески образа Божия не исключены во всем перечисленном, но самым существенным является **образ бытия**. Тварное существо по дару благоволения приобщается нетварному безначальному Бытию...

Как это возможно? Это так же необъяснимо и непостижимо, как непостижима тайна творения міра из «ничего»; и все же таково благоволение Небесного Отца, что созданный «по образу и подобию» наделен способностью воспринять обожение, то есть стать причастником Божественной жизни, получить Божественный образ бытия, стать богом по благодати.

Обожение человек **воспринимает**, то есть в акте обожения Бог есть Действующее начало, человек — воспринимающее; однако восприятие сие не есть состояние пассивности и акт обожения может совершиться не иначе как с согласия самого человека, в противном случае исчезает и сама возможность обожения. В этом существенное различие первичного акта творения от последующей стадии его — обожения умной твари.

Если непостижимо велика тайна творения міра вообще, то тайна творения вечных богов еще и бесконечно величественнее. Если вся окружающая нас жизнь есть поражающее своим величием чудо, то сознание Божественного чуда в человеке, входящем в мір Несозданного света, достигает несравненно большей глубины и силы.

Для каждого человека, если он остановится на факте своего бытия, этот факт будет предметом великого удивления. Нам приходилось встречать людей, которые, восходя в умную сферу, свойственную человеку по естеству, поражались ее светозарным великолепием, но когда человек действием Божиим вводится в мір Несозданного света, тогда его «**удивление Богу**»

достигает совершенной невыразимости и не может найти он ни слов, ни образов, ни воздыханий благодарности.

О Богоподобном бесстрастии

Несозданный свет, исходящий от бесстрастного Бога, своим явлением сообщает человеку Богоподобное бесстрастие, которое составляет конечную цель христианского подвига.

Но спрашивается: что есть бесстрастие? По своей филологической форме — это понятие отрицательное; не является ли оно отрицательным и по своему реальному значению? Не означает ли оно — совлечения бытия? Нет. Христианское бесстрастие не есть совлечение бытия, но облечение в новую жизнь, святую, вечную, то есть в Бога. Апостол Павел говорит: *Мы не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью* (2 Кор. 5, 4).

Стремясь к бесстрастию, православный подвижник стремится к живому и подлинному общению с Богом, Которого знает бесстрастным.

Бесстрастие Бога не есть нечто мертво-статическое; ему не свойственно безучастие в жизни міра и человека. Бесстрастие Бога не есть отсутствие в Нем движения, сострадания, любви. Но едва мы произносим эти слова, как в уме нашем встают эти понятия в их эмпирической ограниченности и тем порождается ряд недоумений. Движение, сострадание, любовь и подобное — не вносит ли относительности вообще в бытие Бога? Говоря так, не переносим ли мы на Бога недостойный Его антропоморфизм?

Бог есть весь — жизнь, весь — любовь; Бог есть Свет, в Котором нет ни единой тьмы, то есть тьмы страдания в смысле разрушения и умирания, тьмы неведения, небытия или зла, тьмы непреодоленных внутренних несовершенств и противоречий, провалов или срывов бытия. Бог есть — Бог живой, динамический, но динамика Божественной жизни есть бесконечная и безначальная полнота бытия, исключающая какой бы то ни было теогонический процесс.

Бог бесстрастен, но не безучастен в жизни твари. Бог любит, жалеет, сострадает, радуется, но все это не вносит в Его бытие разрушения, относительности, **страсти**. Бог промышляет о Своем творении до мелочей с математическою точностью; Он спасает, как Отец, как Друг; Он утешает, как мать; Он принимает ближайшее участие во всей истории человечества, в жизни каждого человека, но этим участием не вносятся ни изменения, ни колебания, ни последовательность процесса в самое Божественное Бытие.

Бог живит всю трагедию міра, но это не значит, что и в Самом Боге, в недрах Божества также совершается трагедия или происходит борьба как следствие Его собственной неполноты или тьмы, в Нем Самом сущей и непреодоленной.

Бог любит мір, действует в міре, приходит в мір, воплощается, страдает и даже умирает во плоти, не переставая быть неизменным в Своем надмирном бытии. Все сие Он совершает так же

бесстрастно, как непротяженно и целостно объемлет в Своей вечности все протяженности и все последовательности тварного бытия. В Боге статический и динамический моменты составляют такое единство, которое не допускает приложения к Его бытию ни единого из наших раздельных понятий.

Стремясь к Богоподобному бесстрастию, православный подвижник мыслит это бесстрастие не как «холодное безразличие», не как «совлечение призрачного бытия», не как созерцание «по ту сторону добра и зла», но как жизнь в Духе Святом.

Бесстрастный полон любви, сострадания, участия, но все сие исходит от Бога, действующего в нем. Бесстрастие можно определить как «стяжание Духа Святаго», как Христа, живущего в нас. Бесстрастие есть Свет новой жизни, порождающей в человеке новые святые чувства, новые божественные мысли, новый свет вечного разума.

Святые Отцы Церкви бесстрастие определяют как «Воскресение души прежде общего Воскресения мертвых» (Иоанн Лествичник), как «достижение в беспредельную беспредельность» (Авва Фаласий, 1, 56).

Об органическом пути к бесстрастию

Вера, понимаемая не как логическое убеждение, а как чувство живого Бога; от веры рождается страх суда Божия; от страха — покая-

ние; от покаяния — молитва, исповедание, слезы. Покаяние, молитвы и слезы, умножаясь и углубляясь, приводят сначала к частичному освобождению от страстей, откуда рождается надежда. Надежда умножает подвижнические труды, молитвы и слезы; утончает и углубляет чувство греха, в силу чего возрастает страх, переходящий в глубочайшее покаяние, которое преклоняет милосердие Божие, и душа удостаивается благодати Святаго Духа, исполненной света Божественной любви.

И вера есть любовь, но малая; и надежда есть любовь, но несовершенная. Каждый раз, когда душа восходит от меньшей меры любви к большей, она неизбежно проходит через страх. Любовь своим явлением изгоняет страх, но, изгнанный малою любовью, он, при переходе души к большей любви, снова возрождается и снова преодолевается любовью; и лишь совершенная любовь, по свидетельству великого апостола любви, совершенно изгоняет страх, то есть страх, в котором есть мучение.

Есть иной страх Божий, в котором нет муки, но радость и дыхание святой вечности. Об этом страхе, который не должен оставить человека в пределах земного бытия, Старец говорит так: «Пред Богом должно жить в страхе и любви. В страхе, потому что Он Господь; в страхе, чтобы не оскорбить Господа плохим помыслом; в любви, потому что Господь есть любовь».

Умное безмолвие православного монаха родилось органически из глубокого покаяния и

стремления сохранить заповеди Христа. Оно совсем не является искусственным приложением в духовной жизни ареопагитического богословия. Богословские положения «Ареопагита» не противоречат результатам безмолвия и в этом смысле соприкасаются и совпадают с ним, но мы считаем необходимым указать как на весьма существенный момент, что отправным моментом и основанием безмолвия является не отвлеченная философия апофатического богословия, а покаяние и борьба с действующим в нас «*законом греховным*» (Рим. 7, 23). И именно на этом пути, в стремлении заповеди Христа сделать единственным и всецелым законом нашего вечного бытия, познается **непостижимость** Божества; и именно на этом пути совлекается дух человека всех образов міра и бывает выше міра.

Последнее совершается с ним, когда он глубоко осознает себя — «хуже всякой твари».

О мраке совлечения

Бог, сый Свет, в котором нет ни единой тьмы, всегда является во свете и как Свет. Но при совершении «художественной» умной молитвы душа подвижника встречает некоторый совершенно особого порядка мрак, слово о котором внешне будет так же противоречиво и парадоксально, как и о большинстве других предметов христианского духовного опыта. Противоречивость сия вызывается, с одной стороны, природою этого опыта, с другой стороны —

тем местом или точкою зрения, с которой рассматривается и определяется духовное событие.

В тот мрак, о котором идет речь, погружается внутренне душа подвижника, когда он волевым актом, посредством специальных аскетических методов, совлекается всякого представления и воображения видимых вещей и рассудочных размышлений и понятий; когда он «останавливает» ум и воображение, и потому его можно назвать «мраком совлечения»; молитву же эту принято именовать «художественною» в силу того, что совершается она по специальному, существующему на сей предмет методу.

Если искать определение духовного «места» этого мрака, то можно сказать, что он стоит на грани явления Несозданного света; но когда делание умной молитвы совершается без должного покаяния и молитвенного к Богу устремления, то обнаженная от всех представлений душа может пребыть некоторые моменты времени в этом мраке совлечения, не узрев Бога, ибо в нем, то есть мраке этом самом по себе — Бога еще нет.

Пребывая во мраке совлечения, ум испытывает своеобразное наслаждение и покой, и если при этом он как-то обратится на самого себя, то может ощутить некое подобие света, который, однако, не есть еще несозданный свет Божества, а естественное свойство ума, созданного по образу Божию. Как исход за грани временного, это созерцание приближает ум к

познанию непреходящего и тем делает человека обладателем нового познания, однако еще отвлеченного познания, и горе тому, кто мудрость сию принимает как познание истинного Бога и созерцание сие как приобщение Божественному бытию. Горе потому, что в таком случае мрак совлечения, стоящий на грани истинного Боговидения, становится непроницаемым покровом Божества и крепкою стеною, отделяющею от Бога более, чем мрак восстания грубых страстей, мрак явных демонических наваждений или мрак потери благодати и богооставленности. Горе потому, что это было бы заблуждением, «прелестью», ибо Бога во мраке совлечения еще нет. Бог является во свете и как Свет.

Когда мы наше рациональное познание и рефлективное сознание именуем светом, то с этой точки зрения в каком-то смысле можно говорить о «мраке боговидения», потому что оно неизъяснимо в рациональных понятиях, потому что для нашего ума Бог пребывает непостижимым, недосягаемым. Но этот образ выражения, то есть «мрак боговидения», совсем условен, ибо Бог есть Свет, в Котором нет ни единой тьмы, и является всегда, как Свет, и Своим явлением вводит человека в свет вечного Божественного бытия.

Действие Божественного света в грешном человеке попаляет страсти, и потому в извест-

ные периоды он может ощущаться как Огонь опаляющий. Горение в этом Огне неизбежно проходит всякий христианин-подвижник, благочестно желающий жить.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Старец Силуан Афонский

(в миру Семен Иванович Антонов;
1866 — 24.9.1938)

— схимонах русского Пантелеимонова монастыря. Происходил из крестьян Тамбовской губернии. Постриг принял на Афоне в 1896 году, схиму — в 1911 году. Подвижник, известен как составитель многочисленных молитвенных размышлений, напоминающих псалмы. В этих размышлениях выражена его истинно христианская душа.

Трактат **«О несозданном Божественном свете и образах созерцания его»** печатается по:

Архимандрит Софроний (Сахаров). Старец Силуан. Жизнь и поучения. Москва — Минск, 1991. С. 161–170.

Первое издание книги вышло в Париже в 1952 году. Оно с небольшими изменениями повторяло авторские копии, размноженные на ротаторе в количестве 300 экземпляров и распространявшиеся почитателями старца Силуана на Афоне и в странах рассеяния.

Рассмотрения поучений Старца представлены также в книге: *Архимандрит Софроний (Сахаров).* Видеть Бога как Он есть. Бирмингем, 1985.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Архиепископ Нафанаил (Львов)

ВЛИЯНИЕ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА В РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ

Много святых, как чистые жертвы веры и любви, принесло человечество к престолу Божию, много кринов — цветов веры, подвига и любви произросло в бесплодной пустыне «міра сего», в нем, но вне его, ибо жили они не его соками, а благодатью Божией, в подвиге веры и любви ими мудро собираемой и усвояемой.

И все эти святые — крины-цветы, ибо питались одним Хлебом, и каждый из них явление единственное, личное, неповторимое и в каждом свое, ему присущее благоухание благодати Божией.

Имя преподобного Серафима овеяно благоуханием крина святости и благодати, выросшего и собранного на Русской земле... Воздух русских полей, лесов, рек и озер дал ему свои нежные оттенки и колорит. В нем русская радость весны, радость солнца и жизни. Его имя вызывает в человеке, хоть немного приостановившемся перед его образом, ни с чем не сравнимое и невыразимое нежно-радостное чувство — радости добра, счастья и блаженства добра.

Преподобный Серафим и его проповедь — огромное историческое явление в жизни русского народа. С его именем связан огромный исторический сдвиг в нашем русском духовном

росте и религиозном развитии. Этот сдвиг произошел и происходит в наше время, на наших глазах и не может быть русского сознательного верующего православного, который духовно не поклонился бы преподобному Серафиму, не испытал по отношению к нему чувства благодарности за то, что одних он прямо ввел, а другим помог войти в Православие, в Церковь Христову и научил познать Бога.

Столь известное учение преподобного Серафима о смысле жизни, изложенное в его беседе с Мотовиловым, начинается словами, в которых раскрывается историческое значение его учения, его проповеди. «Вас не так учили, как надо, ваше Боголюбие», — говорит он Мотовилову. Другими словами, по мысли великого старца, в его время неверно, неточно, неправильно отвечали на самый главный вопрос человека — о смысле жизни. Или, еще иначе сказать, в русском верующем обществе того времени были распространены мысли неверные, люди жили, руководясь богословскими взглядами, мировоззрением неправославным.

В чем же эта неправославность?

В беседе с Мотовиловым преподобный Серафим отвечает на этот вопрос.

— Вас учили, что смысл жизни в том, чтобы творить добрые дела.

И дальше объясняет, что смысл не в самых делах, что дела не цель, а только средство к тому, чтобы **«стяжать Святаго Духа»,** и что вот это стяжание и есть подлинный смысл, задача и цель жизни человека. Что человек должен

опытно познать Бога, Богообщение, и стремиться всегда быть в Нем.

За этим осуждением распространенных, косных, слежавшихся и неправославных мыслей и прямым противопоставлением им православных нам нетрудно увидеть очертание большого исторического процесса, борьбу двух течений, двух мировоззрений.

Одно, осужденное преподобным Серафимом, привычное и распространенное в обществе того времени, да и не только того, но и позднейшего времени, создалось под воздействием длительного в Русской истории неправославного мировоззрения.

При каком условии, на каком основании, почему сами дела могут быть смыслом жизни?

Только при том условии, при той предпосылке, что Бог дал человеку задание что-то создать на земле из дел человеческих. Что по Божию изволению он должен что-то создать здесь на земле, создать какую-то идеальную жизнь, построить «Царство Божие на земле». Если цель и смысл жизни человека поставлены именно на земле — построить, создать рай на земле, в условиях земной жизни, если этот «рай на земле» есть цель и смысл жизни, то тогда действительно все дела, которые человек делает в порядке создания этого рая, в порядке осуществления Божией воли и задания, получают абсолютное значение, являются смыслом жизни человека.

Это стройное и динамическое целеустремление, осмысливающее и освящающее культурное творчество, дающее абсолютное религиоз-

ное значение делам человеческим, создающее веру в прогресс, в значение и смысл цивилизации, но неверное, произвольно-искусственное, искажающее очертания всех вещей, всю перспективу жизни, понимание — Православие не приемлет, ибо оно в корне разрушается словами Спасителя о том, что «Его Царство — не от міра сего», что перед Его учениками впереди не оптимистическая перспектива, а «в міре скорбни будете», впереди не розовый прогресс в плоскости земной — ибо «Сын Человеческий прийдя — найдет ли веру на земле?», что Господь пришел на землю не для того, чтобы устраивать общественную жизнь, судить людей в их житейских задачах и «делить» между ними материальные блага и устраивать их общественную, государственную и социальную жизнь. Нет, не в этом смысл жизни, а в том, что есть «единое на потребу», что нужно искать «прежде всего»: в приобщении «Царству Божию», которое не вне, а внутри человека, и никто не может указать внешних «приметных» форм этого Царства Божия, ибо оно «внутрь вас есть». По словам апостола Петра, «земля и вся дела человеческия сгорят». Вечна только Церковь Христова, которую «не одолеют врата адовы», вечна только жизнь в Боге.

Нет и не будет «рая на земле». Нет оснований для страстных человеческих мечтаний о прогрессе и абсолютном значении человеческого творчества и дел человеческих. Смысл жизни не сами дела, а в творческом динамическом стремлении к Богу, жизни в вере и любви к Богу,

здесь «Его Царство», и оно не во вне человека, а внутри, в сердце, в любви, в искании Бога, в жизни в Боге. Смысл жизни в приобщении Богу, в стяжании Святаго Духа.

Преподобный Серафим звал не только веровать в Бога, но учил знать Бога, знать и узнавать благодать Святаго Духа каждый раз, когда она благодатно коснется человека, звал быть постоянно в благодати Божией. Стяжание Святаго Духа, постоянная жизнь с Ним и в Нем — это начало Царства Божия и вечной жизни, которой человек приобщается уже на земле.

От взглядов, представлений, мировоззрений, философии, угнетенных тремя измерениями, от перспектив в пределах горизонта, преподобный Серафим тихо и кротко-ласково, простыми словами зовет человека к такому дерзновению, о котором не смел и подумать Мотовилов — сын своего народа и русского общества того времени. В тихих и кротких, свято простых и ласковых словах преподобного Серафима о стяжании Святаго Духа, о знании Его и сроднении с Ним — дышит все Православие и под лучами радости смиренно-дерзновенной веры преподобного Серафима оживает русская душа.

Русская жизнь, русское общество, русская религиозная мысль были под длительным не русским и не православным влиянием. Чужая мысль и мировоззрение на многое наложили свой отпечаток. Подлинно православный религиозный церковный опыт всегда был в Русской Церкви, но между опытом и мыслью не было полной симфонии.

Подлинный церковный опыт и подлинно церковные мысли хранились ею по преимуществу в богослужебном богословии, в богатейшем догматическом и нравственно-богословском содержании стихир, тропарей, канонов и пр., являющихся часто сокращенным изложением проповедей или трактатов святых Отцов на догматические и нравственные темы. Все это богослужебное богословие, без малейшего изъяна строго православное, и богословствование преподобного Серафима Саровского о стяжании Духа Святаго абсолютно согласно с ними, насыщено тем же Духом.

В формальном же школьном богословии преподавались совсем иные взгляды, большей частью в полном противоречии с богослужебным святоотеческим богословием.

Именно от этого в значительной степени неправославного, богословия бежал в XVIII веке старец Паисий Величковский, противопоставляя это богословие «Азбуке духовной» святителя Тихона Задонского, чего никак не могло случиться в отношении подлинного церковного богословия святых Отцов.

Более того, как отмечают наши церковные историки, и особенно ярко о. Георгий Флоровский, лучшие священники XVIII века, получившие воспитание в указанном школьном частично неправославном духе, чтобы стать настоящими добрыми пастырями должны были переучиваться в церковной стихии, в среде верующего народа, пропитываясь подлинно православным богослужебным богословием и, ко-

нечно, в этом процессе влияние преподобного Серафима Саровского было самым духовно авторитетным и действенным, ибо он богословствовал не теоретически, а опытно проверяя свои слова веянием Того Духа, стяжание Которого учил он считать главным и единственным делом жизни человека.

В течение всего XVIII века и первой половины XIX оба течения богословской мысли боролись в Русской Церкви.

В 30-х годах XIX века мы видим начало и затем развитие процесса русского православного возрождения. Магистраль его можно наметить именами митрополита Филарета, Хомякова, епископа Феофана Затворника, о. Иоанна Кронштадтского, митрополита Антония Храповицкого. Этот процесс привел Русскую Церковь к Московскому Собору 1918 года, к огненной славе русских мучеников в гонении на Русскую Церковь.

Но в самом начале этого великого и еще недостаточно понятого исторического процесса возрождения Православия в России, освобождения русской души от инославного влияния, возрождения православного единства опыта и мысли стоит кроткий и смиренный «Убогий Серафим». И всех жаждущих стяжания Святаго Духа он и теперь, как и при своей жизни, приветствует словами «Радость моя, Христос Воскресе!»

Архиепископ Нафанаил

(в миру Василий Владимирович Львов; 30.8.1906 — 8.11.1985)

— сын «революционного» обер-прокурора при Временном правительстве Владимира Николаевича Львова (прокурорствовал с 3 марта по июль 1917). После Октябрьского переворота оказался в Томске, затем с остатками семьи бежал в Харбин, где принял монашеский постриг в 1929 году. Там же учился на богословских и пастырских курсах, позже на богословском отделении Свято-Владимирского института. Состоял келейником архиепископа Нестора (Николай Александрович Анисимов; 9.11.1885 — 4.11.1962), камчатского миссионера, апостола Камчатки и видного деятеля Русской Православной Церкви. В эту пору иеромонах Нафанаил совершил ряд миссионерских путешествий, в частности в 1935–1936 годах он побывал у христиан Южной Индии. По возвращении был возведен в сан архимандрита, а в 1939 году вступил в братство преподобного Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах (Чехословакия). После войны архимандрит Нафанаил, нареченный в епископа владыкой Анастасием (Грибановским), назначен на Брюссельскую и Западноевропейскую святительскую кафедру. Его пастырская деятельность распространялась тогда и на приходы в Мангейме и в Берлине, где Преосвященный, как выдающийся проповедник и церковный публицист, много сделал для оживления нравственного благо-

честия среди соотечественников, заброшенных волею судеб на чужбину.

С 1966 года владыка Нафанаил — настоятель монастыря преподобного Иова в Мюнхене, а пять лет спустя ему было вверено управлять Австрийской епархией. В сан архиепископа возведен в 1981 году. По слабости здоровья престарелый Святитель уже не мог по-прежнему окормлять зарубежные приходы и все свое время теперь проводил в мюнхенском монастыре. Погребен на русском кладбище в Висбадене.

Творения архиепископа Нафанаила изданы Комитетом русской православной молодежи заграницей в пяти томах (Нью-Йорк, 1991–1992).

Публикуемая статья **«Влияние преподобного Серафима в Русской Церковной истории»** воспроизведена по:

Архиепископ Нафанаил. Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 3. Н.-Й., 1992. С. 190–195.

Иеромонах Серафим Роуз

БОГ ЕСТЬ ОГНЬ

«Бог есть огнь» — в этих словах избранник Божий преподобный Серафим Саровский напоминает нам не только о величии славы Божией, но и о наших собственных возможностях и чаяниях, ибо никто не может приблизиться к Богу до тех пор, пока сам не станет огнем. Это не просто фигура речи, но духовная истина, засвидетельствованная жизнью многих святых.

Христианских подвижников, которые должны были бы умереть зимой от морозов, согревала теплота внутреннего духовного огня, и даже мирянин Мотовилов по милости Божией сподобился ощутить такую теплоту в присутствии преподобного Серафима и узреть святого как бы в центре ослепительного солнца.

Этот огнь, по словам преподобного Серафима, есть осязаемое проявление благодати Святаго Духа. Он был дан апостолам во время Пятидесятницы и всякий раз дается каждому православному христианину при Крещении. По нашей духовной слепоте и холодности мы не можем ни увидеть, ни почувствовать этого огня, исключая моменты особенно горячей молитвы и единения с Богом, но даже и в таких случаях в небольшой степени. Но никто не может приблизиться к Богу иначе как через этот огонь. Когда наши прародители были изгнаны из рая, Бог установил огненный меч, чтобы охранять Древо Жизни. И по сей день в молитвах перед Святым Причащением мы молимся о том, чтобы плод нового Древа Жизни — Пречистое Тело и Честная Кровь Господа нашего Иисуса Христа — не попалил нас за наше недостоинство. Преподобный Серафим говорил: «Бог наш есть огнь*, попаляющий все нечистое, и никто нечистый телом или духом не может иметь части с Ним. Так что низвергнутый до ада будет чувствовать только боль в присутствии Бога; он нечист, и Божественный Огнь сжигает его и мучает. Но тот огнь, который пожирает недостойного, может также и пожрать нечистоту и сделать

* Евр. 12, 29. — *Прим. сост.*

достойными тех, кто, хотя и недостойны, любят Бога и желают стать Его сынами. Мы молимся перед Святым Причастием: «Да будет мне Пречистое Твое Тело и Честная Кровь Твоя, Господи, огнем и светом, пожирающим мерзость грехов и язвы страстей, просвещающим всего меня, да прославлю Твое Божество».

Преподобный Серафим сравнивает христианина с горящей свечой, которая воспламеняет другие свечи, причем ее собственный огонь не становится от этого меньше, и так распространяются небесные сокровища Божественной благодати. Таким и должен быть христианин — горящим любовью к Богу и желанием служить Ему и исполненным огненного присутствия Святаго Духа. Если он станет такой горящей свечой в этой жизни, то в будущей жизни он будет еще более великим. «Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их» (Мф. 13, 43). По нашему недостоинству мы даже не можем и помыслить о таком состоянии, ибо, «как написано: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2, 9). Такое состояние есть цель и смысл христианской жизни, — это то, для чего живет православный христианин.

Иеромонах Серафим (Роуз)

(1934–1982)

— короткой была постническая и молитвенная жизнь иеромонаха Серафима Роуза: на 48-м

году призвал его к Себе Господь. Чистокровный янки, Роуз пришел к Православию после трудных поисков истины и ученых занятий. Своим обращением он обязан блаженному Иоанну (Максимовичу). Хорошо усвоив учение древних подвижников Церкви Христовой, отец Серафим стремился подражать их аскетическим подвигам. Любитель безмолвия, он построил для себя небольшую келлию у подножия горы на севере Калифорнии (Платина), где и прожил семь лет, занимаясь в уединении молитвой, богословскими трудами и переводами.

Пастырская беседа отца Серафима «**Бог есть Огнь**» печатается по:

«Московский Церковный вестник», № 2 (январь) за 1991 г.

Протоиерей Валентин Свенцицкий

ПРЕДРЕЧЕНИЕ О ВРЕМЕНАХ ПОСЛЕДНИХ

Преподобный Серафим исцелил Мотовилова. Для нас, почитающих преподобного Серафима и ведающих о его чудесах, это так же естественно, как сказать о человеке, умеющем говорить, что он сказал слово. Но рассмотрим подробно, как все это произошло, дабы нам воскресить перед собою живой образ преподобного Серафима.

Четверо принесли Мотовилова к преподобному Серафиму, а пятый поддерживал ему голо-

ву. В это время преподобный Серафим сидел на лужайке на большой поваленной сосне, которая, как говорит Мотовилов, и по сие время лежит на берегу Саровки. И вот на просьбу об исцелении, обращенную к преподобному Серафиму, он сказал: «Да ведь я не доктор, с докторами надо снестись, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь».

— Я, — говорит Мотовилов, — ответил ему, что испробовал все лечения у докторов, был у самых известных, у самых прославленных и теперь надеюсь только на одного Господа Бога.

И тогда Преподобный спросил:

— А веруешь ли в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?

— Верую.

— А веруешь ли, что Господь как прежде исцелял мгновенно, так и ныне легко и мгновенно может по-прежнему исцелить требующих помощи?

— Истинно верую всему этому всею душою моею и сердцем моим верую.

— А если веруете, то вы и здоровы уже.

— Как же здоров? — спросил я, — когда люди мои и вы, Батюшка, держите меня на руках?

— Нет, — сказал Преподобный, — Вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы вконец.

Он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги, сказал мне:

— Крепче стойте, тверже утверждайтесь ими на земле... вот так! Не робейте, вы совершенно здоровы теперь.

И потом прибавил, радостно смотря на меня:

— Вот, видите ли, как хорошо вы теперь стоите?

Я ответил:

— Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня.

И он, отняв руки свои от меня, сказал:

— Ну вот, уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко же стоите.

Взяв меня за руку одною рукою своею, а другою в плечи мои немного поталкивая, повел меня по траве и по неровной земле около большой сосны, говоря:

— Ну вот, ваше Боголюбие, как вы хорошо пошли.

Я отвечал:

— Да потому, что вы хорошо меня вести изволите.

— Нет, — сказал он мне, отняв от меня руку свою, — Сам Господь совершенно исцелить вас изволил и Сама Божия Матерь о том Его упросила. Вы теперь и без меня пойдете и всегда хорошо ходить будете. Идите же.

И стал толкать меня, чтобы я шел.

— Да этак упаду я и ушибусь, — сказал я.

— Нет, не ушибетесь, а твердо пойдете.

И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал:

— Довольно уже, — и спросил: — Что, теперь удостоверились вы, что Господь вас действительно исцелил?

И дал совет:

— Так как трехлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно, мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий.

Мотовилов пошел в монастырь исцеленным. Люди его пошли отдельно лесом, славили Господа, а молва о том, что произошло исцеление, уже бежала вперед в монастырь. Там, в монастыре, вышли навстречу исцеленному Мотовилову и игумен, и иеромонахи, которые поздравляли его с великой милостью Божией.

Вот как начались отношения Мотовилова с преподобным Серафимом. Могут ли отношения, начавшиеся так, пройти безразличными для человека, может ли совершившееся такое великое благодеяние Божие остаться бесследным, коренным образом не изменить всю последующую жизнь человека? Какое для этого нужно было бы иметь каменное сердце и величайшее легкомыслие! Мотовилов, пережив это чудо, сделался послушником Божией Матери, как его называл преподобный Серафим. Если отношения с Мантуровым были более делового характера, то отношения с Мотовиловым, напротив, имели значение глубокое, внутреннее. Именно ему святой Серафим раскрыл многие духовные тайны, и мы обязаны Мотовилову не только тем, что он в

Дивееве сохранил многие предметы, оставшиеся после кончины преподобного Серафима, и даже некоторые выкупленные у Саровских монахов, но еще более имеет значение для нас тем, что он сохранил духовную драгоценность, преподанную ему в беседах с угодником Божиим. Вот об этой внутренней стороне надлежит сказать нам.

Преподобный Серафим говорил Мотовилову, что первейшая цель человеческой жизни есть стяжание Святаго Духа Божия. Что исполнение заповедей, совершение богослужений, посты — все это есть как бы русла, по которым течет человеческая жизнь, дабы потом все это соединить в неком благодатном міре того духовного состояния, которое он именует стяжанием Духа Святаго Божия. Мы, обыкновенные смертные, по самому естеству нашей природы, способны видеть отблески высшей правды в разрозненных явлениях человеческой жизни.

Когда людей тянет мирская жизнь, это не всегда значит, что мір соблазняет их злом. Нет, видя в мирской жизни отблески правды, они принимают мір за полноту истины. Верующим, которые идут путем, указанным Святой Церковью, Господь открывается созерцанием красот міра, в молитве, в редкие исключительные моменты духовного подъема, особенно при Таинстве Святого Причащения. Это минуты светлого и лучезарного осияния благодатию Святаго Духа.

Но вот как об этом состоянии свидетельствует необычайная беседа преподобного Серафима с Мотовиловым.

Мотовилов спросил преподобного Серафима: «Какое же будет доказательство, что Дух Святый пребывает в душе?»

Тогда отец Серафим взял его весьма крепко за плечи и сказал:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобой. Что же ты не смотришь на меня?

Он отвечал:

— Не могу, Батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

Отец Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божия. Что же вы еще чувствуете теперь? — спросил далее о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказал Мотовилов.

— Да как же хорошо? Что именно?

Он отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Что же еще чувствуете вы?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!..

—Что же еще чувствуете, ваше Боголюбие?

Он отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим-то, теперь зима на дворе, и под

ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Завершая беседу, преподобный Серафим сказал:

— Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!..

Разве мы в своей жизни не имеем подтверждения слов преподобного Серафима? Разве даже после наших бледных, скорее похожих на намек благодатных состояний духа не теряем смысл и интерес к внешней и материальной стороне жизни?

Как понятны нам делаются слова преподобного Серафима!

Если бы надолго удержаться в этом состоянии, человеку не было бы никакого дела ни до еды, ни до питья, он не мог бы более жить во плоти.

Когда благодатная сила Божья осеняет человека, жизнь его во плоти здесь имеет только один смысл — идти дальше по пути духовного совершенствования.

Преподобный Серафим многое открывал Мотовилову из тайн будущего. Одно нам надлежит особенно заметить. Это то, что касается судеб

Церкви и міра. Говоря о том, что иногда отступает от человека благодать Божия, он указывает на причину сего. А потом говорит так:

«Есть еще причина, и, можно сказать, беспричинная причина такой благодати Всясвятаго Духа — изволить иногда оставлять даже человека богоносного, и это уже попускается от Самого Господа испытывать силы лишь крайне укрепившегося в благодати Божией человека. Так вот, такое же искушение, то есть оставление благодати Божией, будет допущено во всей вселенной во времена антихриста, когда все святые Божии люди и Святая Церковь Божия Христова, лишь из них одних состоящая, как бы оставлены будут от защищения и помощи Божией. Нечестивые же восторжествуют и возвеличатся над ними».

То есть будут такие времена антихриста, когда Церковь, уже в это время состоящая как бы исключительно из святых Божиих людей, будет попущением Божиим совершенно оставлена от защищения, и тогда-то будет требоваться, дабы не отступать от Христа, вера, терпение святых.

«Но в преддверии к такому состоянию, — говорит преподобный Серафим, — подобные же тому безмерные искушения попускаются и будут попускаться и до этого времени на святых великих угодников Божьих».

Вот что предрекает преподобный Серафим. Мы знаем, что сие предречение находится в полном соответствии со Словом Божиим, и все же в устах Преподобного оно, это предречение,

ближе продвигается к нам, как бы еще более усваивается нами. Почему оно важно нам? Мы не знаем времен и сроков, мы не предрекаем скорое пришествие антихриста. Даже преподобный Серафим, когда к нему некто обратился с этим вопросом, сказал:

— Ты слишком много думаешь об убогом Серафиме.

Кто же из нас дерзнет предсказать о времени?

Но не сие важно нам в этом предречении, оно нас укрепляет в том, чтобы нам не искушаться и не соблазняться одной соблазнительной мыслью для человека — мыслью о том, что, если «все» не веруют, значит, «все» правы.

Когда кругом безбожники, человека и самого тянет отречься от веры. И хотя бы эти «все» были погружены в самые безобразные пороки и этим воочию свидетельствовали, что не у них правда, все-таки слово «все» производит на человеческую душу какое-то соблазняющее впечатление. Неужели, дескать, все неправы, а прав я один да еще какая-то «кучка попов».

Чтобы утверждаться пророчеством святых, укрепляющих нас в вере, что мы, малое стадо, идем верной дорогой, будущее Церкви с самых первых времен никогда не рисовалось как внешняя победа и торжество. Церковь, по Слову Божию, в последние времена будет ничтожной по своему количеству горсткой святых. Но эта Церковь встретит Христа, грядущего во славе.

Аминь!

Протоиерей Валентин Павлович Свенцицкий
(1882 – 20.10.1931)

— пастырь-мученик, духовный писатель. После окончания историко-филологического факультета Московского университета увлекался «христианским социализмом», участвовал в создании Московского Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева. Пребывая в состоянии глубокого духовного кризиса, Валентин Свенцицкий пишет и издает ряд крайне дерзких брошюр, за что подвергся полицейскому преследованию. Тайный побег во Францию в 1909 году, скитания на чужбине пробудили в молодом человеке порыв к нравственному очищению, к переосмыслению всей его предыдущей жизни. Вернулся он на Родину другим человеком. Первым желанием Свенцицкого было поехать на Кавказ к монахам-отшельникам, прикоснуться к православной святости. Свои впечатления об увиденном и прочувствованном он изложил в книге «Граждане неба», пронизанной глубоким пониманием христианского подвига. Книга увидела свет в Петербурге в 1915 году.

Революционный кошмар окончательно развеял иллюзии Свенцицкого о «христианском социализме». Путь спасения теперь им видится лишь в воцерковлении общества. В том же 1917 году Валентин Павлович по благословлению своего духовного отца Оптинского старца Анатолия принимает священный сан. Рукополагал его митрополит Петроградский Вениамин (Казанский),

впоследствии расстрелянный большевиками. Посвящение происходило в Иоанновском монастыре, основанном батюшкой Иоанном Кронштадтским. В Гражданскую войну о. Валентин сражался на стороне Добровольческой Армии.

В 1920 году Свенцицкий приехал в Москву, где проповедовал по разным храмам и часто сослуживал Святейшему Патриарху Тихону, которого благоговейно почитал. За разоблачение антицерковного поведения обновленцев о. Валентин в 1923 году был арестован и сослан в Среднюю Азию. По возвращении в Москву стал служить в храме священномученика Панкратия, что в одном из переулков на Сретенке. В этом же храме бесстрашный пастырь продолжал произносить проникновенные проповеди, а в свободные от служб часы им были налажены духовные беседы с прихожанами. В обширном цикле бесед центральное место заняли восемнадцать поучений о святости преподобного Серафима Саровского.

Уже во вступительном слове к намеченному кругу затрагиваемых вопросов о. Валентин подчеркнул необыкновенную близость Саровского подвижника народу: «Образ преподобного Серафима — это есть образ святости русского народа. Он близок нам так потому, что мы в нем чувствуем лучшее, что есть в самом русском народе. Преподобный Серафим — наш национальный русский святой.

Ни в одном угоднике Божием так не воплощается дух нашего Православия, как в образе убогого Серафима, молитвенника, постника, уми-

ленного, всегда радостного, всех утешающего, всем прощающего Старца всея России.

Он близок нам потому, что он кровь от крови нашей и плоть от плоти нашей. Он — это мы сами, но поднятые из грязи, очищенные подвигом, просветленные благодатию Божией. Он не только близок нам, он нам родной».

В Великий пост 1926 года о. Валентин вместе со своими почитателями совершил паломничество в Саров и Дивеев. Великая прозорливица, дивеевская блаженная Мария Ивановна, предсказывает ему скорейший переход в другой московский храм — «Никола Большой Крест», что на Ильинке. Так оно и произошло — вскоре протоиерей Свенцицкий стал настоятелем этого храма. Здесь он создал крепкую церковную общину из прихожан, ищущих путь нравственного и духовного совершенствования вопреки невиданным гонениям на верующих.

Через два года Валентина Павловича вновь арестовали. На этот раз поводом к аресту послужило открытое его выступление против соглашательской Декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 16/29 июля 1927 года. Сибирская ссылка длилась долго, до самой кончины о. Валентина в глухой деревушке под Тайшетом 7/20 октября 1931 года. Хлопотами родных гроб с телом страдальца был переправлен в Москву. Отпевание проходило в Троицкой церкви на Сретенке. Покоится духовный писатель на Введенском кладбище, куда многие приходят к нему на могилу, чтобы отдать дань почтения к его трудам и его мученическому жизненному подвигу.

К настоящему времени издано несколько книг протоиерея Валентина Свенцицкого, среди них впервые «Диалоги» (М., 1995) и «Беседы о духовной жизни» (СПб., 1995).

Пастырский разбор поучения старца Серафима о цели христианской жизни представляет собою седьмую беседу, проведенную отцом Валентином с прихожанами храма священномученика Панкратия (начало 1928 г.)

Текст беседы «**Предречение о временах последних**» публикуется по:

Протоиерей Валентин Свенцицкий. Монастырь в миру. Проповеди и поучения 1927–1928 гг. Т. 2. М, 1996. С. 176–183.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Владимир Николаевич Лосский

ДАРЫ СВЯТАГО ДУХА

Богословие Восточной Церкви отличает Лицо Святаго Духа от сообщаемых Им людям даров. Это различение основано на словах Христа: *Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет* (Ин. 16, 14–15). «Общее» Отцу и Сыну — это Божественность, которую Дух Святый сообщает людям в Церкви, соделывая их «причастниками Божеского естества», сообщая огнь Божества — нетварную благодать — тем, кто становятся членами Тела Христова. В одном из антифонов восточного богослужения поется «Святым Духом всякая душа

живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне»*.

Часто обозначают дары Святаго Духа семью именами, которые мы находим в одном из текстов пророка Исаии (Ис. 11, 2–3): дух премудрости, дух разума, дух совета, дух крепости, дух ве́дения, дух благочестия, дух страха Божия. Однако Православное богословие не делает особого различия между этими дарами и обожающей благодатию. По учению Восточной Церкви, благодать вообще означает все богатство Божественной природы, как сообщающейся людям; она — Божество, действующее вне Своей сущности и Себя отдающее: Божественная природа, которой мы приобщаемся в ее энергиях.

Дух Святый, источник этих нетварных и бесконечных даров, оставаясь безымянным и неоткровенным, получает всю ту множественность имен, которую можно приложить к благодати. «Прихожу в трепет, — говорит святой Григорий Богослов, — когда представляю в уме богатство наименований... Дух Божий, Дух Христов, Ум Христов... Дух сыноположения... Он есть Дух.., воссозидающий в крещении и воскресении ... Дух, Который... дышет, идеже хощет... Дух просвещения жизни, лучше же сказать, самый свет и самая жизнь. Он делает меня храмом, творит богом, совершает, почему и крещение предваряет и по крещении взыскуется. Он производит все то, что производит Бог. Он разделяется в огненных язы́ках и разделяет дарования, творит апостолов, пророков, благовестников, пастырей,

* Антифон 4-го гласа на утрени.

учителей... Он иной Утешитель, как бы иной Бог»*. По слову святого Василия Великого, нет ниспосланного твари дара, в котором бы не присутствовал Святый Дух**. Он «Дух истины, сыноположения дарование, обручение будущего наследия, начаток вечных благ, животворящая сила, источник освящения»***. Святой Иоанн Дамаскин именует Его «Духом правым, владычествующим, источником премудрости жизни и освящения... Полнотой, Вседержителем, всесовершающим, всесильным, бесконечно могущественным, обладающим всякою тварью и не подчиненным господству.., освящающим и неосвящаемым» и т. д.**** Как мы сказали, все эти бесчисленные наименования относятся прежде всего к благодати, к природному богатству Божию, сообщаемому Духом Святым тем, в которых Он присутствует. Присутствует же Он вместе со Своею Божественностью, Которую дает нам познавать, оставаясь Сам непознаваемым и неявленным; Он — Ипостась неоткровенная, не имеющая Своего образа в другом Божественном Лице.

Дух Святый был послан в мір или, вернее, в Церковь во имя Сына («Утешитель, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое» — Ин. 14, 26). Следовательно, нужно носить имя Сына, быть членом Его Тела, чтобы воспринимать Духа. По излюбленному выражению святого Иринея

* PG, t. 36, col. 159 BC.

** PG, t. 32, col. 133 C.

*** Литургия св. Василия Великого, тайносовершительная молитва.

**** PG, t. 94, col. 821 BC.

Лионского, Христос возглавил Собой человечество. Он стал Главою, Началом, Ипостасью обновленной человеческой природы, которая есть Его Тело. Поэтому тот же святой Ириней прилагает к Церкви наименование «сын Бога»*. Она — то единство «нового человека», которого мы достигаем, «облекаясь во Христа», становясь через крещение членами Его Тела. Эта природа едина и неразделима, она — «единый человек». Климент Александрийский видит в Церкви всего Христа, Христа всецелостного, Который не разделяется: «Он ни варвар, ни иудей, ни эллин, ни мужчина, ни женщина, но Он — новый Человек, целиком преображенный Духом»**.

«Мужчины, женщины, дети, — говорит святой Максим Исповедник, — глубоко разделенные в отношении расы, народа, языка, образа жизни, труда, науки, звания, богатства... — всех их Церковь воссоздает в Духе. На них на всех она напечатлевает образ Божества. Все получают от нее единую природу, недоступную разрушению, природу, на которую не влияют многочисленные и глубокие различия, отличающие людей друг от друга. Этим все возвышаются и соединяются истинно кафолически. В ней никто отнюдь не отделен от общего, все как бы растворяются друг в друге простой и нераздельной силой веры... Христос также всё во всех, Тот, Кто заключает в Себе по Своему могуществу, по Своей бесконечной и премудрой благости, как средоточие, в котором сходятся радиусы

* PG, t. 7, col. 1082.
** PG, t. 8, col. 229 B.

для того, чтобы создания Единого Бога не оставались бы чуждыми или враждебными по отношению друг ко другу, как не имеющие никакого средоточия для выражения своей дружбы и миролюбия»*. Видя это единство природы в Церкви, святой Иоанн Златоуст спрашивает себя: «Что это значит? То, что Христос тех и других, близких и дальних, сделал одним телом, так что живущий в Риме считает своими членами индийцев. Что может сравниться с таким собранием? А глава всех — Христос»**. В этом и заключался самый смысл «возглавия» міра и всей природы человеком — Адамом, который должен был соединить с Богом тварный космос. Ныне Христос, Новый Адам, совершает это возглавление. Как Глава Святаго Тела, Он становится Ипостасью этого Тела, собранного от «конец земли». В нем сыны Церкви являются членами Его Тела и как таковые заключены в Его Ипостаси. Но этот «единый человек» во Христе, единый по своей обновленной природе, тем не менее множествен по лицам: он существует во многих людях. Если человеческая природа оказывается объединенной в Ипостаси Христа, если она — природа «воипостазированная», то человеческие личности, ипостаси этой единой природы, от этого не уничтожаются. Они не смешиваются с Божественной Личностью Христа, с Ней не сливаются. Ибо никакая ипостась не может

* Тайноводство, 1: PG, t. 91, col. 665–668; P. De Lubas, op. cit., p. 27. См. вообще гл. II этой замечательной работы, где автор развивает идею единства человеческой природы в Церкви, основываясь главным образом на Отцах Греческой Церкви.

** PG, t. 59, col. 361–362.

слиться с другой ипостасью, не прекратив тем самым своего личностного существования: это было бы равносильно уничтожению человеческих личностей в едином Христе; это было бы безличностным обóжением, блаженством, в котором не было бы самих блаженных. Будучи единой природой во Христе, Церковь, это новое тело человечества, содержит в себе множество человеческих ипостасей. Это то именно, о чем говорит святой Кирилл Александрийский: «Разделенные некоторым образом на отдельные личности, благодаря чему такой-то есть Петр, или Иоанн, или Фома, или Матфей, мы как бы сплавливаемся в одно тело во Христе, питаясь одной Плотию»*.

Дело Христа относится к человеческой природе, которую Он возглавляет в Своей Ипостаси. Дело же Святаго Духа относится к человеческим личностям, обращается к каждой из них в отдельности. Святый Дух сообщает в Церкви человеческим ипостасям полноту Божественности единственным, личностным образом, приспособляемым к каждому человеку как к личности, созданной по образу Божию. Святой Василий Великий говорит, что Святый Дух есть «Источник освящения», который «не оскудевает из-за множественности причащающихся»**. Он «весь присутствует в каждом и весь повсюду. Он, разделяемый, не страждет и, когда приобщаются Его, не перестает быть всецелым, наподобие солнечного сияния, наслаждающийся приятностью ко-

* PG, t. 74, col. 560.

** PG, t. 32, col. 108 BC.

торого как бы один им наслаждается, между тем как сияние сие озаряет землю и море и срастворяется с воздухом. Так и Дух в каждом из удобоприемлющих Его пребывает, как ему одному присущий, и всем достаточно изливает всецелую благодать, которою наслаждаются причащающиеся, по мере собственной своей приемлемости, а не по мере возможного для Духа»*.

Христос становится единым образом присвоения для общей природы человечества; Дух Святый сообщает каждой личности, созданной по образу Божию, возможность в общей природе осуществлять уподобление. Один взаимодарствует Свою Ипостась природе, Другой сообщает Свое Божество личностям. Таким образом дело Христа единит людей, дело Духа их различает. Впрочем, одно и невозможно без другого; единство природы осуществляется в личностях; что же до личностей, то они могут достигнуть своего совершенства, могут во всей полноте стать личностными только в единстве природы, переставая быть «индивидами», живущими для самих себя, имеющими свою собственную «индивидуальную» природу и свою собственную волю. Итак, дело Христа и дело Святаго Духа друг от друга неотделимы. Христос создает единство Своего мистического Тела Святым Духом, Дух Святый сообщается человеческим личностям Христом. Действительно, можно различать два сообщения Святаго Духа Церкви: одно произошло дуновением Христа, Который явился апостолам в вечер Своего Воскресения (Ин. 20, 19–23); дру-

* Там же, col. 108–109.

гое было личным сошествием Святаго Духа в день Пятидесятницы (Деян. 2, 1–4).

Первое сообщение Святаго Духа относится ко всей церковной совокупности, к Церкви в ее целом, поскольку она — единое тело; вернее, Дух Святый преподается всей совокупности апостолов, которым Христос одновременно дает и священническую власть вязать и решить. Это не личностное присутствие Святаго Духа, а как бы служебное по отношению ко Христу, Который Его дает. По толкованию святого Григория Нисского, оно здесь — «связь единства Церкви»*. Здесь Святый Дух дается всем апостолам совокупно, как связь и власть священноначалия. Он не относится к отдельным личностям и не сообщает им никакой личной святости. Но это — то последнее завершение, которое Христос дает Церкви, прежде чем покинуть землю. Николай Кавасила устанавливает аналогию между сотворением человека и восстановлением нашей природы Христом, создающим Свою Церковь: «Он воссоздал нас не из того вещества, из которого создал; так сотворил, персть взем от земли, а во второй раз даровал собственное Тело и, воссозидая жизнь, не душу, находящуюся в естестве, соделал лучшею, но изливая Кровь Свою в сердце приемлющих таинство, рождает в них Свою собственную жизнь. Тогда вдунул, сказано, дыхание жизни, теперь же сообщает нам Духа Своего»**. Это есть дело Христа, которое относится к природе, к Церкви, поскольку она — Его Тело.

* PG, t, 44, col. 1116–1117.

** PG, t. 150, col. 617 AB.

Сообщение Святаго Духа во время Своего личного сошествия совершенно иное: теперь Он является как Лицо Пресвятой Троицы, не зависящее от Сына по Своему ипостасному происхождению, хотя и посланное в мiр «во имя Сына». Он является в виде «огненных языков», разделенных между собой и почивающих на **каждом** из присутствующих, на каждом члене Тела Христова. Это уже не сообщение Духа Святаго всей Церкви, как Телу. Здесь сообщение не может быть функцией единства. Святый Дух сообщает **Себя личностям**, отмечая каждого члена Церкви печатью личного и неповторимого отношения к Пресвятой Троице, становясь «присутствующим» в каждой личности. Каким образом? Это — тайна, тайна уничижения, кенозиса сходящего в мiр Духа. Если в кенозисе Сына нам явилось Лицо, в то время как оставалось сокрытым под «зраком раба» Божество, Святый Дух в Своем сошествии являет общую природу Пресвятой Троицы, но сокрывает под Своим Божеством Лицо. Он пребывает не откровенным, но как бы сокрытым в Своем даре для того, чтобы сообщаемый Им дар был полностью нами присвоен. Святой Симеон Новый Богослов в одном из своих гимнов прославляет Святаго Духа, таинственно с нами соединяющегося и сообщающего нам полноту Божества: «Благодарю Тебя, что Ты, сущий над всеми Бог, сделался единым духом со мною, неслитно, непреложно, неизменно, и Сам стал для меня всем и во всём: пищей неизреченной, совершенно даром доставляемой, постоянно преизливающейся в устах души моей

и обильно текущей в источнике сердца моего; одеянием блистающим, покрывающим и сохраняющим меня и демонов попаляющим; очищением, омывающим меня от всякой скверны непрестанными и святыми слезами, которые присутствие Твое дарует тем, к которым приходишь Ты. Благодарю Тебя, что Ты сделался для меня днем невечерним и солнцем незаходимым — Ты, не имеющий, где скрыться. Ведь Ты никогда ни от кого не скрывался, никогда никем не гнушался, но мы, не желая прийти к Тебе, сами скрываемся от Тебя»*.

Личное сошествие Духа Святаго «самовладычного», как слышим мы в одном из песнопений Пятидесятницы**, не могло бы восприниматься как полнота, как бесконечное, внезапно раскрывающееся внутри каждой личности богатство, если бы Восточная Церковь не исповедовала ипостасную независимость Святаго Духа от Сына в аспекте Его превечного происхождения. Иначе Пятидесятница — начало всеосвящения — не отличалась бы от сообщенного апостолам Христова дуновения, в котором Дух Святый, создавая единство мистического Тела Христа, действует как Его помощник. Если бы мы мыслили Святаго Духа Божественным Лицом, зависимым от Сына, Он представлялся бы нам даже и в личном Своем сошествии некоей связью, соединяющей нас с

* PG, t. 120, col. 509. [Русск. пер.: *Св. Симеон Новый Богослов.* Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 14.]

** Выражение, взятое из «Слова 41-го, на св. Пятидесятницу» св. Григория Богослова (PG, t. 36, col. 441), которое послужило для составления наиболее прекрасных песнопений службы на св. Пятидесятницу.

Сыном. Мистическая жизнь развивалась бы тогда путем слияния души со Христом через посредничество Святаго Духа. Это снова приводит нас к проблеме человеческих личностей в их соединении с Богом: соединяясь с личностью Христа, мы или уничтожались бы, или личность Христа была бы для нас чем-то насильственно внешним. В последнем случае благодать воспринималась бы как нечто внешнее по отношению к свободе, а не была бы ее внутренним раскрытием. Но в этой именно свободе мы исповедуем Божество Сына, ставшее явным нашему уму силою обитающего в нас Святаго Духа.

Для мистического предания восточного христианства Пятидесятница, сообщающая человеческим личностям присутствие Святаго Духа — начаток их освящения, знаменует последнюю цель, конец, и одновременно отмечает начало духовной жизни. Святый Дух, сошедший на учеников в огненных языках, невидимо нисходит на новокрещаемых в Таинстве святого Миропомазания. В восточном обряде конфирмация [подтверждение] следует непосредственно за крещением. Святый Дух действует в обоих таинствах: Он воссоздает нашу природу, очищая ее и соединяя с Телом Христа, Он также сообщает человеческой личности Божественность — общую энергию Пресвятой Троицы, то есть благодать. Тесная связь между этими двумя Таинствами — крещением и миропомазанием — стала причиной того, что нетварный и обожающий дар, подаваемый членам Церкви сошествием Святаго Духа, часто называется «благодатью крещения».

Так преподобный Серафим Саровский говорил о благодати Пятидесятницы: «И вот про эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам, всем верным Христовым, в Таинстве крещения, священно запечатлевая миропомазанием главнейшие, Святою Церковью указанные места плоти нашей, как вековечной ее [благодати] хранительницы, говорится: «Печать дара Духа Святаго»... Ибо крещенская благодать эта столь велика и столь необходима для человека, столь живоносна, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что-де он будет годен и что-де он в этот богодарованный ему срок, при средствах, дарованных ему на спасение, совершить может»*. Крещенская благодать — присутствие в нас Святаго Духа, от нас неотъемлемое и для каждого из нас личное — есть основа всякой христианской жизни: это — Царство Божие, уготовляемое Духом Святым внутри нас, по словам того же преподобного Серафима**.

Святый Дух, вселяясь в нас, преобразует нас в обитель Святой Троицы, ибо Отец и Сын нераздельны от Божества Духа: мы приемлем, по словам святого Симеона Нового Богослова, «непокровенный огнь Божества, как говорит Сам Господь: *Огонь пришел Я низвести на землю* (Лк. 12, 49). Какой это другой огонь, кроме едино-

---

* [О цели христианской жизни. Беседа преп. Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. Сергиев Посад, 1914. С. 38–39.]

** Там же.

сущного по Божеству Духа, с Коим вместе входит в нас и созерцается и Сын со Отцем?»* Сошествием Святаго Духа Пресвятая Троица живет в нас и дает нам обóжение, сообщает нам Свои нетварные энергии, Свою славу, Свое Божество, тот превечный Свет, к которому мы должны приобщаться. Поэтому святой Симеон Новый Богослов говорит, что благодать не может оставаться в нас сокрытой, что пребывание в нас Пресвятой Троицы не может быть не явленным. По словам этого великого мистика, «если кто станет говорить, что каждый из нас, верующих, получил и имеет Духа, хотя и не сознает и не чувствует того, таковый богохульствует, так как представляет лживым Христа, Который сказал: будет в нем источник воды, текущей в жизнь вечную (Ин. 4, 14), и еще: у верующего в Меня из чрева потекут реки воды живой (Ин. 7, 38). Итак, если источный ключ бьет, то наверное река, исходящая из сего источника и текущая, видима бывает для имеющих очи. Но если и это действуется в нас, а мы ничего такого не чувствуем и не сознаем в себе, то явно, что мы совсем не будем чувствовать и жизни вечной, которая бывает следствием того, и не увидим света Духа Святаго, но пребудем мертвы, слепы, бесчувственны и в будущей жизни, как пребываем в настоящей. Таким образом, выйдет, что надежда наша тщетна и течение наше — попусту, если мы всё еще в смерти, то есть остаемся мертвы духом и не воспринимаем чувства вечной жизни. Но не так

* *Св. Симеон Новый Богослов*. Слово 45, 9. [Русск. пер.: Слова, вып. I, с. 396.]

есть во истине, не так. Но что я говорил не раз, скажу и еще и не перестану говорить: свет Отец, свет Сын, свет Дух Святый; трие сии Един Свет, безвременный, нераздельный, неслиянный, вечный, несозданный, неоскудевающий, неизмеримый, невидимый, поколику есть и помышляется сущим вне и превыше всего, — которого ни один человек не мог никогда увидеть прежде очищения и не мог получить прежде узрения. Ибо прежде надлежит увидеть его, и потом многими подвигами стяжать...»*.

Мы уже говорили, что богословие Восточной Церкви всегда отличало Лицо Святаго Духа — Подателя благодати — от самой подаваемой Им нетварной благодати. Благодать нетварна и божественна по своей природе. Она — энергия или преизбыточествующее исхождение единой природы, Божество (θεοτης) в аспекте Своего неизреченого отличия от сущности, в аспекте сообщения тварному, их обо́жению. Таким образом, это уже не действие, произведенное Божественной волей в душе и влияющее на нее извне, как в Ветхом Завете, но сама Божественная жизнь, раскрывающаяся в нас в Духе Святом. Он таинственно отождествляется с человеческими личностями, хотя и остается несообщимым; Он как бы становится на место нас самих, ибо это Он, по словам апостола Павла, взывает в наших сердцах: «Авва, Отче!» Следовало бы скорее сказать, что Дух Святый как бы отступает, как личность, перед тварными личностями, которым Он присваивает благодать. В Нем

* Слово 57, 4. [Русск. пер.: Слова, вып. II, М., 1890. С. 47–48.]

воля Божия для нас не внешняя; она подает нам благодать изнутри, проявляясь в самой нашей личности, поскольку наша воля человеческая пребывает в согласии с волей Божественной и соработает с ней, стяжая благодать, соделывая ее благодатью нашей. Это — путь обóжения, приводящий к Царству Божиему, которое вводится Духом Святым в наши сердца уже в настоящей жизни. Ибо Дух Святый есть царское помазание, почивающее на Христе и на всех христианах, призванных царствовать с Ним в будущем веке. И тогда это незнаемое Божественное Лицо, не имеющее Своего образа в другой Ипостаси, явит Себя в обоженных человеческих личностях, ибо образом Его будет весь сонм святых.

БОГОСЛОВИЕ СВЕТА

Дело нашего обожения совершается Духом Святым, Подателем благодати. Он редко именуется, но всегда как бы предполагается в каждом моменте литургической и духовной жизни, потому что не следует называть ту тайну, которая должна переживаться в молчании. Святый Дух остается невидимым, но Он являет Божественную благодать, которая зримо открывается в святых. Можно было бы привести множество примеров этих видимых проявлений благодати из житий святых пустынников в творениях св. Макария Египетского*, св. Симеона

* Споры относительно подлинности этих творений и даже то, что их приписывали кругам, из которых впоследствии родилось мессалианство, отнюдь не умаляют высокой ценности «Бесед» св. Макария. Значение, принадлежащее им в традиции христиан-

Нового Богослова* и других наставников духовной жизни, более или менее широко известных на Западе**. Но мы ограничимся одним более поздним примером, из «Откровенных бесед преподобного Серафима Саровского»***, который поможет понять все значение «богословия Света» в мистической жизни Православной Церкви.

Во время беседы, происходившей зимним утром на опушке леса, один из учеников преподобного Серафима, автор приводимого здесь текста, сказал своему наставнику: «Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверен, что я в Духе Божием, и как мне самому в себе распознать Его истинное явление?» О. Серафим отвечал: «Я уже сказал, что это очень просто,

---

ской духовности, неоспоримо. См.: *о. Л. Виллекур.* Дата и происхождение «Духовных бесед», приписываемых Макарию (*Dom le Villecourt.* La date et l'origine des Homelies spirituelles attribuées a Macaire. — In: Comptes rendus des séances de l'Acadëmie des Inscriptions et Bolles Lettres, 1920). См. также замечание о. Стигльмайра — «Псевдо-Макарий и мистика ранних мессалианцев» (*P. Stiglmayr.* Pseudo-Makarius und die Altermystik der Messalianer. In: Zeitsrift für katholische Theologie. T. 49 (1925). C. 244–260) и главным образом замечательное опровержение гипотезы о. Виллекура *В. Йегером.* —«Два вновь открытых памятника древнехристианской литературы: Григорий Нисский и Макарий» (*W. Jaeger.* Two rediscovered works ot ancient christian literature: Gregory of Nyssa and Macaryus. Лейден, 1954).

* См. пример «богоявления Света» в «Житии св. Симеона» Никиты Стифата, изд. Хаусхера, с. 92–96.

** Западная агиография дает типичный пример «богоявления Света» в повествовании об экстазе св. Бенедикта, у *св. Григория Великого,* Диалоги, кн. II, гл. 35 (P. L., т. 66, стлб. 198–200).

*** Некоторые выдержки из этого памятника русской духовной жизни начала XIX века были напечатаны на французском языке: «Беседа преподобного Серафима о Духе Святом» (изд. Le Semeur, март — апрель 1927); «Беседа преподобного Серафима с Мотовиловым» (выдержки).

и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как должно разуметь Его явление в нас; что же вам еще нужно?» «Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько». Тогда он взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне: «Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобой: что же вы глаза опустили, что же не смотрите на меня?» Я отвечал: «Не могу смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли». Он отвечал: «Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь также светлы стали, вы ведь и сами точно в таком же именно свете находитесь благодатном, а то и видеть вам того на мне нельзя было». И, преклонив ко мне голову свою, тихонько на ухо сказал мне: «Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его! Вы видите, что я и не перекрестился, а только мысленно помолился Господу и сказал: «Господи, удостой его телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего Святаго, Которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться им в свете великолепной Славы Твоей», и вот Господь исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима. Как же нам не благодарить его за этот неизреченный дар Его, за этот неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являл Господь милость Свою, а уже это благодать Божия, как мать чадолюбивая, по предстательству Божией Матери, благоволила утешить милосердием своим сокрушенное сердце ваше... Что же не смот-

рите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь: Господь с нами!» И когда я взглянул после этих слов в лицо его, то на меня напал еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости полуденных лучей его, лицо человека, разговаривающего с вами. Вы, например, видите движение уст его, изменение в самих очертаниях лица, чувствуете, что вас кто-то держит рукой за плечи, но не видите не только рук его, но ни самих себя, ни его самого, а только ослепительный, простирающийся на несколько сажень кругом свет, слышите крупу снеговую, падающую на вас, чувствуете, что ее по крайней мере на вершок нападало на вас...»

Было бы неправдоподобно предположить, что старец Серафим Саровский был глубоким знатоком богословского учения св. Григория Паламы о природе Нетварного света, — учения, вкратце изложенного в этой статье. Но вот, спустя пятьсот лет после «паламитских споров», в условиях, совершенно отличных от условий Византийской империи, в глухом уголке русской провинции начала XIX века, мы находим то же, порожденное духовным опытом, «богословие Света», утверждаемое с полной определенностью как основание и критерий сокровенной мистической духовной жизни, познания благодати, которая есть Сам Бог, Себя нам Открывающий.

Богословие Света — не метафора, не литературный образ, облекающий пышными одеждами некую абстрактную истину. Оно и не учение в собственном смысле слова, в каком «учение»

означает интеллектуальную систему, заменяющую опытную реальность абстрактными понятиями. Его негативный, «апофатический» характер выражается теми антиномическими противоположениями, которые мы попытались выявить; это — продолжение богословского метода Отцов, утвердивших основные догматы христианства, поставив наш ум перед антиномиями: антиномией триединства — в тринитарном догмате и антиномией двуединства — в догмате христологическом. Действительно, подобно тому, как Никейский и Халкидонский догматы ставят нас перед неизреченным различием между природой и Лицом, чтобы сохранить таинственную реальность Троицы и Христа, истинного Бога и истинного Человека, — догмат реального различения между сущностью и энергиями, который ставится перед нашим умом антиномией Бога Непознаваемого и Познаваемого, несообщаемого и сообщаемого, трансцендентного и имманентного, не имеет иной цели, кроме того, чтобы оградить реальность Божественной благодати, раскрыть двери мистическому опыту, вне которого нет духовной жизни в подлинном смысле этого слова. Ибо духовная жизнь требует, чтобы верующие не только исповедовали христианские догматы, но и жили ими. Принимая этот образ мышления, мы можем принять и столь суровые слова св. Симеона Нового Богослова, который отказывается называть христианами тех, кто не стяжал уже в этой жизни опыта Божественного света.

Богословие Света неотъемлемо присуще православной духовности: одно без другого не-

мыслимо. Можно ничего не знать о Григории Паламе, о его роли в истории вероучения Восточной Церкви, но нельзя понять характера восточной духовности в отрыве от той богословской основы, которая нашла свое окончательное выражение у великого архиепископа Фессалоникийского, «проповедника благодати»*. Этим богословием пронизаны все литургические тексты. Может быть, это только метафоры, изощрения, византийская риторика? Или же то, в чем обычно видят напыщенную форму застывшей религиозности, лишенной подлинного умозрительного содержания, следует воспринимать как нечто живое и конкретное, как реальный религиозный опыт? Для нас очевидно, что вне этого богословия Света, основные линии которого мы только что проследили, все духовное богатство христианского Востока представляется стороннему наблюдателю безжизненным, лишенным того внутреннего тепла, которое именно и является особенным достоянием православного благочестия.

Долгое время на Западе не ценили религиозного искусства Византии, художественного достоинства русских икон — потребовалось немало времени, чтобы оценить и западные «примитивы», порожденные тем же Преданием. Может быть, такова будет судьба и духовно-вероучительной традиции восточного христианства? Конечно, нет надобности доказывать необходимость углубленного изучения богословской тра-

* Тропарь второго воскресенья Великого поста, посвященного памяти св. Григория Паламы.

диции Востока: она очевидна для всех. Но чтобы это изучение послужило делу взаимного сближения и понимания, надо согласиться видеть и судить эту традицию не сквозь окостеневшие понятия чуждого ей школьного богословия, а иным образом. И тогда, может быть, те самые вероучительные особенности, которые были камнем преткновения в прошлом, окажутся плодоносными источниками духовного обновления в будущем*.

Владимир Николаевич Лосский

(25.5.1903 — 7.2.1958)

— выдающийся отечественный богослов. Родился в семье известного философа. В Петербургский университет поступил 17-летним юношей, но закончить курс не удалось: в ноябре 1922 года семья была вынуждена покинуть Россию, и как оказалось, навсегда. Поначалу обосновались в Праге, где Владимир Лосский продолжил свое образование под руководством видного византиниста Н. П. Кондакова. Позже будет Париж, Сорбонский университет, защита магистерской диссертации по специальности историка Средних веков. Усвоив основные духовные ценности Запада, молодой ученый решил посвятить себя Богословию, укреплению позиций святоотеческого Предания, свидетельствованию истины

* «От обновленного контакта с великой кафолической традицией Востока мы можем ожидать омоложения и новых плодов в нашем изучении богословия». *О. Конгар*. Обожение в духовной традиции Востока (*M.-J. Congar*. La defication dans la tradition spirituelle de l'Orient. — In: «La vie spirituelle», № 188, 1 мая 1935, с. 107).

Православия. Деятельно включился В. Н. Лосский в работу Фотиевского братства при Трехсвятительском подворье в Париже, поставившего целью предотвратить церковный раскол в среде русских беженцев.

Первый богословский труд В. Лосского «Спор о Софии» вышел на русском языке в 1936 году в Париже; посвящен критическому разбору «софиесловия» протоиерея С. Н. Булгакова. Здесь же был раскрыт догматический смысл Указа Московской Патриархии, направленный на опровержение еретической доктрины софианства. Этот труд Лосского заметно пошатнул позиции еретичествующих богословов и во многом до сих пор считается образцовым в догматическом споре по данному предмету. В военное лихолетье Владимир Николаевич создает свой выдающийся ученый трактат «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», изданный на французском языке в 1944 году. Именно этот труд способствовал лучшему пониманию Православия инославными учеными, привлек к святоотеческому Преданию внимание западных богословов, положил начало полезному обмену мыслями.

После окончания Второй мировой войны в Париже возник Институт имени святого Дионисия, в котором В. Н. Лосский начал читать курсы Догматического богословия и Церковной истории. Позже он успешно преподавал на Пастырских курсах при Западноевропейском Патриаршем Экзархате, охотно участвовал в межконфессиональных богословских и философских конференциях. Один за другим появляются тру-

ды ученого богослова: 1945 год — «По образу и подобию Божию»; 1948 — «Исхождение Святаго Духа в православном учении о Пресвятой Троице», «О третьем свойстве Церкви»; 1950 — «Соблазны церковного сознания», «Всесвятая»; 1952 — «Смысл иконы» (совместно с Л. Успенским); «Мрак и Свет» в познании Бога; 1953 — «Искупление и обожение»; 1954 — «Элементы отрицательного богословия в мысли св. Августина», «Господство и Царство»; 1955 — «Преображение», «Богословское понятие человеческой личности»; 1957 — «Преполовение Пятидесятницы», «К вопросу об исхождении Святаго Духа», «Успение Божией Матери», «Проблема «видения лицом к лицу» в патристической традиции Византии»; 1958 (последний год его жизни) — «Предание и предания», «Богословие образа».

После кончины В. Н. Лосского состоялись посмертные публикации ряда его трудов. В России православному читателю работы Лосского стали доступны лишь с конца 60-х годов, когда их начал в переводах В. А. Рещиковой печатать «Журнал Московской Патриархии». В 1972 году вышел в свет восьмой выпуск сборника «Богословские труды», целиком посвященный публикациям произведений В. Н. Лосского. Ныне труды отечественного богослова изданы на Родине отдельными книгами, но осознание его наследства еще предстоит сделать.

Текст **«Дары Святаго Духа»** публикуется по:

В. Н. Лосский. Очерки мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 122–130.

Заглавие фрагмента дано составителем, примечания автора.

«Богословие Света» — печатается по:

В. Н. Лосский. По образу и подобию. М., 1995. С. 69–72.

Епископ Варнава (Беляев)

О СВЯТОСТИ

Епископ Варнава (Беляев) во вступлении к своему фундаментальному труду «Основы искусства святости» заметное место уделил «Беседе» преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни. Назвав Саровского подвижника «невестоводителем», то есть тем, кто согласно Писанию приводит чистые души к Богу, Владыка тут же характеризует «Беседу» как наглядную, душеспасительную и благоуханную, оставленную духоносным аввой Серафимом, «родным нам по крови и чуть ли не современником», чтобы «соделать человеков сынами Божиими». Пересказ начала самой «Беседы» епископ Варнава предваряет такими замечательными строками: «Эти духовные маргариты перешли к нам в наследство благодаря записи их Николаем Александровичем Мотовиловым, «служкой Серафимовым», как он сам любил называть себя. Все в них драгоценно, важно, отлично, ничего бы не хотелось опускать. Но, стесняемый краткостью места и помня слово Писания — *мед обрет яждь умеренно, да не како пресыщен изблюеши* (Притч. 25, 16) —

сокращаю слово и из длинной беседы приведу только ее начало» (*Епископ Варнава (Беляев).* Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. Т. 1. Нижний Новгород, 1995. С. 21). В этом фрагменте имеются подробные ссылки на источники, к которым восходят поучения старца Серафима о стяжании благодати Святаго Духа. Воспроизводим эти важные разыскания епископа Варнавы, с его пояснениями, по машинописной копии рукописи, выполненной В. И. Долгановой и монахиней Серафимой (Ловзанской).

1. «...когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной на ближней пажинке своей, возле той же его ближней пустыньки, против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее».

Все эти подробности имеют очень большое значение для второй половины сей беседы, где передается о явлении Духа Святаго. В общем они говорят также и о том, что все описываемое Мотовиловым воспринималось им ясно, в твердой памяти и здравом рассудке и, следовательно, даже с научно-психологической точки зрения является достоверным фактом.

2. «Поместил он меня на пне только что срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках».

Посадить своего «служку» на пень, а самому стать перед ним в самом неудобном положении — показывает величайшее смирение, отличавшее в особенности преп[одобного] Серафима Саровского.

3. «Господь открыл мне»...

Образ выражения истинно и действительно великих древних отцов Египта, Палестины и проч. (ср., например, ответы Варсануфия Великого). Посему Мотовилов назвал преп[одобного] Серафима «Великим».

4. *...высших себя не ищи* (Сир. 3, 21).

5. *Всяк иже не собирает со Мною, той расточает* (Мф. 12, 30).

6. *Во всяком языце боящйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть* (Деян. 10, 35).

7. *Пошли в Иоппию к Симону усмарю, тамо обрящеши Петра, и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой* (Деян. 10,5–6).

8. *...пришедшего в мир грешныя спасти* (1 Тим. 1, 15).

9. *Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас* (Ин. 9, 41).

10. *Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его* (Ин. 3, 34–35).

11. *Купуйте, дондеже прииду* (Лк. 19, 13) *искупующе время, яко дние лукави суть* (Еф. 5, 16).

12. *Шедше, купите на торжище* (Мф. 25, 9).

13. «Такое разумение неправильно»...

Уже всем предыдущим подсказывалась мысль, что необходимо наличие **благодати** для спасения и совершения подвигов и что последние ценны только постольку, поскольку им сопутствует благодать. Если ее нет, труд подвизающегося напрасен, — ведь и евангельские девы

несли подвиг девства, подвиг величайший, и однако услыхали: *не вем вас* (Мф. 25, 12). Действительно, что им недоставало? «Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельное, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей, — говорит преподобный Серафим Саровский и продолжает: — Я, убогий, думаю, что у тех имено благодати Всесвятаго Духа Божия не доставало. Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель, и тем-то и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божияго, и говорится в отеческих книгах: *Ин есть путь, мняйся быти благим вначале, но концы его — во дно адово»* (Ср. Притч. 14, 12; 16, 25). [Этот отрывок епископ Варнава приводит в § Принятие на себя подвигов.]

14. *...от сего в сие* (Пс. 143, 13).

15. *Се, стою при дверех и толку!..* (Откр. 3, 20.)

16. *В чем застану, в том и сужду* (Иез. 18, 24).

17. *...кто стерпит гнев Его и против лица Его кто станет!* (Пс. 89, 11; 147, 6.)

18. *Бдите и молитеся,да не внидите в напасть* (Мф. 26, 41).

19. «...когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного

смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ее!..» — и воскресил его Господь».

О случае этом подробно рассказывается в житии. Известный Святогорец описал его в стихах:

СИЛА ВЕРЫ

Когда-то в старину была
Младая девушка в Ефесе,
И эта девушка жила
На самом низком интересе
Любви и неги подкупной,
Где очи с личиком смазливым,
И волос, в локон завитой,
Наряд со вкусом прихотливым
Имеют самый ценный торг...
Забыв девический свой долг,
Она весь век свой посвятила
На то, что юных волокит
В силок бесовский свой ловила
Румянцем уст, ланит...
Уж нет у них стыда во взорах!
Потерян вовсе Божий страх!
Последний вкус в ее уборах,
Улыбка страсти на устах,
И сладость в томных разговорах...

Уж вся та девушка была
В сетях бесов, как в клетке пташка,
И знать не знала, что вела
Она сама себя, бедняжка,
В погибель вечную и ад!
Но Божья милость — что за чудо!
Она подобных этой чад,
Стремглав рискующих на худо,
Влечет из гибели назад
И вместо мук и наказанья,
Дает им чувство сладких слез
И всю горячность покаянья...
О Бог наш дивный, Бог чудес!
Раз та ефесская блудница
Куда-то в тайной думе шла
И так пленительна была,
Что всех умы к себе и лица
Невольным образом влекла...
Идет... И вдруг пред ней явилась
Жена в растрепанных власах
И молча в ноги повалилась
С младенцем мертвым на руках.
И так, рыдаючи, молилась
Она в слезах блуднице той,
Стоя смиренно на коленях,
И в вопле жалобном и пенях
На жизнь и горький жребий свой.
«Отдай дитя мне! — говорила
Она блуднице. — Умились
Моей бедой и помолись,
Да снова Творческая Сила
Возбудит к жизни, как от сна,
Вот это мертвенное чадо,

За кое в свете для меня
Сокровищ всех земных не надо!..
Отдай дитя!..» И вот жена,
Привставши, мертвого младенца
Своей дрожащею рукой
Кладет на длань блуднице той
И в чувстве жалобного сердца,
Упавши прямо в ноги к ней,
Их с горьким воплем обхватила
Всей женской силою своей,
И даже с клятвой говорила,
Что ни на шаг один уж ей
Она не даст ступить оттоле,
Пока иль волей иль неволей
Она дитя не воскресит!..
Блудница молча и сквозь слезы
На мать несчастную глядит,
И слышит внятно, и молчит
На вопль ее и на угрозы....
Ей жаль, от сердца жаль, самой
Жены валяющейся той.
Блудница плачет и на сердце
Ей пал какой-то сладкий свет.
Но чтоб решиться о младенце
Молиться Богу — силы нет
И даже чувства умиленья!..
Ее преступная рука
И сердце чужды дерзновенья!
И мысль свободы далека
Молиться к Богу искупленья.
Блудница плачет и молчит,
На мать несчастную глядит,
Меж тем как та, навзрыд рыдая,

У ног блудницыных лежит,
Ужасной клятвой заклиная
Отдать дитя ее живым!..
Тогда, в смущеньи, и невольно
Объята трепетом святым,
Блудница к небу богомольно
Свой взор смиренно подняла,
И так, залившися слезами,
Молиться Богу начала:
«Каким я сердцем и устами
К Тебе, мой Боже, помолюсь?
О, я не смею! я боюсь,
Да огнь Божественного гнева
Меня, начавшую грешить
Еще от матерьнего чрева,
В молитве вдруг не попалит...
Не я молюсь, не ради грешной
Моей молитвы умились,
Но ради этой безутешной
Жены к щедротам Ты склонись
И воскреси Твоею силой
Ее умершее дитя,
Да этим тронувшись и я
Душой умершей и унылой
От грешной жизни воззовусь,
И ныне ж снова я вернусь
К давно потерянному мною
Пути на небо и к Тебе!»
Когда так скромною душою
В слезах горячих и в мольбе
Блудница эта изливалась,
Когда пред Господом она
Смиренным сердцем обещалась

Исправить жизнь с того же дня
И в сладком трепете терялась
Любви божественной к Нему,
Открыто было одному
Все то отшельнику, который,
Стоя близ града на столбе,
Зрел дивным образом в те поры,
Что при блудницыной мольбе
От неба свет неизъяснимый
Блудницу ярко окружил,
И в нем младенец недвижимый
Открыл глаза, пошевелил
Своею крошечной ручонкой,
И снова жизнью задышал,
И, перехваченный пеленкой,
Ожившей ножкой заиграл...
Блудницу обнял тайный трепет:
Она на диво то глядит
И слезы сладкие струит...
Но вот младенческий и лепет...
Младенец плачет и кричит...
Мать робко вслушалась, прыгнула
В сердечной радости она
И, чувств встревоженных полна,
Устами бледными прильнула
К устам младенца своего,
Схватила на руки, сжимала
В объятьях матерьних его
И жарко, жарко целовала!
Тогда ж та дивная жена
К столбу отшельника с блудницей
Пошла, и вместе с ней она

Покрылась жесткой власяницей
И, ставши строгою черницей,
Осталась в лике дев святых,
Где обе кончили смиренно
Искус всех подвигов земных,
А тот младенец, оживленный
Молитвой дивной веры их,
По днях младенческих своих
Отрекшись міра, удалился
К Святой земле и наконец
В обитель Саввы поселился,
Где был единственный чернец.
И так по жизни свят и редок,
Что против воли хоть не шел,
А взят был силой напоследок
На патриаршеский престол.

(Собрание сочинений и писем Святогорца
к друзьям своим о Святой Горе Афонской,
Палестине и русских святых местах.
Том IV. СПб., 1865. С. 18–23)

Это стихотворение принадлежит первому периоду литературной деятельности Святогорца (27.8.1814 — 17.12.1853) — иеросхимонаха Сергия, в монашестве Серафима, в міру Симеона Авдиевича Веснина.

20. *Блаженны* будем, когда *обрящет* нас *Господь Бог бдящими* (Лк. 12, 37) в полноте *даров Духа Его Святаго!* (Деян. 2, 38). Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть *восхищенными на облацех в сретение Господне на воздусе* (1 Сол. 4, 17), *грядущаго со славою и силою многою*

(Мф. 24, 30) *судити живым и мертвым* (Символ веры, 7-й член [и 2 Тим. 4, 1]) *и воздати коемуждо по делом его* (Мф. 16, 27).

21. «Хотя апостол и говорит: *Непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17), но да ведь, как помните, и прибавляет: *Хощу лучше пять словес рещи умом, нежели тысячи языком* (1 Кор. 14, 19). И Господь говорит: *Не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи! спасется, но творяй волю Отца Моего* (Мф. 7, 21), то есть делающий дело Божие, и притом с благоговением, ибо *Проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением* (Иер. 48, 10). А дело Божие есть: *Да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа»* (Ин. 17, 3).

22. *Пожену враги моя и постигну я, и не возвращуся, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногами моима* (Пс. 17, 38–39).

23. *Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет вовеки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный* (Ин. 4, 13–14).

Далее идет самая интересная часть «Беседы» — как узнать человеку, в Духе ли он, и опытное доказательство сего, явленное Мотовилову по молитве преп[одобного] Серафима пришествием и нисшествием на них Самого Святаго Духа.

Итак, цель жизни нашей христианской состоит в том, чтобы прийти в такое состояние, при котором можно бы нам было получить Духа Святаго.

Не в том цель жизни христианской, чтобы творить добродетели, жить благочестиво и утешаться этим, а чтобы получить Духа Святаго. А если от своих добродетелей мы не приходим в совершенство, в духоносное состояние, то к чему они?! *Не и язычницы ли такожде творят?* (Мф. 5, 47.)

Этим отводится и не имеющий под собой никакой почвы, но всецело основанный на невежестве и непонимании духа Св. Евангелия упрек тех людей, которые обвиняют монахов в изуверстве и никчемном «мучении» себя подвигами, когда Бог благ и любвеобилен и Ему чуждо всякое страдание... Очевидно, эти люди или приписывают монахам свое лживое понимание христианства и потом начинают критиковать его же (это часто бывает, что начинают вдруг обвинять Церковь в том, чему она совсем не учит), или же учение церковное смешивают с личным мнением каких-то встретившихся им либо назвавших себя этим славным и почетным именем и говоривших им нечто несуразное. А истинные монахи не только сами ни во что ставят все свои — и сверхчеловеческие даже — подвиги, но и добродетелей у себя не видят. И если мирские и неверующие люди додумались до сей простой истины, что всякое мучение и страдание не составляет блаженства, то есть цели жизни, то неужели у монахов, святых мужей и жен, видящих и тайные мысли мирян, не хватило бы на это смысла? Думать так — значит соединяться заодно с врагами Христа, еретика-

ми и антихристами. Нет, не ради добродетелей настоящие монахи подвизаются, ни тем более не ради самого подвига «мучают» себя, а совершают эти добродетели и подвиги и «мучают» себя ради получения Святаго Духа. Этим и объясняется, что несмотря на то, что всякая добродетель дает благодать Святаго Духа, а разумные, однако же, совершают одну в одно время, другую в другое, а иную — и вовсе откладывают. Несмысленный (в духовном отношении), но очень сведущий и образованный, пожалуй, упрекнет такого — как и делают, — когда увидит, например, что у человека есть талант говорить, а он вдруг подвиг молчания на себя накладывает, ему бы по милостивому сердцу и богатству заниматься бы весь век благотворительностью, а он отказывается от состояния и, будучи единственным наследником у отца, уходит в монастырь. Иногда мы видим также в житиях святых, что они бедных отгоняли от своих келлий, а богатых принимали и сидели с ними часами (не по человекоугодию, конечно, как может подумать близорукий, страстный ум) или иногда месяцами ничего не ели и не пили, а потом вдруг выходили на рынок, на паперть (как будто нарочно для соблазна!), ели когда не следует колбасу и т. д., и т. д. А поступали так святые от великого разума, который для плотских людей кажется чистым *безумием* (1 Кор. 2, 14), наблюдая пользу и выгадывая духовные барыши, по выражению преп[одобного] Серафима Саровского.

Епископ Варнава

(в міру Николай Никанорович Беляев; 12.5.1887 — 6.5.1963)

— богослов, церковный писатель, подвижник. После окончания гимназии посетил Оптину Пустынь, где был радушно принят старцем Варсонофием, определившим его дальнейший жизненный путь. В 1911 году Николай Беляев поступил в Московскую Духовную академию, принял монашеский постриг, здесь же проявил себя одаренным богословом. По завершении образования иеромонаха Варнаву определили преподавателем в Нижегородскую Духовную семинарию. В тягчайшее послереволюционное время, в пору беспощадных гонений на Церковь, наречен во епископа Васильсурского с возглавлением Нижегородского викариатства (с 16 февраля 1920 г.), Вскоре епархия, управляемая архиепископом Евдокимом (Мещерским), подверглась обновленческой смуте. Епископ Варнава решительно порывает всякое общение с отступниками, уходит в затвор и в октябре 1922 года принимает подвиг юродства Христа ради. С этой поры основное занятие Владыки — богословское творчество, написание потаенных книг. В 20-е годы блаженный Варнава создает капитальный трактат — «Основы искусства святости». К настоящему времени из четырех томов трактата изданы два (Нижний Новгород, 1995–1996). В 1933 году Владыку арестовали органы ОГПУ, срок отбывал в Бийских концлагерях на Алтае. По освобождении в 1936 году епископ Варнава сначала

жил в Томске, затем в Киеве, совершенно устранившись от канонического и молитвенного общения с легально действующим церковным священноначалием. В частной жизни был известен как «дядя Коля».

Из других творений Владыки напечатаны: «Тернистым путем к небу» (Жизнеописание старца Гавриила Седмиезерной пустыни. М., 1996, а также художественные очерки, вошедшие в сборник «Дар ученичества» (М., 1993). Творческое наследие оригинального богослова вызывает в последнее время возрастающий интерес в среде православных людей. Впрочем, впечатления верующих от прочитанного зачастую складываются самые противоречивые, что не мешает, однако, ценить им искренность и «всеохватную» эрудицию автора.

Публикуемый разбор «Беседы» старца Серафима с Н. А. Мотовиловым включен епископом Варнавой в трактат «Основы искусства святости» (Т. I. Нижний Новгород, 1995. С. 21–27 и 351–352).

В заключение приведем еще несколько высказываний блаженного Варнавы о святости, как ее толкуют сами подвижники.

«Дух святых горит жарким пламенем, и не только не угасает от ветра искушений, но и еще сильнее разгорается. Они ходят ногами по земле и руками работают, но дух их всегда пребывает в Боге, и умом они не хотят оторваться от памяти Божией. Если принять во внимание, что большинство людей не только Святаго Духа, но и благодати Его не имеют, то будет понятно, как велико достоинство святых...

Господь дал святым Свою благодать, и они возлюбили Его и прилепились к Нему до конца, ибо сладость любви Божией не дает возлюбить мір и красоту его. А кто имеет любовь Божию на земле, тот с нею переходит в вечную жизнь в Царстве Небесном, где любовь возрастает и будет совершенною. И если здесь любовь не может забыть брата, то тем более святые не забывают нас и молятся за нас».

«Свет Божественный созерцается независимо от обстановки и во мраке ночи и при свете дня. Благоволение Божие посещает иногда таким образом, что сохраняется восприятие тела и окружающего міра. Тогда человек может пребывать с открытыми глазами и одновременно видеть два света, то есть и свет физический, и свет Божественный. Такое видение у святых Отцов называется видением естественными очами...

Свет Божественный есть вечная жизнь, Царство Божие, несозданная энергия Божества. Он не заключен в тварном естестве человека, он иноприроден нам и потому не может быть раскрыт в нас никакими аскетическими средствами, а приходит исключительно как дар милосердия Божия».

Текст «**О святости**» печатается по:

Епископ Варнава. Православие. Коломна, 1993. С. 250–251, 266–267.

◇◇◇◇◇◇◇◇◇◇

Профессор И. М. Андреевский

ЗАВЕТЫ ВЕЛИКОГО МОЛИТВЕННИКА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Преподобный Сергий Радонежский и преподобный Серафим Саровский — это лучшие жемчужины в сокровищнице Русского Православия. Это две величайшие вершины русского народного духа.

Горные вершины не стоят в степи: они свидетельствуют о целой цепи гор. Такая цепь — дивный сонм русских святых.

Их надо знать каждому русскому человеку. Особенно же необходимо знать о нашем последнем православном святом — преподобном Серафиме Саровском, который был современником Пушкина и умер в 1833 году, а в 1903 был причислен к лику угодников Божиих.

Он появился перед самым тяжким периодом русской истории, чтобы помочь нам осветить его, осмыслить и пережить.

«Не надейтесь на князи, на сыны человеческие», — учит нас Мать Православная Церковь.

Величайшие имена мировых общественно-политических деятелей современности для православного человека — пустой звук. Не они нам помогут в страшное, трудное и лукавое время. Наши взоры от плоскости обращены горе, ввысь. И преподобный Серафим в настоящий момент более современен, более близок нам, чем жи-

вые телом, но мертвые духом окружающие нас деятели.

Преподобный Серафим своим духовным оком видел нашу современность; он предсказал ее; он осветил своими заветами наш теперешний путь.

Будем же внимательны к его словам, к его учению, к его завещанию. Возьмем его в свои духовные руководители, в учители жизни. Поверим ему, такому светлому, такому чистому, такому мягкому и благостному, такому любящему, и такому крепкому, сильному, ясному.

И в него поверим. Поверим, что с ним ничего не страшно, ибо, простояв в постоянной молитве 1000 ночей на камне, он и нас может взять к себе, на свой камень веры, который несокрушим никакими бурями ни в сем міре, ни в будущем.

Нужно твердо верить, что если бы в лес, где молился преподобный Серафим, были бы брошены все современные ухищрения разрушения, то и они не сделали бы вреда подвижнику Христову. И не в переносном, но в буквальном смысле.

Если мы поверим этому, то ничего не будем бояться...

Самое замечательное, что оставил нам преподобный Серафим — это дивное Божественное Откровение о Духе Святом, данное им в чудесной беседе с Н. А. Мотовиловым.

Это откровение имеет, несомненно, мировое значение, что подтвердил и сам преподобный Серафим. «Не для вас одних дано вам разуметь Это, — сказал он Мотовилову в конце беседы, — а через вас для целого міра...»

Беседу свою преподобный Серафим заключил одним необычайно проникновенным, из глубины своего святого опыта исходящим советом — указанием: «Вся возможно верующему... так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они шли к славе Божией или к пользе и назиданию ближних относились... Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что либо было нужно, Господь изволит послать вам, только бы в том **крайняя нужда** и необходимость постояла, ибо любит Господь любящих Его. Однако опасайтесь, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды...»

Из немногочисленных, но чрезвычайно мудрых указаний преподобного Серафима особенно следует запомнить следующее:

1. Величайшее счастье христианина заключается в том, что он **не умирает, а лишь засыпает** (не смерть, а успение).

2. Если враг рода человеческого часто заставляет тебя нравственно падать, соблазняя чем-нибудь, против чего у тебя не хватает сил бороться, умножай, усиливай, удесятеряй свои покаяния и молитвы тотчас после совершения греха твоего, и тогда диавол перестанет тебя соблазнять, ибо не захочет давать повода к усиленной молитве.

3. Что Церковь положила на семи Вселенских Соборах — исполняй! Горе тому, кто слово одно прибавит к чему или убавит. Что приняла и облобызала Святая Церковь — все для сердца христианина должно быть любезно.

4. Кто приобщается, везде спасен будет, а кто не приобщается — не мню. Благоговейно причащающийся Святых Таин, и не однажды в год, спасен будет, благополучен и на самой земле долговечен. Верую, что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Перед Господом один творящий волю Его паче тьмы беззаконных.

5. Стяжи мирный дух, и тогда тысячи спасутся около тебя!

6. Истинный пост состоит не в одном только изнурении плоти, а и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему.

7. Отними грех — и болезней не будет, ибо они бывают в нас от греха. Болезнь очищает грехи. Переноси болезни с терпением и благодарением. Кто так переносит болезни, тому вменяются они вместо подвига и даже более.

8. Очень полезно заниматься чтением Слова Божияго в уединении и так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого должно устроить и жизнь свою.

Цель и смысл человеческой жизни есть стяжание Святаго Духа...

В Сарове и в Дивееве передаются по преданию предсказания преподобного Серафима о будущем России. Он предсказал, что в Сарове будут обретены мощи, что в Сарове будет великое торжество и приедет сам Царь, а люди от радости среди лета запоют Пасху. Это буквально исполнилось в июле месяце 1903 года при открытии мощей преподобного Серафима.

Затем он предсказал, что вскоре после торжества наступит длительное лихолетье, что вся Россия зальется кровью и народ русский претерпит величайшие страдания, а затем многие-многие русские люди будут в рассеянии по всему міру. Но все это послужит в конце концов к великой радости России и к великому торжеству Православия.

И все истинно русские православные люди должны верить этому предсказанию. Иначе христианин и не может думать. Ибо сам Спаситель обещал, что всякая скорбь превратится в радость для всех тех, кто столпом и утверждением истины почитает Церковь, которую «врата адовы не одолеют».

Текст «**Заветы великого молитвенника Земли Русской**» печатается по:

«Русское возрождение». Независимый русский православный национальный журнал. Н.-Й, 1982. № 20. С. 24, 27–30.

Профессор И. М. Андреевский

(14.3.1894–30.12.1976)

— Иван Михайлович Андреевский печатался под псевдонимом Андреев.

Родился он в семье потомственных медиков в Санкт-Петербурге, его предок лечил умирающего Пушкина. Учился в Введенской гимназии, затем в гимназии Видамона. Юношей увлекался либеральными идеями. В 1914 году Андреевский поступил на философский факультет Сор-

боннского университета, где слушал лекции известных профессоров, в частности Анри Бергсона. В 1917 году вернулся в Россию, воцерковился, проявил себя ярым противником обновленчества. Работал в Петроградском Бехтеревском институте психиатрии. В 1927 году возглавил депутацию от Санкт-Петербургской епархии к митрополиту Сергию (Страгородскому) для уяснения церковной позиции священноначалия после издания известной «Декларации» о лояльности к безбожной власти. В 1929 году арестован и до 1931 года находился в заключении на Соловках. После освобождения — ссылка. С 1937 по 1941 год в Новгороде. Во время войны вместе с философом С. А. Аскольдовым сотрудничал в газетах, выходивших на оккупированной территории. Затем уехал в Германию. С 1950 года жил в США. Преподавал нравственные дисциплины в Свято-Троицкой семинарии в Джорданвилле. Именно здесь он проявил себя как крупный филолог и богослов.

ПИСЬМО Н.А.МОТОВИЛОВА ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ I[1]

Всеавгустейший Монарх Всемилостивейший Государь!

Вследствие верноподданнического желания моего иметь счастье всенижайше лично доложить Вашему Императорскому Величеству о словах пророчественных великого старца Серафима господин министр высочайшего двора Вашего граф Владимир Федорович Адлерберг поручил мне отнестись к графу Алексею Феодоровичу Орлову[2], а им передано мне, чтобы я, нимало не стесняясь никаким опасением, все, что знаю по сему предмету, изложил на бумаге во всем пространстве и полной сущности оного в словах, сколько можно более коротких, и если могу, то не искал бы счастия лично всеподданнейше докладывать о том Вашему Императорскому Величеству. Вот смысл того, в ка-

---

[1] На письме резолюция Николая I. Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «15 марта 1854 года. Ежели он как верноподданный не забыл своей присяги, то должен исполнить мое приказание и донести на бумаге, что мне сказать имеет: тогда решу, стоит ли мне его призвать или нет» Н[иколай].

[2] Доверенное лицо императора Николая I, впоследствии шеф жандармов и начальник III Отделения (1844–1856).

ком виде передана мне Высочайшая воля Ваша, Всемилостивейший Великий Государь Император, но как сообразить пространство с краткостию, безопасную нестеснительность устного всеподданнейшего доклада с неизбежною осторожностию изложения тех же мыслей на бумаге и, наконец, что думать о предложении не искать возможности хотя на одно мгновение насладиться столько желанным для каждого верноподданного Вашего и превожделенным счастием видеть пресветлое лицо Высочайшей Особы Вашего Императорского Величества, когда великодушная доступность Ваша, Всеавгустейший Монарх, столь велика, что не скрывает Вас и от самого последнего из Ваших верноподданных. Мне говорят, что смутность современного положения нашего Отечества невольно делается главнейшею причиною того, что едва ли можно будет мне удостоиться величайшего для меня счастия лично видеть Вас, от всего сердца моего нелицемерно любимый мною Монарх. Но неужели две-три, а много четыре минуты достаточны, быть может, на Высокомонаршее благосклонное выслушание слов великого старца Серафима — слов едва ли только лишь не в современном состоянии Отечества нашего и долженствующих быть приведенными в известность Вашему Императорскому Величеству — так много отнимет времени от великих забот Ваших о непоколебимости державы Вашей, и каким образом слова великого Старца могут быть помехою счастию Русской земли, когда они от него-то лишь, ибо Высочайшей Особы Вашей, без коей и счастия на земле Русской быть не может, и относятся только. Да и было ли когда-нибудь на бумаге излагавшееся мною доведено до Всеавгустейшего сведения Вашего хотя одно

слово правды моей без того, чтобы оно было или превратно истолковано, или и вовсе предано совершенному умолчанию, в чаянии, что я никогда и никак не сподоблюсь счастия лично видеть Вас, Государь, и обо всем всеподданнейше доложить Вам по сущей справедливости. И не извольте подумать, что я дерзаю так всеподданнейше изъясниться, не имея на то никакого основания. Нет, Ваше Императорское Величество, никто более моего не имеет права неоспоримого на таковый образ мышления, хотя и весьма для меня неотрадный, но тем не менее неотвратно вынужденный из меня неизбежностию.

Чтоб доказать настоящие слова мои, мне следовало бы только, хотя в кратких очертаниях, да рассказать постепенно все обстоятельства жизни моей, послужившей как основными и сопутствующими, так и завершающими побудительными причинами к тому, но, чтобы действительно не употребить во зло благомилостивейшее Высочайшее внимание Ваше, осмелюсь только привести один пример: Вашему Императорскому Величеству, вероятно, известно дело о двух Дивеевских женских общинах — сущность того дела, официально изложенная, имеется в Святейшем Правительствующем Синоде, дело это началось по моей просьбе, но так ли оно официально представлено, как на самом деле все, до него относящееся, было изложено мною на бумаге; вот самый короткий отчет, мой собственный, об истинной и действительной его сущности.

Ярославская помещица, полковница Агафья Симеоновна Мельгунова, урожденная Белокопытова, постриженница Киево-Флоровского женского монастыря, в монахинях Александра, спо-

добилась во сне получить от Божией Матери извещение, что не в Киеве должна окончить она жизнь свою, но идти на Север великой России, и там Царица Небесная укажет ей место, где по кончине ее благоволением Божией Матери устроится обитель девическая, на которую она с Иверии, Афона и Киево-Печерской Лавры низведет Свое благословение, равное тем трем святым местам ее небесным благословением[3]. Монахиня Александра видела второе явление Божией Матери в Нижегородской губернии Ардатовского уезда, в селе Дивееве, на том самом месте, где потом великим старцем Серафимом устроена двухпрестольная церковь Рождества Христова и Рождества Пресвятой Богородицы. Старица Божия после многолетних трудов монашеских, около того места проведенных, наконец за полгода до смерти своей поселилась с тремя при ней сестрами противу сего места, про которое Царица Небесная сказала ей в видении, что оное есть именно то, которое будет принадлежать великой обители, предреченной ей в Фроловском Киево-Печерском монастыре, и умирая, дала заповедь иеродиакону Саровской пустыни Серафиму попещись о благоустроении духовном имеющей некогда по предречению Божией Матери основаться той великой обители.

После кончины ее на месте ее жительства к тем сестрам, с ней пришедшим и после нее оставшимся, собрались другие, и основалась община, содержавшая устав и молитвенное правило, одинаковое с правилом Саровской пустыни. Между

[3] Благословение Ее общее для всех сих четырех мест состоит в том, что Она по три часа каждодневно обещалась быть Сама лично в каждом из сих мест — и ни одного из жителей их не допустит до погибели.

тем иеродиакон, впоследствии иеромонах Серафим, преуспевая в духовных, преуспевая в монашеских подвигах в пустынножительстве семнадцатилетнем, где сподобился перенести посты — 3-дневный и 7-дневный, двух-, трех-, четырех- и шестинедельный и, наконец, 72-дневный — и после того борьбу с бесами в течение 1001 дня и 1001 ночи и получил совершенную победу над ними, о чем мне самому из уст в уста передал. И после всего того пятилетним безмолвием в затворе достигши полного, подобно пророку Моисею Боговидцу, благодатного внутреннего и внешнего озарения решился заняться благоустроением помянутой выше общины, бывшей под начальством Ксении Михайловны Миловановой, и желал научить их простоте жизни и легчайшему приобретению благодати Духа Святаго именно тем же способом, коим он из многолетней собственной благодатной опытности научился, но она его мало стала слушаться, говоря, что уже им дан устав строителем Пахомием, начальником Саровской пустыни, и она не согласна на нововведения, чая, что чрез соблюдение и прежнего устава того она и сестры ее спасутся; и великий старец Серафим, ища не своих сил, а еже ближнего, оставил их в покое и обратился к прежнему, совершенно отлученному от всякого сообщения с любыми пустынножительству, но Божия Матерь явилась ему, приказала завести новую и вторую в Дивееве общину в поле возле села того из одних только девиц, с условием, чтобы никогда вдовицы в ней не жили, дала этой общине новый и нигде не бывалый, а Ею Самою изобретенный и законоположенный устав, сообщенный устно во время явления Своего великому старцу Серафиму, и в основание

новой обители приказала ему самому из саровского леса срубить двухпоставную мельницу и к ней пристраивать в порядке Ею Самою указанном кельи; из прежней же общины взять 8 сестер, поименно Ею Самою указанных, и к ним лишь тех потом присовокуплять, которых Она Сама изволит ему указать, а на месте помянутом выше, где было Ее явление второе монахине Александре, устроить в честь Рождества Сына Ее Господа нашего Иисуса Христа и Ее собственного двухпрестольную церковь, в коей диакониссами для прислуживания алтарю избрать из новейшей общины Ее девической сестер, и самую церковь подчинить ведомству сей девической общины, обещав, что его собственные мощи, равно как и мощи первоначальницы Александры, будут некогда почивать в нижней Рождества Ее церкви — и, другие многие прибавив к тому о сей второй девической Дивеевской общине предречения, повелела, чтобы место усадьбы этой общины обведено было канавою и валом, сделанным трудами сестер общинских — что все великим старцем Серафимом исполнено — и в Дивееве со времени заведения сей новой, Мельничною прозванной, общины стало существовать две, совершенно отдельные, друг другу нимало не подчиненные хотя и не лишенные, однако же, христианского общения обители; и из сих-то двух общин по особому явлению Божией Матери, в ночь с 3 сентября ему бывшему, он 4 сентября заповедал мне от лица самой Божией Матери служить его собственной девической общине и, сложив руки мои с руками двух сестер сей общины, сказал мне: «Как Божия Матерь предала мне из рук в руки общину сию, так и я тебе по Ее же повелению передаю служение моей сей Ее великой обители по смерть твою, служи же

Царице Небесной во всю жизнь твою и сохраняй в ней все, как Сама Божия Матерь в ней через меня, убогого Серафима, устроить изволила. А в грядущее лето мы на сих трех грядочках поработаем с тобою». Объявив сестрам всем, что Божия Матерь меня назначила им быть питателем во всю жизнь мою, отпустил в Воронеж.

По возвращении откуда узнал я по кончине его, что в Дивееве существуют две общины, а в Куликове Тамбовской губернии Темниковского уезда начинается третья по благословению того же великого Старца, и приняв на себя по заповеди его служение его собственной общине Мельничной девической Дивеевской, а по моему собственному, не без воли, впрочем, Божией, о чем бы долго было здесь пояснять, и двум другим, я писал к господину обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода графу Николаю Александровичу Протасову от 14 января 1838 года о существовании трех различных общин, поименованных выше, и о различном в пользу их отдельном для каждой пожертвовании земель моих; и, наконец, будучи особенным благодатным исцелением в ночь с 1 на 2 июня 1842 года, дарованным мне от тяжкого ушиба во всем теле и вывихе левой ноги и двух ребр в левом боку, удостоверил, что просьба моя от 1 июня того 1842 года справедлива и угодна Богу с приказанием послать ее непременно на имя преосвященного Иоанна, епископа Нижегородского и Арзамасского; я не только послал ее тогда, — а преосвященный немедленно в Святейший Правительствующий Синод, но и после того неоднократными просьбами о соблюдении всех моих условий при пожертвовании земельных, положенных мною и клонившихся лишь только к

соблюдению заповеди великого старца Серафима и непременно воли Самой Божией Матери через него мне сначала, а потом уже и непосредственно чрез последнее третье благодатное наделение объявленные, неоднократно настаивал о возвращении обоим общинам Дивеевским их прежней самобытности; а чрез то о непременном навсегда непорушенном, чрез их устроение таковое, воли Божией всесовершенном исполнении, нарушенных несправедливым соединением; и все то не на словах, но на бумаге изъявлял, ссылаясь и на самые законы — в пользу мою говорившие, — и делал то не через какое-нибудь низшее и светское место, но чрез Святейший Правительствующий Синод. И чрез столько-то великое место и всех моих вышепомянутых благодерзновенных и справедливых настаиваниях, единственно лишь только страхом Божиим и любовью к Божьей Матери из меня вынужденных, старался довести до Высочайшего сведения Вашего; но чем же увенчались все таковые многолетние и неотступные хлопоты мои? Условия мои осмеяны, я сам выставлен хлопочущим, не знай о чем, соединение общин приписано не превратному о существовании их донесению, вынужденному несправедливым о том настоянием одного из членов Святейшего Правительствующего Синода, но Высочайшей воле Вашего Императорского Величества, хотя от Вас, однако же, всю правоту настоящего положения дел Дивеевских двух общин совершенно закрыто разнообразными превратными толкованиями воли великого старца Серафима и клеветами на меня; и чрез кого же все то сделано? Через Святейший Правительствующий Синод, а клевета на меня взводимая взведена — через се-

натора! Как же после всего того, простите такому вопросу моему, Ваше Императорское Величество, я осмелюсь через письменное изложение на бумаге всеподданнейше доводить до Высочайшего сведения Вашего тайну Божественных предречений о Вас и России Вашей, тогда как и заповедано мне верноподданнически доложить оную лишь только усты к устам.

Если же во мне изволите сомневаться, не изменник ли я какой и не со злым ли умыслом дерзаю утруждать Ваше Императорское Величество, то осмелюсь нижайше представить Всеавгустейшему вниманию Вашему, Великий Государь, какая кровь переливается в жилах моих с отцовской стороны мотовиловской. Предки мои — славянские властители, равные в правах нынешних дворян, удостоились участвовать вместе с Гостомыслом в призвании Рюрика, Синеуса и Трувора на княженье землею Русскою, что хотя известно только мне по семейным нашим преданиям, однако никакому сомнению не подлежит, а с Пожарским и Мининым были тоже двое Мотовиловских. Предки мои при избавлении Москвы и Росии от поляков и потом при возведении на Всероссийский престол Всеавгустейшего Дома Романовых; из них от Евсевия Семеновича Смирного-Мотовилова, воеводы иркутского или тобольского, по прямой линии происходит прадед мой, надворный советник Михаил Семенович Мотовилов, трудившийся вместе с фельдмаршалом Минихом в свержении Бирона и открывший в Саровской пустыни тот акт, который нужен был Государыне Цесаревне Елисавете Петровне при восшествии ее на престол Всероссийский, и во все время почти тысячелетнего дворянства своего в государстве российском Мотовиловы, служа

стольниками и полковниками, сотниками стрелецких полков и в областных городах, что ныне губернские, ни разу не изменяли ни Богу, ни Государю, ни Отечеству, служа и Тому, и другому, и третьему всегда верою и правдою; а с материнской стороны я осмелюсь, указав на покойного бригадира Николая Алексеевича Дурасова и всех от сестер его происходящих, заключить, что она из одного и того же рода и, в доме его быв воспитана, имела счастие неоднократно пользоваться высоким благоволением и всеавгустейшим вниманием великой бабки Вашей Государыни Императрицы Екатерины Великой, каковым удостоен был и родитель мой, начавший службу свою при высочайшем дворе Ее Величества и только по тяжким болезням своим, и во всю потом жизнь удручавшим его, принужденный выйти в отставку.

Простите безумью моему, Ваше Императорское Величество, если дерзнул помянуть о заслугах предков моих, а если сам ничего дельного не удостоился сделать для Вас, Великий Государь, и еще раз благомилостивейше извольте сделать один вопрос, что если бы и всякому из великих сановников, окружающих престол Ваш, было положено в жизни хотя половина препятствий, коими меня устраняли от возможности быть полезным Вашему Императорскому Величеству, то могли ли бы они хотя что-нибудь доброе для Вас сделать? И если им никто не препятствовал в служении Вам, Великий Государь, то за что же такое меня не только 14 лет сряду не пускали на государственную службу, но даже теперь, и во вторичный приезд мой в северную столицу Вашу, предлагают мне не добиваться личного всеподданнейшего представ-

ления Вашему Императорскому Величеству, тогда как Вы сами и от последнего из солдат Ваших себя скрывать не изволите?

Простите же великодушно чистосердечному простодушию верноподданнической речи моей, и если можете, то не отриньте, еще раз умоляю Ваше Императорское Величество, моей неотступной просьбы всемилостивейше дозволить мне изустно доложить Вам слова великого старца Серафима, сказавшего мне про Вас, Великий Государь, что Вы в душе христианин, чего не смеют сказать про себя очень многие, того Серафима, коему возвещено от Бога, что смерть его будет подобна смерти семи отроков, спавших в Ефесской пещере. А о нем прояснено мне то, что он воскреснет прежде общего всех воскресения из мертвых в царствовании Вашего Императорского Величества и единственно лишь только для Вас, Великий Государь, о чем всем в полноте всего и вышеизложенного, изъяснив по сущей справедливости, по долгу православно-христианской верноподданнической совести, что готов и присягою подтвердить, вполне предаю себя Всеавгустейшей воле Вашего Императорского Величества, и если Всемилостивейше соблаговолите дозволить мне открыть Вам тайну, которой не преувеличивал цену лишь потому, что единственно Вашему Всеавгустейшему суду высокомонаршему желал и желаю всеподданнейше предоставить сделать настоящую и справедливую ей оценку, то буду непрестанно благословлять Господа, положившего Вам по сердцу, вовремя благоприятно послушать верноподданническую речь мою о ней. Если же нет, то двадцать два года терпевши и не открывши ее никому, унесу ее с собою во гроб с совестию

неукоризненною тем, что я скрывал талант, вверенный мне от Господа через великого раба Своего Серафима.

Вашего Императорского Величества верноподданнейший раб, титулярный советник, почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи Николай Александров сын Мотовилов.

Текст «**Письма Н. А. Мотовилова Императору Николаю I**» публикуется по:

Серафимово послушание. Жизнь и труды Н. А. Мотовилова. Сост. А. Н. Стрижев. М., 1996. С. 89–99.

Е. И. Мотовилова

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О МУЖЕ НИКОЛАЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ

По выходе моем замуж за Николая Александровича, несмотря на молодые лета, мне пришлось в очень скором времени взяться за управление хозяйством и имениями. Хотя Николай Александрович и сам не переставал заниматься всем этим, но, заметив мою способность к ведению дел имения, поспешил передать мне все эти заботы, чтобы самому более свободно заняться тем, к чему его влекло постоянно: Николай Александрович, будучи светским и семейным человеком, проводил духовную жизнь.

Долго я не понимала этого направления моего мужа, и на этой почве у нас случалось возникали недоразумения.

Николай Александрович, где бы ни был и чем бы ни занимался, имел мысль, «погруженную в Бога», он весь горел любовью к Богу, к Божией Матери и к святым угодникам Его.

Он часто уезжал по святым местам и имел большое знакомство с подвижниками того времени, которых было немало.

Случалось, что я сопутствовала ему в этих посещениях святых мест.

Мы бывали в Воронеже у архиепископа Антония (этого, по выражению преподобного Серафима, великого архиерея Божия); он имел великий дар прозорливости и большую духовную любовь к моему мужу. Однажды по приезде в Воронеж по некоторым причинам я решила отложить причащение Святых Таин, тем более что мы должны были скоро уехать, но Николай Александрович просил меня идти с ним к преосвященному спросить его об этом. Не успели мы взойти к нему, как он, благословив нас, обращаясь ко мне, сказал на мою мысль: «Во время путешествия, матушка, никак и ни по каким причинам не оставляйте приступать к Святым Таинам: я нахожу в случившемся с вами действие врага нашего спасения».

Часто мы бывали в Задонске, где архимандритом был духовный друг моего мужа отец Зосима. Первый раз увидала я его, по приезде в Задонск, в церкви. Вижу, входит довольно молодой монах и кладет множество земных поклонов пред святыми иконами, и я подумала: «Вот какой еще молодой довольно, а уже какие имеет подвиги».

По окончании службы Николай Александрович пошел со мной на чай к отцу архимандриту, и я очень удивилась, узнав в нем монаха, которого я видела в церкви. За чаем, обращаясь ко мне, отец Зосима вдруг говорит: «Вот, матушка, иные думают, что я еще молод, да уж и большой подвижник, только это все неверно, и мне скоро пятьдесят лет».

Бывали мы у известного подвижника Парфения Киевского, знали Игнатия Брянчанинова,

Феофана, епископа Тамбовского, впоследствии затворника Вышенского, и много-много кого знал и у кого бывал Николай Александрович.

Но большинство этих поездок Николай Александрович совершал один: хозяйство и семья задерживали меня дома. Случалось, что Николай Александрович задерживался очень долго, и я начинала беспокоиться его отсутствием. Раз, помню, я целый месяц не имела о нем известия из Воронежа. В великой печали поехала я в один монастырь, где была затворница именем Маргарита, чтобы иметь от нее духовную поддержку и утешение. Вхожу к ней в келью и вдруг из-за перегородки, где она постоянно и пребывала, слышу, она кричит мне: «Не скорби, не скорби! Сегодня муж твой дома будет». Действительно, вечером Николай Александрович возвратился домой.

Великие рабы Божии и великие архиереи были в то время!

В Симбирске был епископ Евгений, часто случались в городе пожары, и жители очень волновались, боясь большого пожара, так как постройки были деревянные. Епископ Евгений говорил: «Не беспокойтесь, большого пожара, пока я жив, не будет, а вот умру — великий будет пожар».

Когда он скончался, стали по обычаю ударять в колокол, а с другой стороны города начали бить в набат — произошел пожар, который опустошил сильно город.

Но вот где-где я ни была, а лучше Сарова не видала! Благословенный, богоспасаемый Саров! Подвижники его по величию своих подвигов уподобились древним Отцам пустынным!

И Николай Александрович, куда бы ни ехал, где бы ни был, а все его постоянно влекло в Саров и в Дивеев.

Зимой без шапки бывая в Дивееве, он по заповеди отца Серафима ежедневно ходил вокруг канавки и громко пел: «О, Всепетая Мати!» По заповеди же отца Серафима он любил ставить множество свечей в храмах к святым иконам и не жалел на это никаких расходов.

В доме у нас часто служили всенощные, а Николай Александрович сам читал шестопсалмие, при этом из глаз его текли потоки слез, и весь он умом был «горе».

Случилось однажды зятю нашему, князю N, быть при этом, и по окончании службы он стал высказывать свое удивление по поводу этого. На другой день он с Николаем Александровичем поехал осматривать имение. Николай Александрович ехал с кучером в одном экипаже, запряженном тройкой, а зять наш поехал в другом и ехал сзади. Дорога шла высоким берегом около реки. Вдруг лошади Николая Александровича чего-то испугались, бросились и прямо с обрыва с экипажем полетели в воду; в одну минуту Николай Александрович сбросил шляпу и, обращая взор свой к небу, громко начал 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго».

Долетев с обрыва до края реки, лошади погрузились в воду и, как будто удержанные какой силой, остановились и остались в стоячем положении, и ни Николай Александрович, ни кучер не получили никаких повреждений.

По возвращении зять наш говорил, что «действительно велика сила молитвы у Николая Александровича и что произошло явное чудо, так

как спасения не могло быть по причине крутизны берега».

Да, Николай Александрович в вере был тверд и крепок как камень; его можно назвать исповедником веры.

Вращаясь всегда в высших духовных и светских кругах, Николай Александрович часто обличал начавшееся уже тогда настроение в желании различных реформ в нашей Православной Церкви.

В этих случаях и письменно, и устно он защищал целость, святость и ненарушимость этих правил. Однажды в многолюдном собрании был разговор по этому поводу, и Николай Александрович высказывал резкую правду; я незаметно стала дергать его, желая остановить излишнюю горячность его речи. «Что ты меня дергаешь,— воскликнул он,— я им правду говорю, притом не от себя, я не могу молчать, ибо слышу голос, говорящий мне: «Ты, немой, что молчишь? Ты познал глаголы живота Моего вечного, и ими может спастись ближний твой, в заблуждении находящийся». Так что боюсь обличающего меня, сказавшего: «Рабе лукавый и ленивый! Почто не вдах сребра Моего делателем?» Так что, матушка, где Дух Божий посетит человека, там и говори».

К Божией Матери Николай Александрович имел особенную любовь, часто прочитывал параклисы ей, повторяя их многократно.

Один раз кто-то за одним большим обедом, зная это, позволил себе что-то сказать о Богоматери.

Тогда, не стесняясь присутствовавшими на обеде, Николай Александрович начал буквально

громить шутника, высказывая ему такую правду, что все бывшие на обеде встали на сторону Николая Александровича, и шутнику осталось покинуть с бесчестием собрание.

Любовь Николая Александровича к ближнему была велика, он желал, чтобы все спаслись; часто приходили к нему по делу наши крестьяне, и, оставляя в стороне дело, он старался им растолковать предметы духовные, и правда наши крестьяне отличались редкой религиозностью.

Николай Александрович говорил мне, что отец Серафим сказал ему, «что все то, что носит название «декабристов», «реформаторов» и, словом, принадлежит к «бытоулучшительной партии», есть истинное антихристианство, которое, развиваясь, приведет к разрушению христианства на земле, и отчасти православия, и закончится воцарением антихриста над всеми странами міра, кроме России, которая сольется в одно целое с прочими землями славянскими и составит громадный народный океан, пред которым будут в страхе прочие племена земные. И это, говорил он, так верно, как дважды два — четыре.

Итак, повторяю, по незнанию я говорила Николаю Александровичу, что ему следовало бы, если он хочет вести такой образ жизни, идти в монастырь, а не быть семейным человеком. На это он отвечал мне следующее: «Отец Серафим мне сказал, что монастыри есть место для высшего духовного совершенствования, то есть для тех людей, которые желают исполнять заповедь: «Если хочешь быть совершенным, оставь все и следуй за Мной». Но исполнение всех остальных, сказанных Господом заповедей, есть, однако, обязанность для всех христиан, так что, другими словами, прохождение духовной жизни обяза-

тельно и для монаха, и для простого семейнаго христианина. Разница в степени совершенствования, которое может быть и большим, может быть и малым.

И мы можем,— прибавлял отец Серафим,— проходить духовную жизнь, да сами не хотим! Духовная же жизнь есть приобретение христианином Святаго Духа Божияго, и она начинается только с того времени, когда Господь Бог Дух Святый, хотя вмале и кратко, начинает посещать человека. До этого времени христианин (будь то монах, будь мирской человек) проводит жизнь общехристианскую, но не духовную; проводящих же духовную жизнь людей мало.

Хотя в Евангелии сказано,— говорит отец Серафим,— «что нельзя Богу работать и мамоне» и «трудно имеющему богатство войти в Царство Небесное», но Господь открыл мне, что чрез грехопадение Адама человек помрачился всецело и сделался односторонним в духовном рассуждении, ибо в Евангелии также сказано, что то, что невозможно для человека, возможно для Бога; поэтому силен Бог, вразумит человека, как без погибели душевной, находясь в условиях светской жизни, может человек служить духом Богу. «Иго Мое благо и бремя Мое легко есть», а его часто заграждают такими тягостями (из излишней боязни служения мамоне), что, взявши ключи духовного разумения, выходит и сами не входят, и другим входить препятствуют. Итак, по своем падении от крайнего греховного ослепления человек сделался односторонним.

Многие святые, говорил отец Серафим, оставили нам свои писания, и в них все говорят об одном и том же: о приобретении Святаго Духа Божияго «через различные подвиги, чрез дела-

ние различных добродетелей, но главным образом чрез непрестанную молитву. И воистину, нет ничего на свете драгоценнее Его. Чтение же их писаний служит для познания того, чего именно достигать следует. Вот часто Господь оставляет без исполнения прошения наши и даже лиц, именуемых духовными, а все оттого, что по плоти живут, а не по Духу: «Живущие же по плоти Богу угодить не могут,— говорит святой апостол.— Водимые же Духом суть сыны Божии!» Сим последним не может отказать Господь в их прошениях.

Правда Николай Александрович всегда имел молитву, возносимую к Богу в уме и сердце своем, и очень часто при этом приступал к причащению Святых Таин Божиих. Кроме того, отец Серафим ему и показал и растолковал, что такое есть присутствие Святаго Духа Божияго и как понимать Его проявления.

Достигнув старости, Николай Александрович по предсказанию отца Серафима безболезненно и чрезвычайно тихо отошел ко Господу.

Чрез некоторое время по его кончине я получила письма от игумена Зосимы из Задонска и от монахини Евфросинии из Киева, которые одновременно извещали меня, что в день кончины своей Николай Александрович явился им и просил их не оставлять духовною поддержкою меня, его жену.

По желанию Николая Александровича тело его было отправлено из симбирского имения для погребения в Дивееве. Предполагая, что тело Николая Александровича повезут довольно тихо, я распорядилась отправить его тремя часами ранее нашего отъезда. И удивительное дело! Когда мы поехали вслед за ним, то до самого Ди-

веева не могли догнать его. Приедем на станцию, говорят, что только что уехали, начинаем погонять лошадей, но догнать не можем. Так Николай Александрович и мертвый спешил в Дивеев, как при жизни своей был там всегда и постоянно.

На могиле Николая Александровича положена была большая плита; неизвестно как сквозь нее проросли в нескольких местах высокие березки. Это — свечи небесные, которые он при жизни ставил Богу.

Текст «**Воспоминаний Е. И. Мотовиловой о муже Николае Александровиче**» публикуется по:

Душеполезное Чтение. 1912, № 7–8.

Содержание

Сергей Александрович Нилус

Собрание сочинений в шести томах

Том I

Директор издательства
Павел Роговой

Художник
Андрей Леднёв

Редактор
Александр Стрижев

Корректор
Надежда Филиппова

Верстка
Дмитрий Зимин

ЛР 066242 от 25 декабря 1998.
Издательство «Паломникъ».
Подписано в печать 22.03.2005. Формат 84x108$^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Бумага газетная. Гарнитура Журнальная.
Печ. л. 25, усл. п. л. 42. Тираж 7 000 экз. Заказ 53489

Адрес издательства: 127994, Москва, Сущевская, 21.
http://www.palomnic.ru, e-mail: palomnic@mail.ru
Отпечатано с готовых монтажей в типографии
ОАО «Молодая гвардия».
Адрес типографии: 127994, Москва, Сущевская, 21.